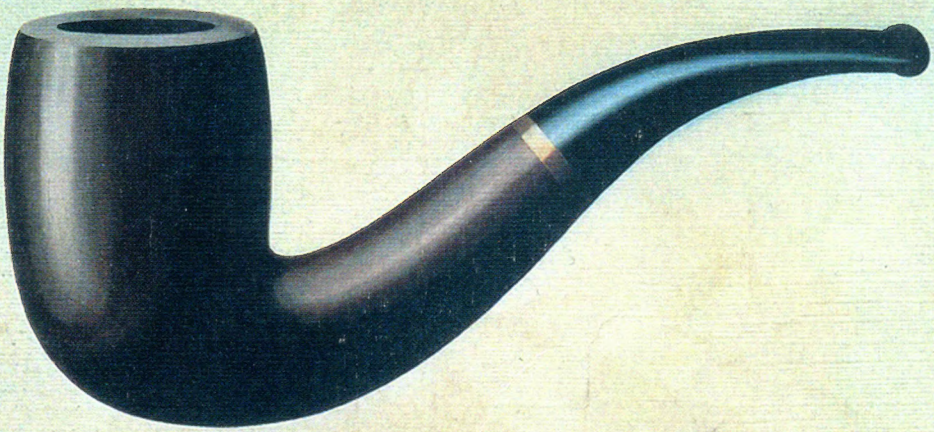
ISSN 0130-6545

ИНОСТРАННАЯ ИЛ ЛИТЕРАТУРА



Ceci n'est pas une pipe.

[1] 2008

СЭР АРТУР КОНАН ДОЙЛ: ДЭНИЕЛ СТАШАУЭР О ЖИЗНИ АРТУРА КОНАН ДОЙЛА В РУБРИКЕ "БИОГРАФИЯ" / ПОВЕСТЬ "ДОЛИНА СТРАХА", РАССКАЗЫ И СТИХИ АРТУРА КОНАН ДОЙЛА В РУБРИКЕ "СОЧИНЕНИЯ" / ГРАНТ АЛЛЕН И РИЧАРД ОСТИН ФРИМЕН В РУБРИКЕ "ВИКТОРИАНСКИЕ ДЕТЕКТИВНЫЕ ИСТОРИИ" / СТАТЬИ РОБЕРТА АНДЕРСОНА, МАЙКЛА ЧЕЙБОНА И ДР. В РУБРИКЕ "КОНАН ДОЙЛ И ШЕРЛОК ХОЛМС"

Основан в 1891 году

Каждый найдет себя в этих стихах,
но сочинителя не разглядит, а значит, не полюбит.

С. Лурье

Самая страстная мечта, какая только может завладеть читателем, – снести преграду между художеством и обыденностью, проникнуть за горизонт реального и оказаться внутри произведения – в неком вымышленном пространстве, в чаемом зазоре между сценой и кулисами. Существуют ли таковые, можно ли попасть туда? Нет конечно, если вы не Рыцарь Печального Образа, не участник литературных ролевых игр или – не поклонник Шерлока Холмса. Для последнего возможно все: социалистический лозунг «Литература – в жизнь» воплощен им с беспримерной силой и в общемировом масштабе. В Бейкер-стрит с одинаковым жаром играют в Японии, Китае, России, США, Англии... – повсюду. Игра эта началась задолго до нынешних деревянных мечей героев Толкиена, кэрролловских безумных чаепитий на опушках московских лесов или инсценированных исторических сражений. Началась «при жизни» героя. Сначала читатели поверили, что Шерлок Холмс – лицо реальное, и стали обращаться к нему в трудных случаях (Конан Дойл, человек с юмором, неосторожно им подыгрывал: отвечал открытками, что Шерлок Холмс сейчас очень занят, и подписывался «доктор Ватсон»). Потом, используя разбросанные в рассказах намеки на вскрытые великим детективом, но не описанные верным Ватсоном преступления, стали их додумывать и реконструировать – так в конце концов возникли холмсианские общества. Затем иным из слишком горячих поклонников показалось, что автор их игре мешает, и, чтобы не путался под ногами, Конан Дойла стали числить литературным агентом доктора Ватсона, а потом даже превратили в героя всевозможных похождений и детективных расследований собственного сочинения. И не похоже, что это «колесо жизни» когда-нибудь остановится.

Все это произошло не только вопреки ожиданиям Конан Дойла, но и против его воли. Сам он всегда изо всех сил сопротивлялся тому, чтобы его творчество сводилось к приключениям Шерлока Холмса. Не раз признавался в том, что очень многим обязан Эдгару По и Эжену Габорио (правда, неизвестно, чтобы кто-нибудь воображал себя Дюпеном или Лекоком, а уж тем более писал им письма или вел расследования от их имени). Дошло до того, что он даже «убил» своего героя, правда, впоследствии, уступив просьбам читателей, все-таки воскресил.

Кажется, нет другого такого примера, чтобы писательская судьба – и прижизненная, и посмертная – определялась противостоянием автора и героя. Пожалуй, Конан Дойл недооценил собственное творение – а значит, и самого себя. Не понял, что подарил миру Робина Гуда нового времени, побеждающего силой ума, а не оружия. Случай уникальный: приключения сэра Артура Конан Дойла.

Т. Казавчинская,
составитель номера

[1]
2008

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Ежемесячный литературно-художественный журнал

Сэр Артур Конан Дойл

Биография

4 Дэниел Сташауэр *Рассказчик: Жизнь Артура Конан Дойла.* Фрагменты книги. Перевод с английского И. Бернштейн, Э. Драйтовой

Сочинения

92 Артур Конан Дойл *Долина страха.* Повесть. Перевод И. Бернштейн. Вступление Антона Лапудева

202 Артур Конан Дойл *Подлинная история о привидениях Горсторпской усадьбы.* Рассказ. Перевод Ольги Новицкой. Публикация и вступление Антона Лапудева

210 Артур Конан Дойл *Стихи.* Перевод Марины Бородицкой. Публикация и комментарии Даниила Дубшина

215 Артур Конан Дойл *Автопародии.* Перевод Даниила Дубшина и Светланы Семиной. Публикация Даниила Дубшина

Викторианские детективные истории

220 Александра Борисенко *Не только Холмс*

228 Грант Аллен *Рубины Ременотов.* Рассказ. Перевод Юлии Клименовой

243 Ричард Остин Фримен *Послание со дна моря.* Рассказ. Перевод Игоря Мокина

Конан Дойл и Шерлок Холмс

263 Майкл Чейбон *"Игра началась!"* Перевод с английского Германа Власова

275 Роберт Андерсон *Шерлок Холмс: детектив с точки зрения Скотленд-Ярда.* Перевод с английского Степана Поберовского

280 Светозар Чернов *Адам Уорт – прототип профессора Мориарти*

289 Роналд Р. Томас *"Негативные" образы в рассказе "Скандал в Богемии".* Перевод с английского Александры Борисенко

Ничего смешного

298 Александр Шабуров *Живее всех живых. Заметки о Шерлоке Холмсе*

Среди книг

306 Юлия Клименова *Рыцари со страхом и упреком.* Антон Лапудев *В начале был Холмс, и Холмс был у Дойла...* Виктор Сонькин *Занимательное викторианство*

Авторы номера

316

© "Иностранная литература", 2008

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Журнал основан в 1891 г.
До 1943 г. выходил
под названиями "Вестник
иностранной литературы",
"Литература мировой
революции",
"Интернациональная
литература". С 1955 года –
"Иностранная литература".

Главный
редактор

А. В. Михеев

Редакционная коллегия:

Л. Н. Васильева
заведующая отделом художественной литературы

Т. А. Ильинская
ответственный секретарь

Т. Я. Казавчинская
заведующая отделом критики и публицистики

А. Я. Ливергант
заместитель главного редактора

Общественный
редакционный совет:

В. П. Аксенов
С. К. Апт
Л. Г. Беспалова
А. Г. Битов
Е. А. Бунимович
П. Л. Вайль
Т. Д. Венедиктова
А. М. Гелескул
Е. Ю. Гениева
А. А. Генис
В. П. Голышев
Т. П. Григорьева
Б. В. Дубин
С. Н. Зенкин
Вяч. Вс. Иванов
В. Б. Иорданский
М. Л. Салганик
А. Н. Словесный
И. С. Смирнов
Е. М. Солонович
Н. Л. Трауберг
Б. Н. Хлебников
Г. Ш. Чхартишвили
А. И. Эппель

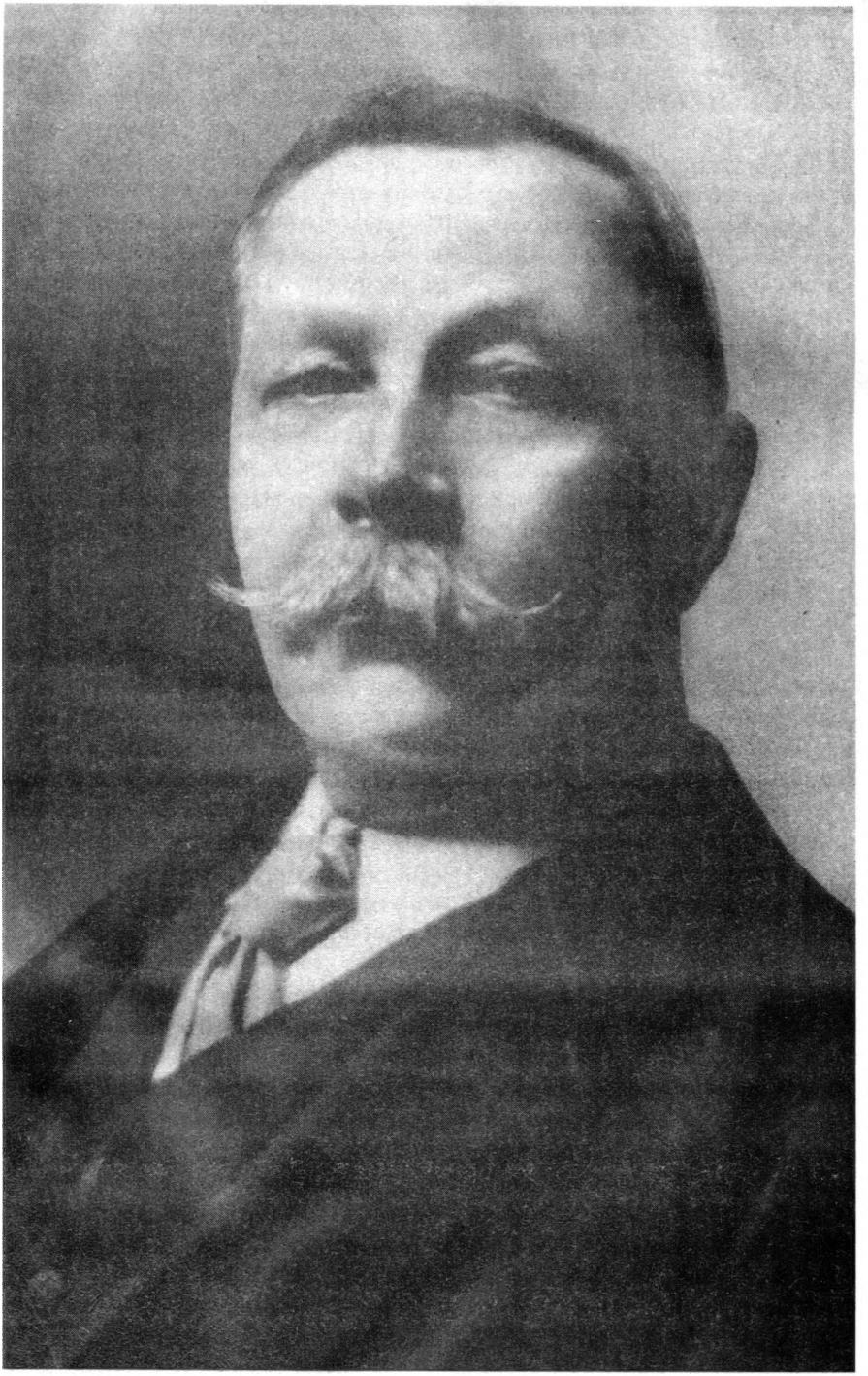
Международный
совет:

Чингиз Айтматов
Ван Мэн
Криста Вольф
Януш Гловацкий
Гюнтер Грасс
Тонино Гуэрра
Морис Дрюон
Милан Кундера
Зигфрид Ленц
Ананта Мурти
Милорад Павич
Кэндзабуро Оэ
Умберто Эко

Редакция :

О. Г. Басинская
Т. А. Баскакова
С. М. Гандлевский
Н. В. Елисеева
И. В. Мокин
К. Я. Старосельская
Л. Г. Харлап
А. Ю. Шередега

Журнал выходит при финансовой поддержке
Министерства культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации



Дэниел Сташауэр

Рассказчик: Жизнь Артура Конан Дойла

Фрагменты книги

Перевод с английского И. Бернштейн, Э. Драйтовой

Вступление

Как-то раз в 1930 году, незадолго до смерти, сэр Артур Конан Дойл, с трудом добравшись до письменного стола, взял ручку и придвинул к себе лист бумаги. В предшествующие месяцы ему довелось много писать — в основном письма, личные и в газеты, — но в то утро ему захотелось порисовать. Щурясь от напряжения, он долго работал над наброском: прорисовывал сложные детали, выводил надписи, а когда отказывало вдохновение, поглядывал в окно. Наконец отложил ручку в сторону и отодвинул подальше готовый рисунок.

Сегодня копия этого рисунка висит в лондонском пабе "Шерлок Холмс". Там изображена искусанная слепнями ломовая лошадь, которая тащит телегу, готовую вот-вот перевернуться под грузом наваленных на нее ящиков. На каждом из них — надпись, отражающая ту или иную сторону жизни и деятельности Конан Дойла: "Врачебная практика" подпирает "Исторические романы", "Выборы" громоздятся поверх "Исследований психики", на "Рассказах и пьесах" подпрыгивают "Поэзия" и "Великая война", но, пожалуй, самый тяжелый ящик, зажатый между "500 лекциями" и "Путешествием в Австралию 1921 года", — это "Шерлок Холмс".

Жалость к себе не была присуща Конан Дойлу. К тому же глубокая вера в спиритизм освободила его от страха смерти. И все же, несмотря на самоиронию и шутливость тона, нельзя не ощутить таящуюся в этом автошарже нотку грусти. Выросший в семье художников, первым из которых был его дед (ставший родоначальником политической карикатуры), Конан Дойл знал, как важно найти точный образ. Стало быть, вот каким видел он себя на пороге смерти — клячей, волокущей телегу. И легендарный сыщик Шерлок Холмс тоже был частью непосильного груза.

Конан Дойл достаточно знал жизнь и понимал, что Шерлок Холмс, по выражению доктора Ватсона, "затмит и далеко превзойдет"[1] все про-

©Daniel Stashower, 1996
© И. Бернштейн, Э. Драйтова, наследники. Перевод, 2008

1. Характеристика Ирен Адлер, героини "Скандала в Богемии". Перевод Н. Войтинской. Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, произведения Артура Конан Дойла цитируются по Собранию сочинений в 10 тт. — М.: Останкино, Слог, 1991–1996. (*Здесь и далее – прим. ред.*)

чие его труды. Исторические романы, благодаря которым он надеялся остаться в памяти соотечественников, устарели еще при его жизни. Стихи, пьесы, военные хроники тоже исчезли из поля зрения читающей публики. Приверженность к спиритизму, энергичные попытки приобщить к своей вере других немало повредили его репутации уважаемого литератора. Людям было трудно примириться с мыслью, что создатель такой совершенной "мыслящей и наблюдающей машины", как Шерлок Холмс, оказался безоглядно предан тому, что несовместимо с рациональностью. Ведь писания тех, кто пребывает в плену подобных идей, не принимают всерьез.

На деле же Конан Дойл являл собой образец разума и чистосердечия. Интервьюеры поражались простоте его обхождения и полному отсутствию претенциозности. С годами раздаваясь в талии, Конан Дойл с его тяжелыми веками и свисающими усами все больше напоминал моржа. "Он был крупным, дородным, неуклюжим с виду, – писал один из друзей, – его неповоротливое тело с руками как два вестфальских окорока, казалось, скорее предназначалось фермеру, а рокочущая, нервнопрерывистая речь приводила на ум берега и холмы Шотландии".

Внешность обманчива. За мирным, полусонным обликом скрывался человек твердых взглядов – возможно, порой и абсурдных, но глубоко искренних. Жизнь Конан Дойла представляла собой вереницу героических крестовых походов, и спиритизм был просто последним из них. В 1890 году он предупреждал о ненадежности нового метода лечения туберкулеза; в 1902-м – защищал британское правительство от обвинений в бесчестных способах ведения Англо-бурской войны; в 1906-м – выступал за узаконение развода; в 1909-м – осуждал зверства в Конго; в 1910-м – выступал в защиту Оскара Слейтера, необоснованно обвиненного в убийстве; в 1914-м – говорил об угрозе блокады Англии германскими подводными лодками. И всякий раз он сражался отважно и умело, используя дарованные ему славой преимущества и врожденный дар красноречия. Многое из того, за что он ратовал, встречали в штыки, но личную честь он ставил выше общественного мнения. Однажды его дочь Джейн написала: "Он казался нам истинным воплощением рыцарства времен короля Артура и рыцарей Круглого стола".

Сам он не стал бы писать о себе подобным образом. В 1927 году журнал "Стрэнд", напечатавший большую часть произведений Конан Дойла первым, провел опрос среди своих ведущих авторов на тему: "Создателем какого известного литературного героя Вам бы хотелось быть?" Герберт Уэллс и Джон Бахан назвали шекспировского Фальстафа; Комптон Маккензи[1] предпочел Дон Кихота. Другие упомянули д'Артаньяна, Дон Жуана и Робинзона Крузо. По словам издателей "Стрэнда", ответ Конан Дойла был "характерен для него как писателя и человека". Он назвал имя полковника Ньюкома, героя романа Теккерея, вышедшего незадолго до того, как он родился. Объяснял он это просто: Ньюком – "идеал английского джентльмена".

Конан Дойл не был англичанином по крови: его семья происходила из Ирландии, а родился он в Шотландии, но был истинным английским

1. Джон Бахан (1875–1940) – шотландский писатель, поэт, публицист, историк, издатель; сэр Эдвард Монтагю Комптон Маккензи (1883–1972) – английский писатель-романист.

джентльменом. В каком-то смысле над собственной личностью он работал более упорно и целенаправленно, чем над образами Шерлока Холмса, бригадира Жерара, профессора Челленджера и всех остальных героев. Он просто излучал порядочность, которая была у него в крови, и признавался, что тоскует по высоким идеалам былых времен. Из всех своих произведений более всего он ценил исторические романы о периоде Регентства и наполеоновских войн. В последние годы жизни настойчивость, с которой он выказывал предпочтение старомодным ценностям и правилам приличия, заставляла видеть в нем хотя и славного, но чудаковатого пожилого джентльмена, отставшего от времени. Умер он в 1930 году, однако в нашей памяти он ассоциируется с эпохой более ранней — газовых фонарей и хэнсомских кебов. В последние десять лет его жизни увидели свет такие произведения, как "Любовник леди Чаттерли", "Прощай, оружие", "Великий Гэтсби", "Улисс" и "На маяк", сам же он выпустил книгу, герои которой отправляются искать в морских глубинах Атлантиду.

Конечно победным шагом через все его творчество проходит Шерлок Холмс, чьи приключения, как считал автор, сочинены "в другой, более непритязательной манере", чем остальные его рассказы и романы. "Я написал о нем куда больше, чем намеревался, — признавался Конан Дойл в 1927 году, через сорок лет после того, как появился первый рассказ о Холмсе, — но мое перо подталкивали добрые друзья, которым все время хотелось узнать, что было дальше. Вот и получилось, что из сравнительно небольшого зернышка вымахало чудовищное растение".

Причем это "чудовищное растение" зажило самостоятельной жизнью. "Имена Шерлока Холмса и доктора Ватсона превратились в нарицательные и вошли в словарь английского языка, — заметил издававший Конан Дойла в "Стрэнде" Г. Гринхоф Смит. — Любой автор был бы вправе гордиться подобным подвигом. Несомненно, Шерлок Холмс — самый популярный, известный любому человеку герой английской литературы". Восхваляя в 1930 году живучесть великого сыщика, лондонская "Таймс" даже сочла необходимым найти слова сочувствия к прочим созданиям писателя: "Те, кто следит за судьбой Родни Стоуна, "Белого отряда", бригадира Жерара, Мики Кларка и множества им подобных, переживая все с ними происходящее, становятся их близкими друзьями; и этот двойной талант дарить приятных спутников и описывать волнующие события проявляется у Конан Дойла и в новеллах, и в больших книгах. Видя, каким опасностям подвергаются и как благородно ведут себя все вышеперечисленные лица, легко понять их обиду на то, что первенство всегда остается за сухопарым и, пожалуй, довольно бездушным исследователем преступности, который живет не в славном и жестоком XIV столетии, не в разгар наполеоновских кампаний, а в конце 80-х годов XIX века — в мире кебов и уличных сорванцов".

В наши дни Шерлок Холмс превратился в культурный архетип — подобно Робин Гуду, Ромео и Джульетте или трем мушкетерам. Дети Заира и Тибета узнают его на картинках так же легко, как Санта Клауса или Микки-Мауса. Его образ фигурирует в бесчисленных книгах, фильмах, телефильмах, мюзиклах, театральных постановках — и даже в одном балете. Мы встречаем знакомый ястребиный профиль на чайниках, шахматах, тарелках, в настольных играх, компьютерных программах и на

обертках жевательной резинки. У него есть приверженцы, чье преклонение граничит с мистическим культом. "Шерлокианцев", как они себя называют, можно найти в любой части света и — с каждым днем все больше — в Интернете. Они заняты обсуждением таких вопросов, как, например, на какую глубину в жаркий день может погрузиться в масло веточка петрушки или куда все-таки ранили на войне доктора Ватсона. Спросите такого поклонника Холмса, что нового слышно о гигантской крысе с Суматры, и он (или она) мягко ответит, что мир еще не дорос до понимания этой истории.

Реймонд Чандлер написал: "У каждого автора детективов встречаются ошибки, и ни у кого нет такой эрудиции, как следовало бы. Конан Дойл делал ошибки, которые совершенно обесценивали иные из его рассказов, но был пионером жанра, и Шерлок Холмс — это прежде всего особый образ мыслей плюс несколько десятков незабываемых диалогов".

При всем высокомерии тона нельзя не признать, что замечание Чандлера справедливо. "Шерлока Холмса" можно перечитывать снова и снова просто ради удовольствия провести время в обществе Конан Дойла. И не потому, что мы забыли, кто убийца сэра Чарлза Баскервиля или кто похитил чертежи Брюса-Партингтона. Мы возвращаемся на Бейкер-стрит, чтобы наблюдать работу гения. Один раз поддавшись этой тяге, мы больше не сможем ей противостоять. "Невиданный червяк науке, по-видимому, еще неизвестный", "Знаменитый канареечник Уилсон — язва лондонского Ист-Энда"[1]. Таинственная встреча с собакой в ночи... "Игра началась, Ватсон!"[2]

Однако преклонение перед Шерлоком Холмсом часто сочетается с пренебрежением к Конан Дойлу. О нем иногда вспоминают как о человеке, который невзначай оказался рядом, когда Холмс появился на свет, или — по выражению иных "шерлокианцев" — как о *литературном агенте*, способствовавшем публикации записок доктора Ватсона. Такое отношение очень расстроило бы Конан Дойла. Говоря о Холмсе, Дойл и впрямь принижал свои заслуги, но одновременно прекрасно отдавал себе отчет в том, что взялся за второстепенный литературный жанр и вывел его на широкую дорогу.

Конан Дойла часто изображают ненавистником Шерлока Холмса, но это не вполне справедливо. Верно, порой ему до тошноты надоедал его знаменитый герой, и свидетельство тому — попытка убить Холмса, чтобы избавиться от него. Однако в последние годы писатель примирился с очевидным: "Я не нахожу, что эти мои более легковесные произведения помешали мне узнать пределы моих возможностей в таких разнообразных областях творчества, как история, поэзия, исторические романы, психология и драматургия. Если бы Холмса не было, я вряд ли бы успел сделать больше, хотя, возможно, он и помешал в какой-то степени признанию моих более серьезных литературных сочинений".

1. Аллюзии на рассказы "Черный Питер" и "Загадочное происшествие у моста Тор".
2. Выражение "Game is afoot!"(*англ.*) встречается в рассказах о Шерлоке Холмсе несколько раз ("Убийство в Эбби-Грейндж", "В сиреневой сторожке" и др.), передается разными переводчиками по-разному (в частности, "Он начался!" — Н. Волынин) и является цитатой из У. Шекспира. Король Генрих V. Акт III, сцена 1. Перевод Е. Бирукова (Король Генрих, обращаясь к войску, сравнивает рыцарей с тиграми, а йоменов — с борзыми: "Поднят зверь!").

Очень может быть. Хотя многие возразили бы, что именно эти "более легковесные произведения" позволили ему проявить гениальное новаторство, которое вспахало целину и осветило путь последующим поколениям писателей, в то время как его "более серьезные сочинения" безнадежно устарели. Пусть так, но в любом случае "Приключения Шерлока Холмса" — лишь небольшая часть того, что создал Конан Дойл, и если его почитатели на секунду отвлекутся от ярких огней Бейкер-стрит, они увидят, что в тени стоит, ожидая выхода в круг света, интереснейший и достойный более близкого знакомства писатель. Конан Дойл доставил миру массу радости. И заслуживает того, чтобы на него, хотя бы ненадолго, взглянули так, как он того хотел бы.

Однажды он написал: "Трудно вообразить жизнь более разнообразную и романтичную, чем моя. Я узнал, что значит быть бедняком и каково быть богатым. Я испытал все, что написано человеку на роду. Я был знаком со многими замечательными людьми моего времени. После обучения медицине, магистерскую степень по которой я получил в Эдинбурге, я прошел долгий путь в литературе. Я занимался многими видами спорта, включая бокс, крикет, бильярд, автогонки, футбол, воздухоплавание и лыжи. Я был первым, кто включил лыжи в туристическую программу Швейцарии. Как врач китобойного судна я провел семь месяцев в Арктике, а позже плавал к западному побережью Африки. Я повидал три войны: Суданскую, Южноафриканскую и войну с Германией. В моей жизни было множество всяческих приключений. Наконец, подчиняясь внутренней необходимости, я посвятил свои последние годы тому, чтобы познакомить мир с результатами моих трид-

цатишестилетних исследований в сфере оккультных наук и побудить людей осознать их особую важность. Выполняя эту миссию, я проехал более 50 000 миль с лекциями, которые прослушали более 300 000 человек. Кроме того, я написал на эту тему семь книг. Такова история моей жизни".

И такова история, которую нам предстоит рассказать.

Глава 1
Свободное кресло

> Я научился не **высмеивать** чужого мнения, сколь бы **странным** оно ни казалось на первый **взгляд**.
>
> Артур Конан Дойл
> *Капитан "Полярной звезды"*[1]

В тот вечер в лондонском Ройял-Алберт-Холле собралось чуть ли не шесть тысяч человек. Причем сотни желающих не смогли попасть внутрь. В просторном зале мужчины в смокингах и дамы в длинных вечерних платьях, рассаживаясь по местам, взволнованно перешептывались. Они пришли увидеть и услышать сэра Артура Конан Дойла, наверное самого любимого из всех современных писателей, ожидая узнать от него потрясающую новость.

Здешняя публика мало чем отличалась от той, что посещала лекции Конан Дойла (а он прочел их сотни) в Париже, Нью-Йорке, Мельбурне, Кейптауне и в других местах. Однако в этот вечер ожидание было особенно напряженным. Причина была проста: пять дней назад Конан Дойл скончался у себя дома в Кроуборо.

Все были охвачены нетерпением. Согласно взглядам самого Конан Дойла, горячо им проповедовавшимся, смерть отнюдь не должна была помешать его появлению на лекционной кафедре в тот вечер. К моменту своей смерти, наступившей 8 июля 1930 года, Конан Дойл давно уже был самым известным в мире и самым ярым пропагандистом спиритизма — учения о том, что мертвые сообщаются с живыми по земным каналам: через медиума. На протяжении четырнадцати лет Конан Дойл посвящал спиритическому движению почти все свое время, тратил немало сил и средств, доказывая, что "на свете нет ничего важнее". Для тех, кто обрел утешение и смысл в этой вере, он был "святым Павлом спиритизма", для прочих — прискорбно заблуждающимся старым человеком, растратившим впустую свое величие. Вечер в Алберт-Холле, полагали многие, раз и навсегда разрешит этот спор.

1. Перевод Е. Туевой.

У края эстрады, где возвышалась лекторская кафедра, стояли стулья, на которых сидели родные писателя. Один стул, к которому была прикреплена карточка с надписью "Сэр Артур Конан Дойл", пустовал. Место слева занимала леди Конан Дойл, как всегда на протяжении двадцати трех лет лекционных турне, дискуссий и прочих мероприятий, которым ее муж придавал вес своим именем и для которых не жалел энергии. Сегодняшнее собрание, поделилась она с приятельницей, станет последней публичной демонстрацией, в которой она участвует с мужем.

Стул Конан Дойла, похоже, остался единственным незанятым в зале, куда, согласно некоторым источникам, в конце концов набилось тысяч десять, что значительно превышало вместимость Холла. Кое-кого удалось усадить на дополнительно принесенные стулья.

Когда все стихло, к микрофону вышел Джордж Крейз из Марилебонской спиритической ассоциации и открыл вечер. Он произнес короткое приветствие, а потом зачитал письменное обращение леди Конан Дойл: "Я хочу от имени моих детей и своего собственного, а также от имени моего возлюбленного супруга сердечно поблагодарить всех собравшихся за любовь, которая привела их сюда сегодня". Однако, говорилось там далее, она хотела бы внести ясность и умерить ожидания тех, кто полагает, будто на свободном стуле непременно появится материализовавшаяся фигура сэра Артура. "Я сидела бок о бок с моим возлюбленным мужем на всех собраниях во всех уголках мира, и сегодня на этом вечере, на который люди пришли из уважения и почтения к нему, оставлено кресло и для него, так как я знаю, что его духовное естество будет рядом со мной, хотя наши земные глаза не способны видеть дальше земных излучений. Лишь те, кому дано от Бога иное зрение, которое зовется ясновидением, смогут узреть среди нас его любимый облик".

Эрнст Хант, сподвижник Конан Дойла по спиритическому движению, выразился еще определеннее. Указывая на пустой стул, он предупредил, что "...если кто-нибудь, наделенный богатым воображением, внушит себе, будто видит здесь фигуру сэра Артура, это еще ничего не будет значить. Не так уж важно, даже если человек, одаренный ясновидением, и в самом деле его увидит. А вот если вы воспримете это пустующее место как глас Божий, призывающий вас стать последователями Дойла, это в самом деле будет очень важно".

При всей своей откровенности эта речь не понизила градус ожидания в зале. После того, как распространилось известие о кончине Конан Дойла, сразу начались горячие пересуды о его возможном возвращении.

Сначала все шло, как принято на панихиде. Друзья и коллеги поднимались, чтобы воздать должное покойному. Звучали церковные гимны и отрывки из Священного Писания. Была зачитана телеграмма от известного физика сэра Оливера Лоджа, разделявшего взгляды Конан Дойла. Он прославлял неколебимую преданность писателя спиритизму, выражал уверенность в том, что "великодушный поборник нашего дела, умудренный новым знанием и опытом, вскоре продолжит свои усилия по ту сторону", и заключал словами: "Sursum corda"[1] — призывал возвы-

1. "Горé имеем сердца" *(лат.)* – библейское выражение, вошедшее в литургию. Плач Иеремии. 3:41.

ситься духом. Примерно через час традиционная часть мероприятия приблизилась к концу. Джордж Крейз опять подошел к микрофону и, предложив публике встать, попросил провести две минуты в молчании и размышлении. "Тишина была полнейшая, – записал один корреспондент. – Это невозможно забыть".

Когда присутствующие расселись, Крейз снова обратился к собравшимся. "Сегодня, – сказал он, – благодаря нашему усопшему лидеру, внушившему нам бесстрашие, мы проведем дерзкий эксперимент. Среди нас находится лицо, обладающее духовидческим даром. Эта дама попробует прямо с эстрады передать нам свои впечатления. Причина, заставляющая нас колебаться, состоит в том, что из-за огромного количества людей это потребует от нашей ясновидящей чрезвычайно большого напряжения душевных сил. В собрании из десяти тысяч человек медиуму предстоит принять на себя очень тяжелую нагрузку. Сегодня миссис Робертс попытается описать некоторых знакомых, но имейте в виду, что сеанс подобного рода впервые проводится при таком невероятном стечении народа. Вы можете помочь ей своими флюидами, если споете гимн 'Отверзи очи мои'".

Как только смолкли последние звуки гимна, к краю эстрады подошла нервического вида женщина – миссис Эстелл Робертс, хрупкая, темноволосая, с большими карими глазами. Несколько секунд она молча стояла у микрофона, сжимая руки. За ее трепетной наружностью и робким видом скрывался немалый драматический талант. Она была любимым медиумом Конан Дойла, он неоднократно говорил о ее "месмерическом воздействии".

В одном отношении Джордж Крейз был прав – это и впрямь был "дерзкий эксперимент". Миссис Робертс позвали для установления связи с отлетевшими душами, в том числе и Конан Дойла. Таким образом она должна была постараться обратить скептиков в свою веру. Хотя в 30 году спиритизм был явлением вполне распространенным, сеансы, как правило, проводились в затемненных комнатах и при закрытых дверях. В зависимости от того, что обещал медиум, там можно было увидеть плывущие по воздуху тамбурины, таинственные послания, записанные мелом на грифельной доске, или еще какие-нибудь нематериальные проявления, призванные свидетельствовать о контакте с духами. В ярко освещенном Алберт-Холле летающих тамбуринов ожидать не приходилось. Миссис Робертс должна была просто стоять перед микрофоном и ловить наудачу послания духов прямо из воздуха, переадресовывая их тому или иному из зрителей. Таким образом, доказательством загробного происхождения сообщений могли служить только ее слова.

Ее месмерическое воздействие, так сильно ощущавшееся Конан Дойлом, проявилось не сразу. Поначалу миссис Робертс просто стояла, покачиваясь с носка на пятку. Через некоторое время в зале стало раздаваться нетерпеливое покашливание и шарканье ног. Тут она взялась за дело. Приставив козырьком ладонь ко лбу, как вахтенный матрос, миссис Робертс начала обводить глазами партер, галерею и ложи, задерживая взгляд не столько на лицах, сколько на пустом пространстве над головами. "Здесь всюду очень много духов, – произносит она. – Они толпятся и задевают меня!"

После чего последовал длинный, безостановочный монолог — описание призраков одного за другим, которых только она и может видеть. "Вокруг собралась толпа духов, которым очень хотелось пообщаться с близкими, — напишет она впоследствии. — В течение получаса я с помощью ясновидения переправляла их сообщения отдельным людям, сидевшим в зале".

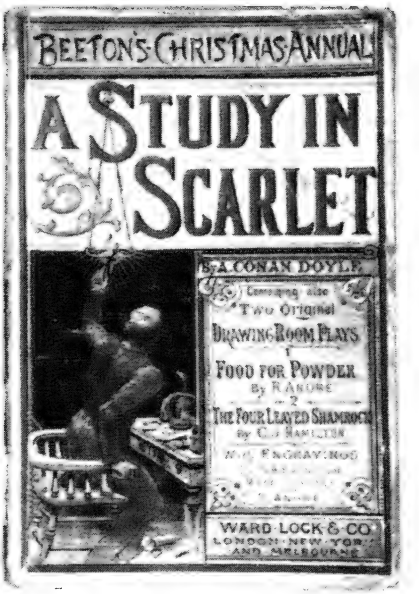
На самом деле она не только переправляла послания, но заодно и описывала, как выглядят почившие, свойства их характера, манеру речи. И даже одежду. Люди, будто зачарованные, слушали, как она рассказывает о встречах родных и любимых, снова обретших друг друга на том свете, да еще указывает на тех в публике, к кому они обращаются. "Было что-то жутковатое, — писал один журналист, — в том, как каждый из десяти тысяч человек, сидящих в Альберт-Холле, и боится, и уповает, что укажут на него".

Тогда, как и теперь, нет единого мнения касательно того, имеют ли подобные демонстрации происхождение духовидческое или же вполне земное — вроде сообщников, сидящих в зале, или предварительного сбора подробных сведений о тех, с кем предстоит вступить в контакт. Публика Альберт-Холла в немалой степени состояла из людей, сочувствовавших спиритизму; сохранились сведения, что по крайней мере один из получателей спиритического послания был и сам практикующим медиумом. Так что справедливости ради надо сказать, что миссис Робертс обращала обращенных.

Но имелось в этой аудитории и определенное количество неверующих, явившихся отдать дань памяти Конан Дойлу. "Это было либо поразительное доказательство общения с умершими, — сказал один скептик, — либо самое хладнокровное и бессердечное жульничество". А репортер "Сатердей ревью" выразился еще откровеннее: "Хотелось бы посмотреть, как давешнюю даму-медиума из Альберт-Холла стал бы допрашивать Шерлок Холмс. Ее приемы ничем не напоминали о Бейкер-стрит, они не удовлетворили бы не только Шерлока Холмса, но и Ватсона".

Прошло примерно с полчаса, маловеры больше не в силах были скрывать свое раздражение. В разных концах зала люди стали подниматься с места — таких набралось человек сорок-пятьдесят — и направляться к выходу. Миссис Робертс выразила досаду: "Я не могу продолжать, когда они выходят", — объявила она. Заглушая общий шум, грянула мощная органная музыка — казалось, вечер прощания преждевременно подошел к концу. Но тут, как раз когда собрание начало в беспорядке расходиться, *появился* сэр Артур Конан Дойл. "Он здесь! — закричала миссис Робертс. — Он здесь!" Пробиравшиеся между рядами скептики остановились где кто был. Все глаза устремились на пустое кресло.

Позднее миссис Робертс утверждала, что Конан Дойл находился на эстраде все время: "Сначала я увидела его во время двухминутного молчания, — вспоминала она. — Потом — когда передавала послания. Он был в вечернем костюме. Прошел через эстраду и сел на свободное место. Он сидел сзади и подбадривал меня все время, пока я делала свою работу. Я узнала этот чистый, ясный голос, его нельзя не узнать".



Что бы мы ни думали о медиумических талантах миссис Робертс, нужную минуту она умела определить безошибочно. Ее объявление наэлектризовало аудиторию. В самых отдаленных уголках зала люди вставали и тянули шеи, чтобы лучше видеть свободное кресло.

Лицо леди Конан Дойл озарилось блаженной улыбкой. К ней подошла миссис Робертс. "У меня для вас послание, дорогая. От Артура", — сказала она. Леди Конан Дойл кивнула. "Сэр Артур сказал, что кто-то из вас сегодня утром заходил в домик, — продолжала миссис Робертс (речь шла об одной из построек в семейной усадьбе в Кроуборо). — Это верно?"

"Ну да, — ответила леди Конан Дойл. — Это была я".

Миссис Робертс кивнула и наклонилась к ней ближе. "Он передает: 'Скажи Мэри...'"

Тут снова загудел орган, заглушая даму-медиума, так что расслышать, что она говорит, могли только сидящие на эстраде. Несколько минут миссис Робертс что-то говорила, а все члены семьи Конан Дойла прислушивались. Время от времени один из сыновей, подавшись вперед, добавлял что-то или переспрашивал. А леди Конан Дойл просто сидела и слушала.

До конца дней она отказывалась повторить услышанное и ограничивалась заявлением, что не сомневается в том, что это слова мужа. "Я так же твердо уверена в этом, — сказала она корреспонденту в описываемый вечер, — как в том, что сейчас разговариваю с вами".

Все заметили, с каким непритворным волнением она слушала медиума. Лицо ее сияло, взгляд был устремлен в некую точку в конце зала. Потом она смахнула влагу со щеки и отвернулась.

Глава 2
Сапожная колодка

— Я врач, все замечать — моя профессия.
— А я сначала подумал, что вы сыщик.

А. Конан Дойл
Воспоминания капитана Уилки

Артур Игнациус Конан Дойл родился 22 мая 1859 года в небольшой квартире дома № 22, стоявшего на Пикардийской площади в Эдинбур-

ге, в миле от университета. Он был вторым из десяти детей Чарлза и Мэри Дойл, из которых выжило семеро. Вторую часть фамилии – Конан Дойл – Артур и его старшая сестра Аннет унаследовали от двоюродного деда Майкла Конана, известного журналиста.

Ко времени рождения Артура Конан Дойла его семейство, происходившее из ирландских католиков, достигло заметного положения в мире искусства. Его дед Джон Дойл, уехавший из Дублина в двадцатилетнем возрасте, стал знаменитым лондонским портретистом. Скрываясь за инициалами Х. Б., он также публиковал шаржи на известных людей эпохи Регентства, оценивавшиеся как "довольно злые". Сейчас его считают родоначальником политической карикатуры.

У Джона Дойла было четыре сына. Трое из них также достигли значительных успехов на поприще изобразительного искусства. Джеймс был известным историком и художником; Генри стал директором Ирландской национальной галереи; Ричард иллюстрировал детские книги и прославился рисунками для юмористического журнала "Панч", один из которых более ста лет украшал обложку этого издания.

Итак, трое сыновей Джона Дойла процветали, четвертый же, отец Артура, – нет. Чарлз Олтемонт Дойл приехал в Эдинбург в возрасте девятнадцати лет и стал младшим инспектором Шотландского строительного управления. Поначалу он добился некоторых успехов: предположительно, участвовал в проектировании фонтана для Холирудхауса на эдинбургской Королевской Миле[1], а также – витража в Эдинбургском кафедральном соборе. Какое-то время, в 60-е годы XIX века, его таланты оказались востребованы известной фирмой "Джордж Уотерстон и сыновья", которая стала заниматься литографией. Но то были лишь единичные достижения: Чарлз Дойл страдал тяжелым алкоголизмом и так и не сумел подняться выше уровня, которого достиг в двадцать лет.

В 1855 году, двадцати двух лет от роду, он женился на семнадцатилетней Мэри Фоули, внучке его домохозяйки. Живая, хорошо образованная Мэри Дойл очень увлекалась рыцарскими традициями и воспитывала детей на легендах о рыцарских подвигах. Много лет спустя в автобиографической повести "Письма Старка Монро" Конан Дойл вспоминал ее "милое лицо и повадки упитанной курочки", когда набрасывал портрет матери главного героя. "С тех пор, как я ее помню, – признается Старк Монро, – она всегда являла собой причудливую помесь домохозяйки и натуры артистической, но в той и другой ее ипостаси главенствовали устремления духовные. Она всегда оставалась леди, даже торгуясь с мясником, весело занимаясь уборкой дома или помешивая в кастрюле овсяную кашу. Я так и вижу, как она одной рукой орудует мешалкой, а в другой держит на расстоянии двух дюймов от носа журнал "Ревю де монд". Конан Дойл всю жизнь называл мать Мэм.

В 1868 году, когда Артуру исполнилось девять лет, его богатые дядюшки предложили послать мальчика в школу иезуитов в Англию. Артура посадили на поезд в Эдинбурге – он плакал до самой границы. В сле-

1. Название главной улицы Эдинбурга.

дующие семь лет ему доводилось видеть родных только во время летних каникул. Два года он провел в Ходдере и пять лет – в Стоунихерсте[1]. Он вспоминал эти годы неохотно: "Телесные наказания были суровы, – писал он, – а я знаю, что говорю, ибо мало кто, а может быть, больше никто из мальчиков не подвергался им столь часто".

Самыми счастливыми были часы, посвященные спорту. Во время занятий с каждым днем сильней проявлялись его природные способности. Больше всего ему нравился крикет, хотя однажды он получил удар мячом по колену, и бэтсмену пришлось на руках тащить пострадавшего в лазарет. Этот случай не отвратил Конан Дойла от спорта: со временем он стал капитаном стоунихерстовской команды.

К этому времени одинокий мальчик осознал, что у него есть "литературная жилка", свойственная отнюдь не всем его соученикам. "Вот как состоялся мой дебют рассказчика, – вспоминал он в интервью. – В сырые, пасмурные дни зимних каникул меня сажали на стол, а вокруг на полу, уткнувшись подбородками в кулаки, сидели на корточках мальчишки. И я до хрипоты рассказывал им о злоключениях моих героев – неделю за неделей эти несчастные сражались, рубились, стонали от ран во имя развлечения моей маленькой компании".

Конан Дойл покинул Стоунихерст в возрасте шестнадцати лет. Он был еще слишком юн для университета, и родственники послали его в Австрию, в Фельдкирх, чтобы он еще год поучился у иезуитов. Похоже, на этот раз ему повезло больше. Он наслаждался пейзажами и спортивными упражнениями, учился играть на тубе – возможно, просто потому, что был единственным учеником, чей рост позволял управляться с этим инструментом, – много и с удовольствием читал. Особое влияние на него оказала книга Эдгара Аллана По "Гротески и арабески".

По возвращении из Австрии настало время выбирать профессию. "...Я обнаружил, что семья моя находится по-прежнему в стесненных обстоятельствах... Вероятно, эти тяжелые времена пошли мне на пользу, поскольку я был буен, полон сил и несколько безрассуден, а положение дел требовало энергии и решимости, и я не мог не отозваться на зов. Моя мать была замечательная, мы не могли ее подвести"[2].

Согласно семейной традиции Конан Дойл мог выбрать искусство, однако предпочел профессию врача. "Решено было, что я должен стать врачом, – поясняет он, главным образом, полагаю, потому, что Эдинбург был знаменитым центром медицинского образования"[3]. Медицинский факультет университета мог похвастать многими знаменитыми именами. Среди них – доктор Джеймс Янг Симпсон, который одним из первых стал применять хлороформ; зоолог сэр Чарлз Уайвил Томсон, недавно вернувшийся из экспедиции на борту "Челленджера"; внедрявший асептику барон Джозеф Листер, который в то время, когда Конан Дойл поступил в университет, заведовал кафедрой клинической хирургии. Но самое незабываемое впечатление производил на студентов Джозеф Белл, мастер дедуктивного анализа.

1. Стоунихерст-колледж – мужская привилегированная частная средняя школа для католиков в графстве Ланкашир; основана в 1593 г.
2. "Воспоминания и приключения" цитируются по кн.: Артур Конан Дойл. Жизнь, полная приключений / Перевод М. Кореневой и М. Ремизовой. – М.: Вагриус, 2003.
3. Там же.

Доктору Джозефу Беллу, автору учебника по хирургии, было тридцать девять, когда Конан Дойл увидел его впервые. Это был человек высокого роста, с проницательными серыми глазами, резкими чертами лица, носом, похожим на ястребиный клюв, и скрипучим, высоким голосом. Подобно Конан Дойлу, он говорил с сильным акцентом уроженца Эдинбурга. У него была диковинная, подпрыгивающая походка, а стоя у операционного стола, он буквально излучал волны будоражащей энергии.

Белл подождал секунду, пока молодые люди рассаживались по местам. Затем откашлялся и заговорил: "Господа, — тут он высоко поднял стеклянный пузырек. — В этой склянке содержится сильнодействующее лекарство с невероятно горьким вкусом. Итак, я хочу узнать, сколько среди вас людей, развивших в себе данную Богом способность к наблюдению".

Он скрестил руки на груди и окинул взглядом аудиторию. "Вы можете спросить: 'Сэр, почему бы не провести химический анализ?' — Тут он кивнул, как бы обдумывая ответ. — Да, разумеется, но я хочу, чтобы вы попробовали эту жидкость на вкус — определили ее по вкусу и запаху. Что? Не желаете? — Белл вытащил пробку и поднес пузырек к самому носу, а затем опустил в жидкость палец. — Поскольку я никогда не прошу студентов делать то, чего не готов сделать сам, я тотчас попробую жидкость, а потом пущу ее по рядам".

Он поднес руку ко рту и лизнул палец. У зелья явно был отвратительный вкус: Белл скривился, будто отведал яду.

Через секунду он опять стал непроницаем. "Итак, — сказал он, подавая склянку студенту, сидевшему в первом ряду, — сделайте то же, что я".

По рядам прокатился глухой ропот. Пузырек переходил из рук в руки. Сокурсники Конан Дойла представляли собой разношерстную и необычную группу молодых людей: Эдинбургская медицинская школа была одной из лучших в мире и привлекала студентов даже из Восточной Европы и Америки. Впрочем, на лекциях Белла все были равны, и приезжие богачи, и местные бедняки: каждый платил за лекцию четыре гинеи, каждый должен был попробовать опасную желтую жидкость. После того как склянка обошла всю аудиторию, Белл оглядел ряды студентов и с грустью покачал головой. "Джентльмены, — сказал он, — я

глубоко опечален тем, что ни у одного из вас не развита восприимчивость: нет той самой наблюдательности, о которой я вам толковал. Ибо если бы вы по-настоящему внимательно следили за мной, вы бы заметили, что в это ужасное снадобье я окунул указательный палец, а в рот взял – средний".

Он издал удовлетворенный вздох, услышав зазвучавшие в унисон стоны слушателей: удар пришелся не в бровь, а в глаз, как он и хотел.

В конце второго курса Белл заставил Дойла покинуть место на амфитеатре – назначил своим секретарем, в обязанности которого входило составлять списки пациентов и во время амбулаторного приема подводить по очереди каждого из них к профессору, восседавшему в аудитории в окружении студентов. Конан Дойл вспоминал:

У него была поистине удивительная интуиция.

– Я вижу, – говорил Белл, бросив взгляд на больного № 1, – вы не дурак выпить. У вас во внутреннем нагрудном кармане куртки даже фляжка припрятана.

Затем следующий больной представал пред его очи:

– Ага, понятно, сапожник.

Тут он поворачивался к студентам и обращал их внимание на то, что штаны у пациента вытерты на коленях с внутренней стороны, а это встречается только у сапожников, потому что они зажимают ногами колодку.

Ярким примером дедуктивных способностей Белла, который Конан Дойл приводит в своей автобиографии, является случай обследования пациента, не успевшего ничего сообщить о себе перед тем, как его ввели в аудиторию:

– Ну что же, – сказал Белл, окинув пациента быстрым взглядом, – вы служили в армии.

– Да, сэр, – ответил тот.

– Демобилизовались недавно.

– Да, сэр.

– Из Хайлендского полка?

– Да, сэр.

– Сержант?

– Да, сэр.

– Стояли на Барбадосе?

– Да, сэр.

Белл обернулся к пораженным слушателям. "Видите ли, джентльмены, – пояснил он, – наш пациент – вежливый человек, но шляпы не снял. В армии это не положено. Однако, если бы он давно был в отставке, он вел бы себя как гражданский. У него вид начальника, но небольшого, и, судя по акценту, он шотландец. Что касается Барбадоса, то он страдает слоновой болезнью, а она встречается в Вест-Индии, а не в Британии, причем Хайлендский полк в настоящее время стоит именно на этом острове.

Нам, сборищу Ватсонов, все это казалось чудом, пока не предлагалось объяснение, после чего все становилось очень просто.

Глава 6
"Я вижу, вы жили в Афганистане"

Мистер Олтемонт из Чикаго – это, по существу, миф. Я использовал его, и он исчез.

А. Конан Дойл
Его прощальный поклон[1]

"Примерно через год после женитьбы я понял, что могу вечно писать рассказы, всю жизнь и никогда не добьюсь признания, – писал Конан Дойл. – Для этого необходимо, чтобы ваше имя оказалось на корешке книги. Только так сможете вы утвердить свою индивидуальность, и ваши сочинения либо приобретут высокую репутацию, либо заслужат презрение"[2].

К тому времени рассказы стали приятным дополнением к заработку врача, но Конан Дойлу было досадно, что имя его остается безвестным, да и деньги поступают лишь время от времени. Как большинство молодых писателей, он мечтал написать книгу. Возможно, женитьба раззадорила его честолюбие. Впрочем, о большой книге он подумывал и раньше. Вскоре после приезда в Саутси он начал работать над романом "История Джона Смита". Удовлетворение, испытанное им после завершения работы, вскоре уступило место ужасу, ибо единственная рукопись потерялась при пересылке. "До издателей она так и не дошла, – вспоминает Конан Дойл. – Почта бесконечно присылала голубые извещения, в которых сообщалось, что отправление не зарегистрировано и следов рукописи не обнаружено. Разумеется, то была моя лучшая вещь! Разве утраченное произведение может не быть лучшим? Но должен признаться, что потрясение, испытанное мной при исчезновении романа, ничто по сравнению с ужасом, который я ощутил бы, появись он вдруг сейчас, да еще в печати!"

После того как первая проба пера "благополучно затерялась", он засел за работу над новой книгой, которая получила название "Торговый дом Гердлстон". Конан Дойл, которому в ту пору было чуть больше двадцати, еще не обрел собственного голоса. Он с переменным успехом подражал двум своим литературным кумирам – Диккенсу и Теккерею. И неудивительно, что лучше всего ему удался персонаж по имени Томас Димсдейл, студент медицинского факультета Эдинбургского университета, нанявшийся судовым врачом на торговое судно, идущее в Африку. По признанию самого писателя, "история этого человека казалась мне в ту пору необычайно интересной, но я ни разу не слышал, чтобы она произвела подобное же впечатление на кого-либо еще".

На эту книгу у Конан Дойла ушло около двух лет. Он и тогда сомневался в ее достоинствах, а позже заявил, что "она ничего не стоит". Поэтому вряд ли удивился, когда рукопись стала возвращаться от издателей "с постоянством почтового голубя". В конце концов она прочно

1. "Его прощальный поклон". Перевод Н. Дехтеревой.
2. "Воспоминания и приключения".

обосновалась в глубине его письменного стола и была забыта на четыре года.

А сам он со свойственной ему неутомимостью взялся за новое сочинение. Оно называлось "Запутанная история", и его героями были некто Ормонд Сакер и "сонного вида молодой человек", который именовался то Шериданом Хоупом, то Шеррингфордом Холмсом. Писатель начал работу 8 марта 1886 года, и в апреле, к моменту ее окончания, название преобразовалось в "Этюд в багровых тонах", а главные герои – в Шерлока Холмса и доктора Ватсона.

Позднее Конан Дойл часто утверждал, что не помнит, как придумал эти имена. Этот вопрос всегда вызывал оживленные дискуссии среди поклонников Бейкер-стрит. В автобиографии Конан Дойл высказывается против "примитивного приема", когда имя превращается в характеристику героя. И значит, непритязательно звучащее имя Холмс было для него предпочтительнее какого-нибудь мистера Шарпса или Ферретса[1]. В выступлении 1921 года писатель еще раз коснулся этого вопроса: "В те давние дни осуждалось то, что и я считаю единственным недостатком Чарлза Диккенса, которым вряд ли кто-нибудь восхищался более, чем я. Мне кажется, что, если бы он отказался от этих всяких Тервидропсов, Титтлтитсов и других странных прозваний, которые давал героям, его произведения выиграли бы по части правдивости".

Смелое заявление со стороны автора "Торгового дома Гердлстон", назвавшего одного из своих героев Тобиас Клаттербек. Но, если даже Конан Дойл и предпочитал именовать героев не так мудрено, эти его слова отнюдь не помогают прояснить происхождение фамилий Холмс и Ватсон. В Стоунихерсте у него был одноклассник по имени Патрик Шерлок, а имя Уильям Шерлок встречается в горячо любимой им "Истории Англии" Маколея.

Что касается фамилии Холмс, то она почти наверняка обязана своим происхождением Оливеру Венделлу Холмсу, американскому врачу и литератору: в своих ранних очерках Дойл упоминает однажды это имя. Много позже он признался: "В моей жизни не было другого случая, когда бы я так хорошо знал и так преданно любил человека, которого никогда не видел". По воле обстоятельств Оливер Венделл Холмс провел в Британии три месяца в том самом 1886 году, когда был написан "Этюд в багровых тонах", и получил почетную степень в Эдинбургском университете, где в свое время учился Конан Дойл. Несмотря на то, что Дойл никогда не связывал его напрямую с Шерлоком Холмсом, он много раз вспоминал, что американский ученый нередко был для него источником вдохновения: "Этот мягкий, насмешливый философ, который был аристократом, поэтом, ученым, произвел глубочайшее впечатление на мой юношеский ум. Замечательная личность! Сколько терпимости, остроумия, мудрости".

Имя доктора Ватсона также дает простор для догадок. Среди членов Портсмутского литературного общества, членом которого был и Дойл, числился доктор Джеймс Ватсон; к тому же некий доктор Патрик Хирон Ватсон ассистировал Джозефу Беллу в Эдинбургской королевской

1. Sharp– острый, ferret – хорек, *(разг.)* сыщик *(англ.)*.

больнице. Но стоит ли склоняться в пользу того или другого варианта, коль скоро сам Конан Дойл относился к данному вопросу с откровенным безразличием? В одном из поздних рассказов о Холмсе ("Человек с рассеченной губой") не кто иной, как жена Ватсона, окончательно запутывает дело, называя мужа Джеймсом, хотя прежде он фигурировал как Джон.

Бог с ними, с именами. Источник вдохновения, позволивший Конан Дойлу создать своего знаменитого сыщика, совершенно ясен. "Я думал о своем старом учителе Джо Белле, – признавался писатель, – о его орлином профиле, его диковинном поведении, о том, как ловко он подмечал любые мелочи. Будь он сыщиком, он несомненно довел бы эту увлекательную, но неупорядоченную профессию до уровня точной науки".

Шерлок Холмс с его резкими чертами лица и орлиным профилем даже внешне похож на доктора Белла. Сходство становится еще более очевидным, как только Холмс начинает говорить. "Здравствуйте, – приветливо сказал Холмс, пожимая мне руку с силой, которую я никак не мог в нем заподозрить. – Я вижу, вы жили в Афганистане"[1].

Подобно тому, как доктор Белл вычислил род занятий шотландского сержанта, заметив, что тот не снял головной убор, Шерлок Холмс счел чрезвычайно важным, что у доктора Ватсона ограничена подвижность левой руки, а на запястьях нет загара.

Этот человек по типу – врач. Он только что приехал из тропиков – лицо у него смуглое, но это не природный оттенок, так как запястья у него гораздо белее. Лицо изможденное – очевидно, немало натерпелся и перенес болезнь. Был ранен в левую руку – держит ее неподвижно и немного неестественно[2].

Этот первый пример применения на практике "дедуктивного метода" определяет все последующие приключения Холмса. Сверхъестественная, на первый взгляд, способность сыщика распутывать преступления, основываясь вроде бы на сущих пустяках, стала отличительной и самой захватывающей чертой широко известных рассказов. Спустя много лет, когда некий журналист выразил недоумение, как случилось, что подобный образ всплыл в подсознании Конан Дойла, тот без обиняков сослался на своего давнего учителя: "О, простите, но он выплыл отнюдь не из моего подсознания. Шерлок Холмс, если можно так выразиться, литературная модификация одного из моих профессоров, у которых я учился в Эдинбургском университете".

В письме к Беллу писатель выразился еще определеннее: "Несомненно, Шерлоком Холмсом я обязан Вам, и хотя у меня есть преимущество: по моей воле он постоянно попадает то в одну, то в другую критическую ситуацию – я не считаю, что преувеличиваю его аналитические способности, если вспомнить, чего достигали Вы в своей практике".

Доктору Беллу было приятно отождествление с Шерлоком Холмсом, но он неизменно воздавал должное Конан Дойлу: "Благодаря своему гениальному воображению доктор Конан Дойл создал нечто вели-

1. "Этюд в багровых тонах" цитируется в переводе Н. Треневой.
2. Там же.

кое, использовав нечто совсем малое, — говорил Белл журналистам, — а доброе отношение к одному из прежних учителей несколько оживляет картину". Это приличествующее случаю проявление скромности, возможно, не убедит читателя, однако проницательность профессора делает ему честь: Конан Дойл недооценивал себя. Подобно тому, как он пренебрежительно отзывался о своей врачебной деятельности, он принижал и успех Шерлока Холмса. А успех был, и немалый.

После "Этюда в багровых тонах" Конан Дойл не хотел идти по пути, проторенному другими писателями. Он стал больше полагаться на собственный талант и воображение, а благодаря внутренней свободе появились творческие находки, которые привели к углублению образа Шерлока Холмса.

Первым счастливым озарением Дойла было решение использовать белловскую диагностическую процедуру в детективном ключе, что отнюдь не лежало на поверхности. И жанр, и само слово "детектив" существовали не более сорока лет и не так уж изобиловали великими достижениями. "Основной недостаток детективной литературы — необоснованность вывода", — сказал Конан Дойл в одном из ранних интервью. Сам он постарался вывести "сыщика, вооруженного научными методами и способного распутать интригу благодаря своим способностям, а не тупоумию преступника".

Конан Дойл черпал вдохновение в произведениях мастера жанра — Эдгара Аллана По, рассказы которого прочел "совсем юным, когда был гибок ум; его книга пробудила воображение и явила мне величайший пример достоинства и мастерства, с которыми можно рассказывать историю".

Слава По как отца современной детективной прозы основывается на пяти рассказах, написанных им между 1841 и 1844 годами. В этих рассказах (в трех действует Шарль Огюст Дюпен) По, можно сказать, предусмотрел все особенности классического детектива: тут и вдумчивый и несколько эксцентричный сыщик, недалекий помощник, ошибочно обвиненный клиент, не вызывающий подозрений преступник, законченный негодяй, тайный шифр, ошибочный ход следствия, кажущееся нереальным преступление.

Когда Конан Дойл взялся за "Этюд в багровых тонах", По еще не обрел всемирную известность и не стал первоочередным образцом для подражаний. Конан Дойл, один из немногих, верно оценивших его достижения, увидел непосредственную связь между инновациями По и собственными устремлениями. Однако "Этюд в багровых тонах" — наименее подражательное его произведение. Хотя своей неисчерпаемой способностью к умственному усилию Холмс и в самом деле весьма обязан силе интеллекта Дюпена, рассказы По послужили для Дойла скорее катализатором, нежели моделью. В свои двадцать шесть лет он был готов работать без страхующей сетки.

Несмотря на то, что Дойл считал По непревзойденным мастером, на "Этюд в багровых тонах" повлияли детективы и другого, почти забытого сегодня автора. Французский писатель Эмиль Габорио, чьи остросюжетные романы были в свое время весьма популярны, импонировал Конан Дойлу "тщательным увязыванием сюжета". Созданный Габорио сыщик месье Лекок обладал многими чертами и навыками, которые те-

перь прочно связываются в нашем сознании с Шерлоком Холмсом. Лекок не только был мастером переодеваний, но применял научные методы — например, пользовался гипсовыми слепками, чтобы получить отпечатки ног преступника. Презрение Лекока к главе службы безопасности Жевролю предвосхищает стиль отношений между Шерлоком Холмсом и инспектором Лестрейдом из Скотленд-Ярда, а добродушный, но недалекий отец Абсент, товарищ Лекока, восхищающийся его умениями, возможно, стал прототипом доктора Ватсона.

Конан Дойл закончил работу над "Этюдом в багровых тонах" в конце апреля 1886 года. Свертывая рукопись в трубку, чтобы отослать ее в "Корнхилл мэгэзин", он и не подозревал, что создал одного из самых ярких литературных героев. Сегодня в Эдинбурге неподалеку от дома, где родился писатель, стоит памятник Шерлоку Холмсу; изображения знаменитого сыщика украсили серию британских почтовых марок; на стенах станции лондонского метро "Бейкер-стрит", находящейся поблизости от знаменитого дома № 221Б, изображены сцены из рассказов о Холмсе. Мало кто из читавших рукопись в 1886 году мог предугадать подобную славу. Хотя образы Шерлока Холмса и доктора Ватсона выписаны тщательно, молодой писатель еще не обрел своего характерного стиля. Оглядываясь на "Этюд в багровых тонах", видишь, как сильно он напоминает вышедшего в том же году "Динамитчика" Роберта Луиса Стивенсона.

Решение Конан Дойла включить историю мормонов в сюжет повести может быть непонятно современному читателю. Однако, когда Конан Дойл приступал к работе, в газетах часто писали о мормонах, об их аморальной жизни — особенно о практике многоженства. Конан Дойл, видимо, немало прочел на эту тему, однако ему бы следовало заглянуть и в атлас, потому что в "Этюде в багровых тонах" Юта и Рио-Гранде странным образом лишились своего реального местонахождения. Подобные неурядицы возникали часто. В одном из более ранних рассказов, действие которого происходит в Новой Зеландии, писатель умудрился расположить процветающую ферму в двадцати милях от берега — в открытом море. "Бывает", — пожимал в таких случаях плечами автор.

Вскоре первая сага о Шерлоке Холмсе начала совершать "привычные круги": три издателя ответили отказом. Конан Дойл написал матери: "Поистине литература — это раковина, из которой нелегко выковырить устрицу". В сентябре он в очередной раз свернул рукопись в трубку и послал ее в четвертое по счету издательство — лондонское "Уорд, Локк и К°". В конце октября пришло письмо, сообщавшее, что повесть хотя и понравилась, но... "Мы не сможем опубликовать ее в этом году, — писал редактор, — так как в настоящее время рынок забит дешевой литературой"[1]. Конан Дойлу было предложено подождать до следующего года, а за право публикации издательство обещало заплатить 25 фунтов стерлингов.

"Предложение было не слишком соблазнительным, — признавался позже Конан Дойл, — даже такой бедняк, как я, сомневался, стоит ли его принять"[2]. Для сомнений причин было достаточно. Гонорар был ничтожный — за другую, более короткую вещь, "Сообщение Хебекука

1. "Воспоминания и приключения".
2. Там же.

Джефсона", ему только что уплатили больше, да и ждать целый год не хотелось. Он попросил небольшой аванс, но получил отказ на том основании, что "это вызовет непонимание у других авторов". В конце концов он принял эти условия, но позже признавался, что "больше не получил ни пенни от этой фирмы".

Конан Дойл надеялся, что "Уорд, Локк и К°" выпустит "Этюд в багровых тонах" отдельной книжкой, и тогда наконец осуществится его мечта увидеть свое имя на обложке. Однако повесть вышла в ноябре 1887 года, став "гвоздем программы" сборника рассказов и очерков "Рождественский ежегодник Битон", основанного двадцать лет назад женой Сэмюэла Битона, которая завоевала славу как автор книги по кулинарии и домоводству. Ежегодник был распродан за две недели, что скорее объяснялось известностью Битон, нежели триумфом "Этюда в багровых тонах". Сама вещь не вызвала особого энтузиазма, хотя собрала достаточное количество хвалебных рецензий, чтобы выйти на следующий год отдельной книжкой. Снабженное соответствующей рекламой ("Потрясающая история!"), новое издание включало в себя шесть рисунков, принадлежавших перу отца Конан Дойла. Неизвестно, сам ли Конан Дойл предложил в качестве иллюстратора отца или издатели пожелали ввести такое новшество, как сотрудничество отца и сына. Чарлз Дойл работал над заказом в лечебном заведении Эдинбурга, иллюстрации получились удивительно неэмоциональными и неинтересными, однако бородатый Холмс — сильно напоминающий самого художника — заставляет предположить, что Дойл-старший распознал в творении сына какие-то свои черты.

К тому времени, когда "Этюд в багровых тонах" вышел отдельным изданием, внимание Конан Дойла уже переключилось на совсем другие вещи. За долгое время ожидания у него появилось немало иных замыслов, и он надеялся, что новые произведения будет легче напечатать. Действие "Мики Кларка" разворачивается в конце XVII века. Это история жизни английских пуритан, фоном которой послужили восстание герцога Монмутского и неудачная попытка Якова Шотландского захватить трон Якова II. Работая над романом, Конан Дойл выработал привычку (которой он никогда потом не изменял) несколько месяцев тратить на изучение эпохи, чтобы можно было любовно и подробно описывать алонжевые парики или белые кружевные галстуки. Хотя действие "Мики Кларка" то и дело прерывается затянутыми описаниями, роман отличают все те достоинства, которые были присущи и последующим историческим романам Конан Дойла: ясный голос повествователя, впечатляющие сцены сражений, яркий колорит эпохи.

"Дописав в начале 1888 года роман, я был преисполнен великих надежд, — вспоминал писатель, — и вот рукопись отправилась в странствие". Ему пришлось еще раз убедиться в том, что издатели не спешат поддаваться его чарам. Редактор "Корнхилл мэгэзин" спрашивал, чего ради он тратит время и талант на исторические романы. По мнению "Бентли и К°", "роману недостает самого важного качества литературного произведения — увлекательности". Некоторые другие издательства вынесли не менее удручающий приговор.

Тогда Конан Дойл послал рукопись в издательство "Лонгменз", где она привлекла внимание влиятельного шотландского издателя и историка Эндрю Лэнга. Лэнг посоветовал фирме принять рукопись, и в фе-

врале "Мика Кларк" вышел отдельной книгой. Конан Дойл всегда считал своим серьезным литературным дебютом именно этот роман, а не вышедший годом раньше "Этюд в багровых тонах". В первый же год роман был переиздан трижды.

Вместе с его выходом в свет родился и конфликт – главный внутренний конфликт писателя. С одной стороны, существовал Шерлок Холмс, герой "другой и более непритязательной" литературы, до уровня которой Конан Дойл позволял себе время от времени опускаться, чтобы свести концы с концами. С другой – были написаны исторические романы, пьесы, стихи и другие произведения, благодаря которым он надеялся занять достойное место в литературном пантеоне. Когда через несколько лет его попросили написать предисловие к очередному переизданию "Этюда в багровых тонах", он заявил, что "такой примитивный жанр, как детектив, вряд ли заслуживает чести иметь предисловие". Что же касается "Мики Кларка", то этот роман он, напротив, высоко ценил: "Я ощутил, – признавался он некоторое время спустя, – что теперь в моих руках есть инструмент, с помощью которого я сумею расчистить для себя дорогу в литературу".

В то время Конан Дойл не намеревался развивать тему Холмса. Он наслаждался тем, что доктор Ватсон называл "безоблачным счастьем и чисто семейными интересами, которые возникают у человека, когда он впервые становится хозяином в собственном доме"[1]. На врачебную практику вполне можно было рассчитывать, литературная деятельность стала наконец приносить успех, и Конан Дойл с удовольствием предался радостям жизни в Саутси. В частности, он так энергично участвовал в спортивных состязаниях, что ломал себе то ребра, то пальцы. Не имевший собственного выезда молодой доктор разъезжал по городу на тяжелом трехколесном велосипеде с огромными колесами.

Когда 28 января 1889 года Луиза родила их первого ребенка – дочь Мэри, Конан Дойл почувствовал вполне естественное удовлетворение тем, как складывается его жизнь в Саутси. "Она кругленькая и пухленькая, у нее голубые глазки, ножки с перевязочками и упитанное тельце, – написал он Мэм. – Если тебя интересуют подробности, задавай вопросы. Я не слишком опытен в описании младенцев".

Несмотря на семейное счастье, он ощущал духовную пустоту, началось это еще в юности, когда он порвал с католицизмом. Полтора года он не крестил дочь, да и согласился на крещение лишь по настоянию Мэм. Дело было отнюдь не в лености – нежелание крестить ребенка свидетельствовало о том, что его агностицизм зашел достаточно далеко: "Я больше не ломлюсь в запертые двери. Я отказался от старых ценностей в силу их бесполезности, но отчаялся когда-либо обрести новые, которые помогут мне плыть в разумном направлении". Тем не менее он уже "плыл" в сторону новой, неортодоксальной веры: "Чуть позже я ощутил слабый, предрассветный луч, которому было суждено со временем разгораться все ярче и ярче".

В молодые годы этот "предрассветный луч" порой приобретал причудливые очертания. Поначалу отношение писателя к миру духов было весьма легкомысленным. Однако вскоре его тон стал серьезнее. Говоря

1. "Скандал в Богемии".

о раннем периоде своей литературной карьеры, Конан Дойл не любил упоминать короткую повесть под названием "Тайна Клумбер-Холла", вышедшую из печати незадолго до "Мики Кларка" и вскоре основательно забытую. Эта странная, путаная история повествует о трех буддийских монахах, которые воскресли из мертвых, чтобы отомстить некоему английскому офицеру, за несколько лет до того совершившему преступление. Почти в каждой главе мы сталкиваемся с невероятными проявлениями паранормального: астральные проекции, прозрения, сверхчувственное восприятие и даже превращение материи, описываемое как способность "химическим путем разделять предмет на атомы и вновь сводить к изначальной форме".

С годами интерес Конан Дойла к миру духов стал притчей во языцех, критики неустанно подчеркивали несоответствие между взглядами писателя и здравым смыслом и логикой Шерлока Холмса. Тогда, как и сейчас, преобладала точка зрения, что к концу жизни у Конан Дойла произошло нечто вроде размягчения мозгов. На самом деле о странных, напряженных отношениях между материальным миром и миром духов Конан Дойл писал всегда — на всех стадиях творчества. Хотя "Тайну Клумбер-Холла" вряд ли можно отнести к забытым шедеврам Дойла, повесть явно свидетельствует о том, что молодой писатель уже в ту пору сомневался в пресловутой мудрости науки. "Да и что такое наука? — вопрошал он в конце книги. — Наука — это лишь согласие мнений ученых между собой, и история не раз показывала, что наука весьма медлительна и неповоротлива, когда речь идет о необходимости принять истину. Наука двадцать лет не желала признавать Ньютона и его законы. Наука математически доказала, что корабль из железа не может плавать, и наука же заявила, что пароход никогда не пересечет Атлантику"[1].

От всего этого до спиритических сеансов оставался один шаг.

Глава 8
Исполненный высоких помыслов молодой человек

> Есть деньги и в ушах, но глаз — золотой рудник.
>
> А. Конан Дойл
> *Письма Старка Монро*[2]

Шерлок Холмс взял с камина пузырек и вынул из аккуратного сафьянового несессера шприц для подкожных инъекций. Нервными, длинными белыми пальцами он закрепил в шприце иглу и завернул манжет левого рукава. Несколько времени, но недолго он задумчиво смотрел на свою мускулистую руку,

1. Перевод М. Антоновой и В. Штенгеля.
2. Перевод М. Энгельгардта.

испещренную точками прошлых инъекций. Потом вонзил острие и откинулся на спинку плюшевого кресла, глубоко и удовлетворенно вздохнул[1].

Этими словами, пользующимися, возможно, самой дурной славой во всей детективной литературе, Конан Дойл добавил красок образу Шерлока Холмса и одновременно дал повод к нескончаемым спорам. Был ли Шерлок Холмс наркоманом? Ведь именно так следует понимать приведенный выше абзац, которым начинается "Знак четырех". А если был, то в какой степени это определяется личным опытом писателя?

О Шерлоке Холмсе и его семипроцентном водном растворе кокаина написано много. В свое время эта тема обсуждалась на страницах "Ланцета" и "Американского хирургического журнала". Не кто иной, как Джордж Бернард Шоу – правда, в частной беседе, – презрительно отозвался о сыщике как о "наркомане, в котором нет ничего хорошего". Наверное, наиболее убедительно звучит свидетельство доктора Ватсона, который не упустил случая упрекнуть друга: "Стоит ли игра свеч?! – вопрошал он в 'Знаке четырех'. – Неужели ради мимолетного удовольствия вы готовы рисковать великими способностями, которые вам даны?[2]"

В нескольких ранних рассказах Конан Дойл дает понять, что Холмсу нужна искусственная стимуляция для того, чтобы бороться "с унылым, однообразным течением жизни". Пока ум сыщика занят распутыванием очередного дела, все в порядке. Однако в периоды бездействия он впадает в глубокую депрессию или в состояние прострации. Он объясняет Ватсону, что его ум подобен работающему мотору: если не подключить его к машине, для которой он создан, произойдет взрыв. В подобные периоды Холмс, по крайней мере на ранних стадиях своего литературного существования, нуждался в "возбуждении ума" кокаином. Его создатель, по случайности или намеренно, никогда не допускал, чтобы у героя образовалась настоящая зависимость от наркотиков: Холмс легко обходится без кокаина, когда погружается в решение очередной увлекательной загадки. Но едва дело оказывается закрыто, Холмс опять хватается за наркотики. Об этом – последние строки "Знака четырех":

– Что же остается вам?

– Мне? – сказал Холмс. – А мне – ампула с кокаином. – И он протянул свою узкую белую руку к несессеру.

Конан Дойл написал "Знак четырех" в 1889 году, когда кокаин был предметом пристального внимания медиков. Самым известным исследователем был профессор Роберт Кристисон из Эдинбургского университета, в котором учился и сам Конан Дойл. Этот профессор получил в свое распоряжение листья коки, привезенные знаменитой экспедицией профессора Томсона на корабле "Челленджер". Обычно кокаин использовали для анестезии, особенно в глазной хирургии, однако его рекомендовали и как "стимулирующее". Препарат и его производные

1. "Знак четырех" цитируется в переводе М. Литвиновой.
2. Там же.

легко было купить, не нарушая закона, он продавался в виде таблеток, микстур и полосканий.

Таким образом, современникам Конан Дойла кокаин не казался столь же опасным и порочным, как нам. По сути, суровые предупреждения доктора Ватсона о вреде наркотиков, должно быть, воспринимавшиеся иными читателями-современниками как проявления педантизма, позволяют предположить, что сам Конан Дойл относился к кокаину более осторожно, чем окружающие. К концу XIX века, когда существование наркотической зависимости уже ни у кого не вызывало сомнения, Конан Дойл стал еще откровеннее высказываться на эту тему: "Много лет, – сообщал доктор Ватсон, – я боролся с его пристрастием к наркотикам, которое одно время чуть было не погубило его поразительный талант. И теперь, даже в состоянии безделья, он не испытывал влечения к этому искусственному возбудителю чувств. Но я понимал, что привычка не уничтожена совсем, она дремлет"[1].

Остается неясным, применял ли кокаин сам Конан Дойл. Известно, что он был не прочь поэкспериментировать – проверить на себе действие того или иного лекарства. Так, в 1879 году, еще учась в университете, он послал в "Британский медицинский журнал" отчет о действии препарата под названием гельземин – экстракта корня жасмина[2], который применял для лечения своей хронической невралгии. Решив послужить для науки лабораторной морской свинкой, он хотел установить лечебную дозу и симптомы передозировки.

Каким бы безрассудным ни казалось подобное экспериментирование, в те времена в нем не было ничего экстраординарного. Конан Дойл знал, что профессор Кристисон тоже жевал листья коки, когда исследовал в лаборатории ее свойства. Для двадцатилетнего студента работа заслуженного медика не могла не служить примером. Итак, в течение нескольких дней Дойл принимал все увеличивавшиеся дозы гельземина, тщательно регистрируя нарастающую "тошноту и общую слабость"; сигналом для окончания эксперимента послужила "изнуряющая диарея", свидетельствовавшая о нежелательности дальнейшего повышения дозы. Таким образом, Конан Дойл готов был испытывать на себе лекарства, которыми собирался пользоваться в своей врачебной практике. Но это не означает, что он подвергал подобной проверке все применяемые им препараты, и, кроме того, нет никаких данных о том, что он когда-либо прописывал пациентам кокаин или его производные. Долгая жизнь и могучее здоровье писателя косвенно свидетельствуют о том, что сам он вряд ли прибегал к чему-либо подобному – даже из любопытства. Сомнительно, чтобы исполненный высоких помыслов молодой человек позволял себе прибегать к наркотикам.

Тогда с какой стати он заставил своего героя употреблять кокаин? Современному читателю неприятно представлять себе, как Шерлок Холмс вкалывает себе наркотик. Однако, с точки зрения автора, шприц мог быть еще одним интересным аксессуаром – в придачу к скрипке, красному халату и мотетам Лассуса. Создавая его образ, Ко-

1. "Пропавший регбист". Перевод Ю. Левченко.
2. Гельземий (*лат.*) – североамериканское растение, желтый жасмин.

нан Дойл надеялся поднять криминальную науку до уровня искусства. Для этого ему был нужен скорее сыщик-художник, чем сыщик-полицейский. Сам писатель с его широкими плечами, крепкими бицепсами и румянцем во всю щеку скорее мог сойти за флегматичного лондонского бобби. Холмс же являл собой полный контраст своему создателю. Он был худощав, томен и не чужд эстетизма. И вполне соответствовал типу богемной артистической натуры, эксцентричной и склонной к предосудительным слабостям, вроде, увы, кокаина. "Артистичность, когда она в крови, закономерно принимает самые удивительные формы"[1].

В августе 1889 года Конан Дойл получил приглашение в Лондон на литературную встречу: главный редактор филадельфийского ежемесячника "Липпинкотт" Джозеф Маршалл Стоддарт специально приехал в Лондон, чтобы договориться о британской версии этого журнала. В Лондоне он надеялся заказать ряд произведений самым известным молодым английским писателям. В это время произведения Конан Дойла пользовались большей популярностью в Америке, чем в Англии, потому что там не было закона о защите авторских прав. Целый ряд рассказов Конан Дойла был опубликован в пиратских изданиях, которые, как он горестно отмечал, "возможно, печатались на оберточной бумаге".

Хотя он и жалел о недополученных гонорарах, эти книги завоевали для него широкий круг читателей в ту пору, когда в Англии его имя еще было мало известно. И когда Джозеф Стоддарт пожелал с ним встретиться, писатель, должно быть, с благодарностью подумал о своих американских поклонниках: "Понятно, что я сразу же решил оставить на денек пациентов и с радостью принял предложение".

Обед состоялся в Вест-Энде в известной гостинице "Лэнем" — это место трижды фигурирует в рассказах о Шерлоке Холмсе. В тот вечер в гостях у Стоддарта были еще два человека: Патрик Джил, бывший издатель, а теперь депутат парламента, и Оскар Уайльд.

Трудно представить себе двух столь разных людей, как Оскар Уайльд и Конан Дойл. Должно быть, в ту первую встречу они удивились друг другу. Пышущий здоровьем, дружелюбный провинциальный доктор, способный расплющить чужую ладонь при рукопожатии, отличался серьезностью и прямотой. Меланхоличный и томный Уайльд являл собой полную противоположность ему. Их литературные взгляды также не совпадали. Конан Дойл ценил историческую правду, был прирожденным рассказчиком и гордился ясностью и простотой своего стиля, Уайльд же стоял во главе направления, развивавшегося под лозунгом "искусство для искусства". Тем не менее они прекрасно поладили. "Для меня это был воистину золотой вечер, — вспоминал Конан Дойл. — Его разговор оставил в моей душе неизгладимое впечатление. Он далеко превосходил всех нас, но умел показать, что ему интересно все, что мы могли произнести. Он обладал тонкими чувствами и тактом. Ведь человек, единолично завладевающий разговором, как бы умен он ни был, в душе не может быть истинным джентльменом"[2].

1. "Случай с переводчиком". Перевод Н. Вольпин.
2. "Воспоминания и приключения".

Встреча закончилась тем, что оба писателя согласились написать для журнала "Липпинкотт" по небольшой повести. Спустя несколько дней Конан Дойл сообщал Стоддарту: "Шерлок Холмс, герой 'Этюда в багровых тонах', будет у меня распутывать новое дело. Я заметил, что все, кто читал эту книжку, хотят узнать что-нибудь еще об этом молодом человеке". По договору, Конан Дойл должен был написать повесть длиной не менее 40 000 слов. Он справился с этой задачей за два месяца. Стоддарт требовал "пикантного заголовка", и Конан Дойл в конце концов остановился на названии "Знак четырех". "Рад сообщить Вам, — написал он издателю, — что Холмс по-прежнему в прекрасной форме. Полагаю, что не ошибаюсь, хотя обычно бываю недоволен своими произведениями".

"Знак четырех" вышел в "Липпинкотте" одновременно по обе стороны Атлантики — в феврале 1890 года. Отзывы рецензентов были исключительно благоприятными. "Это самая лучшая история из всех читанных мной", — написал один рецензент. Конан Дойл полностью оправдал и доверие Стоддарта, и расходы на издание, включив в сюжет тайну запертой комнаты (как в "Убийстве на улице Морг" Эдгара По), похищенное сокровище, любовное увлечение доктора Ватсона, злобного карлика с трубкой для выдувания отравленных стрел-колючек и — в качестве кульминации — погоню на полицейском катере по Темзе. Поскольку в то время Дойл еще недостаточно хорошо знал Лондон, при выборе мест действия ему пришлось пользоваться картой. Проще всего оказалось описать роман между доктором Ватсоном и клиенткой Холмса Мэри Морстен, чье "милое и располагающее" выражение лица наводит на мысль о жене писателя Луизе.

В "Знаке четырех" Конан Дойл закрепил все находки "Этюда в багровых тонах" и усложнил образ Холмса. Но несмотря на все достоинства, в повесть из-за спешки вкрались нелепые ошибки, до сих пор озадачивающие "шерлокианцев". Наиболее известная из них — это могут подтвердить все почитатели Холмса — запутанная история военного ранения доктора Ватсона. Из "Этюда в багровых тонах" мы знаем, что пуля поразила доктора в плечо, но в "Знаке четырех" рана таинственным образом переместилась на бедро. Это заметили еще современники Конан Дойла.

Оскар Уайльд тоже не подвел Стоддарта, он написал для "Липпинкотта" один из лучших романов XIX века — "Портрет Дориана Грея".

Едва работа над "Знаком четырех" осталась позади, Конан Дойл вернулся к замыслу, над которым уже год как трудился. Заказ Стоддарта отвлек его от нового исторического романа, который, как он надеялся, будет "еще более смелым и вызывающим", чем "Мика Кларк". Слушая однажды лекцию под названием "История средневековой торговли", писатель заинтересовался XIV веком. Спустя несколько месяцев он начал работу над романом "Белый отряд", основанным на легендах о доблестных и благочестивых рыцарях и героических подвигах английского дворянства, так занимавших его в детстве. Сын с любовью отдавал долг матери: хотя много лет прошло с тех пор, как он сиживал у родительского очага в Эдинбурге, слушая истории о давних временах, пламя этого очага никогда не угасало в его душе.

"В течение двух лет я изучал жизнь Англии XIV века и время правления Эдуарда III, когда страна достигла расцвета, – рассказывал потом писатель журналистам. – Об этом времени почти ничего нет в художественной литературе, мне приходилось то и дело сверяться с первоисточниками. Я воссоздал образ средневекового лучника, который кажется мне самым замечательным достоянием английской истории... Он был в первую очередь воином, одним из лучших воинов в мире – грубым, привычным к попойкам и божбе, но полным отваги и животной силы... Помню, когда написал последнюю строчку, я воскликнул: 'Я никогда не создам ничего лучше!' – и метнул перепачканное чернилами перо в стену, обитую бледно-зелеными обоями цвета утиных яиц. Черное пятно потом долго красовалось на этом месте".

Первое издание "Белого отряда" разошлось огромным тиражом, успех означал, что автора пора причислить к "серьезным" английским писателям. По мнению одного рецензента, "этот роман – не только волнующее описание нашего славного прошлого, но и захватывающая приключенческая история; Конан Дойлу удалось прекрасно уравновесить эти два начала". При жизни писателя роман переиздавался более пятидесяти раз, был включен в списки обязательной литературы для школьников и должен был "долго жить и просвещать подростков в отношении наших национальных ценностей".

Блестяще освоивший традиции Вальтера Скотта, Конан Дойл не мог понять, почему "Белый отряд" не занял такого же места, как романы классика. "Рано или поздно каждая вещь бывает оценена по достоинству, – писал он, – и я думаю, что, если бы никогда не имел дела с Холмсом, стремившимся затмить мои более достойные работы, мое положение в литературном мире было бы в настоящее время более почетным". С этим нельзя не поспорить. Сэр Вальтер Скотт умер почти за шестьдесят лет до написания "Белого отряда". Хотя роман Конан Дойла удостоился настоящего признания, эпоха Скотта и его растянутых исторических полотен миновала – чего Конан Дойл так и не смог признать. А в своих "менее достойных" произведениях он подхватил то, что было начато Эдгаром По и Габорио, и превратил в животрепещущее настоящее. Однако с точки зрения самого писателя, триумфу его серьезных произведений помешал Шерлок Холмс. Конан Дойлу пришлось прервать работу над "Белым отрядом", чтобы в срочном порядке – меньше чем за два месяца – написать "Знак четырех". И успех, которого вскоре предстояло достичь Холмсу, казался ему совершенно несоразмерным.

В августе 1890 года бактериолог Роберт Кох объявил на Международном медицинском конгрессе в Берлине об открытии нового метода лечения туберкулеза. Врачи всего мира толпами съезжались в Германию, чтобы увидеть демонстрацию этого метода, согласно которому вакцина вводилась непосредственно в лимфатическую систему. Конан Дойл, недавно выступивший в печати с письмом в поддержку обязательной вакцинации против оспы, как врач имел все основания заинтересоваться этим нововведением. Тем не менее его внезапное решение уехать в Берлин, о котором он объявил буквально за несколько часов до отъезда, скорее свидетельствует о порывистом характере, нежели о стремлении к медицинскому просвещению. "Меня внезапно ох-

ватило непреодолимое желание отправиться в Берлин и увидеть, как он это сделает. Я бы не мог выдвинуть для этого никакой убедительной причины, – признавался он, – но порыв был так силен, что я сразу решил ехать. Будь я известным врачом или специалистом по туберкулезу, это было бы понятно, но дело в том, что я никогда особенно не интересовался достижениями в области своей собственной профессии и был глубоко убежден, что значительная часть так называемого прогресса – не более чем иллюзия"[1].

Тем не менее он поспешно уехал из Саутси, решив, что должен своими глазами увидеть это чудо. По дороге он остановился в Лондоне, чтобы встретиться с влиятельным журналистом У. Т. Стедом, издававшим в то время "Ревью ов ревьюз". Стед, как вспоминал Конан Дойл, "весьма доброжелательно отнесся к незнакомому толстому доктору из провинции" и заказал ему статью о новом методе Коха.

Прибыв в Берлин, Дойл понял, что достать билет на демонстрацию не удастся. Тогда он бесстрашно отправился к Коху домой, но дальше передней его не пустили. Зато он увидел, как почтальон вываливает на пол целый мешок писем, на которых красовались марки чуть ли не всех стран Европы. Он испытал потрясение при мысли обо "всех тех несчастных, измученных людях, которые возлагали надежды на помощь из Берлина". Он знал, что сотни больных туберкулезом едут в Германию в надежде на чудесное исцеление, причем многие в столь тяжелом состоянии, что умирают по дороге. Эффективность метода Коха еще не получила окончательного подтверждения, и Конан Дойлу показалось, что "по миру прокатилась волна безумия".

Так и не попав на демонстрацию, Конан Дойл взялся за штудирование конспекта прочитанной лекции. Оно убедило его в том, что чрезмерное восхваление нового метода преждевременно и что бесчисленные жертвы туберкулеза цепляются за неоправданную надежду. Он поспешил в гостиницу и послал срочное письмо в "Дейли телеграф". Воздавая хвалу "благородной скромности" самого Коха, который не выходил из лаборатории, пока другие демонстрировали его метод, Конан Дойл объявил, что сделанное в Берлине открытие пока не завершено и его результативность не очевидна.

Конечно, можно задаться вопросом, вправе ли был Конан Дойл делать такие заявления. Он был всего лишь неизвестным врачом, мало сведущим в вопросах лечения туберкулеза; к тому же он даже не присутствовал на демонстрации метода. На что он мог рассчитывать, плывя против течения и выступая против мнения медицинской общественности? Но ему было больно думать обо всех тех страдальцах, чьи письма ему довелось увидеть, и он счел себя обязанным предостеречь тех, кого мог, – читающую публику. Дальнейшие события подтвердили обоснованность его сомнений, и он очень гордился тем, что его предостережение оказалось своевременным. То был первый из предпринятых им "крестовых походов"; впоследствии, войдя во вкус, он не раз участвовал в подобных общественных кампаниях.

1. "Воспоминания и приключения".

Глава 9
Горы бумаги, исписанные чепухой

"Доброй ночи, мистер Шерлок Холмс!"[1]

До сих пор Конан Дойл вкладывал почти все силы в создание романов – отдельные рассказы, которые он писал с самой юности, по-прежнему мало способствовали продвижению его писательской карьеры. Но приглядевшись к издательскому рынку, он понял, что пора еще раз круто изменить направление усилий. Ему пришло в голову, что следует написать серию рассказов об одном и том же герое. Это давало преимущество перед традиционным романом-фельетоном, потому что интерес читателя, даже если он пропускал один или два выпуска, не ослабевал. Конечно, Конан Дойл знал, что выходившие отдельными выпусками романы Чарлза Диккенса ничуть не теряли в популярности, но теперь и журналов стало больше, и значительно выросла грамотность, но не всем читателям хватало терпения и денег, чтобы следить за развитием длинной саги. "Подыскивая себе главного героя, – вспоминал писатель, – я почувствовал, что Шерлок Холмс, которого я уже вывел в двух маленьких книжках, вполне подходит для такой серии рассказов"[2].

Важность подобного решения невозможно переоценить. Конан Дойл не просто придумал удачный маркетинговый ход – он нашел наилучший способ раскрытия собственного таланта. "Я убежден, – писал он впоследствии в книге "За волшебной дверью", – что хороших рассказов значительно меньше, чем хороших романов. Чтобы вырезать камею, нужно обладать более тонким умением, чем для того, чтобы изваять статую". Сам он в избытке обладал подобными умениями, и ярче всего они проявились в рассказах о Шерлоке Холмсе. В повестях, особенно в более поздних, сыщика порой приходилось надолго уводить со сцены, что не способствовало занимательности изложения. Тогда как форма короткого рассказа гарантировала компактность повествования и быстрое развитие событий, а также демонстрировала исключительную способность автора к производству детективных сюжетов. Из шестидесяти историй, составляющих полное собрание приключений Шерлока Холмса, пятьдесят шесть – рассказы. Шерлок Холмс был скорее спринтером, чем бегуном на длинные дистанции.

Чтобы осуществить это начинание, нужно было найти журнал, который заинтересовался бы подобной идеей. К тому времени на всех перекрестках уже десять лет как продавался журнал под названием "Титбитс", печатавший всякую всячину: информационные материалы, юмор, короткую прозу – и принесший целое состояние своему основателю Джорджу Ньюнесу, который не остановился на достигнутом и начал выпускать кучу других периодических изданий. Когда Конан Дойл

1. Реплика Ирен Адлер из рассказа "Скандал в Богемии".
2. "Воспоминания и приключения".

взялся за серию рассказов о Шерлоке Холмсе, самым новым из них был "Стрэнд", первый номер которого вышел в январе того же года под редакцией Герберта Гринхофа Смита.

Незадолго до этого, дабы избавиться от "отвратительной необходимости заключать сделки", Конан Дойл нанял в качестве своего представителя А. П. Уотта, которому, как говорят, мы обязаны термином "литературный агент" и который оказался весьма опытным и ловким посредником. В апреле 1891-го он получил от Конан Дойла первые рассказы холмсовской серии. Тот предложил два из них — возможно, "Скандал в Богемии" и "Союз рыжих" — Гринхофу Смиту в "Стрэнд". Спустя годы Смит часто вспоминал о дне, когда у него на столе оказались эти истории. "Какая божественная находка для редактора, вынужденного продираться, как ошалелый, сквозь кипы самых невозможных сочинений! Изобретательный сюжет, прозрачная ясность стиля, совершенное искусство рассказчика! А что за почерк — твердый, свидетельствующий о характере автора, четкий, как печать".

Впоследствии Конан Дойл часто упоминал "многих добрых друзей", которые постоянно требовали новых приключений Шерлока Холмса. Самым настойчивым был конечно же Гринхоф Смит. Почувствовав, что Конан Дойл устал от сыщика, Смит начал "вытягивать" из упирающегося писателя новые рассказы, повышая гонорары, прибегая к уговорам, комплиментам. Конан Дойл же на всю жизнь сохранил благодарность Смиту, часто отказывался от более высокой оплаты в других журналах, предпочитая отдавать рукописи в "Стрэнд". В карьере Гринхофа Смита было немало удач, но начало сотрудничества с Конан Дойлом он считал самым значительным событием в жизни: "Я сразу же понял, что имею дело с величайшим рассказчиком со времен Эдгара Аллана По. И сейчас помню, как влетел в кабинет мистера Ньюнеса и положил перед ним эти новеллы". Издатель вполне разделил энтузиазм своего редактора и тотчас заказал еще четыре рассказа о Шерлоке Холмсе с тем, чтобы всего их было шесть и можно было печатать по одному в номере с июля по декабрь. И Конан Дойл написал для "Стрэнда" "Человека с рассеченной губой", "Установление личности", "Тайну Боскомской долины" и "Пять апельсиновых зернышек", получая по тридцать пять фунтов за публикацию.

Первым вышел "Скандал в Богемии", возможно, самый удачный из всех рассказов о Шерлоке Холмсе. Хотя сюжет напоминает "Похищенное письмо" Эдгара По, история привлекает живостью стиля, занимательностью сюжета и легким юмором, свойственным Конан Дойлу. Дело начинается с того, что на Бейкер-стрит является тщательно загримированный клиент, в котором Холмс узнает не более не менее, как короля Богемии. Тот обращается за помощью к сыщику, чтобы вернуть компрометирующую его фотографию, где он снят в обществе молодой оперной певицы Ирен Адлер из Нью-Джерси. Холмс распутывает дело, проявляя невероятную изощренность ума, однако главное тут не столько перипетии сюжета, сколько замечательное описание мисс Адлер — "известной авантюристки", которой в конце концов удается перехитрить Холмса. Его так поражает подобный исход дела, что, вместо платы за услуги, он просит фотографию мисс Адлер. "Холмс вечно подтрунивал над женским умом, — пишет в заключение Ватсон, — но за по-

следнее время я не слышал его шуток на этот счет. И когда он вдруг заговаривает об Ирен Адлер или о ее фотографии, то неизменно произносит почетный титул: 'Та Женщина'".

Может показаться странным, что Конан Дойл начал серию рассказов подобным образом, да еще и позволил женщине одержать верх над знаменитым сыщиком. В своих произведениях (хотя и не всегда в реальности) Конан Дойл восхищался сильными, независимыми женскими натурами. Следует отметить, что подобные героини были малотипичны для поздней викторианской прозы. Хотя Холмс и не сделал Ирен Адлер предложения, поражение от рук женщины во многом добавило пикантности рассказу и сделало более человечным его образ, который до тех пор был "самой современной мыслящей и наблюдающей машиной". В отличие от Дюпена, у Шерлока Холмса появился внутренний мир.

Конан Дойл простодушно ввел в рассказ ряд щекотливых подробностей, наводивших на подозрение, что в основе лежат подлинные скандалы. Сочтя, что сюжет – слегка замаскированный намек на реальные события, многие стали искать прототипы таинственной Ирен Адлер и ее незадачливого обожателя. Одной из претенденток стала певица Людмила Хубель, чьи отношения с эрцгерцогом Тосканским Иоанном-Сальватором, племянником императора Франца-Иосифа, давали повод для многочисленных сплетен. Другие склонялись к кандидатуре Лолы Монтес, бывшей любовницы Людвига I Баварского. Третьи сочли, что источник событий нужно искать поближе, и усмотрели параллель в связи принца Уэльского с актрисой Лили Лэнгтри, вызывавшей всеобщее любопытство. Что бы ни вдохновило Конан Дойла, публикация этого рассказа в июле 1891-го стала настоящей сенсацией, и каждое новое приключение Холмса из опубликованных в том же году постоянно поднимало тираж "Стрэнда". Читателям так не терпелось узнать, что еще совершил великий сыщик, что в день выхода номера у журнальных киосков выстраивались очереди. "Похоже, Шерлок Холмс входит в моду, – сдержанно признался Конан Дойл матери. – Это повышает шансы следующей книги".

Джордж Ньюнес распорядился, чтобы на каждом развороте "Стрэнда" было по иллюстрации, и поначалу Шерлок Холмс своим успехом в немалой степени был обязан выразительным рисункам, изображавшим худощавого сыщика с курительной трубкой во рту, образ которого закрепился в читательском сознании. Подыскивая иллюстратора, Гринхоф Смит и художественный редактор У. Г. Дж. Бут вспомнили работы Уолтера Пэйджета, регулярно печатавшиеся в "Иллюстрейтед Лондон ньюс". Судьбе было угодно, чтобы издатели, отправляя письмо, забыли первое имя Пэйджета и не поставили его, отчего заказ по ошибке попал к его старшему брату Сиднею. Уолтер же послужил Сиднею моделью для портрета сыщика. Конан Дойл писал, что у его героя, как он его себе представлял, должно было быть "узкое, как лезвие бритвы, лицо с большим крючковатым носом и маленькими, близко посаженными к переносице глазами"[1], но Уолтер Пэйджет, замечательно красивый молодой человек, вдохновил брата на создание более живого и эффектного образа Холмса. Конан Дойл отмечал: "Возможно, с точки зрения моих чи-

1. "Воспоминания и приключения".

тательниц, это было к лучшему"[1]. Пожалуй, Уолтер Пэйджет не согласился бы с этим. Мало того, что он лишился выгодного заказа, ему еще приходилось сталкиваться с восторженными читателями "Стрэнда", узнававшими в нем новую знаменитость. Рассказывают, что однажды вечером ему испортили удовольствие от посещения Ковент-Гардена: стоило ему появиться в зале, как раздались крики: "Смотрите, вон идет Шерлок Холмс![2]"

Гринхоф Смит почуял, что присутствует при выдающемся литературном событии. Через четыре месяца после того, как журнал стал печатать рассказы, он попросил Конан Дойла написать еще шесть. Писатель, у которого и в мыслях не было продолжать серию, поначалу отказался. "'Стрэнд'просто умоляет меня продолжить Шерлока Холмса, — написал он Мэм. — Я только что ответил им, что готов пересмотреть свой отказ, если мне предложат по пятьдесят фунтов за вещь независимо от ее длины". Смит не колеблясь согласился, но настоял на том, чтобы новая партия появилась в кратчайшие сроки. (В течение последующих сорока лет подобные переговоры повторялись не раз и обычно велись через Смита; имя Конан Дойла приобрело такой вес, что тираж "Стрэнда" в течение нескольких лет вырос до 100 000 в месяц.)

Уступив просьбе Смита, Конан Дойл написал еще пять рассказов, причем всего за несколько недель: "Палец инженера", "Знатный холостяк", "Голубой карбункул", "Берилловая диадема" и — лучший из всех — "Пестрая лента" — классическая история преступления, совершенного за закрытыми дверьми. Удивительная скорость работы и изобретательность автора по части сюжетосложения вызывали не меньший интерес, чем сами рассказы. "Доктор Дойл всегда сначала придумывает конец истории и потом продвигается к нему, — докладывал "Стрэнд" читателям в одной из своих статей. — Он готовит кульминацию, его искусство состоит в том, чтобы ловко скрывать развязку. На написание рассказа, подобного тем, что уже публиковались на наших страницах, у него уходит около недели, а идеи появляются, когда он занимается разными делами: гуляет, играет в крикет или теннис, ездит на велосипеде". Конан Дойл не раз говорил, что удивляется, когда его спрашивают, знает ли он заранее, чем кончится рассказ. "Разумеется знаю, — написал он в автобиографии. — Можно ли прокладывать путь, не зная пункта назначения?"

В конце 1891 года Конан Дойл избрал самый неожиданный "пункт назначения". Он написал матери, что у него готовы еще пять-шесть новых рассказов и он намерен завершить весь цикл самым впечатляющим приключением Шерлока Холмса: "Я собираюсь убить Холмса в шестом рассказе и навсегда с ним покончить. Он отвлекает меня от более важных вещей".

Мэри Дойл пришла в ужас. "Не делай этого! — ответила она. — Ты не имеешь права!" И предложила сюжетный ход, позволявший избежать насилия по отношению к знаменитому сыщику. Тронутый мольбами Мэм, Конан Дойл согласился отсрочить казнь и написал "Медные буки", воздав должное матери за идею достойного завершения серии.

1. "Воспоминания и приключения".
2. И все же Уолтеру Пэйджету довелось нарисовать своего "двойника": в 1908 г., когда 47-летний Сидней Пэйджет умер, очередные приключения Холмса проиллюстрировал младший брат.

Выполнив заказ, он собирался "надолго проститься с Шерлоком" и обратиться к другим делам. "Он все еще жив, благодаря твоему заступничеству", — признался он матери.

После того как "Медные буки" вышли в июньском номере "Стрэнда" за 1892 год, первая дюжина рассказов о Холмсе была издана отдельной книгой под названием "Приключения Шерлока Холмса". Дойл обратился к своему учителю Джозефу Беллу за разрешением посвятить сборник ему. "Я убежден, — писал он, — что ничье другое имя не имеет большего права на это место, чем ваше".

Теперь медицинская деятельность Конан Дойла окончательно застопорилась, зато литературная пошла в гору: Шерлок Холмс превратил его в знаменитость, а "Белый отряд" принес уважение британской литературной элиты. Отовсюду дождем посыпались деньги, особенно из США, наконец подписавших закон об охране авторских прав. С "диким чувством радости" Конан Дойл принял решение, свернув убыточную врачебную практику, навсегда оставить медицину и полностью посвятить себя литературе.

Первая серия рассказов о Шерлоке Холмсе еще печаталась в "Стрэнде", когда Конан Дойл принялся за "дело, которое, разумеется, принесет меньше доходов, но с точки зрения литературы является более значительным". Он, конечно же, имел в виду новый исторический роман, с помощью которого надеялся настолько увлечь читателей, чтобы заставить их позабыть очарование более низкого детективного жанра. В феврале 1892 года он закончил роман "Изгнанники: История двух континентов", где речь идет о гонениях французских гугенотов и об их бегстве в Северную Америку в XVII веке. Роман печатался с продолжениями в "Стрэнде", а на следующий год вышел в виде трехтомника и дома, и в Америке — в новом ежемесячнике "Харперз". Один из харперовских рецензентов особенно хвалил образ мадам де Ментенон, второй жены Людовика XIV: "Конан Дойл как будто видел воочию, как медленно циркулирует кровь, окрашивая слабым румянцем ее щеки, как дрожит бледная рука. Он чувствовал на себе взгляд ее ясных серых глаз, слышал визгливые нотки дребезжащего голоса". Может, и так, но читатели не проявили особого интереса. "Изгнанники" неплохо продавались и переводились на другие языки, но до успеха Шерлока Холмса им было далеко.

Едва закончив этот роман — прошло всего два месяца, — Конан Дойл по заказу издательского дома "Эрроусмит" взялся за очередной исторический роман "Великая тень" о битве при Ватерлоо — название указывало на фигуру Наполеона Бонапарта, который "алыми буквами начертал свое имя на карте Европы". Эпоха Наполеона с детства занимала Конан Дойла, который всю жизнь в разных сочинениях использовал свои обширные знания по истории этого периода. Однако, несмотря на его воодушевление, "Великая тень" обернулась новым разочарованием. При всем великолепии батальных сцен, роману не хватало динамизма "Белого отряда". Впоследствии писатель нашел лучшее применение этому материалу и написал цикл повестей и рассказов о бригадире Жераре. Завершая этот необычайно плодотворный период своей жизни, Конан Дойл написал еще одну книжку — "Приключения в загородном доме", неожиданную для него семейную повесть. Его герои — миссис Уэстмакот, острая на язык и отчаянно курящая немолодая дама, заодно и любитель-

ница крепкого портера, а также ее мускулистый, спортивный юный племянник Чарлз. "Очень жаль, но у меня нет чаю, – говорит миссис Уэстмакот своим соседям. – Знаете, я думаю, что подчиненное положение женщины зависит главным образом от того, что она оставляет за мужчиной право на подкрепляющие силы напитки и закаляющие тело упражнения"[1]. С этими словами она легко поднимает над головой пятнадцатифунтовые гимнастические гири и размахивает ими над головой. "Видите, что можно сделать, когда пьешь портер!" – восклицает она. Несомненно, Конан Дойл видел комические стороны зарождающегося движения суфражисток, однако образ миссис Уэстмакот получился противоречивым. Отношение к ней автора колеблется между восхищением и пародией. Хотя стрелы его юмора порой летят мимо цели, все же нельзя не поразиться силе высказываний миссис Уэстмакот, которая, похоже, иногда даже вступает в спор с автором.

Я говорю, что женщина – это колоссальный памятник, воздвигнутый для увековечения эгоизма мужчины. Что представляет собой ваше хваленое рыцарство – прекрасные слова и неопределенные фразы? Куда оно девается, когда мы подвергаем мужчину испытанию? На словах он всегда готов сделать решительно все, чтобы помочь женщине. Да, да. Но какую силу имеют его заверения, когда дело коснется его кармана? Где его рыцарство?[2]

В более поздние годы Конан Дойл сурово порицал крайности, на которые шли порой суфражистки, но несправедливо было бы считать, что он отрицал права женщин. В отличие от большинства мужчин того времени он пытался прислушаться к голосу женщин, которые протестовали против подавлявшего их общества, и часто высказывался на эту тему в своих произведениях.

"За пределами города", "Изгнанники" и "Великая тень" ознаменовали возвращение Конан Дойла к "более достойным вещам", от которых его отвлекал Шерлок Холмс, однако шумное восхищение публики великим сыщиком не угасало. Во время работы над "Изгнанниками" Гринхоф Смит обратился к нему с просьбой сочинить еще одну серию рассказов о Холмсе. Конан Дойл колебался, но не потому, что не любил героя, а потому, что знал, как нелегко ему будет придумать подходящие сюжеты. "Писать о Холмсе было трудно, потому что на самом деле для каждого рассказа требовался столь же оригинальный, точно выстроенный сюжет, как и для объемистой книги. Человек не может без усилий быстро сочинять сюжеты. Они мельчают или разваливаются", – писал он в "Воспоминаниях и приключениях".

Тогда он поставил условие: он напишет еще дюжину рассказов, если "Стрэнд" заплатит за новый цикл тысячу фунтов. То была неслыханная сумма, и, похоже, писатель был бы очень доволен, если бы это смутило Смита. Но "Стрэнд" опять, не торгуясь, согласился, и Конан Дойл стал работать над рассказами, составившими впоследствии сборник "Записки о Шерлоке Холмсе".

Должно быть, еще до того, как Гринхоф Смит попросил у Конан Дойла новые рассказы, писатель понял, что от Холмса ему так легко не

1. "Приключения в загородном доме". Повесть цитируется в переводе М. Антоновой и П. Гелевы.
2. Там же.

отделаться. На его адрес приходило огромное число писем, многие из которых предназначались Холмсу. "Я получаю множество писем, где речь идет о Шерлоке Холмсе, – сказал Конан Дойл интервьюеру из "Букмена". – Пишут школьники, пишут коммивояжеры, которые обычно много читают в дороге. Иногда приходят письма от юристов, которые указывают мне на ошибки. В одном письме меня просят прислать фотографии Холмса в разные периоды жизни". Чаще всего речь шла об автографе, но в основном – Шерлока Холмса, а не автора. Случалось, что "из озорства" Конан Дойл отвечал открыткой, в которой с сожалением сообщал, что в настоящее время с сыщиком невозможно связаться. Подпись в подобных случаях была рассчитана на то, чтобы удивить получателя: "Доктор Джон Ватсон".

Глава 11
Ужасная бездна

> После славных трудов, счастливо и достойно отошел в мир иной.
>
> Г. Дж. Уэллс

"Я и в самом деле работал очень много", – говорил Конан Дойл о тех плодотворных годах, однако ему так и не удалось отвратить читателей от Бейкер-стрит. "Публика по-прежнему требовала рассказов о Шерлоке Холмсе, и я время от времени старался их поставлять... Наконец, выпустив уже две серии рассказов, я почувствовал, что мне грозит опасность писать через силу и что мои рассказы начнут полностью отождествлять с тем, что сам я считал более низшим уровнем литературных достижений. Поэтому в знак своей решимости я вознамерился лишить жизни моего героя[1]".

Это решение созрело уже давно, и только чековая книжка Гринхофа Смита и увещевания Мэм продлили дни сыщика до конца второго цикла рассказов. Однако, дописывая его, Конан Дойл вновь пришел к мысли, что Холмсу пора расстаться с жизнью. Он уже не раз писал матери: "Я не могу слышать его имя".

Он обсуждал это с друзьями и коллегами-писателями – все его отговаривали. "Мы сидели у моря в Олдебруке, и вдруг он решил убить Шерлока Холмса, – писал Джеймс Барри[2]. Нет, не "вдруг" – Дойл давно это задумал. Оставалось лишь выбрать достаточно впечатляющий способ. "Такая личность не может умереть от булавочного укола или от гриппа, – объяснял Конан Дойл журналисту и художнику Фредерику Вильерсу. – Это должна быть насильственная и героическая смерть".

Подходящий способ пришел ему в голову год спустя – во время путешествия по Швейцарии в 1893-м. Точнее сказать трудно – по мнению не-

1. "Воспоминания и приключения".
2. Сэр Джеймс Мэтью Барри (1860–1937) – английский писатель и драматург; шотландец, близкий друг Конан Дойла; наибольшую известность ему принесли детские книги, прежде всего "Питер Пэн".

которых знатоков, он возвращался туда несколько раз. (Неразрешимые загадки такого рода всегда очень занимали почитателей Конан Дойла: пытаясь установить точную хронологию приключений Холмса, они, кстати говоря, пришли к выводу, что доктор Ватсон не ограничился одним супружеством, а сочетался браком шесть раз. Иначе не объяснить, каким образом он неизменно оказывался на Бейкер-стрит в нужный момент.) Познакомившись в пути с двумя английскими духовными лицами Сайласом К. Хокингом и Эдвардом Ф. Бенсоном, которые были не чужды и литературных занятий, Конан Дойл и его попутчики наняли проводника и совершили восхождение на Финделенский ледник. Поднимались медленно. Шли гуськом за проводником, вырубавшим во льду ступени, и беседовали на профессиональные темы. Когда добрались до вершины, разговор коснулся Шерлока Холмса. "Дойл честно признался, что устал от собственного творения, — вспоминает Хокинг в своих мемуарах. — И добавил: 'Я хочу прикончить его, пока он не прикончил меня'". Они попытались переубедить его. Хокинг заявил, что столь страшное наказание было бы "слишком несправедливо по отношению к старому другу", принесшему автору славу и состояние. Видя, что собеседник непоколебим, Хокинг поинтересовался, каким образом он собирается избавиться от сыщика. Тот ответил, что пока не знает. "В эту минуту мы подошли к широкому провалу, — продолжает Хокинг, — и некоторое время стояли на краю, заглядывая в зелено-голубую глубь. 'Раз уж вы решили расправиться с Холмсом, — сказал я, — почему бы не привезти его в Швейцарию и не столкнуть в пропасть? Хотя бы сэкономите на похоронах'". Похоже, эта мысль развеселила Конан Дойла. Он искренне рассмеялся и сказал: "А что? Неплохая идея!"

Должно быть, предложение засело у него в голове. И на следующей остановке в Майрингене неутомимый велосипедист отправился посмотреть Рейхенбахский водопад. Там он решил, что это место "достойно стать могилой бедному Шерлоку, пусть даже я похороню вместе с ним свой банковский счет". Выбрав сценическую площадку, он взялся за перо и стал работать над "Последним делом Холмса", искренне полагая, что сейчас умертвит своего героя. Итак, зловещий Рейхенбахский водопад вполне соответствовал замыслу, оставалось придумать, как столкнуть Холмса в пропасть. Автор оказался на высоте поставленной задачи — он создал одного из самых запоминающихся злодеев. Ужасный профессор Мориарти, впоследствии неодолимо влекший к себе режиссеров кино и театра, в рассказе фигурирует мало, но впечатление производит неотразимое: "Он — Наполеон преступного мира, Ватсон"[1], — заявляет Шерлок Холмс. Конан Дойлу нравилось живописать Мориарти как перевернутое изображение Шерлока Холмса.

Итак, король Артур нашел своего Мордреда. В конце рассказа оба — "самый опасный и самый талантливый преступник в Европе" и самый выдающийся защитник закона — бросаются навстречу смерти в Рейхенбахский водопад. Совершив задуманное, Конан Дойл записал в дневнике: "Убил Холмса". И занялся чем-то другим.

"Последнее дело Холмса" появилось в "Стрэнде" в 1893 году. Читатели пришли в негодование. "Реакция публики меня поразила", — признавал-

1. "Последнее дело Холмса". Перевод Д. Лившиц.

ся Конан Дойл в "Воспоминаниях и приключениях". Было чему поразиться, ибо "реакция" зачастую принимала формы открытой враждебности. Посыпались сердитые письма. Одно из них начиналось словами: "Вы истинный Брут!" В популярном анекдоте того времени возмущенный читатель давал Конан Дойлу затрещину дорожной сумкой.

В редакции "Стрэнда", где еще совсем недавно Гринхоф Смит умолял писателя сохранить сыщику жизнь, напряженно ожидали последствий того, что Джордж Ньюнес назвал "ужасным событием" для акционеров журнала. Опасения Ньюнеса и Смита перешли в настоящую панику, когда 20 000 человек отказались от подписки. Всего полтора года прошло со времени появления "Скандала в Богемии", а судьба журнала уже во многом зависела от жизни и смерти Шерлока Холмса.

Никто — и менее всех Конан Дойл — не ожидал, что смерть Холмса произведет такой эффект. Некоторые лондонцы надели траурные повязки. О кончине сыщика говорили как на могиле государственного деятеля. Ходили слухи, что члены королевской семьи обезумели от горя. Всеобщее настроение точнее всего отражено в карикатуре Г. Т. Вебстера, где сидящий в постели мальчик глядит в книгу с выражением непритворного горя и оскорбленной невинности; подпись гласила: "Самый мрачный момент жизни".

Новость разнеслась по всему миру. Один из газетных заголовков сообщал: "Трагическая смерть мистера Шерлока Холмса". Комментаторы пережевывали детали рассказа в надежде, что Холмс, может, еще восстанет из своей водяной могилы. Известно, что Сайлас Хокинг получил от Конан Дойла записку категорического содержания: "Я сбросил Холмса в Рейхенбахский водопад", — из которой явствовало, что автор отнюдь не терзается угрызениями совести. Стенания публики не смягчили его сердце. "Бедняга Холмс погиб навеки, — сказал он в 1896 году. — Я получил такую его передозировку, что ощущаю по отношению к нему примерно то же самое, что к paté de foi gras[1], которым как-то объелся, — меня до сих пор тошнит от одного его имени". Он вернулся к этой теме в речи, которую произнес в том же году в клубе писателей: "Меня часто ругают за то, что я умертвил этого джентльмена, но я считаю это не убийством, а самозащитой, ибо, не лиши я его жизни, он наверняка убил бы меня".

Несмотря на подобные заявления Конан Дойла, почитатели Холмса цеплялись за один непреложный факт: доктор Ватсон *не видел*, как умер Шерлок Холмс. Доктора отвлекли в решающий момент, потому что некая английская леди, страдавшая чахоткой в последней стадии, нуждалась в его помощи.

Пытаясь выбраться из-под "ига Шерлока Холмса", Конан Дойл назначал себе самый изнурительный рабочий режим: написал три романа, ряд рассказов и статей для журналов, и это одновременно с двумя дюжинами холмсовских приключений. Побывал в Норвегии и Швейцарии, читал лекции в Шотландии и где-то еще, постоянно занимался спортом. Большинству писателей для подобного потребовалась бы целая жизнь, Конан Дойлу — менее двух лет. Неудивительно, что напряжение стало сказываться на его психическом состоянии: у него случались

1. Паштет из гусиной печенки (*франц.*).

приступы меланхолии и вспышки раздражительности, началась бессонница. Он жаловался матери, что его нервы на пределе. За всем этим он, неплохой врач, не заметил у жены быстро прогрессирующую форму туберкулеза. Диагноз подействовал на него как удар тока: он сразу отказался от бурной деятельности и всю свою недюжинную энергию посвятил борьбе с болезнью жены. Врачи говорили, что Луиза проживет всего несколько месяцев. Но она прожила еще тринадцать лет, во многом благодаря неутомимой заботе мужа.

Едва ее состояние немного улучшилось, Конан Дойла постиг еще один удар: из Шотландии пришло известие о том, что 10 октября в Крайтонской королевской больнице скончался его отец. Здоровье Чарлза Дойла ухудшалось год от года из-за непомерного употребления алкоголя. Он умер одиноким и отчаявшимся, скучая по семье и считая, что его неизвестно почему заточили в психиатрическую лечебницу. Юношеская непримиримость со временем сменилась у Конан Дойла более мягким отношением к отцу, и впоследствии он приложил немало усилий к тому, чтобы восстановить репутацию Чарлза Дойла как художника. "Мой отец был по сути великим непризнанным гением", — сказал он в интервью 1905 года.

Думая обо всех этих событиях, начинаешь понимать, что ощущал Конан Дойл, когда "Последним делом Холмса" ознаменовалась смерть сыщика. Находясь за пределами Англии — он был с женой на швейцарском курорте, — Конан Дойл не мог понять до конца силу народного возмущения. У него умер отец, умирает жена, а люди гневно протестуют против смерти придуманного им героя. О кончине Чарлза Дойля не сообщила ни одна лондонская газета — судьбе Шерлока Холмса были посвящены заголовки на первых страницах многих газет мира. Понятно, что шумиха вокруг Рейхенбахского водопада казалась ему непростительной, а страсти — надуманными. Нетрудно понять, почему свое отвращение к неистовству читателей он частично перенес на Шерлока Холмса.

Глава 15
Мысли, в которых он не смеет признаться

Как ни странно, спустя несколько лет мысли Конан Дойла вновь обратились к Шерлоку Холмсу. Со времени "несчастного случая" в Рейхенбахе прошло четыре года, и все это время писатель не проявлял ни малейшей склонности к воскрешению своего знаменитого сыщика. Всего год назад он высказался в том смысле, что смерть Холмса была самозащитой: "Человеку, не отличающемуся природной изобретательностью, весьма утомительно постоянно придумывать загадки и выстраивать логическую цепь рассуждений-разгадок. К тому же не стоит испытывать терпение публики и, написав 26 рассказов об одном и том же человеке, следует понять, что пора остановиться".

Когда он был в Америке, он выразился еще более резко: "Я больше не мог вынести этого напряжения. Разумеется, не остановись, я зарабо-

тал бы кучу денег, потому что эти рассказы приносили их больше, чем все мои другие сочинения. Но в литературном смысле это был вздор".

И все же он решил пойти на компромисс. Как знать, вдруг пьеса о Шерлоке Холмсе принесет ему удовлетворение, оказавшись бóльшим литературным свершением, чем рассказы? Можно назвать разные причины, по которым Конан Дойл пошел на подобный компромисс, среди них – строительство нового дома в Андершоу, заметно опустошившее его кошелек, а быстрый успех нового произведения о Холмсе мог бы восстановить ресурсы. Недавно написанные книги продавались неплохо, но не могли соперничать с тиражами рассказов о Холмсе. В любом случае, Конан Дойл дал понять, что это будет своеобразный "выход на бис", а вовсе не возвращение Холмса с того света. Возможность сыграть Холмса вскоре привлекла Герберта Бирбома, чья известность как актера и театрального менеджера уступала только славе Генри Ирвинга[1]. Недавно добившийся невероятного успеха в роли Свенгали[2] Бирбом приехал в Андершоу, чтобы послушать новую пьесу. Ему явно понравилось то, что он услышал, причем сыграть захотелось не только Холмса, но и профессора Мориарти, чей образ в пьесе занимал значительное место. Со всей возможной деликатностью Конан Дойл заметил, что это вряд ли возможно: оба героя почти все время находятся на сцене вместе.

Конан Дойл решил какое-то время подержать пьесу в ящике письменного стола, где она могла бы остаться навсегда, не заинтересуйся ею известный американский актер Уильям Джиллет. Джиллет, родившийся в 1853-м, добился славы еще в юности, играя главные роли в пьесах собственного сочинения. Привыкнув работать с собственными текстами, Джиллет чувствовал, что ему будет трудно сыграть пьесу Конан Дойла в том виде, как она написана, и попросил разрешения внести изменения. Конан Дойл согласился. Желая получше понять героя, Джиллет изучил все рассказы и, вскоре придя к выводу, что Холмс отнюдь не условный театральный герой, усомнился, будет ли сыщик иметь успех на сцене. Он постарался переделать пьесу в духе традиционной мелодрамы, дополнив ее холмсовскими любовными увлечениями. Джиллет осторожно спросил автора, можно ли ради успеха пьесы позволить сыщику жениться. К тому времени Конан Дойл уже устал от нового проекта. Его ответная телеграмма заняла достойное место в шерлокианском фольклоре: "Можете женить его, можете убить, делайте с ним, что хотите".

В мае 1899 года Джиллет приехал в Англию и явился в Андершоу, чтобы прочитать пьесу автору. Актер, разумеется, волновался, ибо в его версии почти ничего не осталось от первоначального текста. Рассказывают, что Конан Дойл внимательно слушал, потом на мгновение задумался и добродушно благословил происходящее: "Приятно вновь встретиться со стариной Холмсом". По сути, джиллетовский Холмс имел весьма отдаленное отношение к герою Конан Дойла. Пьеса основывалась на "Скандале в Богемии" и "Последнем деле Холмса", но Джиллет перекроил образ сыщика так, чтобы он больше соответствовал его актерским

1. Герберт Бирбом Три (1853–1917) – английский актер и режиссер, старший брат английского сатирика и карикатуриста Макса Бирбома; Генри Ирвинг (1838–1905) – английский актер и режиссер.
2. Герой "Трильби", романа английского писателя Джорджа Дюморье (1834–1896).

возможностям. Его Холмс, по-прежнему обладавший способностью сохранять невозмутимость, в соответствии с требованиями мелодрамы блистал и в романтических сценах, вызволял из беды героиню — мисс Эллис Фолкнер. Борцы за чистоту образа Холмса до сих пор содрогаются, вспоминая, как Джиллет-Холмс признавался ей в любви: "Ваши способности к наблюдению великолепны, мисс Фолкнер, а ваша дедукция непогрешима. Полагаю — нет, я абсолютно уверен, — что люблю вас".

Что говорить, Джиллет вольно обращался с пьесой, но все же создал жизнеспособное произведение, которое, как оказалось, радовало зрителей. Впоследствии он сыграл Холмса более 1300 раз, а кроме того, участвовал в радиопостановках и в фильме, снятом в 1916 году. Для целого поколения театралов Джиллет стал воплощением Шерлока Холмса. Особенно сильно это проявилось в Америке, где художник-иллюстратор Фредерик Дорр Стил придал своему Холмсу сходство с актером. Многие джиллетовские находки и детали постановки вошли в холмсовскую легенду. Похоже, именно он впервые произнес фразу "Элементарно, Ватсон", не зафиксированную ни в одном издании пьесы и, само собой, ни в одном из рассказов Конан Дойла. Джиллет также дал имя Билли[1] слуге с Бейкер-стрит — впоследствии и сам Конан Дойл стал так его называть. Согласно легенде Джиллет также ввел в действие знаменитую курительную трубку из тыквы-горлянки, которая стала неизменным атрибутом сыщика. Актер сам был заядлым курильщиком и воспользовался возможностью курить на сцене. Принятая версия гласит, что он остановился на трубке такого типа, потому что благодаря ее форме и местонахождению центра тяжести можно было произносить реплики, не вынимая ее изо рта. На самом деле ничто не свидетельствует о том, что Джиллет пользовался именно такими трубками, тем более что из-за своего веса они мало подходили для сцены. Должно быть, Джиллет предпочитал менее массивные трубки, но недавно на страницах "Бейкер-стрит джорнал" было высказано предположение, что знаменитая огромная трубка Холмса была изначально задумана как деталь, создающая комический эффект. В целом ряде комедийных постановок 30—40-х годов XX века именно такие трубки вертели в руках актеры, исполнявшие роль Холмса с куда меньшим почтением, нежели Джиллет.

Как бы то ни было, с такой трубкой или без нее, роль Шерлока Холмса тридцать лет оставалась в репертуаре Джиллета. За это время они с Конан Дойлом искренне подружились, и эта дружба зачастую была для американского актера палочкой-выручалочкой. Так, во время Первой мировой войны Джиллета арестовали в Лондоне по обвинению в шпионаже: в составе реквизита одной из пьес его репертуара, "Секретная служба", был обнаружен "план британского посольства в Париже"! Джиллет попросил полицию обратиться за разъяснениями к Конан Дойлу, и все обошлось. Позже, когда Джиллет после перерыва вернулся на сцену, чтобы дать прощальное холмсовское турне, Конан Дойл напечатал открытое письмо, где приветствовал его намерение.

Впрочем, обаяние Джиллета не подействовало на первых критиков пьесы. "Шерлока Холмса" показали в Британии только в 1901 году. К тому времени актер уже год как гастролировал со спектаклем по США.

1. Эту роль в постановке Джиллета играл начинающий актер — Чарли Чаплин.

Премьера в театре "Лицеум" омрачилась тем, что Джиллета не было слышно в задних рядах огромного зрительного зала. Под конец с галерки донеслись громкие неодобрительные возгласы, что побудило актера под занавес осыпать публику упреками. Возможно, эта выходка повлияла на общий тон рецензий. Один критик назвал игру Джиллета "откровенной пародией" на Холмса, другой написал, что пьеса всего лишь "сырая и банальная мелодрама, хотя в своем мелодраматическом роде, может, и недурная". Многие роптали на предсказуемость сюжета. Критик из газеты "Таймс" написал: "Мориарти мог бы сделать что-нибудь поумнее, чем хвататься за брошенный противником револьвер; если бы он хоть раз в жизни побывал в театре, то знал бы, что оружие не заряжено... Да и буянов с галерки, видимо, тоже нанял профессор Мориарти".

Несмотря на ругательные отзывы, первый сезон гастролей Джиллета прошел с колоссальным успехом. Он выступал в "Лицеуме" восемь месяцев, а ко времени завершения контракта пьесу играли еще четыре ездившие по стране труппы. Конан Дойл был доволен популярностью пьесы, но к ее созданию имел весьма малое отношение. XIX век подходил к концу, и внимание писателя было поглощено накалявшейся политической обстановкой в Южной Африке, где Британии вскоре предстояло вести разорительную войну против буров – голландских поселенцев, которых Конан Дойл считал самыми непримиримыми противниками, какие когда-либо были у Британской империи: "Наша военная история во многом основана на столкновениях с Францией, но ни Наполеон, ни все его ветераны никогда не обращались с нами столь грубо, как эти ожесточившиеся фермеры с их древними религиозными воззрениями и, по несчастью, современными винтовками". Конан Дойл вскоре окунулся в самую гущу военных событий, отправившись в Южную Африку в качестве военного врача.

Глава 17
Следы огромной собаки

– Холмс! – вскричал я. – Вы ли это?
Неужели вы в самом деле живы?

А. Конан Дойл
Пустой дом[1]

В марте 1901 года, когда народ еще оплакивал случившуюся в январе смерть королевы Виктории, Конан Дойл приступил к новому раунду переговоров с Гринхофом Смитом. "Я задумал настоящий роман ужасов для 'Стрэнда', – написал он. – Там много неожиданных поворотов, и его легко будет разделить на части – достаточно длинные, чтобы публиковать отдельными выпусками. Но есть одно условие: писать его я буду вместе с другом – Флетчером Робинсоном, чье имя должно стоять рядом с моим.

1. Перевод Д. Лившиц.

Обещаю, что разрабатывать сюжет буду сам и стиль тоже будет мой, без длиннот и чужеродных вкраплений, раз так больше нравится Вашим читателям. Но он подсказал мне основную идею и место действия, поэтому его имя должно быть упомянуто. Я хотел бы получить, как обычно, 50 фунтов за 1000 слов и предоставить Вам права — если Вы возьметесь за это".

Сотрудничество Конан Дойла с Бертрамом Флетчером Робинсоном, которого друзья называли Бобблз, началось, когда тому было всего 28 лет. Робинсон, способный журналист, работал военным корреспондентом от "Дейли экспресс" в Южной Африке и подружился с Конан Дойлом во время их возвращения[1] — "счастливого плавания на борту 'Британца'". В марте следующего 1901 года друзья ненадолго отправились в Кромир, на север Норфолка, — поиграть в гольф. Робинсон, большой любитель фольклора родного Девона, развлекал Конан Дойла тамошними легендами — прежде всего об огромной собаке-призраке. Писатель почувствовал, что в этой истории скрыты большие возможности, и сообщил в письме к матери, что надумал сочинить вместе с Робинсоном "небольшую книжечку", к которой уже есть название: "Собака Баскервилей".

В британском фольклоре немало собак-призраков, равно как и исчадий ада, имеющих собачий облик, и определить истоки легенды, заинтриговавшей Конан Дойла, не так-то просто. Поскольку Робинсон был родом из Девоншира, где и происходит действие "Собаки Баскервилей", многие исследователи сошлись на том, что сюжет почерпнут из знакомых ему с детства сказок. Однако много позже Гринхоф Смит вспоминал, что Робинсона увлек сюжет, приводившийся в некоем путеводителе по Уэльсу. Да и детство самого Конан Дойла наверняка не обошлось без известного шотландского предания о собаке лорда Бальфура. Как бы то ни было, образ собаки заставил Конан Дойла схватиться за перо. Согласно свидетельству знакомых они с Робинсоном набросали план развития сюжета за несколько часов.

Трудно сказать, что имел в виду Конан Дойл, предлагая Робинсону соавторство. В прошлом его сотрудничество с другими литераторами не приносило достойных плодов. Хотя он и считал, что Робинсон имеет право на часть гонорара, писать он решил сам, — возможно, тот представлял себе дело иначе.

Работа продвигалась, и в какую-то минуту Робинсон пригласил Конан Дойла в Дартмур — край мрачных бескрайних болот на юго-западе Девона, — чтобы проникнуться тамошней атмосферой. Они жили то в доме Робинсона, то в гостинице, расположенной возле знаменитой Дартмурской тюрьмы. "Неделя, которую я провел с Дойлом в Дартмуре, — написал Робинсон несколько лет спустя, — была самым захватывающим временем моей жизни. Дартмур — огромная пустыня, сплошные болота и скалы — поразил наше воображение. Он с удовольствием слушал мои рассказы о собаках-призраках, всадниках без головы и демонах, притаившихся в пещерах, — то были легенды, на которых я был вскормлен, ибо мой дом стоит на краю этой трясины".

1. В 1900 году Конан Дойл пошел на Англо-бурскую войну (1899—1902) добровольцем; участвовал в ней в качестве военного врача; в июле 1900 г. после перенесенного брюшного тифа отбыл в Англию.

Постепенно сюжет принимал все более ясные очертания. "Мистер Дойл пробыл здесь восемь суток, – вспоминал кучер Робинсона. – Я возил его и Берти по болотам. И еще я видел их в бильярдной в старом доме. Иногда они засиживались допоздна – вместе писали, разговаривали". Следует заметить, что кучера звали Гарри Баскервиль, и он полагал, что в названии романа фигурирует его имя. Но это сомнительно, ведь Конан Дойл упомянул заглавие книги раньше – в письме к матери, написанном до поездки в Дартмур.

Робинсон возил приятеля в такие места, как Гримспаунд – раскопки строений бронзового века, и Фокстерская трясина, где находилось опасное болото. Не нужно быть "совершенной мыслящей машиной", чтобы усмотреть связь между этим местом и Гримпенской трясиной в "Собаке Баскервилей": "Попади в эту трясину человек или животное – один неосторожный шаг... и все кончено"[1]. Возможно, Конан Дойл побывал и в деревушке Меррипит и слышал рассказы о преступниках, бежавших из местной тюрьмы. В "Собаке Баскервилей" Меррипит-хаус представлен как дом Степлтонов, есть там и заключенный по имени Селдон – печально знаменитый убийца из Ноттинг-Хилла, – чье появление на болотах приводит окружающих в ужас.

В течение многих лет велись яростные споры о мере участия Робинсона в написании повести. Принадлежит ли ему только замысел, как сообщил Конан Дойл Гринхофу Смиту, или он сыграл куда более важную, но недооцененную роль? Кучер Робинсона Гарри Баскервиль утверждал, что много раз видел, как друзья "вместе писали, разговаривали". Однако нельзя не задаться вопросом: стал ли бы Конан Дойл поспешно приглашать в соавторы молодого, не очень известного журналиста? Наверное, Бобблз был очаровательным спутником, но Конан Дойл слишком хорошо сознавал свой статус и свою писательскую славу. Если даже не вполне ясно, кто из них двоих больше сделал на первых порах, шаг, который вскоре предпринял Конан Дойл, дает окончательный ответ на вопрос об авторстве. В первоначальном варианте "Собаки Баскервилей" нет Шерлока Холмса, но Конан Дойл быстро понял, что без сильной фигуры главного героя сюжет рассыпается. Говорят, он воскликнул: "Зачем мне изобретать что-то новое? Ведь у меня уже есть Холмс!"

Это со всех сторон было удивительное решение. Сыщик "почил" почти восемь лет назад, Конан Дойл не раз заявлял, что не позволит ему воскреснуть. К тому же намерение превратить "Собаку Баскервилей" в холмсовскую историю исключало участие Робинсона в работе, что Конан Дойл скорее всего осознал не сразу. Из письма к Мэм, посланного из девонширской гостиницы, ясно, что соавторство распалось не сразу после введения в роман Холмса: "Мы с Робинсоном обследуем болото ради нашей книги о Шерлоке Холмсе. Я думаю, все получится отлично: я уже написал почти половину. Холмс пребывает в наилучшей форме, и замысел весьма выигрышный – я им обязан Робинсону". Итак, писатель считал, что Робинсон был человеком, подавшим ему идею, и не более того, хотя по-прежнему называл "Собаку" "нашей книгой".

Предоставив Холмсу возможность выполнять свои профессиональные обязанности, Конан Дойл быстро управился с работой. Призна-

1. "Собака Баскервилей". Перевод Н. Волжиной.

ние, что сыщик нужен ему в качестве сильного героя, было, конечно, искренним, однако, как и в истории с пьесой о Холмсе, существовали и другие причины, и первейшей снова были деньги. Дойл сказал Гринхофу Смиту: "Понятно, что ситуация беспрецедентная. Сколько я могу судить, воскрешение Холмса привлечет всеобщее внимание". Что касается гонорара, писал он далее, он уверен в справедливости своих требований к журналу: "Допустим, я предложил бы вам выбор: история без Холмса по старой цене или история с Холмсом, но по 100 фунтов за 1000 слов. Что бы выбрала редакция?" И опять "Стрэнд" не оказал ни малейшего сопротивления и охотно принял новые условия.

Конан Дойл нередко жертвовал своей выгодой, если та или иная тема или дело казались ему важными, что не мешало ему в других случаях быть умелым бизнесменом. Он понимал, что новая книга о Холмсе станет важным событием и приведет к переизданию "Приключений" и "Записок о Шерлоке Холмсе", которые будут хорошо продаваться. Кроме того, пьеса Уильяма Джиллета, ставшая сенсацией в Америке, еще более подогрела интерес к сыщику. Обстоятельства для публикации новой книги о Шерлоке Холмсе складывались самым благоприятным образом.

Вместе с тем Конан Дойл не хотел, чтобы воскресший Шерлок Холмс снова оседлал его. Как и в случае с пьесой, он дал понять, что сыщик по-прежнему мертв, а "Собака Баскервилей" — еще одна неопубликованная история из старой жестяной коробки доктора Ватсона (из тех, что разыгрались до роковой встречи сыщика с профессором Мориарти).

Первый выпуск повести был помещен в августовском номере "Стрэнда" за 1901 год. У дверей редакции с утра выстроилась длинная очередь нетерпеливых читателей; за сигнальные экземпляры предлагали взятки. К восторгу Гринхофа Смита, тираж журнала вырос на тридцать тысяч.

Охваченная возбуждением публика, скорее всего не обратила внимания на скромную сноску на первой странице. Договариваясь о гонораре, Конан Дойл вынужден был отказаться от идеи равной оплаты с Флетчером Робинсоном, и читателей уведомляли в следующем: "Я обязан замыслом этой книги моему другу мистеру Флетчеру Робинсону, который помог мне при разработке сюжета и знакомстве с местным колоритом". В первом книжном издании повести, которое Конан Дойл посвятил Робинсону, было написано то же самое. Однако впоследствии формулировка изменилась. К тому времени, как повесть вышла в Америке, Конан Дойл уже не вспоминал, что обязан Робинсону замыслом, а выражал благодарность за "подсказанную идею". Еще позже, в полном издании приключений Холмса, Конан Дойл признавался, что книга была написана "благодаря сделанному Робинсоном замечанию", но заверял читателей в том, что не только "сюжет повести, но и каждое ее слово" принадлежат ему.

Эти заявления, менявшиеся подобно местоположению раны Ватсона, впоследствии стали предметом спора холмсоведов. Трудно сказать, в чем было дело: в великодушии ли Конан Дойла, в незначительности ли усилий Робинсона или в том и другом вместе. Судя по всему, Робинсон получил хорошую компенсацию: по словам писателя Арчибальда Маршалла, Дойл отдал ему четверть гонорара за первую публикацию.

Из слов Маршалла также явствует, что Робинсон непосредственно участвовал в написании книги. Если это так, то он, похоже, не слишком ценил свое участие. Описывая неделю, проведенную с Конан Дойлом в Девоне, Робинсон и не вспоминает о соавторстве: "Вскоре после того, как я ему кое-что присоветовал, а он ухватился за этот замысел, который в конце концов превратился в "Собаку Баскервилей", мы отправились путешествовать, — писал Робинсон. — Все читатели повести знают, как замечательно он распорядился услышанным". Но потом Робинсон преувеличивал свою роль и называл себя сочинителем "Собаки". Так, он подарил экземпляр книги Гарри Баскервилю с надписью: "С извинениями за то, что воспользовался Вашим именем". В подзаголовках его статей иногда сообщалось: "Соавтор повести 'Собака Баскервилей'". После его смерти некоторые приятели утверждали, что "сами слышали", как он говорил, будто бóльшая часть первого выпуска "Стрэнда", то есть две начальные главы, написана им. Если он и в самом деле так говорил, понятно стремление Дойла закрепить за собой авторские права, даже если для этого и пришлось пренебречь отчасти долгом дружбы. Возможно, Робинсон набросал начальный план или наметил исходный материал, а позднее стал завышать меру своего участия, стараясь удовлетворить свое честолюбие или вследствие других, может быть, профессиональных соображений. Впрочем, до сегодняшнего дня никаких подтверждений истинности подобных заявлений не найдено: все существующие рукописи "Собаки" написаны Конан Дойлом.

Если Робинсон и впрямь утверждал, что написал часть повести, странно, что он претендовал на авторство первой и второй глав, представляющих собой типичную экспозицию рассказов о Бейкер-стрит. Некий посетитель вместо визитной карточки оставляет в приемной палку, и Холмс предлагает Ватсону извлечь из этой палки максимум сведений о владельце. Ватсон, пытаясь применить метод своего друга, высказывает ряд правдоподобных догадок и набрасывает портрет сельского медика средних лет. По всей видимости, эти рассуждения производят на Холмса большое впечатление: "Мало ли таких людей, которые, не блистая талантом, все же обладают недюжинной способностью зажигать его в других... Вы служите для меня хорошим стимулом: ...ваши промахи иногда помогают мне выйти на правильный путь"[1]. Уточняя и поправляя Ватсона, он наконец приходит к выводу, что владелец трости — "симпатичный человек лет тридцати... нежно любящий свою собаку, которая.... больше терьера, но меньше мастифа". Потом появляется симпатичный молодой человек Джеймс Мортимер, встревоженный смертью сэра Чарлза Баскервиля и желающий выяснить, не связана ли она с древним проклятьем рода Баскервилей. Если все это написал не Конан Дойл, один его биограф готов "съесть свой дирстокер"[2]!

После публикации в "Стрэнде" "Собака Баскервилей" вышла отдельной книжкой и стала бестселлером из бестселлеров. Вследствие ее успеха

1. "Собака Баскервилей".
2. Дирстокер (от *англ.* deerstalker) — кепка-двухкозырка с ушами, получившая распространение в шотландских поместьях, где охотились на оленей; впоследствии использовалась и для загородных прогулок (см. рецензию В. Сонькина "Занимательное викторианство" — в разделе "Среди книг").

автору вновь пришлось испытать давление со стороны тех, кто жаждал новых приключений Холмса. Вскоре писатель получил предложение, от которого нелегко было отказаться. Когда-то король Богемии, желая вернуть свою фотографию с Ирен Адлер, предоставил Шерлоку Холмсу полную свободу действий. Теперь американский журнал "Кольерс уикли" предлагал Конан Дойлу такую же свободу. Редакция обещала 25 000 долларов за шесть новых рассказов о Шерлоке Холмсе, 30 000 – если их будет восемь, и 45 000 – если тринадцать. Гринхоф Смит тоже позолотил пилюлю: вновь предлагал 100 фунтов за 1000 слов. Даже по сегодняшним меркам это значительная сумма, тогда же она была баснословной. Смирившись с неизбежным, Конан Дойл послал лаконичный ответ: "Согласен. А. К. Д.".

Мать писателя, когда-то умолявшая сохранить сыщику жизнь, теперь очень сдержанно отнеслась к мысли о его возвращении, опасаясь, что Холмс может уронить свою репутацию. "Не думаю, что у тебя есть основания беспокоиться за него, – заверил ее Конан Дойл. – Пока не замечал, чтобы меня подводили способности, и я работаю так же тщательно, как и раньше. Я уже семь или восемь лет не писал рассказов о Холмсе – почему бы не сделать еще один заход?"

По крайней мере поначалу несчастье, случившееся с Шерлоком Холмсом в Швейцарии, никак на писателе не отразилось. Хотя Конан Дойл по-прежнему жаловался на то, как трудно придумывать сюжеты, длительный перерыв пошел на пользу его авторской изобретательности. Он нередко обсуждал рассказы со своим шурином Уильям Хорнунгом, а иногда и заимствовал для них сюжеты, которые тот выдумывал для своей популярной серии о Раффлзе[1].

В более поздние годы Конан Дойл весьма болезненно реагировал на упреки в том, что новые холмсовские рассказы слабее старых. "Самую разгромную критику новой серии я услышал из уст корнуоллского лодочника, – написал он в одной из статей в "Стрэнде", – который сказал мне: 'Так мне сдается, сэр, что, когда мистер Холмс сверзился с той скалы, он, может, конечно, и не убился, но уж прежним человеком после того больше не был'"[2]. Конан Дойл старался учитывать критику. Известно, что в рассказе "Случай в интернате" Холмс изучает следы велосипедных шин, чтобы понять, в какую сторону поехал велосипедист, в связи с чем писатель признавался: "Мне так часто – кто с сожалением, кто с возмущением – припоминали этот случай, что я сел на велосипед и решил проверить сам". И убедился, что читатели правы, а он ошибся. Тем не менее ему нравились эти поздние рассказы. Если его спрашивали, какие приключения Холмса он любит больше всего, отвечая, он непременно упоминал какие-нибудь сюжеты из пострейхенбахского периода.

Когда Конан Дойл взялся за новую серию рассказов, ему прежде всего нужно было решить непростую задачу: как вытащить Шерлока Холмса из водяной могилы? В "Пустом доме" он справился с делом чрезвычайно элегантно. Рассказ начинается с сообщения о смерти юного графа Рональда Адэра – события, из-за которого "весь Лондон был крайне

1. Рассказы о паре мошенников (Раффлзе и его сообщнике Банни) – пародия на альянс Холмса и Ватсона.
2. "Воспоминания и приключения".

взволнован, а высший свет даже потрясен". Пытаясь разгадать тайну убийства, доктор Ватсон идет к месту происшествия и в толпе, собравшейся под окнами "пустого дома", нечаянно задевает пожилого книгопродавца, который роняет на землю несколько книг — одна, как замечает доктор Ватсон, называется "Происхождение культа деревьев". Вскоре выясняется, что старик антиквар — не кто иной, как загримированный Шерлок Холмс. После легкого обморока Ватсон спрашивает друга, каким образом ему "удалось спастись из той страшной бездны". Ответ, пусть и неправдоподобный, прекрасен своей изобретательностью. Мы узнаем, что Холмс, "немного знакомый с приемами японской борьбы баритсу", сумел благодаря этому вывернуться из объятий профессора Мориарти и избежать падения в пропасть. Не желая оставлять следов, он взобрался вверх по голому утесу и заставил весь мир поверить в собственную гибель, чтобы таким образом избежать мести со стороны приспешников Мориарти.

То, чем Шерлок Холмс занимался в период, известный шерлокианцам как Великий Пробел, приводит в восторг всех его почитателей.

...два года я попутешествовал по Тибету, посетил из любопытства Лхасу и провел несколько дней у далай-ламы. Вы, вероятно, читали о нашумевших исследованиях норвежца Сигерсона, но, разумеется, вам и в голову не приходило, что то была весточка от вашего друга. Затем я объехал всю Персию, заглянул в Мекку, побывал с коротким, но интересным визитом у калифа в Хартуме. Отчет об этом визите был затем представлен мною министерству иностранных дел. Вернувшись в Европу, я провел несколько месяцев во Франции, где занимался исследованием веществ, получаемых из каменноугольной смолы. Это происходило в одной из лабораторий на юге Франции, в Монпелье.

Короче говоря, как выразился бы сам Холмс, эти два года оказались "не лишены интереса". Живость стиля свидетельствует о том, что писатель вновь стал получать удовольствие от общения со своим знаменитым героем. "Кольерс" и "Стрэнд" с нескрываемой радостью рекламировали "Пустой дом". "Шерлок Холмс возвращается! — гласили рекламные листки в Америке. — История о его чудесном спасении будет опубликована в октябрьском номере 'Кольерс уикли'". "Стрэнд" высказывался в том же духе: "Известие о его смерти вызвало печаль, как если бы скончался близкий друг. По счастью, оно оказалось ложным, хоть и было основано на свидетельствах, в то время представлявшихся неопровержимыми".

Когда Холмс и Ватсон вновь поселились в апартаментах на Бейкер-стрит, стало ясно, что произошла важная перемена. По холмсовскому летосчислению миновало всего два года, но для автора, как и для всех людей на свете, миновал век XIX и начался XX. Сыщик передвинулся в прошлое — стал персоной из мира газовых фонарей, клубящихся туманов и хэнсомских кебов, он больше не был смело глядящим в будущее современником, как думалось читателям в ту пору, когда он впервые завоевал их сердца. Оставив героя в той эпохе, автор обеспечил ему долгую жизнь. Как написал Винсент Старрет — возможно, величайший из всех шерлокианцев — в поэме "221Б": "Отныне 1895-й всегда пребудет на часах".

24 октября 1902 года в знак признания заслуг перед Британской короной во время Англо-бурской войны Конан Дойл был возведен в рыцарское достоинство и получил титул. Поначалу он хотел отказаться. Он презрительно заметил, что титул все равно что "значок мэра маленького городка", и заявил, что великие люди – скажем, Киплинг или Чемберлен – не унизились бы до принятия таких отличий. "Если я приму эту так называемую награду, то запятнаю все, что делал на благо государства, – писал он матери. – Я даже не хочу об этом думать, и давай прекратим обсуждения". Но Мэм стояла на своем. Она забрасывала сына письмами, полными упреков, и даже приехала к нему сама, чтобы добиться согласия. В конце концов он сдался. "Если ты откажешься, – сказала она, – ты оскорбишь короля". Разумеется, подобный отказ расстроил бы Эдуарда VII – он очень любил Шерлока Холмса, и, говорят, рассказы о сыщике входили в очень короткий список произведений, которые он сумел дочитать до конца. Чуть раньше в том же году, во время спектакля, который Джиллет давал в его присутствии, король в антракте призвал актера к себе в ложу и так долго с ним беседовал, что зрители начали терять терпение. Есть все основания считать, что в списке награжденных королю было особенно приятно видеть имя Дойла.

Писателю оказалось нелегко привыкнуть к тому, что он теперь сэр Артур Конан Дойл: "Я чувствую себя, как только что выскочившая замуж девица, которая сама не знает, как ее теперь зовут", – сказал он брату Иннесу. Спустя много лет, уже после смерти матери, Дойл позволил себе откровенно высказаться по этому поводу. В рассказе "Три Гарридеба" доктор Ватсон походя замечает, что Шерлоку Холмсу хотели пожаловать дворянское звание, но он отказался от чести. Ватсон, обычно весьма уклончиво говорящий о датах, в данном случае предельно точен: "самый конец июня 1902 года, вскоре после окончания Бурской войны"[1].

Глава 18
Невольник чести

> Паладин безнадежных случаев сам оказался в затруднительном положении, когда взялся за дело, дорогое его сердцу.
>
> Уильям Рафед
> *Суд над Оскаром Слейтером*

В конце 1906 года, просматривая стопку газет, журналов и писем, лежавших на столе, Конан Дойл обратил внимание на статью, где шла речь о молодом человеке Джордже Идалджи, которому предъявили странное обвинение в порче скота. Сначала его арестовали, затем выпустили без

1. Перевод Н. Дехтеревой.

всяких объяснений. Он старался доказать свою невиновность, но его обращения в полицию и к государственным чиновникам остались без ответа. Теперь Идалджи призывал на помощь общественность — просил восстановить его честь и очистить имя от подозрений. Читая это, Конан Дойл внезапно ощутил, что после долгих "дней тьмы" вновь может направить энергию "в совершенно неожиданное русло".

Он часто заявлял, что не обладает дедуктивными способностями Шерлока Холмса, тем не менее ему не раз приходилось иметь дело с реальными преступлениями. Если случай интересовал его, он с готовностью использовал все свои способности и влияние, чтобы помочь пострадавшим. Подобно Холмсу, он обладал великолепной памятью и энциклопедическими сведениями о всевозможных преступлениях. Однажды, читая сообщение о гибели в купальне юной невесты, он вспомнил о подозрительно сходном случае утопления, произошедшем несколько ранее. Он связался со Скотленд-Ярдом и помог напасть на след серийного убийцы, которого стали называть "Синей бородой из купальни". В собственной округе Конан Дойлу как-то довелось применить свои таланты для защиты соседского колли по кличке Рой, обвиненного в убийстве овцы. Писателю удалось доказать, что "подзащитному", который был болен и дряхл, не хватило бы физических сил совершить что-либо подобное. Магистрат закрыл дело, и Роя выпустили из-под замка.

Обвинение против тридцатилетнего Джорджа Идалджи было не в пример серьезнее. В то время он служил стряпчим и жил с родителями в Грейт-Уэрли, неподалеку от Бирмингема. Его отец, преподобный Шарипурджи Идалджи, выходец из семьи индийских парсов, принял англиканство и женился на англичанке. Из его троих детей Джордж был старшим. Индиец-священник в тогдашнем Бирмингеме привлекал к себе всеобщее внимание, членов семьи часто оскорбляли: встречали расистскими выкриками, придумывали издевательские розыгрыши, подбрасывали во двор мусор.

По свидетельству всех знавших его, Джордж Идалджи был хрупким, беспокойным молодым человеком с большими глазами навыкате, придававшими ему сходство с гипнотизером — из тех, что заполняют паузы в концертах. Он блестяще окончил юридический колледж и в двадцать пять лет опубликовал серьезную книгу по железнодорожному праву. Тем не менее друзей у него было мало: для Уэрли — края шахтеров и фермеров — он был фигурой экзотической.

Десять с лишним лет назад семью Идалджи стали забрасывать письмами угрожающего содержания. Начальник полиции капитан Энсон счел эти письма проделкой шестнадцатилетнего Джорджа, который в то время учился в средней школе. Преподобный Идалджи категорически отверг это обвинение, напомнив, что сын сидел за партой на виду у всех своих соучеников как раз в то время, когда было подброшено большинство писем. Тем не менее капитан Энсон пребывал в твердой уверенности, что виновник происшествия — Джордж и ему не повредит посидеть немного за решеткой. Спустя некоторое время поток писем иссяк.

В 1903 году в деревне произошел ряд убийств лошадей и другого домашнего скота. За шесть месяцев было найдено шестнадцать животных

с длинными ножевыми разрезами на брюхе — не слишком глубокими, но достаточными, чтобы, без повреждения внутренних органов, вызвать обильное кровотечение — жертвы погибали от потери крови. В полицию стали поступать анонимные письма с сообщениями, что в округе орудует кровожадная банда, куда входит "законник Идалджи". Несмотря на то, что в качестве предполагаемых ее членов назывались разные имена, Энсон сосредоточил все свое внимание на Джордже, который работал теперь в Бирмингеме, но по-прежнему жил с родителями. Полиция разработала следующую версию: Джордж — не только помешанный, истребляющий животных, но еще и автор саморазоблачительных писем. Вопрос о том, какими могут быть мотивы подобного поведения, даже не ставился.

Когда неподалеку от дома Идалджи нашли в поле зарезанного жеребенка, Джорджа сразу арестовали. При обыске в доме были обнаружены четыре испачканных кровью бритвы, пара испачканных грязью сапог, а также тряпка с подозрительными пятнами и налипшими конскими волосами. Преподобный Идалджи клялся, что в ночь, когда было убито несчастное животное, сын спал с ним в одной комнате, но полиция не сочла это надежным алиби. Следствие продолжалось, хотя на пресловутых бритвах оказалась не кровь, а ржавчина и грязь на сапогах Джорджа происходила из другой местности. Полицейское расследование основывалось на свидетельстве графолога по имени Томас Гаррин, который подтвердил, что Джордж Идалджи — автор инкриминируемых ему писем. На деле Гаррин уже помог засадить за решетку невинного человека, но это стало известно лишь год спустя. Между тем Идалджи получил немалый срок: семь лет каторжных работ.

К тому времени дело привлекло к себе внимание, и в министерство внутренних дел поступила петиция, подписанная десятью тысячами человек. Спустя три года вмешательство общественности дало результат: в октябре 1906 года Идалджи выпустили на свободу, однако без объяснений и оправдания — его имя оставалось запятнанным. Поскольку приговор не был отменен, он не вправе был работать юристом, не мог получить компенсацию и стал простым клерком. Но опубликовал отчет о своем деле.

Как раз тогда вся эта история и привлекла внимание Конан Дойла. "Я ощутил, что присутствую при ужасной трагедии, — писал он, — и обязан сделать все возможное, чтобы восстановить справедливость". Ознакомившись со следственными материалами и посетив место преступления, писатель договорился о встрече с Идалджи. "Я несколько опоздал из-за дел; поджидая меня, он читал газету, — рассказывает Конан Дойл. — Он держал ее очень близко к глазам и немного боком, что свидетельствовало не только о большой близорукости, но и об астигматизме. Мысль о том, что такой человек может ночью рыскать по полям и резать лошадей, скрываясь от преследующей его полиции, покажется смехотворной любому, кто знает, каким видится мир человеку с близорукостью в восемь диоптрий".

Конан Дойл понимал, что зрение Идалджи нельзя полностью скорректировать с помощью очков — тот вряд ли способен был разглядеть животное в темном поле, не говоря уж о нанесении удара ножом, требующего немалой точности. По иронии судьбы, диагноз Дойла был

принят безоговорочно благодаря оставленной им некогда карьере окулиста.

Убежденный в невиновности Идалджи, Конан Дойл собрал доказательства в его пользу. Были приглашены для консультации новые графологи, опровергшие предыдущее заключение и признавшие, что письма написаны не его почерком. Пятна на его одежде, которые и ранее не были освидетельствованы как кровяные, были отвергнуты в качестве доказательства. Конан Дойл по этому поводу написал: "Даже самый умелый на свете хирург не мог бы темной ночью взрезать бритвой брюхо лошади и отделаться при этом двумя пятнышками крови размером с трехпенсовик на платье. Это совершенно немыслимо". На одежде были также обнаружены конские волосы, но это тоже мало о чем говорило: пиджак Идалджи был доставлен в полицейскую лабораторию в мешке, где лежал лоскут конской шкуры.

К тому времени делом Идалджи уже занимались многие, но имя Конан Дойла придало событиям еще большую огласку. Как писали в ряде газет, это было все равно как если бы сам Шерлок Холмс встал на защиту Идалджи. На что Дойл возразил: "Существует большая разница между фактом и литературой. Я постарался сначала выяснить факты, а уж потом делать выводы". И в самом деле, действия Конан Дойла больше напоминали поведение Майкрофта Холмса-старшего, не столь энергичного брата Шерлока. Факты уже были собраны другими, и Конан Дойл употребил свой талант рассказчика на то, чтобы сложить из них убедительную и, по-видимому, неопровержимую версию. Начал он с того, что писал и рассылал по газетам письма, а затем в январе 1907 года опубликовал брошюру в восемнадцать тысяч слов под названием "История, случившаяся с мистером Джорджем Идалджи". "Я изучил очень много документов, — написал он, — и проанализировал ряд истинных и вымышленных доказательств. И при этом держал открытыми глаза и уши. Могу, не колеблясь, сказать, что, сколько ни трудился, не нашел данных, которые бы указывали, чтобы не сказать доказывали, что Джордж Идалджи имел какое-то отношение, прямое или косвенное, к этим злодеяниям или анонимным письмам".

Подозрения Конан Дойла пали на двух братьев Шарп, Ройдена и Уоллеса[1], которые издавна враждовали с семейством Идалджи. Указания были лишь косвенные, но у Ройдена был определенный "перевес": было известно, что в прошлом он подделывал письма, работал подручным у мясника и как-то раз исполосовал ножом обивку в железнодорожном вагоне. Джорджа Идалджи он знал со школьной скамьи и, возможно, еще с детских лет питал к нему вражду, но впоследствии был из школы исключен. Те десять месяцев, что он служил в море на скотовозе, совпали со временем, когда преследования семейства Идалджи затихли. Конан Дойл с таким азартом разрабатывал эту версию расследования, что к нему тоже стали поступать письма с угрозами. Для возбуждения дела улик не хватало, однако, как горячо настаивал Конан Дойл, против Шарпов их было гораздо больше, чем против Идалджи.

1. Подлинные имена подозреваемых в преступлении впервые названы Д. Сташауэром. Ранее во всех документах и текстах, собранных Конан Дойлом, они фигурировали под псевдонимом Хадсоны.

Конан Дойл считал, что вся эта история — позорное пятно на британском правосудии. "Я и теперь, после стольких лет, не могу спокойно думать о том, как велось это дело", — писал Конан Дойл в автобиографии. Его огорчало, что он не смог добиться более основательных результатов, но ему самому эта работа принесла большую пользу. Негодование, которое вызвало в нем дело Идалджи, развеяло апатию, охватившую его после смерти первой жены, и направило горе и уныние в конструктивное русло. Еще несколько месяцев Дойл продолжал в одиночку добиваться реабилитации Идалджи, но в конце концов ощутил, что готов вернуться к нормальному образу жизни.

18 сентября 1907 года Конан Дойл в узком семейном кругу сочетался браком с Джин Лекки в церкви Святой Маргариты в Вестминстере. Службу венчания провел его зять — преподобный Сирил Эйнджел, шафером был брат Иннес. После свадебного путешествия по Средиземному морю у молодоженов началась новая жизнь. И Джин хотела начать все заново, поэтому было решено, что семья уедет из Хайндхеда. Конан Дойл купил новый дом, называвшийся Уиндлшемом, на окраине суссекского городка Кроуборо, у самого Эшдаунского леса. В Уиндлшеме Конан Дойл прожил всю оставшуюся жизнь, с годами добавил пристройки к основному зданию. А поскольку отсюда до Лондона было не так уж близко, он снял для профессиональных и светских нужд квартиру в столице близ вокзала Виктория. Он снова упивался жизнью молодожена, как выразился бы доктор Ватсон. Его литературная производительность в первые годы жизни в Уиндлшеме сильно упала, он решил писать только тогда, когда накатывает вдохновение. И потом — отвлекали садоводческие обязанности, которые он делил с Джин, не говоря уж о гольфе и других спортивных занятиях.

Дело Идалджи принесло Конан Дойлу славу защитника угнетенных. Но когда он наконец устроился в своем новом кабинете, его отвлекло еще одно скандальное преступление. Началось все в Глазго серым декабрьским утром. Бездетная старушка Мэрион Гилкрист послала свою компаньонку Хелен Лэмби купить газету в киоске за углом. Вернувшись через десять минут, мисс Лэмби встретила в дверях неизвестного мужчину, который вихрем промчался мимо нее, выскочил на улицу и исчез. Войдя, она увидела, что ее хозяйка мертва и лежит на полу в прихожей: старушке сильным ударом раскроили череп. Ее личные бумаги были раскиданы, шкатулка с ценностями перерыта, но пропала только одна вещь — бриллиантовая брошь. Полиция сразу заподозрила в убийстве немецкого иммигранта Оскара Слейтера, недавно сдавшего в ломбард брошь с бриллиантами. Он косвенно подтвердил свою вину, под чужим именем сбежав из Англии на борту "Лузитании". Когда пароход пристал к берегу в Нью-Йорке, среди пожиток Слейтера был обнаружен небольшой зачехленный молоток, который и посчитали орудием убийства. Ему угрожала экстрадиция, но он добровольно вернулся в Англию, уверенный, что сможет доказать свою невиновность.

Слейтер был виновен во многом — в шулерстве, мелком воровстве и, возможно, даже в проституции, но убийцей Мэрион Гилкрист он не был. Однако, как и в деле Идалджи, полиция подкроила факты по мерке подозреваемого, скрыв, где потребовалось, опровергающие обстоя-

тельства. Свидетелей, видевших неизвестного, убегающего из квартиры убитой, подготовили, показав заранее фотографию Слейтера, а его алиби — он был дома со своей любовницей и слугой — не рассматривалось. Хуже того, описание бриллиантовой броши, единственного вещественного доказательства, связывающего Слейтера с местом убийства, не соответствовало описанию броши, которая была у мисс Гилкрист, и к тому же брошь он отдал в заклад раньше, чем было совершено убийство.

Но, как ни странно, Слейтер был признан виновным и приговорен к смерти. Апелляционного суда тогда в Шотландии не существовало. Так что единственным спасением для Слейтера было обращение к правительству с просьбой о помиловании. К этому времени общество повернулось в сторону Слейтера, и под ходатайством о помиловании стояло ни много ни мало двадцать тысяч подписей. За два дня до казни приговор был заменен на пожизненное заключение.

В апреле 1910 года видный эдинбургский адвокат Уильям Рафед опубликовал книжку "Суд над Оскаром Слейтером", где перечислялись непоследовательности в ведении дела и воспроизводилась стенограмма процесса. Конан Дойл был одним из тех, кого публикация задела за живое. "Этот несчастный, — написал он, — похоже, так же причастен к преступлению, за которое его осудили, как я". После дела Идалджи ему не хотелось вмешиваться снова, но он знал, что чиновники сомкнут ряды, защищая своего: "Заступник натолкнется на их твердую решимость не признавать ничего, что служит к обвинению их собрата. А мысль, что следует наказать чиновника за оскорбления беззащитного и причиненное ему горе, им даже в голову не приходит". Он чувствовал себя обязанным что-то предпринять. И решил использовать свое имя и влияние, чтобы привлечь внимание широкой публики к положению Слейтера. С помощью Рафеда он собрал материалы, описал их, и в 1912 году брошюра увидела свет. В ней опровергались многие обвинения, выдвинутые против Слейтера. Так, например, ему инкриминировалось, что в Америку он отправился под чужой фамилией, но Конан Дойл доказал, что тот плыл со своей молодой любовницей и не хотел, чтобы об этом стало известно жене. Такое объяснение, при всей своей неблаговидности, тем не менее снимало со Слейтера обвинение в убийстве. Дойл сообщал, что в Ливерпуле Слейтер зарегистрировался в гостинице под собственным именем, чего не сделал бы, если бы скрывался от полиции. Что до молотка, найденного в его пожитках, Конан Дойл доказал, что в качестве предполагаемого орудия убийства он не выдерживает критики: "Этот чрезвычайно легкий и непрочный инструмент годится разве только для того, чтобы вбить гвоздик или отколоть кусочек угля". Врач, осматривавший труп мисс Гилкрист на месте убийства, подтвердил это: он полагал, что бедную женщину отправили на тот свет ударом тяжелого стула из красного дерева, который был "весь в крови".

"Дело Оскара Слейтера", напечатанное в виде дешевой брошюры, которая широко раскупалась, явно требовало повторного рассмотрения. Палата общин запросила министра по делам Шотландии, но ответ последовал малообещающий: "Не обнаружено, на мой взгляд, никаких дополнительных данных, которые давали бы основание возобновить

дело". Тем временем вскрылись новые подробности, а заодно и новые примеры полицейской безответственности. Выяснилось, что алиби Слейтера подтверждал бакалейщик Макбрейн, видевший Слейтера на пороге его дома в то время, когда было совершено убийство, но Макбрейна даже не вызвали в суд в качестве свидетеля. Еще более настораживающие сведения поступили от лейтенанта Джона Тренча, полицейского детектива в Глазго, который признал, что вечером после убийства компаньонка жертвы, Хелен Лэмби, назвала имя человека, выбежавшего ей навстречу из квартиры мисс Гилкрист. И это отнюдь не было имя Слейтера.

Как ни странно, это не сочли достаточно важным признанием, чтобы возобновить расследование. Лейтенанта Тренча за помощь правосудию наградили по заслугам — уволили из полиции и лишили права на пенсию. Конан Дойл был потрясен. "Как можно решить, что не обнаружено новых свидетельств, требующих пересмотра, понять невозможно, — написал он в 'Спектейторе'. — На мой взгляд, это дело останется в истории криминалистики как вечный памятник чиновничьего упрямства и некомпетентности". Казалось бы, все было потеряно. Но следующий шаг — хотя Конан Дойл не мог тогда этого знать — был за Оскаром Слейтером.

Глава 19
Совершенно невозможный человек

> Ярче всего у меня в памяти сохранилась приземистая фигура профессора Резерфорда с ассирийской бородой, мощным голосом, широченной грудной клеткой и своеобразными манерами.
>
> А. Конан Дойл
> *Воспоминания и приключения*

"Мои методы работы не подогнаны под какой-то определенный план, — признавался Конан Дойл репортеру в 1905 году. — Я пишу, когда я в настроении. Не диктую, а всю вещь пишу пером. Пишу медленно и очень редко вношу поправки, если же иногда и вношу, обычно выходит только хуже, и тогда я восстанавливаю прежний вариант. Поправка обычно требует переделки целого куска. Первое впечатление всегда оказывается самым лучшим". Это интервью было напечатано под заголовком "Неудача Конан Дойла-драматурга". Именно драматургическое направление приняла его работа после второй женитьбы. Он сочинял новые и перерабатывал в пьесы свои старые рассказы. Что касается "неудачи Конан Дойла", речь шла о переделке "Бригадира Жерара", сюжета о его популярном герое эпохи Регентства. "Я предлагал эту пьесу чуть ли не каждому постановщику в Лондоне, — рассказывал Конан Дойл, — но все безрезультатно. Никто не решался. А почему, не знаю. Я и теперь совершенно убежден, что это хорошая пьеса. А они совершенно убеждены,

что плохая". Между тем "Шерлок Холмс" Уильяма Джиллета продолжал идти при полных залах.

Но спустя несколько месяцев "Бригадир Жерар" обрел неожиданного сторонника в лице актера Льюиса Уоллера, сыгравшего Д' Артаньяна, Хотспора, Генриха V и славившегося как кумир молодежи. Уоллер, опытный театральный режиссер, взялся поставить пьесу и сыграть заглавную роль. Начались репетиции, но Конан Дойл не мог оставить без надзора своего героя. В романе он страницу за страницей вдохновенно заполнял описаниями золотых галунов на мундирах, сабель с самоцветами на рукоятях, пистолетами с узорной насечкой. В театре же его страсть к исторической достоверности представляла серьезное препятствие. Явившись на генеральную репетицию, он с ужасом увидел группу гусарских офицеров, возвращающихся после последней наполеоновской кампании, — они торжественным маршем вышли на сцену в сверкающих оранжевых с серебром мундирах. "Они воины, — закричал он, — а не артисты балета!" По настоянию автора дорогие театральные костюмы вываляли в пыли и грязи. Уоллеру такая аутентичность пришлась не по вкусу. Свой мундир он как звезда постановки оставил незапятнанным.

Уоллер в своем незапятнанном костюме дебютировал весной 1906 года. Спектакль, по оценке Конан Дойла, был великолепный. Но публика привыкла видеть своего любимца в роли гордого героя, а не незадачливого горемыки, и потому не смеялась и не аплодировала. В результате "Бригадир Жерар" скоро сошел со сцены. Конан Дойл был разочарован, но вынес из совместной работы глубокое уважение к уроженцу Испании Уоллеру: "Не знаю, какая кровь течет в жилах Уоллера, то ли еврейская, то ли баскская, то ли та и другая. Знаю только, что человек получился замечательный".

Три года спустя они опять сотрудничали, на этот раз при постановке пьесы "Светочи судьбы" — откровенной мелодрамы, больше подходившей таланту Уоллера. Билеты не раскупались, и "Светочи" продержались всего несколько месяцев, да и то лишь благодаря тому, что и Уоллер, и Конан Дойл оплатили все расходы из своего кармана. Впрочем, автор как оптимист приписал неуклонное падение сборов необычно знойному лету.

Конан Дойл все время возвращался мыслями к Шерлоку Холмсу. Еще до того, как его очередная пьеса "Дом Темперлеев" сошла со сцены, стало ясно, что неудача оборачивается большими долгами, не говоря о плате за аренду пустующего театра. Ситуация, как он сам признал, трудная, если не сказать — отчаянная. Отчаянная ситуация требует отчаянных мер, и потому осажденный автор возвратился на Бейкер-стрит к своей неизменной дойной коровушке — Шерлоку Холмсу.

Много лет спустя леди Конан Дойл удивлялась тому, как быстро ее муж написал и сам поставил новую пьесу: от чистого листа до готового спектакля прошло чуть больше трех недель. "Такая скорость — это, бесспорно, рекорд", — полагала она. Но если и рекорд, то вызванный необходимостью: надо было возместить крупные потери. Сюжет он взял из рассказа "Пестрая лента" — одного из ранних и самых лучших приключений Шерлока Холмса, хотя и внес в действие значительные изменения. Первоначальное название пьесы было "Дело мисс Стоунер", но ак-

теры, желая использовать то, что однажды уже принесло успех, уговорили Конан Дойла вернуться к прежнему – "Пестрая лента". Сцена, где Холмс уступает своей привычке к кокаину[1], прерывается появлением слуги Билли; известный эпизод, где доктор Ройлотт сгибает кочергу, а Холмс ее снова выпрямляет, пришлось вообще исключить, так как не удалось найти подходящего гибкого прута. Наибольшее затруднение оказалось связано с главным персонажем – болотной гадюкой, которая должна угрожать героине. Конан Дойл и на этот раз настаивал на максимальном правдоподобии, постановщики и, надо думать, актеры склонялись к бутафорской змее. Автор, чтобы нагнать ужаса, привез очень внушительного с виду скалистого питона. Однако даже он сам вынужден был признать, что актер из живой змеи никудышный. "Питон либо свисал неподвижно, как толстый желтый шнур от звонка, либо, если его щипали за хвост, – описывал Дойл, – старался изогнуться и дотянуться до театрального столяра, который и щипал его, хотя ничего этого в пьесе не было".

Можно себе представить, как дрожал бедный столяр 4 июня при подъеме занавеса, но, к счастью, все прошло гладко, и Конан Дойл раскланивался в финале под гром оваций. "Все благополучно, – писал он матери. – Я не помню, чтобы мне случалось видеть такой удачный спектакль". Обозреватели очень хвалили игру Г. А. Сейнтсбери и Лина Хардинга, многие особо отмечали, как умело перевоплощался Сейнтсбери; гвоздем программы стал внесенный Дойлом в список действующих лиц некто "мистер С. Лейтер", который оказался Холмсом, переодетым дворецким. Скалистый питон преуспел меньше, хотя Лин Хардинг выдрессировал его так, что в конце премьерного спектакля вместе с ним вышел на вызовы. Все же критики неодобрительно помянули "бледную игру" питона, которая, по их словам, была "искусственной", и вообще он напоминал "толстую и малоподвижную колбасу". Обиженные такой вопиющей несправедливостью, актеры раздобыли хорошего механического дублера, но Конан Дойл запретил замену. Однако позже змей потихоньку поменяли местами, и Конан Дойл определенно высказался в пользу поддельной, поскольку принял ее за настоящую. После чего механическая получила роль и участвовала в самой жуткой сцене: когда Гримсби Ройлотт, умирая, валится на пол, а страшный гад обвивает его голову и потом, к ужасу публики, медленно разматывается и ползет через сцену к доктору Ватсону (его играл Клод Кинг), который под вопли зрителей принимается изо всех сил колотить его тростью. Таков был шумный успех, выпавший на долю искусственной змеи. Этот успех позволил Конан Дойлу с процентами окупить свои потери. Срок аренды "Адельфи" кончался, две другие труппы уже ждали своей очереди, и спектакль переехал в "Глобус".

Все-таки автор вынужден был признать, что "Пестрая лента" получилась хуже, чем поставленный Уильямом Джиллетом "Шерлок Холмс". В "Ленте" у Конан Дойла великий сыщик подолгу не появлялся на сцене и не очень-то часто демонстрировал свой блестящий интеллект. По мнению Конан Дойла, главная его ошибка состояла в том, что, стараясь уравновесить Холмса достойным противником, он переста-

1. Этой сцены в рассказе нет.

рался, и образ злодея у него вышел ярче, чем образ главного героя. Как бы то ни было, Дойл остался очень благодарен актерам, которые помогли ему выбраться из трудного финансового положения. И когда десять лет спустя Сейнтсбери и Хардинг попытались возобновить спектакль, он, чтобы помочь этому замыслу, великодушно отказался от авторских прав.

Хотя "Пестрая лента" не сходила со сцены, Конан Дойл решил прервать карьеру драматурга. "Я оставляю театр не потому, что он меня больше не интересует, – объяснил он одному журналисту, – а наоборот, потому, что он слишком меня интересует". Впоследствии он советовал друзьям никогда не вкладывать деньги в театральные постановки.

Он вернулся к повествовательному жанру и принялся сочинять нового бесстрашного героя, которого вновь взял из своего студенческого прошлого: списал с некоего эдинбургского профессора медицины. Новый герой задуман был как человек блестящий и чрезвычайно эксцентричный, приключения его должен был описывать верный спутник – поскромнее интеллектом, но преданный безоглядно.

Итак, черты героя были знакомы, зато обстоятельства переменились. Со времени "Этюда в багровых тонах" прошло почти четверть века. Создавая профессора Джорджа Эдварда Челленджера – которого собственная жена характеризует как "совершенно невозможного человека", – Конан Дойл надеялся вылепить соперника Холмса, способного поспорить с ним за любовь читателей. Замысел оформился не сразу. В каменоломне по соседству с собственным домом Конан Дойл заметил на камне отпечаток "колоссальной ящерицы". Окаменелость так заинтересовала его, что он сообщил о находке в Британский музей, и оттуда прислали эксперта. А раньше, во время свадебного путешествия по Эгейскому морю, он видел существо, которое походило на "молодого ихтиозавра" – около четырех футов в длину, с тонкими шеей и хвостом и с четырьмя большими боковыми плавниками. "Старый мир заготовил для нас кое-какие сюрпризы", – заметил он. Эти два случая, подогревшие его растущий интерес к палеонтологии, возможно, послужили запалом для первого приключения профессора Челленджера.

Заключая второй брак, Конан Дойл говорил, что дожидается вдохновения, чтобы приступить к написанию нового романа. Вероятно, ожидание оказалось длиннее, чем он рассчитывал. Разочарованный тем, как холодно критика приняла "Сэра Найджела"[1], он позволил отвлечь себя огням рампы. Затем защита Джорджа Идалджи и Оскара Слейтера отняла еще больше времени, равно как и работа в Союзе борьбы за реформу закона о разводе, председателем которого он стал в 1909 году. И наконец рождение сыновей – Дэниса Перси Стюарта (1909) и Адриана Малколма (1910) – тоже отвлекло его от литературы. "Моя цель, – писал он Гринхофу Смиту, – сделать с мальчишескими книжками то же, что рассказы о Шерлоке Холмсе сделали с детективными рассказами. Наверное, не получится, но все-таки попробую".

В результате появилась приключенческая книга "Затерянный мир", которая наряду с "Собакой Баскервилей" и "Бригадиром Жера-

1. "Сэр Найджел" – первая часть исторической дилогии А. Конан Дойла о Столетней войне, хронологически предшествующая написанному ранее "Белому отряду".

ром" принадлежит к числу самых увлекательных сочинений Конан Дойла. Рассказанный от лица симпатичного ирландца-журналиста по имени Эдвард Данн Мелоун "Затерянный мир" представляет читателям вспыльчивого профессора Челленджера, когда тот собирает экспедицию в Южную Америку. Здесь, убеждаются они, мир сохранился таким, каким был в доисторические времена, и по земле разгуливают динозавры.

"Затерянный мир" многим обязан Жюлю Верну, Г. Дж. Уэллсу и Дэниэлю Дефо, что не раз отмечали комментаторы, но своими главными достоинствами книга обязана исключительно автору. Его увлечение исследованиями оживило доисторическую флору и фауну, а яркий рассказ Мелоуна познакомил читателей с живым Челленджером и его приключениями, как записи Ватсона познакомили их с Шерлоком Холмсом. Дойлу не могло прийти в голову, что он пишет научную фантастику, хотя бы потому, что такого термина еще не существовало, но сегодня мы вправе утверждать, что "Затерянный мир" — ранний шедевр этого жанра. В каком-то смысле этот роман близок "Этюду в багровых тонах": оба они — важные вехи на своем поле, хотя влияние Конан Дойла на научную фантастику почти никто из критиков не отмечает.

После драматургической страды Конан Дойл мог наконец вздохнуть с облегчением. Хорошее настроение и юмор дают себя чувствовать на каждой странице "Затерянного мира" — например, в уморительном эпизоде в Лондонском зоологическом институте, когда профессор Челленджер, доказывая успех своей экспедиции, демонстрирует живого птеродактиля.

Он заглянул внутрь и, несколько раз прищелкнув пальцами, сказал умильным голосом (в журналистской ложе были прекрасно слышны его слова): "Ну выходи, малыш, выходи!" Послышалась какая-то возня, царапанье, и тут же вслед за этим невообразимо страшное, омерзительное существо вылезло из ящика и уселось на его краю. Даже неожиданное падение герцога Даремского в оркестровую яму не отвлекло внимание пораженной ужасом публики[1].

Рисуя фигуру Челленджера, Конан Дойл использовал свои воспоминания о профессоре физиологии Эдинбургского университета Уильяме Резерфорде. "Вид его нас зачаровывал и ужасал, — описывал Конан Дойл своего старого профессора. — Бывало, он начинал лекцию еще до того, как входил в аудиторию, и мы слышали произнесенную его раскатистым басом фразу: 'На внутренней стороне вен имеются клапаны', — в то время как за кафедрой еще никого не было"[2]. От Резерфорда Челленджер получил самое характерное в своем облике: "ассирийскую" бороду, сотрясающий своды бас, квадратную фигуру и широкую грудную клетку. Внешне он полная противоположность Шерлоку Холмсу, что, вероятно, отвечало замыслу автора. Некоторые другие сотрудники Эдинбургского университета тоже нашли себя в новой книге Конан Дойла. Так, исследовательская экспедиция сэра Чарлза Уайвилла Томсона на корвете "Челленджер" подарила герою имя, а без долговязого и

1. Перевод Н. Волжиной.
2. "Воспоминания и приключения".

довольно деспотичного сэра Роберта Кристисона, которого студенты называли Гордый Боб, не было бы в книге профессора Саммерли, язвительного соперника Челленджера.

"Затерянный мир" печатался выпусками в "Стрэнде", а затем под дружные восторги критики вышел отдельной книгой в октябре 1912 года. "В этой работе бесспорно более всего проявилась богатая фантазия автора", – заявили в "Атенеуме". "Он создал увлекательнейшую историю невероятных приключений, которая заставляет сильнее биться сердца и перехватывает дыхание у самых пресыщенных читателей", – высказалась "Таймс".

С первых же страниц романа чувствуется благосклонность, даже пристрастие автора к Челленджеру, что резко контрастирует с его отношением к Холмсу. Для рекламы "Затерянного мира" он даже согласился сфотографироваться в образе Челленджера – в дорожном костюме, в парике и с длинной черной бородой. А вскоре после этого Уилли Хорнунг, к своему большому удивлению, повстречал у себя на крыльце незнакомого бородатого человека, который отрекомендовался немецким другом его знаменитого родственника сэра Артура Конан Дойла. Близорукий Хорнунг приветливо принял разговорчивого гостя из Германии, но потом, узнав под бородой шурина, пришел в ярость и указал ему на дверь.

Глава 21
Англия на коленях

Печать, Ватсон, – настоящее сокровище, если уметь ею пользоваться.

А. Конан Дойл
Шесть Наполеонов[1]

Позднее Конан Дойл вспоминал, что, возвращаясь в июне из Канады домой, он еще "не имел представления о том, как близки мы к этому важнейшему событию в мировой истории". На самом-то деле он видел приближение войны гораздо яснее большинства. Тремя годами раньше он принимал участие в автомобильных гонках доброй воли, носивших название "Ралли принца Генриха" – любительском соревновании между пятьюдесятью немецкими пилотами и сорока британскими из Королевского автомобильного клуба. Организованные германским принцем трехнедельные гонки совпали по времени с коронацией Георга V и должны были служить укреплению англо-германских связей, но в конечном итоге только продемонстрировали расширяющуюся между двумя странами пропасть.

Трасса длиной в две с половиной тысячи миль шла через Кёльн в Бремерхафен, оттуда на пароходе в Саутгемптон, на север до Эдинбурга, и финиш в Лондоне. Девяносто машин покрывали в сутки по 150

1. Перевод М. и Н. Чуковских.

миль. Конан Дойл прилагал все усилия к тому, чтобы тоже не отставать, хоть и приходилось подчас выходить из автомобиля и толкать его вверх по крутому склону.

В каждой машине ехал военный наблюдатель противоположной стороны. Конан Дойл был неприятно поражен воинственностью немецких наблюдателей. К тому времени, когда Британия получала в Лондоне приз за победу в гонках — кубок из слоновой кости с надписью МИР, Конан Дойл уже ясно понимал, что все это мероприятие — не более как "дурная инсценировка", предназначенная, чтобы отвлечь внимание от немецких военно-морских маневров у берегов Марокко. "Я уехал с тяжелым сердцем", — вспоминал он.

Но публично он поддерживал идею дружбы с Германией. Характерно для Конан Дойла публично выражать благодарность, несмотря на свои дурные предчувствия. Но как бы то ни было, поняв, что война вот-вот разразится, он направил свое внимание на повышение боеготовности. Еще в 1906 году он послал в "Таймс" письмо с предложением организовать из английских автомобилистов отряд быстрого реагирования, готовый по сигналу, сообщающему о вражеской высадке, доставлять на побережье местных стрелков. После "Ралли принца Генриха" он принялся изучать немецкую военную литературу, в особенности труды генерала фон Бернхарди, чья книга "Германия и будущая война" своим захватническим духом встревожила его не на шутку. На нее Конан Дойл отозвался большой статьей "Англия и будущая война", где описал новые, чрезвычайно действенные способы ведения войны. "Новые факторы — это подводные корабли и аэропланы", — писал он, с сожалением отмечая, что в свое время им не было уделено необходимого внимания. Торговые суда, как и боевые, пострадают в ходе подводной атаки, пишет он дальше, переходя к страшной угрозе голода, перед которой окажется Британия, отрезанная от источников продовольствия. Тут единственное спасение, как это видится Конан Дойлу, — строительство туннеля под проливом Ла-Манш. Он давно изучал этот вопрос и пришел к выводу, что на строительство, которое обойдется британским налогоплательщикам в пять миллионов фунтов, уйдут три года. В мирное время канал будет способствовать росту туризма, а во время войны обеспечит свободную переброску военных частей и снаряжения из Англии на континент и снимет угрозу полной блокады.

Что касается идеи строительства туннеля, Конан Дойл вовсе не претендовал на первенство, но он был первым, кто использовал все свое влияние, чтобы привлечь к этому внимание общества. Завязалась оживленная дискуссия в прессе, многие спрашивали: что будет, если противник завладеет туннелем? Конан Дойл отвечал, что захватчикам придется удерживать оба выхода одновременно, "а это, на мой взгляд, практически невозможно", — заявлял он. А что, спрашивали другие корреспонденты, если Британия окажется в состоянии войны с Францией? Конан Дойл и это счел крайне маловероятным, но заметил, что в таком случае вход в туннель можно заблокировать. Дебаты продолжались, и он все больше досадовал, что время идет, а ничего не делается.

Разочарованный тем, что его предложения ставятся в зависимость от партий и их политики, он решил обратиться к читающей публике. Шесть лет тому назад в рассказе "Чертежи Брюса-Партингтона" одна

высокопоставленная дама пожаловала Холмсу изумрудную булавку для галстука в награду за его роль в спасении чертежей субмарины. Теперь, когда Британия оказалась на грани войны, Конан Дойл вернулся к этой теме, написав в феврале 1914-го рассказ-предостережение "Опасность! Бортовой журнал капитана Джона Сириуса", который был напечатан в "Стрэнде". Время действия – ближайшее будущее: Британия втянута в пограничный конфликт со сравнительно слабым европейским государством, которому Конан Дойл дал хитрое название Норланд[1]. Король Норланда уже подумывает о капитуляции, но капитан Сириус, командующий норландским скромным флотом из восьми подводных судов, знает, как парализовать английский торговый флот. План капитана, понятное дело, предполагает перерезать Британии пути снабжения. Хотя Британия вскоре уничтожает норландский надводный флот, восемь субмарин под командой Сириуса проскальзывают мимо ее миноносцев и принимаются топить грузовые суда, идущие курсом на Англию. И вот уже вся Англия в тисках голода, а норландские субмарины плавают в устье Темзы. "Удивительно, что англичане, пользующиеся репутацией практичного народа, не разглядели опасности, – замечает капитан Сириус. – Они не могли бы потерпеть более полного и скорого поражения, даже если бы у них не было ни одного броненосца и ни одного полка".

"Опасность!" – наверное, лучшее пропагандистское произведение Конан Дойла. Его восторженные описания подводных лодок и их оснащения не только предвосхищают современные военные триллеры, но и показывают, как глубоко он изучил техническую литературу. Об изяществе изложения Конан Дойл в этом рассказе не особенно беспокоился. Его цель была, как он сам потом объяснял, не развлекать, а привлечь внимание к серьезной опасности, угрожающей стране.

Одновременно с публикацией рассказа в "Стрэнде" Конан Дойл и Гринхоф Смит опросили дюжину экспертов (в основном отставных адмиралов) и напечатали их мнения о нем. Один из них назвал рассказ "вполне правдоподобным", а другой высказал мнение, что против будущего нападения, как оно описано у Конан Дойла, есть только два средства: либо строительство государственных зернохранилищ, либо – туннеля под проливом. Почти все двенадцать опрошенных согласились с оценкой, которую дал мистер Арнольд Уайт, историк мореходства, сказавший, что "сэр Артур Конан Дойл надавил пальцем на болевую точку Британской империи – ненадежный путь снабжения продовольствием". По поводу угрозы нападения субмарин мнения разошлись, но идея государственных зернохранилищ получила всеобщее одобрение. "Мораль рассказа в том, что нужно построить по всей стране огромные закрома, – писал адмирал сэр Вильям Кеннеди, – с этим я полностью согласен". Но по поводу туннеля под Ла-Маншем у него, как и у многих других, имелись серьезные сомнения: "Бог создал нас островом, и давайте островом и останемся". К этому времени, однако, идея строительства туннеля получила дополнительное развитие, и на 29 июня 1914 года были назначены дебаты по этому вопросу в палате общин. Но судьба

1. Букв.: северная страна.

распорядилась так, что днем раньше в Сараеве был убит Франц Фердинанд, эрцгерцог Австрийский. Через шесть суток был выпущен билль об объявлении войны.

Предостережение Конан Дойла насчет подводной войны один эксперт отверг как фантазию в духе Жюля Верна. Однако не прошло и года, как немецкие Unterseebooten — подводные лодки — начали нападать на торговые суда, и рассказ Конан Дойла перестал казаться таким уж невероятным. Хуже того, из Германии поступили сведения, из которых явствовало, что контрадмирал Альфред фон Тирпиц оказался более восприимчивым, чем британское правительство. 18 февраля 1915 года в лондонской газете "Таймс" появилось сообщение "Die Blockade Englands"[1], перепечатанное из немецких газет и подписанное: "Нейтральный наблюдатель". "Сердце каждого немца переполняется гордостью и восторгом, — говорилось там, — когда он читает официальное коммюнике, сообщающее, что после 18 февраля каждое британское торговое судно, входящее в британские воды, будет уничтожено". В ответ на вопрос, каким образом это уничтожение будет осуществлено, несколько "хорошо осведомленных" немцев указали на рассказ Конан Дойла. "Идея была разработана для нас в Англии, — якобы ответил один из них. — Общий план сформулировал Конан Дойл, и каждый немец надеется, что он будет осуществлен. Его рассказ 'Опасность!' поведает вам о наших намерениях гораздо яснее, чем я".

Конан Дойл пришел в ужас. Никогда в жизни ему еще не случалось попадать в такое двусмысленное положение. Каковы бы ни были его личные чувства, он понимал, что сейчас не время выяснять отношения. Развивая дальше мысль об угрозе нападения подлодок, он только умножит страхи населения, а заодно и утвердит отношение к себе как к автору немецкого военного плана. Спеша ответить как можно скорее и убедительнее, Конан Дойл направил следующее заявление в прессу:

Едва ли нужно писать о том, как больно мне было слышать, что какое-то из моих сочинений используется во вред моей стране. Моим намерением было предостеречь публику против опасности, нависшей, как я видел, над нами, и показать пути противостояния угрозе. В этом рассказе я датировал подводную блокаду более поздним временем. Речь идет о будущем. Изучив реальные возможности, я пришел к выводу, что современные подводные суда не способны произвести описанное мною опустошение. Но я по-прежнему полагаю, что, если бы войну отодвинули на пять лет и если бы за это время строительство подводных судов совершенствовалось с такой же скоростью, как и прежде, Англия оказалась бы в крайне опасном положении, которое как раз и описано в рассказе. Однако я совершенно убежден, что в современных условиях мы, может быть, и понесем потери, но германская блокада не окажет существенного влияния на ход войны.

Германские дизельные подлодки и в самом деле не оказали существенного влияния на ход войны. Можно себе представить, что думал Конан Дойл, когда в мае 1915 года была потоплена "Лузитания". Чего он, однако, совсем не предвидел, это создания глубоководных бомб, гидрофо-

1. Блокада Англии (*нем.*).

нов и наступательных подводных лодок, способных противостоять немецкому нападению. Оглядываясь в конце войны на рассказ "Опасность!", Конан Дойл мог с удовлетворением отметить, что недооценил силу и изобретательность британского ответа немцам. "Великая беззвучная битва, происходившая в глубинах вод, кончилась победой над армадой, гораздо более могучей, чем некогда была испанская", – написал он.

Как ни дико, представление о Конан Дойле как об авторе немецкой стратегии сохранялось на всем протяжении войны. В мае 1917-го, как сообщает "Нью-Йорк таймс", слова признательности прозвучали в рейхстаге: "Единственным прорицателем современной экономической войны, – объявил контрадмирал Эдвард фон Капелле, германский морской министр, – был писатель Конан Дойл".

Пропагандистская деятельность Конан Дойла только начиналась.

Глава 22
Услышанный голос

> Было девять часов вечера 2 августа – самого страшного августа во всей истории человечества.
>
> А. Конан Дойл
> *Его прощальный поклон*

"Мне нужен твой совет, – написал Конан Дойл своему брату Иннесу в один из первых дней войны. – Как ты думаешь, стоит ли мне проситься капитаном в новую армию?" Иннес Дойл, учившийся в Вулиджском королевском военном училище, должно быть, подумал, что его старший брат шутит. Пятидесятипятилетний, без профессиональной военной подготовки – таких в офицеры не берут. Но Конан Дойл во что бы то ни стало хотел исполнить свой патриотический долг, как это было и раньше, в начале Бурской войны. Если он теперь, в таком возрасте, пойдет в армию, объяснил он Иннесу, другие последуют его примеру. Отказ из военного министерства был для него ударом. Он с растущей обидой смотрел, как все молодые мужчины из его родни один за другим уходят на фронт.

Не получив разрешения пойти на войну, Конан Дойл нашел другие способы добиться, чтобы его голос был услышан. Водопроводчик из соседней деревни прислал учтивое письмо: "У нас в Кроуборо считают, – говорилось в нем, – надо что-то делать". Конан Дойл без промедления собрал группу в сто двадцать гражданских лиц. Отряд Конан Дойла первым получил право формирования добровольческих отрядов и стал называться: Шестой Королевский суссекский волонтерский батальон.

Еще в конце 1913 года Конан Дойл приступил к работе над неожиданным проектом – над вторым полномасштабным романом о Шерлоке Холмсе. "С Божьей помощью, – сообщил он Гринхофу Смиту в начале 1914 года, – я закончу его в конце марта". Издатель, конечно, обрадовался: "Собака Баскервилей" в 1901 году принесла ему большую прибыль, и выпуск нового романа "Долина страха" давал все основания

для оптимизма: Шерлок Холмс, пребывающий в отличной профессиональной форме, расследует необъяснимое убийство некоего Джона Дугласа, который проживает в берлстоунском Мэнор-хаусе. Однако во второй части романа Конан Дойл убирает знаменитого сыщика с авансцены и переходит к долгому ретроспективному повествованию, точно так же, как это было в "Этюде в багровых тонах". В центре действия теперь — пинкертоновский детектив по имени Берди Эдвардс, который старается внедриться в группу американских рабочих лидеров, называющихся "метельщиками". Как и раньше, при работе над "Собакой Баскервилей", Конан Дойл нашел интересный сюжет и решил, что он подойдет для Шерлока Холмса. Но на этот раз он почерпнул вдохновение из саги о "Молли Магвайрс" — ирландско-американском подпольном обществе, действовавшем среди горняков Пенсильвании с середины 1860 до конца 1870-х годов. Конан Дойл заимствовал подробности из повествования "'Молли Магвайрс' и детективы" легендарного Аллана Дж. Пинкертона.

Работу над рукописью он закончил в апреле 1914 года. А в сентябре, погруженный в мысли о войне, уже жалел, что "навесил" на Гринхофа Смита издание такого пустяка в минуту национального кризиса. На самом-то деле Смит был рад, что может предложить читателям эдакий лакомый кусок — войной их и так досыта накормили газеты. Как всегда, журнальные книжки с позднейшими приключениями Шерлока Холмса были быстро распроданы. Хотя "Долина страха" — такое же захватывающее чтение, как и любая другая приключенческая история Конан Дойла, действие второй части происходит в Пенсильвании, что стало неожиданностью для читателей. "Разумеется, в таком длинном повествовании мы обходимся без Холмса, это неизбежно", — объяснил автор Гринхофу Смиту. Поклонники прославленного сыщика придерживались другого мнения. Но Дойл вскоре искупил свою вину.

В 1917-м, когда из-за тяжелых потерь страну охватило уныние, Конан Дойл дал своим переживавшим осаду читателям то, чего они больше всего от него хотели. На обложке сентябрьского номера "Стрэнда" появилась надпись: "Шерлок Холмс перехитрил немецкого шпиона". А внутри был рассказ "Его прощальный поклон" с подзаголовком "Военная служба Шерлока Холмса". Время действия — 1914 год, место — прибрежная английская деревня. Немецкий шпион фон Борк докладывает о своей деятельности связному из Германии: "Их не так уж трудно провести. Невозможно вообразить людей более покладистых и простодушных", — характеризует фон Борк англичан. Наконец шпион остается один — ждать американского агента Олтемонта, который должен привезти ключ к британским сигнальным кодам. Появившийся Олтемонт передает ему драгоценные коды. Открыв пакет, фон Борк едва успевает заметить его странное содержимое: "Практическое руководство по разведению пчел, а также некоторые наблюдения над отделением пчелиной матки", и тут же на лицо ему ложится губка, пропитанная хлороформом. Когда немецкий шпион приходит в себя, он, связанный по рукам и ногам, видит рядом с собой Шерлока Холмса и доктора Ватсона — они сидят у него на веранде и опустошают запыленную бутылку токайского марки "Империал". Великий сыщик рассказывает, что два года притворялся Олтемонтом, чтобы проникнуть в немецкую шпион-

скую сеть, передавал ложную информацию через фон Борка и разоблачал вражеских агентов. Присоединившийся к нему, разумеется, доктор Ватсон изображал шофера, и вместе они устроили шпиону ловушку. "...я чувствую себя на двадцать лет моложе, Холмс", – говорит Ватсон, радуясь возобновлению давней игры.

"Его прощальный поклон" занимает особое место в корпусе легенд о Шерлоке Холмсе. Рассказ этот остается и сегодня одним из лучших у Конан Дойла, и время написания было для автора счастливейшим: он стал британским неофициальным министром пропаганды и среди всеобщего мрака подымал дух сограждан. Если в рассказе "Опасность!" он предостерегал страну, недостаточно подготовленную к приближающейся войне, то теперь успокаивал ее: нашим делом занимается не кто-нибудь, а Шерлок Холмс.

Название рассказа ясно показывало, что речь идет о последнем поклоне знаменитого сыщика – элегическая интонация повествования свидетельствовала о том, что на этот раз конец неизбежен. "Давайте постоим вон там, на террасе, – говорит Холмс верному Ватсону, – может, это последняя спокойная беседа, которой нам с вами суждено насладиться". В рассказе речь ведется от третьего лица, чего раньше никогда не бывало в рассказах о Холмсе. И поэтому понятно, что финальные слова Шерлока Холмса отмечены особой интонацией: "Да, скоро поднимется такой восточный ветер, какой никогда еще не дул на Англию. Холодный, колючий ветер, Ватсон, и, может, многие из нас погибнут от его ледяного дыхания. Но все же он будет ниспослан Богом, и когда буря утихнет, страна под солнечным небом станет лучше, чище, сильнее".

Глава 24
В *своем ли уме* Конан Дойл?

> Не забывайте, он убежден в собственной правоте. В этом вы можете не сомневаться. Он сама честность.
>
> А. Конан Дойл
> *Затерянный мир*

Немецкие налеты на Лондон только начались, и 25 октября 1917 года уже было объявлено затемнение, когда Конан Дойл взошел на кафедру и приступил к лекции. После сотен докладов и уличных выступлений он сделался прекрасным оратором, однако в тот вечер, наверное, испытывал давно забытое волнение. Из всех его речей эта была самой смелой. В Британской художественной галерее на Пэлл-Мэлл происходило заседание Лондонского спиритического общества. Председательствовал сэр Оливер Лодж. После долгих экспериментов и раздумий Конан Дойл был готов объявить себя убежденным спиритом: он перешел Рубикон.

"Психические исследования, – заявил он аудитории, – это предмет, над которым я более всего размышлял и по поводу которого я все же ку-

да медленнее составил себе мнение, нежели по поводу какого-либо иного. По мере того как продвигаешься по жизни, происходят определенные события, которые принуждают человека признать, что время безвозвратно проходит и что молодость и даже зрелые годы уже давно миновали. Именно это и произошло на днях со мной. В одном из свежих номеров прекраснейшей газеты, которая называется "Лайт", появилась колонка, посвященная событию тридцатилетней давности, что в среднем соответствует длине жизни одного поколения. Пробегая взглядом текст, я буквально вздрогнул, когда увидел свое имя и узнал, что читаю перепечатку письма, написанного мною в 1887 году, в котором сообщаются некоторые интересные подробности, касающиеся опытов, проведенных во время спиритического сеанса. Отсюда явствует, что предмет этот интересует меня довольно давно и что я не был слишком уж поспешен в намерении составить о нем собственное мнение, поскольку заявление о том, что реальность этих явлений представляется мне несомненной, было сделано мною лишь несколько лет назад"[1].

После этого вступления Конан Дойл описал один за другим этапы своего пути к новой вере: много читал; еще молодым в Саутси ставил эксперименты; много лет состоял в Обществе парапсихологических исследований и переписывался с такими людьми, как Лодж и Уильям Барретт[2]. Он говорил больше часа, изложил в сжатом виде историю спиритического движения — от сестер Фокс[3] до настоящего времени, и остановился на способах примирения "Нового Откровения" с традиционной религией. Подобно религии, заключил Конан Дойл, спиритическое знание нуждается не столько в доказательстве, сколько в вере: "...мы достигли теперь такой точки, когда дальнейшие доказательства становятся излишними и когда вся тяжесть сомнений и опровержений ложится на тех, кто отрицает существование этих явлений". Конан Дойлу было важно, чтобы его взгляды восприняли прежде всего как результат напряженных размышлений всей жизни. В напечатанном виде у лекции был подзаголовок: "Выводы сэра Артура Конан Дойла, к которым он пришел после тридцатилетних парапсихологических изысканий". Однако на самом деле его декларация была совершенно неожиданной. Всего за год до того он во "Всемирной спиритической газете" выразил сожаление, что не может предложить более надежного утешения семьям воинов, погибших на войне: "Боюсь, мне нечего сказать. Исцеляет время".

Но к тому времени, когда он выступил с лекцией в Лондонском спиритическом союзе, все это, конечно, изменилось. Спустя неделю он еще раз подтвердил свой вывод на страницах газеты "Лайт": "Смерть не производит резкой перемены в развитии и не образует непроходимой пропасти между теми, кто находится на разных ее берегах. Ни одна внешняя черта и ни одно свойство характера не изменяются со смертью, все продолжается в духовном теле, которое является двойником

1. "Новое Откровение". Перевод йога Раманантаты.
2. Уильям Барретт — английский физик.
3. Маргарет Фокс (1833–1893) — американская спиритуалистка; объявила, что она и ее сестры установили связь с духами.

тела земного, в наилучшем виде и содержит в себе духовное ядро, составляющее самую суть индивидуума".

Читатели "Стрэнда" узнали о взглядах Конан Дойла в том же году: "Зыбкая, предательская почва, повсюду таится притворство, возможен и самообман, не исключается ложь и с той стороны. Неудачи и разочарования достаются каждому изыскателю. Но кто найдет свою дорогу, тот проберется и достигнет награды, он обретет душевный покой, и смерти больше не будет бояться, и о смерти любимых больше уже не будет убиваться. Вот оно, повторю я, новое религиозное учение, великий дар, полученный нами в новые времена". Несомненно, некоторые сотрудники журнала сомневались в уместности подобных заявлений. Но Гринхоф Смит не мог ни в чем отказать своему звездному автору: более четверти века появление его имени на обложке "Стрэнда" гарантировало рост подписки. А Конан Дойл тем временем продолжал поставлять в журнал такие статьи, как "Абсолютное доказательство", "Свидетельство существования фей" и прочие, подвергая верность Смита все более серьезному испытанию. Конан Дойл прекрасно знал, что у многих читателей его заявления не вызывают ничего, кроме смеха, и пытался предвосхитить их нападки. "Обвинения в мошенничестве или ошибках не имеют оснований, — настаивал он на страницах журнала. — Либо это безумие, либо революция в религиозном мышлении". Его сын Кингсли и брат Иннес в то время были еще живы, но семья уже понесла немало потерь: брат Джин Малколм был в первые же дни убит под Монсом; год спустя пали в бою племянник Оскар Хорнунг и муж сестры капитан Лесли Оулдем. Семейные беды, конечно, должны были склонить Конан Дойла к спиритическим верованиям, но в ту пору он еще не был готов принимать их без доказательств.

Доказательства он вскоре обрел под собственной крышей. Согласно его книге "Новое Откровение", изданной в 1918 году, окончательное подтверждение спиритическим феноменам он получил в конце 1915 года. "Дело в том, что с самого начала войны, — написал он, — благодаря исключительно благоприятным обстоятельствам, мне удалось найти подтверждение сформировавшемуся у меня мнению об истинности и достоверности общих фактов, лежащих в основании моих идей. Эти благоприятные обстоятельства заключались в том, что у одной дамы, тесно с нами связанной, некой миссис Л. С., развилась способность автоматического письма".

Миссис Л. С. была ближайшей подругой жены хозяина дома — Лили Лодер-Саймондс. Известно о ней очень немного (даже относительно ее семейного положения нет ясности), кроме того, что в 1907 году она была подружкой на свадьбе у Джин. С той поры здоровье ее сильно ухудшилось, произошли другие неблагоприятные перемены в семье, и в результате она поселилась в доме Конан Дойла в качестве компаньонки Джин, формально для того, чтобы помогать присматривать за детьми. Здоровье ее все ухудшалось, она все больше времени проводила в постели, и тут у нее обнаружился талант к автоматическому письму. Наряду с другими формами связи с духами, такими, как столоверчение и спиритическая доска, это считалось средством, с помощью которого человек вроде Лили, обладающий особой чувствительностью, может служить медиумом — проводником сообщений из спиритуального мира. Как пра-

вило, медиум садится за стол, приставляет перо к бумаге, через несколько мгновений отключается и впадает в транс, а перо пишет, и сообщение остается на бумаге. Или бывает иначе: медиум сохраняет ясность сознания и вчуже смотрит на перо, которое как бы по своей воле движется по бумаге.

Конан Дойл достаточно знал о работе подсознания, чтобы питать недоверие к автоматическому письму. "Из всех видов медиумизма, – писал он, – оно требует особенно строгой проверки, поскольку слишком легко поддается не сказать обману, скорее самообману, явлению более тонкому и опасному. Сама ли дама пишет, или же ей, как она утверждает, диктует некая внешняя сила, подобно тому, как в Библии хроникер писал историю евреев под диктовку свыше? В случае с Л.С. не приходится отрицать, что некоторые сообщения были безусловно неверны, особенно касательно дат и сроков – на них никак было нельзя полагаться. Но, с другой стороны, данных, которые подтверждались, на поверку оказывалось значительно больше, чем можно было бы объяснить совпадением или догадкой".

По мнению Дойла, никакой догадкой нельзя было объяснить известие, полученное от Лили 15 мая 1915 года – в тот самый день, когда утренние газеты сообщили о гибели "Лузитании". Трагедию эту остро переживали в Уиндлшеме, так как на борту находился Чарлз Фроман, продюсер джиллетовского спектакля о Шерлоке Холмсе. "Это ужасно, ужасно, – было написано рукой Лили, – и окажет большое влияние на ход войны". Кто станет спорить с тем, что потопление пассажирского судна и гибель 1200 человек, – событие ужасное? Но вот утверждать, что это приведет к вступлению в войну Соединенных Штатов, было никак нельзя. Конан Дойл считал, что для такого предсказания нужны парапсихологические способности.

Однако так ли убедителен этот пример, как полагал Конан Дойл? Бесспорно, сообщение Лили точно соответствовало последовавшим событиям. Однако следует вспомнить, что в рассказе Конан Дойла "Опасность!", напечатанном годом ранее, описывалась точно такая подводная атака, и это вызвало тогда шумные дебаты об опасности, грозящей торговым судам. Лили, как и все вращавшиеся в орбите Конан Дойла, не могла не знать его взглядов. Вместе с остальными домашними она часто слушала, как он вслух читает жене новые произведения. Так что вполне возможно, что мысль о связи между войной и "Лузитанией" была подсказана не духами, а приключениями капитана Сириуса.

Но для Конан Дойла успехи Лили были важнее, чем промахи. К тому же он очень сочувствовал ее несчастьям: трое ее братьев погибли в 1915 году в сражении у Ипра. Получаемые через нее сообщения часто имели форму посланий от них. Конан Дойл понимал, что ее горячее желание установить с ними связь могло вылиться в самообман. Но однажды Лили будто бы связалась с Малколмом Лекки, погибшим братом Джин, которого Дойл так любил. В очередном послании содержались ссылки на разговор с глазу на глаз, состоявшийся между ними несколько лет назад. Это стало поворотным пунктом, который прошел Конан Дойл по пути спиритизма от сочувствующего до горячего сторонника. Писатель был убежден, что, кроме них двоих, никто не мог знать содер-

жание разговора. Послание от Малколма Лекки он объявил "неопровержимым".

Но и тут нужна строгость. Разговоры с глазу на глаз редко остаются неизвестными третьим лицам. Их могли подслушать, или Малколм сам мог с кем-нибудь поделиться; Конан Дойл и сам мог в какой-то связи сослаться на состоявшийся разговор, а потом благополучно забыть про это. Никаких особых обстоятельств, которые позволили бы провести дальнейшее расследование, он не назвал. Словом, удостовериться, что все так и было, не представлялось возможным. Надо еще иметь в виду, что у него была привычка объявлять такие случаи "уму непостижимыми" и "неопровержимыми", даже когда на самом деле для них имелись вполне реалистические объяснения. Возможно, со временем он бы переменил свое мнение о многочисленных сообщениях Лили, если бы они продолжались. Но случилось иначе. Здоровье Лили все ухудшалось, и в январе 1916 года она умерла. А ранняя смерть освятила ее медиумические способности. Если вначале Конан Дойл относился к ее автоматическому письму как к игре, теперь оно стало чистым и неоспоримым свидетельством умирающей. Он начал говорить о ней как о "возвышенной душе, побывавшей на земле".

Несчастье, постигшее его друга сэра Оливера Лоджа, ускорило бурную эволюцию Конан Дойла. В сентябре 1915 года Рэймонд, сын Лоджа, был убит в окопах. До сих пор ученый относился к спиритизму несколько сдержаннее, чем Конан Дойл, теперь же, ища утешения в горе, он обратился к известной даме-медиуму, миссис Осборн Ленард. Как большинство медиумов того времени, миссис Ленард поддерживала связь с потусторонним через посредство некоего духа, некоей невидимой субстанции, которая вещала ее устами. Для тех, кто верил, такие духи служили точкой соприкосновения двух миров; для скептиков подобные проявления были не более как попыткой медиума говорить измененным голосом.

В помощницах у миссис Ленард была молодая индианка по имени Фида. Не прошло и нескольких дней после гибели Рэймонда, как Лодж и его жена стали получать послания через миссис Ленард и Фиду. Эти послания, как утверждал Лодж, содержали сведения о его сыне, которых миссис Ленард по обычным каналам добыть никак не могла. Потрясенный Лодж слушал, как Рэймонд — голосом Фиды — описывает свою новую, загробную жизнь в стране, которую называет Саммерленд — Летняя[1]. В том мире, по словам Рэймонда, есть те же привычные удобства, что и дома, включая, если кто желает, сообщалось в одном из его посланий, виски и сигары. "Тут имеются лаборатории, где производят всевозможные вещи. Не такие, как вы делаете, из твердой материи, а из сущностей, из эфира, из газа".

Лодж с женой находили большое утешение в этих рассказах. В Англии столько семей испытывают подобное горе! Он счел своей обязанностью поделиться с другими. Написал и выпустил книгу "Рэймонд, или Жизнь и смерть — примеры, подтверждающие посмертное сохранение памяти и эмоциональных привязанностей". Успех этой книги — за три года двенадцать переизданий — показал, что многие в Англии готовы

1. Букв.: летняя страна (*англ.*).

принять идею мира духов, где их близкие продолжают существовать почти так, как прежде. Имя известного химика и научный стиль изложения придавали убедительность высказанным суждениям: "Раз мы удостоверились в бессмертии одного обычного индивида, — заключил он, — значит, мы можем утверждать это обо всех". Как раз то, что хотела услышать Англия.

Как и следовало ожидать, на книгу Лоджа свирепо набросились скептики. Иные из них веселились по поводу виски и сигар на том свете. Конан Дойл ринулся на защиту друга: "Это единственное обстоятельство так развеселило критиков, что можно подумать, будто во всей книге, а это четыреста страниц мелким шрифтом, ничего другого и не содержится. Рэймонд мог ошибиться или не ошибиться, но мне ясно одно: человек, написавший эту книгу, честен и бесстрашен и не побоялся вложить в руки своим противникам камень, которым вы и побиваете его".

Конан Дойл видел в книге Лоджа подтверждение тому, что передавала ему Лили Лодер-Саймондс. "Большое Вам спасибо за книгу, — писал он Лоджу. — И Рэймонду спасибо за то, что вдохновил Вас написать ее". А затем сообщал, что собирается посетить одну ясновидящую в Лондоне: "Если у Вас будет контакт с Рэймондом, сообщите ему об этом. Будет интересно, если Вам удастся связать меня с ним".

Совершенно ясно, Конан Дойл считал, что Лодж борется за правое дело. И сам был готов к нему присоединиться. "Не разразись эта война, я, скорее всего, так и провел бы жизнь на подступах к истинным психическим исследованиям, высказывая время от времени свое сочувственное, но более или менее дилетантское отношение ко всему предмету, — писал он в 'Новом Откровении'. — Но пришла война и привнесла в души наши серьезность, заставила нас пристальнее присмотреться к себе самим, к нашим верованиям, произвести переоценку их значимости. Когда мир бился в агонии, когда всякий день мы слышали о том, что смерть уносит цвет нашей молодежи на заре жизни, когда мы видели кругом себя жен и матерей, живущих с пониманием того, что их супругов и чад более нет в живых, мне вдруг стало ясно, что эта тема, с которою я так долго заигрывал, была не только изучением некой силы, находящейся по ту сторону правил науки, но что она — нечто действительно невероятное, какой-то разлом в стене, разделяющей два наших мира, непосредственное, неопровержимое послание к нам из мира загробного, призыв надежды и водительство человеческой расе в годину самого глубокого ее потрясения". Однако наряду с сознанием важности этой новой цели пришло и снижение критических стандартов, которые он раньше применял к области парапсихического: "Внешняя, материальная сторона этого предмета сразу потеряла для меня интерес, ибо, когда я понял, что он несет истину, то исследовать снаружи тут стало нечего. Так, сам по себе телефонный звонок есть сущая безделица, но он ведь признак того, что с вами желают говорить, и тогда может оказаться, что с его помощью вы узнаете нечто жизненно важное".

Конан Дойл вообще очень часто приравнивал медиумические проявления к телефонному звонку или стуку в дверь. Он предлагал читателям верить сообщению, не задумываясь о сообщающем. Когда-то давно

в Саутси генерал Дрейсон предостерег его, что тот мир, как и этот, изобилует шутниками и "озорными ребятами", и нельзя позволять им своими проказами сбить себя с верного спиритического пути. Теперь Конан Дойл повторял эти слова в лекциях. Он знает, говорил он, что существуют шарлатаны, которые прикидываются медиумами, чтобы использовать чаяния страждущих в своих целях. Он допускал также, что настоящий медиум может снизойти до обмана и фокуса, но только — ради добрых целей, чтобы не разочаровать мать или вдову, оплакивающих свою утрату и ждущих знака. "Нельзя же считать, что если кто-то однажды подделал чек, то теперь все его поступки мошеннические".

Разумеется, далеко не все разделяли его готовность принять все это на веру. Поначалу новость о его обращении восприняли с долей почтения. "Таймс" напечатала вполне уважительное резюме его выступления в Лондонском спиритическом обществе. Писатель Макс Пембертон в репортаже для "Уикли диспатч" заверил читателей, что Конан Дойл не фанатик: "Много лет я следил за тем, как сэр Артур плавает по этому неведомому морю, и гадал, в какой порт оно его занесет". Когда-то, много лет назад Пембертон вместе с Конан Дойлом принимал участие в сеансах столоверчения и был приятно поражен осторожно-вдумчивым подходом писателя. И теперь, узнав, к чему его привели размышления, Пембертон написал, что эта лекция была "глубоким исповеданием веры человека, который убежден, что всем нам дано новое откровение".

Признания Конан Дойла не могли не вызвать письменные протесты со стороны видных церковных деятелей. На конференции Общества молодых католиков Великобритании некий отец Бернард Воэн назвал спиритизм серьезной общественной угрозой и обвинил Лоджа и Конан Дойла в утрате духовной почвы под ногами, возможно, под действием демонических сил.

Конан Дойл не сразу пришел к мысли, что спиритизм призван заменить устоявшиеся формы религии, и поначалу полагал, что спиритизм "устранит серьезные недоумения, всегда оскорблявшие чувства всякого мыслящего человека, и при этом подтвердит и удостоверит факт жизни после смерти, факт, лежащий в основании всякой религии".

В октябре 1919 года лекции Конан Дойла подверглись свирепым нападкам преподобного Дж. А. Маги. Конан Дойл и его единомышленники, объявил Маги, насаждают вредные взгляды и тем способствуют падению морального, умственного и духовного уровня страны. Дойл напечатал отклик, который озаглавил: "Наш ответ клерикалам". "Мы выступаем как союзники, — писал он. — И всякому, кто знаком с нашей литературой, <...> известно: мы доказали, что после физической смерти жизнь продолжается и сопровождается дальнейшим развитием человеческой души. А раз так, если эти люди не слепы, они должны были бы сказать нам: 'Придите и помогите нам бороться с материализмом в мире'".

В номере "Нью-Йорк таймс" за тот же месяц была опубликована прямолинейная и весьма нелестная оценка новой кампании Конан Дойла: "У поклонников сэра Артура Конан Дойла как автора детективных рассказов — а число таковых примерно равняется числу людей, читающих по-английски, — есть причины огорчаться из-за его странной, несчастной готовности считать реальностью 'спиритическое толкование'

феноменов речи и письма в состоянии транса. Для сегодняшних физиологов ничего загадочного и потустороннего в них нет, и однако же этот высокообразованный, разумный человек, обладающий к тому же изрядными естественнонаучными и даже философскими познаниями, ведет речи примерно такие же, как последователи сестер Фокс полвека назад".

После публикации в 1918 году "Нового Откровения", а в следующем году "Жизненно важного послания" журналистские нападки на Конан Дойла еще более участились. Если его литературный престиж приводил неофитов к вере, он же превращал писателя в естественный объект презрения, изливаемого прессой на его детище — спиритическое движение. В еженедельной литературной колонке лондонского "Санди экспресс" Джеймс Дуглас дал, кажется, самую честную, хотя и довольно предвзятую оценку новым взглядам Конан Дойла, озаглавив ее: "В своем ли уме Конан Дойл?" Дуглас признался, что испытывал легкое презрение, берясь за одну из парапсихологических книг Конан Дойла, но, читая, несколько засомневался: "В его писаниях много крепкого здравого смысла. В этом здоровом теле здоровый ум". Дальше он пишет, что талант Конан Дойла — писателя и историка, его прозорливость в таких вещах, как подводная война, нельзя отбросить просто так. "Невозможно согласовать это с утверждением, что его рассуждения о смерти — бред сумасшедшего и ничего больше. Он заслужил право быть выслушанным, и, наверное, несправедливо отказывать ему в этом. Да, в спиритизме моря, океаны лжи и глупости, но, возможно, есть и зерно правды".

Оливер Лодж и его единомышленники предпочитали распространять свое учение исподволь, мягко, чтобы не вызывать насмешек. А Конан Дойл наоборот все больше походил на Глостерского Дика, кулачного бойца из своей собственной драмы "Дом Темперлеев", стараясь внушить публике покорность беспрестанными ударами по голове. Он разъезжал по стране, без устали выступал с лекциями, участвовал в бессчетных спиритических сеансах, бомбардировал письмами газеты, подтверждая подлинность откровений каждого медиума. И вскоре популярная пресса дала ему прозвище "святой Павел спиритизма".

Теперь, когда нация оплакивала погибших, он хотел всех обратить в свою веру. О глубине ее свидетельствует один эпизод того времени. По пути в Ноттингем, где ему предстояло выступить, он получил телеграмму с сообщением, что его сын Кингсли, ослабевший от ран, полученных в сражении на Сомме, скончался от инфлюэнцы. Известие сразило Конан Дойла, но лишь на мгновение. Овладев собой, он решил не отменять лекцию: "Я в долгу перед другими пострадавшими", — заявил он. "Если бы я не был спиритом, — объяснял он впоследствии знакомому, — я не мог бы выступать в тот вечер. А так, я прошел прямо на кафедру и сказал собравшимся, что у меня погиб сын, но я знаю, что он пережил смерть, и незачем убиваться".

Современный читатель, возможно, не поверит ему и даже сочтет это глупостью, но усомниться в искренности и твердости его убеждений не может никто. Через четыре месяца та же эпидемия унесла его любимого брата Иннеса. А двумя годами позже скончалась восьмидесятитрехлетняя мать, пережившая троих из своих детей. "Благодарение

Богу, — напишет Конан Дойл, — что ворота, как я убедился, не заперты, а лишь прикрыты, надо только упорно искать их".

Он писал в "Автобиографии": "Меня часто спрашивают — и это вполне естественно, — откуда у меня такая глубокая уверенность в том, что все это истинно. Что я в этом абсолютно уверен, видно уже из того, что я бросил любимую и выгодную работу, надолго уезжаю из дома и подвергаюсь всякого рода неудобствам, лишениям и даже оскорблениям ради того, чтобы донести факты до людей... Могу вкратце сказать, что всеми моими физическими чувствами вместе и порознь я это ощущал... Я видел мою покойную мать и моего племянника, молодого Оскара Хорнунга, так же ясно, как в жизни: я мог пересчитать морщинки на ее лице и веснушки — на его... Все ученые теории о подсознании разлетаются в прах перед простыми словами: 'Я — дух. Я Иннес. Я твой брат'".

То же ощущали и многие другие, но, за редким исключением, никто в этом не сознавался. А Конан Дойлу чувство долга не позволяло молчать. Испытав страшное горе, он обрел утешение и не мог не поделиться с другими.

Этому он посвятил остаток своих дней. Если это значит, что он сумасшедший, пусть так.

Глава 25
Изгнание фей

> Крылья почти уже не держали ее. Но она собрала силы и тихонько коснулась его подбородка. Она прошептала ему на ухо: "Дурачок ты".
>
> Дж. Барри
> *Питер Пэн*[1]

Читателей "Стрэнда" трудно было удивить каким-либо сообщением, поступившим из Уиндлшема. До конца 1920-го они уже успели познакомиться с длинной статьей Конан Дойла об эктоплазме, которую он определил как субстантивированную эманацию духа и мыслеформы, сопроводив фотографиями довольно неприятного на вид слизистого вещества, сочащегося у медиума из носа и рта ("Изображения странные и отталкивающие, — признал он, — но многие природные процессы представляются нашему взгляду таковыми"). В другой статье, напечатанной несколько ранее, он хвалил сестер Фокс как "подвижниц спиритизма". А в одном из предыдущих номеров журнала за тот же год обсуждал возможности загробного сотрудничества с Оскаром Уайльдом, Джеком Лондоном, Чарлзом Диккенсом и Джозефом Конрадом.

Но даже все это не подготовило читателей к тому, что обрушилось на них в рождественском номере "Стрэнда". Заголовок был такой: "Фотографии фей". Хотя статья была написана сдержанно и осторожно,

1. Перевод И. Токмаковой.

тем не менее смысл ее был ясен: сэр Артур Конан Дойл, создатель Шерлока Холмса, отныне верит в фей: "Если события, здесь рассказанные, и приложенные к ним фотографии устоят под градом критических нападок, которые они конечно вызовут, не будет преувеличением сказать, что наступает новая эра человеческой мысли". Для многих это оказалось последней каплей. До сих пор даже скептики готовы были не без интереса слушать проповеди Конан Дойла; на тех, кто еще не составил своего мнения о спиритизме, они даже производили сильное впечатление. Но в декабре, когда в "Стрэнде" впервые появились высказывания Конан Дойла о феях, от его авторитета не осталось ничего — за одну ночь он сделался символом краха спиритизма. "Бедный Шерлок Холмс, — гласил один газетный заголовок, — совсем свихнулся?"

Началось все три года назад в йоркширской деревне Коттингли, когда шестнадцатилетняя Элси Райт попросила у отца новенькую фотокамеру "Малютка", чтобы со своей младшей кузиной Фрэнсис Гриффитс "поснимать фей". Отец Элси Артур Райт считал разговоры дочери о феях детской болтовней, но не увидел в ее просьбе ничего плохого. Девочки взяли фотоаппарат, пошли в лес и забрели на речку, протекающую позади их дома. Вернулись час спустя, очень веселые. Вечером, проявляя пластинки, Артур Райт с удивлением увидел на стекле странную группу: Фрэнсис в окружении четырех маленьких крылатых фигурок. Элси, вошедшая в темную комнату вместе с отцом, увидела проступающие изображения и закричала: "Фрэнсис! На пластинке вышли феи!" Эта фотография, как и другая, снятая через два месяца, не привлекла к себе внимания никого из Райтов. Снимки отпечатали в нескольких экземплярах и разослали родным и знакомым, но об их подлинности никто не задумывался. Артур Райт выразил девочкам свое мнение так: "Проказницы", и с улыбкой покачал головой.

Два года спустя мать Элси увлеклась теософией. Однажды вечером на собрании местного теософского общества зашел разговор о феях, и миссис Райт упомянула, что ее дочери один раз удалось сфотографировать фей. Были сделаны копии для членов общества. В феврале 1920 года они попали в руки Эдварда Л. Гарднера, председателя Лондонского общества Блаватской. Сорокадевятилетний подрядчик-строитель Эдвард Гарднер в свободное время разъезжал по стране с лекциями по теософии. Это был аккуратный, подтянутый человек в галстуке-бабочке, серьезно веривший в фей, гоблинов и эльфов — в существа, которых он рассматривал как первичное звено эволюционной цепи. Происшествие в Коттингли он счел подтверждением своих теорий. И немедленно написал миссис Райт: "Я очень интересуюсь этой стороной нашего удивительного мира и хочу, чтобы люди лучше разбирались в духах и феях. Было бы очень хорошо, если бы я мог предъявить подлинные фотоснимки какого-нибудь из этих природных существ". И вскоре Гарднер уже сопровождал свои лекции демонстрацией снимков из Коттингли.

В мае Конан Дойл узнал о существовании этих фотографий. По забавному стечению обстоятельств, он как раз закончил статью о феях для журнала "Стрэнд", когда фотографии легли к нему на стол. В статье, которую он в конце концов напечатал под заголовком "Данные о феях", он ссылался на показания нескольких свидетелей, характеризующихся

"безупречной честностью", в том числе его родных детей, которые "все как один утверждают, что встречали таинственных духов". До сих пор он не настаивал на том, что феи безусловно существуют, а просто надеялся, что мысль о них "добавит очарования безмолвию лесов и темных зарослей". Сначала ему показалось интересным, что снимки из Коттингли попали к нему в руки как раз когда он кончил соответствующую статью, а впоследствии — счел это весьма значимым событием, но первое время воздерживался от подобных утверждений.

Неотложные дела помешали Конан Дойлу тотчас поехать в Йоркшир и познакомиться с Элси и Фрэнсис — он уже взял на себя обязательство провести серию встреч в Австралии и Новой Зеландии и должен был отсутствовать почти полгода. Было решено, что пока на разведку в Коттингли поедет Гарднер.

Артур Райт не разрешал дочери делать новые снимки, но Гарднер надеялся, что имя знаменитого писателя поможет снять запрет. Время не ждет, считал Гарднер: "Того и гляди, — писал он Конан Дойлу, — произойдет необратимое: одна из них обзаведется женихом, и пиши пропало!" Он, надо понимать, имел в виду, что, влюбившись, девочки утратят детское простодушие, а значит, и с неизбежностью утратят то редкое и таинственное свойство психики, которое позволяет им видеть и фотографировать фей. "Я хорошо понимал, — напишет позднее Конан Дойл, — что процесс взросления часто бывает губителен для дара ясновидения". Как бы то ни было, он немедленно отправил письмо семейству Райт и книжку — в подарок Элси. Это возымело желаемый эффект. "Уверяю Вас, — ответил позднее мистер Райт Конан Дойлу, — что мы очень ценим честь, которую Вы ей оказали". Через месяц Гарднера пригласили в Коттингли.

Дело двигалось, хотя Конан Дойл все еще опасался обмана. Он показал фотографии некоторым своим знакомым спиритам, но мнения их разошлись. Оливер Лодж заподозрил неладное и не побоялся высказать недоверие. Некоторые удивлялись: откуда это лесные обитательницы так хорошо разбираются в модах? Их прически и фасоны платьев отвечают новейшим парижским веяниям. Гарднер послал эти изображения на анализ эксперту Гаролду Снеллингу, тридцать лет проработавшему в фотостудии в Иллингуорте. "Чего Снеллинг не знает о фотоподделках, — рекомендовали его Гарднеру, — того и знать не стоит".

Теперь, задним числом, ясно, что авторитетом он оказался сомнительным, но выданное им заключение прибавило уверенности Гарднеру и Конан Дойлу: "Данные два негатива являются абсолютно подлинными, не ретушированными, с одиночной экспозицией; сделаны на открытом воздухе, движения всех фигур фиксированы. Не обнаружено: следов студийной работы, бумажных или картонных моделей, темного фона, рисованных фигур и тому подобного. По моему мнению, оба снимка — чистые, нетронутые изображения".

Надо признать к чести Конан Дойла, что он искал подтверждения. Он отвез негативы в Лондон и показал в лаборатории "Кодака". Два эксперта рассмотрели пластинки и не нашли следов двойной экспозиции или других ухищрений. Впрочем, они и сами могли бы сфабриковать такие фотографии, заметили они, и потому не могут подтвердить подлинность предъявленного. Но Конан Дойл не допускал и мысли, что сним-

ки девочек — постановочные, сама мысль об обмане оскорбляла его рыцарские чувства. Это было типично для него, в чем однажды убедился себе на горе его сын Адриан. Брат как-то поинтересовался у него, нравится ли ему некая женщина, Адриан ответил: "Нет, она уродина", и сразу получил пощечину от отца вместе с наставлением: "Женщина не бывает уродиной!"

В марте 1922 года Конан Дойл опубликовал книгу "Пришествие фей": "Невозможно представить себе последствия того, что, как мы доказали, на нашей планете живет народ, быть может, столь же многочисленный, как человеческая популяция, ведет на свой странный лад свою странную жизнь и от нас отличается только длиной излучаемых волн..."

Публика была, мягко выражаясь, изумлена. В одной газете напечатали фотомонтаж: Конан Дойл кружится в хороводе фей. То тут, то там в прессе стали мелькать слова: "Одураченный", "Печальное зрелище", "О чем он думает?" Хотя встречались и доброжелательные отзывы. Так, в "Нью-Йорк таймс" написали: "Чрезвычайно интересная книга, ей суждено вызвать жаркие споры. Совсем не обязательно верить в фей, чтобы, читая, получать удовольствие".

Но то было мнение меньшинства. От Конан Дойла отвернулись чуть ли не все его "товарищи по оружию" — спириты. Он-то надеялся, что снимки фей будут способствовать распространению спиритизма, а вышло наоборот. Ко времени публикации "Пришествия фей" Конан Дойл почувствовал, что необходимо защитить спиритизм от насмешек. "Должен прибавить, — написал он в предисловии, — что вопрос о том, реальны или нет проточеловеческие формы жизни, не имеет никакого отношения к гораздо более значительному и важному вопросу о жизни после смерти".

Но все-таки Конан Дойл не терял надежды, что его вера в честность Элси и Фрэнсис когда-нибудь получит подтверждение. Во втором издании "Пришествия фей", а потом и в приложении к "Автобиографии" он снова выразил уверенность, что "когда-нибудь это событие будет отмечаться как открытие человечеством нового знания".

Не приходится говорить, что это знание так до сих пор и не открыто человечеству, и если у Конан Дойла и была какая-никакая репутация трезвого исследователя неведомых сфер, то история с феями подорвала ее как ничто другое. С точки зрения сегодняшнего дня, фотографии фей — такая очевидная подделка, что тут и обсуждать нечего. Защитники Конан Дойла спешат возразить, что в 20-е годы фотография была чем-то сравнительно новым и мало кто понимал, как просто сфабриковать фальшивку. Но и это не оправдывает доверчивости Конан Дойла. Дело в том, что он лучше многих разбирался в тонкостях фототехники, так как сам занимался фотографией со студенческих лет. В Саутси он не расставался с фотоаппаратом и проявочным оборудованием и не раз публиковался в "Британском фотографическом журнале". А после 1925 года, когда была создана киноверсия "Затерянного мира" со спецэффектами, разработанными Уиллисом О'Брайеном, представления о том, чего можно достичь с помощью комбинированных съемок, поменялись кардинально. Тем более — после "Кинг-Конга", в котором О'Брайен продемонстрировал, как на экране оживают динозавры, в сравнении с

которыми феи Коттингли выглядят весьма скромным достижением. Конан Дойл легко разоблачил бы их – если бы захотел.

Но зачем же, спрашивается, взрослому, образованному человеку верить в фей? Многое тут объясняется его убежденностью в правдивости барышень Элси и Фрэнсис. Однако в основе его легковерия лежит не только инстинкт джентльмена. Конан Дойл еще даже не был знаком с ними, когда опубликовал сообщение в "Стрэнде". Для него фотографии из Коттингли, как видно, значили много больше, чем безмолвное "очарование лесов". Возможны два объяснения. Во-первых, Конан Дойл очень заинтересовался "психической фотографией" – формой медиумизма, которую он определил как "поразительную способность запечатлевать на фотопластинке невидимые добавочные лица, фигуры и предметы". Возможно, был у Конан Дойла и другой, более личный мотив. Его детство прошло в атмосфере кельтских волшебных сказок, где речь шла о ведьмах, гномах, эльфах и прочих волшебных существах. Хотя Чосер когда-то и выразил сожаление о том, что они исчезли из английского пейзажа, многие и во времена Конан Дойла считали существование "маленького народца" неоспоримым фактом, а многие считают так и теперь.

В семье Конан Дойла очень интересовались феями. Его дядя Ричард прославился как иллюстратор детских книжек, изобиловавших веселыми изображениями фей и эльфов. Злосчастный Чарлз Дойл, отец Артура Конан Дойла, тоже рисовал фей. Есть все основания полагать, что на исходе жизни сын часто возвращался мыслями к судьбе отца. В рассказе "Его прощальный поклон" Шерлок Холмс скрывается под именем Олтемонт – средним именем Чарлза Дойла. В "Автобиографии" Конан Дойл написал, что мечтает устроить в Лондоне выставку рисунков Чарлза Дойла – самого одаренного и оригинального художника в семье, и в феврале 1924 года он эту мечту осуществил.

Художественный критик Уильям Болито в отзыве на выставку написал: "Неожиданно понимаешь, что феи самого сэра Артура, так удивившие, а возможно, и убедившие мир, – того же роду-племени, что и нарисованные его отцом: те же проказы, одежды, фантазии. Если бы проницательный Шерлок Холмс искал доказательств существования фей в книге, которую написал о них его автор, он бы непременно заметил родство между веселыми картинками отца и серьезными умозаключениями сына".

Скорее всего, Чарлз Дойл, которого многие считали помешанным, верил в фей. И можно в той или иной степени допустить, что для его знаменитого сына защита коттинглийских фотографий была своего рода оправданием отца: если верно, что феи существуют, значит, Чарлз Дойл скорее духовидец, чем алкоголик, а значит – как всегда того хотелось сыну – тонкая натура, гений, плохо приспособленный к грубой реальности жизни.

В июне 1982 года Элси Хилл, урожденная Райт, восьмидесяти одного года от роду, прислала управляющему аукционом Сотби письмо с предложением купить у нее ее описание происшествия в Коттингли. Теперь наконец она готова сообщить правду о том, что стояло за розыгрышем, обманувшим так много людей, а заодно и выручить некую сумму от продажи кое-каких поделок, связанных с этим эпизодом. К тому време-

ни ее семидесятипятилетняя кузина Фрэнсис уже сделала признание парапсихологу Джо Куперу, и он готовил к публикации книгу "Происшествие с коттинглийскими феями". "С того места, где я стояла, — рассказала ему Фрэнсис, — были видны шляпные булавки, на которых держались куклы. Я всегда удивлялась, как можно было принять это всерьез".

Элси потом добавила кое-какие подробности в беседе с Джеффри Кроули, издателем "Британского фотографического журнала". Все это было забавой школьниц, объяснила она, но когда вмешались Конан Дойл и Гарднер, ситуация вышла из-под контроля. Как сказала одна их знакомая, "не могли же девочки признаться таким важным людям, что обвели их вокруг пальца". По словам Элси, они с кузиной сговорились молчать, так как им было "жаль Конан Дойла. У него недавно убили на войне сына, и, я думаю, он, бедный, искал утешения в этих делах. Поэтому я сказала Фрэнсис, что мы ведь гораздо моложе мистера Конан Дойла и мистера Гарднера, подождем, пока они умрут от старости, а тогда все откроем". Эдвард Гарднер дожил до ста лет — кузинам пришлось хранить молчание до весьма преклонного возраста. Гарднер так и не усомнился в подлинности коттинглийских фей и даже опубликовал в 1945 году книгу "Феи: коттинглийские фотографии и продолжение истории". "Мне трудно передать то впечатление искренности, которое сложилось у меня в итоге этих исследований, — написал он там. — Чтобы это оценить, надо было знать всю семью, родителей и детей, как знал их я". А Конан Дойл в свое время заверил читателей "Стрэнда": "Единственное, чего я не буду обсуждать, это честность девочек, поскольку она не вызывает у меня сомнений".

В этом оба джентльмена прискорбно, но благородно заблуждались.

Глава 29
Случай с пропавшей дамой

> Родных и знакомых Терезы Нил, недавно приехавшей из Южной Африки, просят сообщить свои адреса: "Таймс", E.C.4.
>
> *Из отдела частных объявлений лондонской "Таймс", 11 декабря 1926*

В декабре 1926 года Англия была взбудоражена и все издатели озадачены известием об исчезновении при самых странных и необъяснимых обстоятельствах миссис Агаты Кристи.

Лондонская "Таймс" под заголовком "Исчезновение писательницы" опубликовала следующее сообщение, взятое прямо из полицейского донесения:

Пропала из своего дома в Саннингдейле, Беркшир, миссис Агата Мэй Кристи, супруга полковника Кристи; 35 лет от роду; 5 футов 7 дюймов росту; волосы

рыжеватые, короткие; глаза серые, кожа белая; нормального телосложения; одета в серую вязаную юбку, зеленый джемпер, серый с темно-серым вязаный жакет; на голове — маленькая зеленая велюровая шляпка, на пальце — платиновое кольцо с одной жемчужиной. Обручального кольца не носит. При себе имела черную дамскую сумку с наличностью в размере от 5 до 10 фунтов. Выехала из дома на автомобиле "морис-каули" в пятницу в 9.45 вечера; на столе оставила записку, что едет покататься. Наутро машина была обнаружена в Ньюлендс-Корнер в Суррее.

В последовавшие десять суток известия о безрезультатных поисках миссис Кристи помещали чуть ли не все британские газеты. Даже смерть Клода Моне в Живерни и встреча во Франции Уинстона Черчилля с Бенито Муссолини не могли вытеснить сообщения о Кристи с первых полос.

Имя Конан Дойла тоже часто фигурировало в прессе, хотя и не по столь мрачному поводу. В "Стрэнде" по-прежнему выходили рассказы о приключениях Шерлока Холмса, и на каждый появлялись отзывы. "Тем, кто познакомился с Шерлоком Холмсом в пятнадцать лет, когда доктор Ватсон впервые написал о нем, — было напечатано в 'Таймс', — теперь должно быть около пятидесяти. Кому еще посчастливилось провести целую жизнь рядом с таким верным, пусть и вымышленным другом-современником?"

Конан Дойл давно пожинал плоды своей долгой литературной карьеры, когда Агата Кристи только начала заявлять о себе. Недавно опубликованный роман "Убийство Роджера Экройда", ставший событием в детективной литературе, стяжал громкие похвалы. Миссис Кристи и ее муж, бравый полковник Королевских воздушных сил Арчибалд Кристи, едва успели ощутить пришедший в семью достаток. Двумя годами раньше они переехали из Лондона в Саннингдейл, купили просторный дом, который назвали Стайлзом — по месту действия ее первого романа "Таинственное происшествие в Стайлзе".

Так случилось, что первый коммерческий успех миссис Кристи совпал, как и у Конан Дойла, с полосой серьезных семейных бед. Смерть матери весной 1926 года вызвала у миссис Кристи глубокую депрессию. Дальше — больше: в августе полковник Кристи объявил жене, что влюблен в их молодую знакомую Нэнси Нил. Миссис Кристи не соглашалась на развод, и отношения супругов становились все более напряженными.

Утром в пятницу 3 декабря горничная слышала, как муж и жена горячо спорили за завтраком — впрочем, полковник Кристи впоследствии отрицал это. Днем он уехал в соседний Годалминг, чтобы провести уик-энд с друзьями. Туда должна была приехать и его новая любовь Нэнси Нил. Даже прошел слух, будто полковник собирается объявить там о своей помолвке с мисс Нил — несмотря на отказ жены дать ему развод.

Захватив с собой шестилетнюю дочь Розалинду, миссис Кристи поехала на автомобиле в Доркинг на чашку чаю к своей свекрови Розамунде Хемсли. Миссис Кристи выглядела взвинченной и расстроенной, хотя бодрилась ради дочери и даже пела с ней песенки, дожидаясь, пока вскипит чайник. Миссис Хемсли приписала болезненное настроение невестки беспокойству о книге "Тайна голубого экспресса", которая плохо продвигалась вперед. "Ох, эти мне сюжеты, — жаловалась миссис

Кристи. — Проклятые сюжеты!" Потом миссис Хемсли поинтересовалась, почему та не носит обручального кольца. Невестка ничего не ответила, а, помолчав минуту, разразилась, по словам миссис Хемсли, истерическим смехом. Попрощавшись, миссис Кристи некоторое время неподвижно сидела за рулем автомобиля, словно впав в глубокую задумчивость, а затем медленно тронулась в путь.

В тот же вечер, незадолго до десяти часов, она уехала из дома, оставив на видном месте несколько писем. А на следующее утро ее тупоносый двухместный "морис-каули" был обнаружен у Ньюлендс-Корнер, что милях в пяти от Годалминга, где гостил полковник Кристи. Автомобиль был отведен с дороги и стоял с непогашенными фарами. В салоне нашли коричневый меховой жакет и небольшой чемодан. Он был раскрыт, там находились брошенные кое-как платья, пара туфель и просроченные водительские права на имя Агаты Кристи. Поблизости был маленький пруд, который назывался Немая Лужа: в одном из ранних романов миссис Кристи именно там находят труп.

Опасаясь худшего, полиция произвела самый тщательный обыск местности. Стали курсировать странные слухи. Объявился свидетель, показавший, что в ту ночь он повстречал на дороге даму — владелицу автомобиля, у которого отказал мотор. Она была без пальто и шляпы, "держалась как-то странно, и волосы у нее заиндевели". Этот человек помог ей завести ее "морис-каули", и она уехала по направлению к Ньюлендс-Корнер.

Масла в огонь подлила мать полковника Кристи, давшая репортеру "Дейли мейл" сбивчивое показание: "Я склоняюсь к мысли, что моя невестка заранее спланировала свой конец и отвела автомобиль в такое место, где его не могли не найти". Но это означало заранее спланированное самоубийство, и миссис Хемсли поспешила оговориться: "Она была очень предана мужу и ребенку и по своей воле никогда бы их не оставила. По моему мнению, у нее случился приступ острой депрессии, и, не отдавая себе отчета, куда и зачем она направляется, она вышла из машины в Ньюлендс-Корнер и побрела куда глаза глядят".

Вопрос об осознанности ее действий заинтересовал многих. Известный автор детективов Эдгар Уоллес выдвинул в "Дейли мейл" свою теорию: "Исчезновение — это типичная месть тому, кто причинил боль. Проще говоря, ее первоначальным намерением было 'наказать' некое лицо — человека, которого огорчит ее исчезновение. Что она не собиралась кончать самоубийством, явствует из того, как тщательно она инсценировала самоубийство, бросив у дороги автомобиль".

Уоллес не назвал человека, которому она, по его мнению, намеревалась отомстить, но это и так было ясно. Сначала полковник Кристи казался воплощением убитого горем мужа, но по мере продолжения поисков и под влиянием многозначительных и мрачных намеков прессы это впечатление менялось. Согласно одной из версий, в ту ночь жена позвонила ему и он поспешно покинул вечеринку, чтобы она не приехала и не устроила сцену. Слух о его романе с Нэнси Нил распространился повсюду, и в конце концов полковника Кристи стали подозревать в причастности к исчезновению жены. Много предположений высказывалось в связи с письмами, оставленными миссис Кристи перед уходом. Правда, содержание их так и осталось неизвестно, но поговаривали, что сбе-

жавшая опасалась за свою жизнь. Полковник Кристи ясно чувствовал, как переменилось к нему отношение полиции. "Они думают, что я убил свою жену", – пожаловался он товарищу по службе.

К тому времени, когда в дело вмешался Конан Дойл, миссис Кристи отсутствовала уже неделю. В отличие от Эдгара Уоллеса, он был лицом не совсем посторонним: когда он в 1902 году получил дворянский титул, ему было присвоено и почетное звание помощника старшего инспектора полиции Суррея. Впоследствии, решив направить все свои силы на спиритическое движение, он сложил с себя эти обязанности, но старший инспектор Суррея мог по старой памяти обратиться к нему за советом. Казалось бы, создатель Шерлока Холмса применит к делу об исчезновении Кристи ту же неукоснительную логику, что и в случаях Идалджи и Оскара Слейтера, но он предпочел разгадывать тайну с помощью спиритизма.

По справедливости надо заметить, что это не стало неожиданностью для тех, кто был знаком с публикациями Конан Дойла в "Стрэнде". В статье "Старые преступления в новом освещении" (1920) он со всей ясностью заявил, что спиритическая наука – мощный инструмент для разрешения нераскрытых тайн. "Надо сделать так, чтобы каждое крупное полицейское учреждение могло связаться с лучшими ясновидящими и медиумами и широко использовать их способности. Ошибаться может всякий – и у них тоже случаются неблагоприятные дни, бывают и промахи. Выносить обвинительный приговор, основываясь на их показаниях, нельзя. Но найти ключ к разгадке, сделать вывод, проследить связь – тут их помощь бесценна".

Случай супругов Кристи, по мнению Конан Дойла, предоставлял идеальную возможность продемонстрировать достоинства спиритического расследования в подборе ключей и нащупывании связей. Конан Дойл повидался с полковником Кристи и получил от него перчатку пропавшей жены. Эту перчатку он отдал Хорасу Лифу, которого считал самым надежным медиумом из всех ему известных. Конан Дойл так высоко ценил его, что время от времени поручал ему читать лекции по спиритизму вместо себя. Он считал его своим вице-адмиралом. "Я знал, что он превосходно разбирается во всех тонкостях нашего дела, умеет держаться на публике и хорошо говорит, – писал о нем Конан Дойл. – Но главное, он обладал тем, чего нет у меня: медиумическими способностями, позволявшими проводить демонстрации".

Самым ценным качеством Лифа был талант к психометрии – то есть умению воспринимать психические флюиды физических объектов. "Метод этот очень прост, – объяснял он в своей книге 'Психология и овладение медиумизмом'. – Когда психометрист трогает руками или прижимает ко лбу предмет одежды индивида или вещь, которой тот касался, в его сознании могут возникнуть мысли, чувства или даже видения данного индивида".

Иными словами, Конан Дойл намеревался использовать Хораса Лифа как спиритическую собаку-ищейку, дав ему "понюхать" перчатку миссис Кристи. "Я ничего ему не подсказывал, не пояснял, чего добиваюсь и кому принадлежала эта вещь, – писал Конан Дойл в газету "Морнинг пост". – Он никогда не видел ее до того, как я положил ее перед ним на

стол. И не сказал ничего, что связывало бы ее или меня с делом Кристи. Это случилось в прошлое воскресенье. Он сразу же назвал имя Агата".

Не имея других свидетельств, мы верим на слово, что Конан Дойл не сообщил Лифу, кому принадлежит перчатка. Однако поскольку имя миссис Кристи целую неделю не сходило с первых страниц газет, Лиф вполне мог получить нужную информацию отнюдь не спиритическим путем. Может быть и такое, что Конан Дойл не сообщил нам о некоторых предыдущих намеках, которые подсказали Лифу нужное имя. Фокусники, демонстрирующие чтение мыслей, часто пользуются приемом, который у них называется "цепочка": они задают хитрые, двусмысленные вопросы, построенные так, чтобы получить нужный ответ.

Мы не знаем, прибегал ли Хорас Лиф к подобной технике, но, узнав имя Агата, он мог легко догадаться, кто имеется в виду. "С этим предметом связана неприятность, — совершенно ясно сказал Лиф. — Сознание женщины, которой он принадлежит, отчасти затуманено. Она не умерла, как полагают многие. Она жива. Вы о ней услышите, я думаю, в будущую среду".

В то время большинство склонялось к мысли, что миссис Кристи нет в живых, тем более так думала беркширская полиция, явно занятая поисками трупа, а не живого человека. Заявление Лифа, что она вскоре объявится, звучало успокаивающе. Но из рассказа Конан Дойла трудно понять, действительно ли психометрические образы Лифа были так точны и определенны. "Мне не все известно о характере и мотивах этого дела", — замечал Конан Дойл в письме в газету "Морнинг пост". Его нежелание вдаваться в подробности чужой семейной жизни достойно всяческого уважения, но он растолковал читателям не все. В частности — до странности точное упоминание о воде.

Более интересные сведения можно найти в предыдущем номере "Таймс": на первой полосе газета сообщает о том, как идут поиски, а на последней — помещает частное объявление, адресованное знакомым и родственникам женщины по имени Тереза Нил, прибывшей из Южной Африки, с просьбой откликнуться.

В субботу 4 декабря, наутро после исчезновения миссис Кристи, некто Тереза Нил прибыла на такси к модной эдвардианской водолечебнице в Йоркшире, называвшейся "Харрогит гидропатик отель", при себе у нее не было никакого багажа, кроме небольшой сумки. Остальным пациентам дали понять, что она приехала, чтобы оправиться от потери ребенка, чем и объясняется ее весьма подавленный вид. Но в последующие дни миссис Нил сделалась бодрее, приобрела новые туалеты, стала общительнее. Вечерами танцевала чарльстон под такие популярные мелодии, как "Не приводи с собой Лулу" и "Да, бананов у нас нет", исполняемые "Весельчаками на водах". При случае пела, могла сыграть что-нибудь на фортепиано в большой гостиной. И даже пробовала свои силы на бильярде.

Боб Тэппин, игравший на банджо у "Весельчаков на водах", случайно обратил внимание на то, что Тереза Нил разительно похожа на Агату Кристи. Другие гости тоже заметили сходство, и некоторые даже сказали ей об этом, но она только отмахнулась. Тэппин выждал день-другой, а потом обратился со своими подозрениями в полицию. В Харрогит

был вызван полковник Кристи. "Подумать только, — произнесла Тереза Нил, увидев полковника Кристи. — Мой брат приехал".

Они скрылись в ее номере, а в отель со всех сторон стали съезжаться репортеры, жаждущие подробностей. Вечером полковник Кристи сделал для них краткое заявление: "Не может быть двух мнений, это моя жена. У нее полная потеря памяти, я думаю, она вообще не знает, кто она такая". На следующее утро, в то время как некая подставная пара отвлекала газетчиков, супруги Кристи вышли через боковой подъезд и сели в поджидавший их автомобиль.

Пока жена приходила в себя в доме знакомых, полковник Кристи развивал тему амнезии. "Моя жена очень больна, — объяснял он репортерам. — Три года жизни выпали у нее из памяти. Она не помнит ничего, что произошло за эти три года. Не помнит, что мы переехали в Саннингдейл, не помнит своего адреса. Не знает, что с ней было после того, как она уехала из дома. Как ехала в Ньюлендс-Корнер, каким образом очутилась в Харрогите... Удивительно, но она даже не знает, что у нее есть дочь. И кстати сказать, когда ей показали снимок, где она сфотографирована с малышкой Розалиндой, она спросила, чей это ребенок: 'Хорошая девочка... Сколько ей лет?'"

Публика и пресса с сомнением отнеслись к этим словам. От дальнейших расспросов семья уклонилась, хотя доктора выпустили несколько бюллетеней о состоянии здоровья миссис Кристи. Был сделан запрос в парламент относительно стоимости проведенных поисков — оказалось, чуть ли не десять тысяч фунтов, но министр внутренних дел назвал несравненно более скромную цифру в двадцать пять фунтов. Полковник Кристи выразил готовность оплатить любые затраты, большие или малые, и повторил просьбу не беспокоить жену и дать ей прийти в себя.

Осталось много вопросов и неясностей. Неизвестно, каким образом миссис Кристи проделала в ту ночь путь в три мили от Ньюлендс-Корнер до Гилдфордского вокзала, откуда на утреннем поезде прибыла в Лондон. Не вполне понятно, с какой целью она поместила объявление в "Таймс". Если у нее и вправду была потеря памяти, странно, что ее издатель сэр Годфри Коллинз во всеуслышанье заявил на следующий день после ее исчезновения: "Она в Харрогите, отдыхает". Еще удивительнее, что из кингзбриджского магазина "Харродз" кольцо, принадлежащее миссис Кристи, отправили в Харрогит, причем на имя миссис Нил. Зять миссис Кристи, как выяснилось, тоже знал, что она на водах в Йоркшире — он получил от нее письмо оттуда. Полиция пошла по этому следу, но безрезультатно: зарегистрирована в гостинице была не Агата Кристи, а Тереза Нил. Высказывались разные предположения. Кто-то счел все это просто рекламным трюком. Другие склонялись к мнению, что миссис Кристи надеялась с помощью этой инсценировки припугнуть мужа — недаром она выбрала фамилию Нил, которую носила новая любовь полковника Кристи, это не могло быть простым совпадением. Высказывалось и такое предположение, что миссис Кристи хотела, чтобы ее мужа обвинили в убийстве — может быть, чтобы потом самой вызволить его из лап правосудия. Это, конечно, фантастическое предположение, соглашались его авторы, но не более фантастическое, чем обычный сюжет какого-нибудь из сочинений Агаты Кристи. Содержание писем, написанных миссис Кристи в ночь исчез-

новения, так и осталось неизвестным, но говорят, что в одном из них, пришедшем в местную полицию, сообщалось, что ее жизни угрожает опасность. И несомненно, отношение полиции к полковнику Кристи становилось тем хуже, чем дальше шли поиски. Один журналист не обинуясь написал по этому поводу: "Если она намеревалась совершить самоубийство и если бы труп был обнаружен в Немой Луже, у меня нет ни малейших сомнений, что полковника Кристи арестовали бы на основании косвенных улик".

Конан Дойл не высказывался по поводу мотивов поведения миссис Кристи. Для него ее дело было интересно как триумф психометрии. "Это отличный пример того, как психометрия приходит на помощь детективу, — писал он в 'Морнинг пост'. — Эта сила, надо признаться, неясная и неопределенная, но иногда она достигает великолепных результатов. Ее часто использует французская и немецкая полиция, но если применить ее у нас, то без огласки, так как нельзя прибегать к тому, что преследуется по закону". Здесь Конан Дойл преувеличил ради красного словца. Французская и немецкая полиция, конечно, промолчала, но британская — отреагировала немедленно. "В нашей стране к работе в полиции помешанных не допускают", — заявило одно официальное лицо.

Возможно и так, но умелый пропагандист Конан Дойл уже успел заработать очко. И выиграл еще больше, сделав вид, будто оспаривает одно психометрическое впечатление Хораса Лифа. "Все, что он говорил, — заявил Конан Дойл, — оказалось правдой. Единственная ошибка состоит в том, что у него было ощущение воды, хотя, конечно, оно могло появиться от названия 'Гидро'". Это был очень хитрый ход. Только самый неисправимый формалист оспорил бы связь между водой, о которой сообщил Лиф, и обнаружением пропавшей миссис Кристи в гостинице на водах, что Конан Дойл прекрасно понимал. Его притворное сомнение побудило читателей настаивать на неслучайности этой связи, то есть еще больше в нее поверить, в то время как Конан Дойл изображал сомнение.

Миссис Кристи, кстати сказать, отыскалась во вторник, а не в среду, как предсказал Лиф. Впрочем, Конан Дойл воспроизвел его слова: "Вы о ней услышите, я думаю, в будущую среду", и заметил, что это предсказание отчасти оправдалось, поскольку сообщение о том, что она нашлась, появилось в газетах на следующий день, то есть в среду.

Что обо всем этом думала Агата Кристи, неизвестно. Но очень скоро она избавилась от последствий пережитого. И со временем дала полковнику Кристи согласие на развод, так что он смог жениться на Нэнси Нил. Сама она через четыре года вышла замуж за Макса Маллоуна, археолога. Об этих одиннадцати днях Агата Кристи за всю жизнь не обмолвилась ни словом. Но можно не сомневаться, что вмешательство Конан Дойла вызвало у нее противоречивые чувства. Перед ним трепетали все начинающие детективщики, Агата Кристи даже больше других, потому что ей надо было начать с того, чтобы придумать сыщика, не похожего на Шерлока Холмса. "Этюд в багровых тонах" содержит, как известно, выпады против Дюпена и Лекока. А у Агаты Кристи в "Смерти миссис Макгинти", опубликованной в 1952 году, сам Холмс становится объектом нападок. "У меня свои методы, Ватсон, — говорит герой романа, пи-

сатель-детектив, Эркюль Пуаро. – Вы, надеюсь, не против того, чтобы я называл вас Ватсоном? Я не хотел вас обидеть. Удивительно, между прочим, как широко используется прием присутствия туповатого друга. Я лично считаю, что Шерлока Холмса сильно переоценили".

"Кукла моя – не мое отражение", – написал однажды в сатирическом стихотворении Конан Дойл[1]. И было бы ошибкой приписывать взгляды персонажа миссис Кристи ей самой. Известно, однако, что драма в Харрогите навсегда осталась для нее больной темой. Едва ли ей было приятно узнать, что корифей детективного жанра принимал участие в расследовании этого очень личного и мучительного эпизода ее жизни.

В 1929 году, через три года после случая с ее исчезновением, в сборнике ее рассказов "Партнеры по преступлению" был напечатан очень необычный рассказ. Действие его начинается с того, что к супружеской паре Томми и Таппенс Бересфорд, дежурным героям-сыщикам писательницы, является некий джентльмен и просит найти его невесту. Томми отвечает посетителю легко узнаваемым образом: "Помимо того, что дело у вас срочное, что вы приехали на такси и недавно побывали в Арктике или, может быть, в Антарктике, – я ничего о вас не знаю". Томми, читаем мы, пишет "небольшую монографию о действии полуночного солнца" и с недавних пор играет на скрипке, притом – плохо. Он так усердно подражает Шерлоку Холмсу, что Таппенс даже предлагает ему пузырек с кокаином. По ходу действия выясняется, что первоначальные подозрения были безосновательны. Пропавшая невеста просто поехала на воды с целью похудения. Огорченный Томми выражает надежду, что записи этого дела не сохранятся. "Там нет никаких интересных подробностей", – утверждает он. Имела ли Агата Кристи намерение слегка поддеть Конан Дойла за то, что он сунул нос в ее дела? Трудно сказать. Но в названии рассказа содержится ясный намек: "Случай с пропавшей дамой".

Глава 30
Конец мира

– Остин!
– Да, сэр?...
– Сегодня, Остин, я жду светопреставления.
– Слушаю, сэр. В котором часу?[2]

В марте 1927 года Конан Дойл написал Оливеру Лоджу письмо, где обсуждал пророчества о конце мира. Уже пять лет, как от медиумов всего земного шара стали поступать зловещие апокалиптические предсказания. Среди тех, кому приходилось встречаться с Конан Дойлом в старости, мало кто заметил бы в его облике черты пророка мировой ката-

1. Стихи в переводе М. Бородицкой печатаются в настоящем номер "ИЛ".
2. Из разговора профессора Челленджера с его лакеем Остином в рассказе "Отравленный пояс".

строфы. То был спокойный, довольный жизнью человек, часто говоривший о своем "совершенном семейном счастье". Каждую весну он искал в саду первый подснежник и, найдя, преподносил Джин, чтобы отметить годовщину их знакомства. Младшей дочери — дома ее звали Билли — он запомнился как внимательный, любящий отец, у которого всегда находилось время отвезти ее к зубному врачу или на скаутские сходки. Несмотря на его общеизвестную неприязнь к суфражисткам, он воспитывал ее в сознании полного равенства с братьями. Но при этом, как вспоминает ее брат Адриан, был крайне нетерпим, если речь шла о чести. По молодости лет Адриан и Дэнис иногда вели себя буйно. Конан Дойл легко прощал сыновьям разбитый дорогой автомобиль или нечаянно подожженный бильярд, но Адриан не мог забыть "приступ белой ярости", вызванный проступком, в глазах отца гораздо более серьезным: он, Адриан, нагрубил младшей горничной.

Излюбленным досугом Дойла оставался спорт. Хотя крикет он в конце концов бросил, он много играл в гольф в соседнем гольф-клубе в Кроуборо. Один раз он возвратился домой в одних чулках — свои башмаки для гольфа он отдал встретившемуся по дороге бродяге.

До конца жизни Конан Дойл очень интересовался новыми изобретениями и техническими открытиями, как-то даже согласился позировать в наушниках для обложки "Популярного радиоеженедельника". Безумно увлекался автомобилями. Правда, быструю езду передоверил сыновьям, но в семьдесят лет еще участвовал в Бруклендских гонках.

Если современный мир внушал ему живой интерес, о современном искусстве этого сказать нельзя. Новые художественные веяния он находил странными и даже отталкивающими. Его литературные вкусы тоже остались твердо укорененными в предыдущем столетии. Он неоднократно рекомендовал молодым читателям сочинения Скотта и Теккерея, тогда как такие многообещающие новые авторы, как Хемингуэй, Элиот и члены группы Блумсбери, оставляли его равнодушным. Разумеется, он был не из тех, на кого подействовали чары "Улисса", хотя по крайней мере одна фраза Джойса должна была задеть его за живое: "Между тем он скрупулезно разглядывал сидевшего напротив субъекта, не прекращая его шерлокхолмствовать с той самой минуты, как тот оказался у него в поле зрения"[1].

Отстав от новейших модных течений, Конан Дойл укрылся в воображаемом царстве научной фантастики, хотя успехи его на этом поприще все же уступали прежним. Научная фантастика была той чистой доской, на которой он мог опробовать новые идеи и увлечения, как это некогда было с "Затерянным миром". Одним из последних его увлечений стала легенда об Атлантиде. В "Блужданиях спирита", хронике своего австралийского лекционного турне, Конан Дойл довольно подробно останавливается на судьбе этого мифического острова, прослеживая ее по трудам Платона и сочинениям древних египтян. Если эта легенда правдива, рассуждает он, то гибель Атлантиды должна была бы поднять такую колоссальную волну-цунами, что смыло бы большую часть населения Земли и освободилось бы место для теперешних обитателей. Сход-

1. Перевод В. Хинкиса и С. Хоружего.

ная судьба, туманно намекает он, быть может, ожидает и наш мир. "Великая война – это, возможно, лишь первый звоночек".

В ноябре 1928 года Конан Дойл отправляется в пятимесячное лекционное турне по Африке с заездом в те места, где он побывал во время Бурской войны. К концу путешествия зной и долгие переезды сказываются на его здоровье: появляются головокружение и боли в груди. Стараясь, по возможности, скрыть симптомы от близких, он продолжает держаться как бравый солдат, но как специалист-медик прекрасно понимает, что его кампания близится к концу.

Врачи, которых пригласили, подтвердили то, что он и сам знал: "Я пишу это в постели, так как надорвал здоровье и заболел грудной жабой. Остался небольшой шанс, что мне удастся, не откладывая, посоветоваться с самим Гудини. Я смотрю вперед совершенно спокойно. В этом одно из благ, даруемых спиритическим знанием: оно изгоняет страх перед будущим", – написал он одному из своих американских корреспондентов.

Доктора предписали полный покой. Больному отвели комнату на первом этаже – ему было трудно подниматься по лестнице. Подходил к концу 1929 год. Конан Дойл как мог старался отвечать на письма и держать дела в порядке. Часто писал не сам, а диктовал своему секретарю, майору Вуду. Приписка от руки внизу одного машинописного письма показывает, как медленно приходил он в себя: "Я все еще прикован к постели, могу пройти сто ярдов, не больше. Болей уже нет". За диетой его строго следили, на рождественский ужин он вынужден был довольствоваться кистью винограда.

В первые месяцы 1930 года здоровье его порой ненадолго улучшалось. Эти просветы он использовал для редактуры автобиографических заметок, добавил туда главу "По сегодняшний день", а также написал коротенькое предисловие к "Краю Неведомого" – сборнику эссе о спиритизме.

Первого июля Конан Дойл последний раз вышел на позиции. В течение нескольких последних месяцев он боролся против старинного закона, который назывался "Закон против ведовства", был принят еще при Якове I, а ныне реанимирован как инструмент для преследования медиумов. В ответ на его выступления посыпались письма с протестами. Конан Дойл попросил министра внутренних дел Дж. Р. Клайнса принять его. Джин сопровождала мужа в министерство и, сжимая в кулаке пузырек с нюхательной солью, озабоченно смотрела, как муж с трудом подымается с кресла и начинает читать заготовленную речь. Но министр Клайнс был больше обеспокоен состоянием здоровья своего гостя, чем убедительностью его доводов. "Садитесь, пожалуйста, сэр Артур", – сказал он и предложил ему воды. Но Дойл продолжал произносить речь, барабаня пальцами по груди, словно заставляя сердце биться.

Домой он вернулся обессиленный, но все же у него оставались дела, которые он не мог передоверить другим. Холодным утром он, как вспоминал его сын, открыл дверь спальни и тайком, никем не замеченный, вышел в сад; чуть погодя дворецкий услышал, как в коридоре упало что-то тяжелое. Он вошел – Конан Дойл лежал на полу и ловил ртом воздух.

Одной рукой он держался за сердце, в другой — сжимал одинокий цветочек — белый подснежник.

Он говорил родным, что не хочет умереть в постели. Когда конец был уже близок, они помогли ему перебраться в кресло, откуда ему был виден суссекский пейзаж. Здесь он и умер утром в понедельник 7 июля 1930 года. Ему исполнился семьдесят один год. Его последние слова были обращены к жене. "Ты чудесная", — сказал он ей. "Читатели увидят, — написал он несколькими днями раньше, — что у меня было много приключений. Но самое великолепное ждет меня теперь".

Артур Конан Дойл

Долина страха

Повесть

Перевод И. Бернштейн

Вступление Антона Лапудева

От редакции

Публикуя новый перевод "Долины страха", редакция отступает от своего неизменного правила: знакомить нашу аудиторию лишь с теми произведениями, которые никогда не издавались по-русски. Но дорога последней "холмсовской" повести Артура Конан Дойла к российскому читателю оказалась такой долгой и трудной, что это заставило нас изменить привычный порядок. Об истории создания повести и о ее судьбе в России вы узнаете из нижеследующего предисловия.

Как уверяли многочисленные "криптоисторики" советского издательского дела, негласный запрет на публикацию "Долины страха" объяснялся тем, что в повести фигурирует профсоюзная организация, выродившаяся в банду вымогателей и убийц. Изображение негативной роли профсоюзов в жизни американских трудящихся якобы дискредитировало идею профсоюзного движения, а потому и знать об этом советскому народу было неполезно.

— Позвольте! — воскликнет тут любой мало-мальски сведущий читатель. — А как же романы Синклера Льюиса, Ирвина Шоу? Или блестяще экранизированный "Рафферти" Лайонела Уайта? Уж что-что, а о том, какими продажными и преступными бывают американские профсоюзы, особенно строящиеся по

© И. Бернштейн. Перевод, 2008
© Антон Лапудев. Вступление, 2008

национальному признаку, мы были прекрасно осведомлены и без стапятидесятистраничной повести создателя Шерлока Холмса! Да и если убрать оттуда несколько фраз, никакой профсоюзной деятельности в "Долине страха" мы вообще не обнаружим. При желании можно даже скрыть факт существования масонской ложи — останется лишь организованная преступная группировка, возглавляемая муниципальным советником. Да и читали мы уже подобное. И не у кого-нибудь, а у Конан Дойла! В том же "Этюде в багровых тонах" или в "Пяти апельсиновых зернышках"! Нет-нет, что-то тут не так!

И верно, причины кроются не в этом — или не только в этом.

Во-первых, "Долине страха" не повезло со временем написания. Задуманная осенью 1913 года и вышедшая полтора года спустя, она основывалась на реальном случае из практики сыскного агентства Пинкертона. В гангстерское сообщество ирландцев-эмигрантов "Молли Магвайрс", возникшее на антрацитовых шахтах Пенсильвании, в 1876 году был внедрен "пинкертоновец"[1], что и позволило разоблачить эту тайную организацию. Об этом в апреле 1913 года рассказал Конан Дойлу один из самых удачливых американских сыщиков — Уильям Бернс. Хотя со дня этой встречи в доме писателя — Уиндлшеме — до выхода в свет в сентябрьском номере "Стрэнда" за 1914 год "Долины страха" прошло всего полтора года, за это время жизнь переменилась кардинально: Англия вступила в Первую мировую войну. Кому в такую пору нужен был блестящий аналитик и выдающийся детектив-консультант? Кого интересовало преступление, совершенное в старинной усадьбе или деяния заокеанских бандитов? Прекрасно понимал это и сам Артур Конан Дойл. И написал через несколько лет рассказ о военной службе Шерлока Холмса — "Его прощальный поклон", который был встречен читающей публикой с восторгом: гениальный сыщик применил свой талант против германской разведки и вышел победителем.

И наконец, "Долине страха" не повезло с героями. Впервые "сыщик-консультант" уступил свое жизненное пространство конкуренту — наемному детективу из пинкертоновского агентства Берди Эдвардсу. И оказалось, что даже на фоне великого Шерлока он выглядит вполне "конкурентоспособным". К тому же и сам Холмс немного погодя пойдет по пути Берди Эдвардса: отправится в Чикаго, внедрится в ряды ирландских националистов, проникнет в самый центр преступной сети, станет правой рукой главного кайзеровского шпиона ("Его прощальный поклон").

Вот этого-то ему и не простили. По крайней мере в России. Первое полное издание повести вышло в Москве еще в 1916 году, но очень скоро Россия полу-

1. Этим агентом был Джеймс Макпарлан (1844–1919), который работал в Национальном американском агентстве Пинкертона, был нанят президентом компании "Филадельфия коул энд айрон" для проникновения в руководство тайного общества горняков "Молли Магвайрс".

чила приставку "Советская" и на долгих полвека практически забыла о существовании детективной литературы. К счастью, поклонником Шерлока Холмса был Корней Иванович Чуковский. И во многом благодаря ему в СССР в 1966—1967 годах был издан восьмитомник Конан Дойла. В свое время Корней Иванович лично встречался с Конан Дойлом и написал ряд эссе о Шерлоке Холмсе. Но насколько он любил Холмса, настолько же не выносил его заокеанского коллегу — Ната Пинкертона. Более того, гнев Чуковского был обращен и против всевозможных подделок под "Приключения Шерлока Холмса", в массовом порядке выпускавшихся в начале XX века в Москве и Варшаве, в Санкт-Петербурге и Ревеле. Стоит ли удивляться, что появление дойловской повести о сотрудничестве Шерлока Холмса и Ната Пинкертона (в лице его агента) могло быть расценено Чуковским едва ли не как предательство, как еще одно убийство любимого героя?

Однако есть основания полагать, что изначально "Долину страха" и поздние рассказы все-таки собирались включить в собрание, но общий объем "шерлокианских" текстов превышал запланированные три тома, а отдавать половину собрания сочинений под детективную литературу составители не решились. И советский Холмс "похудел" на семь позиций[1].

В 1984 году, когда уже приближалась к концу эпоха развитого социализма, "Московские новости" начали публикацию "Долины страха" на английском языке. То была лишь одна газетная полоса в неделю, да и собрать все выпуски и одолеть чтение повести в оригинале удавалось не каждому шерлокианцу, но стало ясно — пришло время перемен. Начиная с 1990 года стали печатать все, что прежде запрещалось, в том числе фантастику, детективы, приключенческую литературу. Едва ли не первыми в продаже появились книги с подзаголовком "Новейшие приключения Шерлока Холмса", содержавшие не вошедшие в "классический" восьмитомник шесть рассказов и повесть "Долина страха", названия которой менялись от "Долины ужаса" до "Шерлока Холмса и масонов-убийц".

Как среди тех первых, скоропалительно издававшихся ее переводов, так и среди постоянно появляющихся новых, есть работы разного уровня: и откровенно халтурные, нередко представляющие собой сделанную наспех переработку дореволюционного издания "Нашей жизни", и вполне профессиональные, серьезные. Однако у всех, даже у последних, одна и та же ахиллесова пята — реалии предметного мира викторианцев. Тут и терминологический разнобой, и откровенные ошибки, и пропуск "непонятных" деталей. Публикующаяся ниже очень неожиданная для Конан Дойла повесть "Долина страха" не только выполнена замечательным мастером российского переводческого цеха И. М. Бернштейн, но и прошла основательную проверку на достоверность и точность воспроизведения повседневной жизни людей того времени[2]. Все это и позволяет смело рекомендовать ее читателю.

1. Впрочем, уже завершенные к тому времени переводы нашли своего читателя благодаря публикациям в журналах "Наука и жизнь", "Звезда Востока", "Вокруг света".
2. Редакция благодарит за помощь в работе С. А. Поберовского.

Часть первая
Берлстоунская трагедия

Глава 1
Предостережение

— Я склонен думать... — начал было я.

— Похвальное намерение, — язвительно оборвал меня Шерлок Холмс.

Таких кротких людей, как я, мне кажется, на свете не так уж много; но признаюсь, меня все же задело его насмешливое замечание.

— Знаете, Холмс, — раздраженно проговорил я, — иногда вы бываете просто невыносимы.

Но он был слишком поглощен своими мыслями, чтобы расслышать упрек. Сидя перед нетронутым завтраком, он разглядывал листок бумаги, только что вынутый им из конверта. Потом самым внимательным образом с обеих сторон осмотрел и сам конверт.

— Рука Порлока. Я почти уверен в этом, хотя видел образчики его почерка всего два раза. Это характерное Е, похожее на греческий эпсилон, с завитушкой сверху. Но если пишет Порлок, тогда это сообщение первостепенной важности.

Холмс не столько обращался ко мне, сколько рассуждал сам с собой. Но слова эти заинтриговали меня, и досада улетучилась.

— А кто он такой, Порлок? — спросил я.

— Порлок, Ватсон, это псевдоним, своего рода опознавательный знак, за которым прячется хитрый, неуловимый человек. Когда-то в одном письме он открыто сообщил мне, что это не настоящая его фамилия, и с насмешкой предлагал отыскать его в миллионной толпе жителей нашего огромного города. Порлок важен не сам по себе, а потому, что связан с великим человеком. Вообразите себе рыбу-лоцмана возле акулы или шакала при льве — словом, нечто незначительное рядом с огромным; и не только огромным, Ватсон, но еще и чрезвычайно зловещим. Вот почему я обратил на него внимание. Вы ведь слышали от меня о профессоре Мориарти?

— О знаменитом ученом-преступнике, который так же известен в уголовном мире, как...

— Вы меня смущаете, Ватсон.

— Но я всего лишь хотел сказать: как никому не известен в порядочном обществе.

— Туше! — воскликнул Холмс. — Очко в вашу пользу. Вы начали усваивать приемы язвительного юмора, надо будет изучить способы защиты. Но имейте в виду, называя Мориарти преступником, вы совершаете подсудное деяние. В глазах закона это клевета, так-то, Ватсон. Величайший заговорщик, организатор бесчисленных злодейств, гений преступного мира — вот что это за человек! При этом он недосягаем для закона и огражден от какой-либо критики, ибо так умело ведет дела и так лов-

ко держится в тени, что за слова, сейчас вами сказанные, мог бы привлечь вас к суду и взыскать годовую сумму вашей пенсии в возмещение морального ущерба. Он уважаемый ученый, автор работы по астрономии "Динамика астероида", в которой вознесся на такие высоты чистой математики, что в научном мире, говорят, нет специалиста, который способен ее прочесть и понять. Можно ли дурно говорить о таком человеке? Злостный хулитель и клеветник — вот в какой роли вы предстанете перед публикой. Он гений, Ватсон. И если его людишки со мной не расправятся, мы еще с ним потягаемся.

— Дай-то бог стать тому свидетелем! — сказал я. — Но вы говорили про Порлока.

— Ах да. Так называемый Порлок — звено в преступной цепи. И не очень-то крепкое звено, я бы даже сказал — единственное слабое место цепи.

— Но прочность всей цепи не превосходит прочности слабейшего из звеньев.

— Именно так, мой дорогой Ватсон! Отсюда значение Порлока. Под воздействием свойственной ему зачаточной склонности к добру, подкрепляемой время от времени моими десятифунтовыми дотациями, он раза два снабдил меня полезной информацией, которая особенно ценна тем, что помогла предвосхитить и предотвратить злодейство. Не сомневаюсь, будь у нас ключ к шифру, мы прочли бы здесь сообщение именно такого рода.

Холмс разгладил листок на чистой тарелке. Я поднялся и увидел через его плечо следующую странную надпись:

534 II 13 127 36 31 4 17 21 41
ДУГЛАС 109 293 5 37 БЕРЛСТОУН
26 БЕРЛСТОУН 9 47 171

— Что это такое, Холмс?

— Очевидно, попытка сообщить некие секретные сведения.

— Но что проку в зашифрованном сообщении, если к шифру нет ключа?

— В данном случае, похоже, никакого.

— Почему вы говорите "в данном случае"?

— Потому, что существует множество шифров, которые я мог бы прочесть с той же легкостью, с какой читаю частные газетные объявления. Угадывать их смысл забавно и совсем не трудно. Но тут дело другое. Ясно, что это отсылка к словам на определенной странице в какой-то книге. До тех пор, пока я не знаю, которая страница и в какой книге имеется в виду, я бессилен.

— Но при чем тут "Дуглас" и "Берлстоун"?

— Видимо, это дополнительные слова, которых нет на той странице.

— Почему же он не указал, в какой книге искать?

— Ваша природная осмотрительность, дорогой Ватсон, так восхищающая ваших друзей, тоже наверняка не позволила бы вам прислать шифрованное письмо и ключ к шифру в одном конверте. Попади он в чьи-то посторонние руки, и все пропало. Иначе говоря, для провала

нужно, чтобы оба письма оказались в чужих руках. Сейчас как раз должна прибыть почта, и я буду чрезвычайно удивлен, если мы не получим с ней либо второе письмо, содержащее объяснения, либо же, что вероятнее, саму книгу.

Расчеты Холмса подтвердились, и по прошествии всего нескольких минут Билли, мальчишка, прислуживающий в доме, вручил нам ожидаемое почтовое отправление.

— Почерк тот же, — заметил Холмс, вскрывая конверт. — И на этот раз есть даже подпись. Смотрите-ка, Ватсон, дело продвигается.

Однако, проглядев письмо, он нахмурился.

— Надо же, какая досада! Боюсь, что наши ожидания не оправдались. Надеюсь, что мистер Порлок не пострадал. Послушайте, что он пишет: "Дорогой мистер Холмс! Больше я ничего не смогу прибавить. Слишком велика опасность — он подозревает меня. Мне это ясно. Он неожиданно явился ко мне, когда я как раз собирался вложить в уже подписанный конверт ключ к шифру. Я едва успел прикрыть его другими бумагами. Несдобровать бы мне, если бы он увидел адрес. Но я прочел подозрение в его взгляде. Пожалуйста, сожгите шифровку, вам она теперь бесполезна. Фред Порлок".

Несколько минут Холмс молчал, задумчиво глядя на огонь, тлевший в камине, и рассеянно скручивая письмо в трубочку.

— Вообще говоря, вполне возможно, что это ничего не значит, — проговорил он наконец. — Просто голос нечистой совести. Сознавая себя предателем, он мог вообразить, будто видит подозрение во взгляде того, второго.

— А второй, как я понимаю, это профессор Мориарти?

— Безусловно. Когда кто-то из этих людей говорит "он", всегда ясно, кого они имеют в виду. Для них существует только один "он".

— Но что он может им сделать?

— Гм, вопрос серьезный. Когда к тебе враждебно относится один из могущественнейших умов Европы, а значит, и все силы зла, стоящие за ним, открываются неисчислимые возможности. Во всяком случае, друг Порлок, как мы видим, перепуган не на шутку. Только сравните, как написано письмо, а как — надпись на конверте, сделанная, по словам самого писавшего, до нежданного прихода зловещего гостя. Адрес четкий и ясный. А в письме почерк неразборчивый.

— Но зачем ему было вам писать? Мог бы разорвать надписанный конверт, и дело с концом.

— Затем, что он опасался, как бы я не стал наводить справки и не навлек на него крупные неприятности.

— А, ну да, понятно, — согласился я.

Взяв в руки шифрованное письмо, я вгляделся в него повнимательнее.

— Надо же, какая досада! На этой бумажке, может статься, написана важная тайна, но проникнуть в нее — вне человеческих возможностей.

Шерлок Холмс отодвинул завтрак, до которого так и не дотронулся, и раскурил довольно зловонную трубку, которая была неизменным спутником его глубоких раздумий.

— Ну, это еще как сказать, — проговорил он, откинувшись на спинку стула и уставясь в потолок. — Пожалуй, есть кое-какие обстоятельства,

ускользнувшие от вашего макиавеллиевского ума. Рассмотрим вопрос в свете чистого разума. Во-первых, в шифровке указываются страницы некоей книги. Это послужит нам отправным пунктом.

– Не слишком ясный отправной пункт.

– Давайте попробуем его уточнить. Если подумать хорошенько, задача уже не покажется такой неразрешимой. Какие у нас имеются сведения об искомой книге?

– Никаких.

– Ну-ну, по-моему, не так уж все безнадежно. Записка начинается с группы цифр **534**, верно? Примем как рабочую гипотезу, что они означают номер страницы. Тем самым книга, которая нас интересует, становится не просто книгой, а книгой весьма толстой. Это уже кое-что. Что еще нам известно об этой толстой книге? Следом идет фигура из двух вертикальных штрихов с перекладинами, то есть римское II, не так ли? Что это, по-вашему, может значить, Ватсон?

– Глава вторая, надо полагать.

– Вряд ли. Согласитесь, если известна страница, номер главы несущественен. К тому же, если 534-я страница приходится всего лишь на вторую главу, первая глава получается противоестественно длинной.

– Тогда столбец!

– Отлично, Ватсон. Нынче утром вы затмеваете сами себя. Имеется в виду второй столбец, если я не заблуждаюсь. Итак, мы уже можем представить себе толстую книгу, напечатанную в два столбца, притом достаточно больших, поскольку одно слово в шифровке обозначено номером **293**. Это все, что нам способен подсказать разум?

– Боюсь, что да.

– О нет, вы к себе несправедливы. Еще один всплеск умственной активности, мой дорогой Ватсон, – еще одно озарение. Будь это редкая книга, Порлок послал бы ее мне. А он, как мы видим из письма, собирался, прежде чем его планы были нарушены, отправить только ключ к шифру. Отсюда следует, что раздобыть книгу, о которой идет речь, для меня, по его мнению, не составит труда. У него она есть, и у меня, по его понятиям, она тоже должна быть. Иначе говоря, Ватсон, это очень распространенная книга.

– Ваши рассуждения кажутся убедительными.

– Мы уже сузили поле наших поисков до одной весьма толстой книги, набранной в два столбца и имеющейся повсюду.

– Библия! – обрадованно воскликнул я.

– Прекрасно, Ватсон! Но я все-таки позволю себе заметить, что Библия не кажется мне той книгой, которая всегда под рукой у сообщников Мориарти. Да и к тому же Священное Писание издано в таком количестве различных изданий, что едва ли два экземпляра будут иметь одну и ту же нумерацию страниц. Тут имеется в виду книга, которая перепечатывается всегда в одном формате. Порлок знает наверняка, что его 534-я страница точно соответствует моей.

– Но таких книг очень немного.

– Вот именно. И в этом наше спасение. Мы должны искать одно из стабильных изданий, которые имеются у каждого.

– Железнодорожный справочник "Брэдшоу"?

— На это, Ватсон, можно кое-что возразить. Язык в "Брэдшоу" хоть и емкий, но весьма ограниченный. Его подбор слов вряд ли подойдет для составления обычных сообщений. "Брэдшоу" мы, пожалуй, исключим. По тем же соображениям нам не подойдет толковый словарь. Что же остается?

— Ежегодник?

— Правильно! По-моему, вы попали в самую точку. Ежегодник. Например, "Альманах Уитакера". Им пользуются все. Количество страниц подходящее. Печатается в два столбца. Правда, лексика в начальных статьях немного скуповата, но ближе к концу, если мне не изменяет память, он становится весьма болтлив. — Холмс взял "Альманах" с письменного стола. — Вот страница 534, второй столбец. Здесь большой абзац, посвященный ресурсам Британской Индии. Записывайте слова, Ватсон! Номер тринадцать — "Махараштра". Боюсь, начало не слишком обнадеживающее. Номер сто двадцать семь — "правительство". Это по крайней мере не бессмысленно, хотя к нам и к профессору Мориарти отношения как будто бы не имеет. Так, смотрим дальше. Что делает правительство Махараштры? Увы! Следующее слово — "щетина". Все кончено, мой дорогой Ватсон! Ничего не вышло!

Говорилось это весело и как бы шутя, но нахмуренные брови Холмса выдавали разочарование и досаду. Я, стыдясь собственной беспомощности, молчал и понуро смотрел на огонь.

Неожиданно Холмс подбежал к шкафу и вынул оттуда толстый том в желтой обложке.

— Послушайте, Ватсон, — воскликнул он, — сегодня только седьмое января, а у нас на столе уже новый ежегодник. Но вполне вероятно, что Порлок пользовался еще старым. Давайте-ка посмотрим, что нам предлагает страница 534-я? Номер тринадцать — "грозит". Это уже лучше. Номер сто двадцать семь — "опасность". Итак, "грозит опасность". — Глаза Холмса возбужденно горели, тонкие, нервные пальцы чуть дрожали, отсчитывая следующее слово. — "Возможно"! Ха-ха! Превосходно. Записывайте, Ватсон. "Грозит — опасность — возможно — случится — очень — скоро"... Дальше идет имя: "Дуглас". Затем: "богатый — загородный — сейчас — в — Берлстоун — убеждение — безотлагательно"... Ну что, Ватсон? Что вы скажете насчет чистого разума и его плодов? Я видел у зеленщика лавровый венок, надо бы послать за ним Билли.

Я с недоумением смотрел на текст, который сам же только что записал под его диктовку.

— Какой-то странный рваный способ выражать свои мысли, — заметил я.

— Напротив, очень изобретательно написано, — возразил Холмс. — Когда приходится все слова отыскивать в пределах одного столбца, их, конечно, в нужной форме не подберешь. Приходится положиться на смекалку адресата. Но смысл послания совершенно ясен. Замышляется какое-то злодеяние против некоего Дугласа, проживающего в указанном доме, по-видимому, где-то в провинции, ибо сказано, что он богатый сельский джентльмен. Пишущий это письмо убежден — ближе "убеждения" он ничего не нашел — это дело безотлагательной важности. Вот что мы с вами в итоге получили. Неплохая работа, а?

Холмс все еще довольно потирал руки, когда Билли распахнул дверь и впустил к нам инспектора Макдоналда из Скотленд-Ярда.

В те годы, а дело происходило в конце 80-х, Алек Макдоналд еще не достиг той славы, какой пользуется по всей стране в наше время. Это был молодой, но уже успевший отличиться в нескольких трудных операциях полицейский. Долговязая худощавая фигура выдавала его недюжинную физическую силу, а крупная голова и живые глаза, поблескивавшие из-под мохнатых бровей, свидетельствовали об уме и смекалке. Нрава он был молчаливого, в действиях отличался четкостью и упорством и говорил с заметным шотландским акцентом.

Холмс дважды помог ему добиться крупного успеха по службе, сам довольствуясь только интеллектуальным удовлетворением от решения сложной задачи. По этой причине Макдоналд питал к своему коллеге-непрофессионалу глубокое уважение и доверие и не стеснялся обращаться за советом, когда сталкивался с затруднениями. Посредственность не знает ничего выше себя, талант же признает гения с первого взгляда, а у Макдоналда доставало таланта и профессионализма, чтобы понимать, что нет ничего унизительного в обращении за помощью к человеку, чей дар и опыт не имеют себе равных во всей Европе. Холмс, не привыкший вступать с людьми в дружеские отношения, к долговязому шотландцу питал симпатию и всегда встречал его улыбкой.

— Вы с утра уже в трудах, мистер Мак, — сказал Холмс. — Желаю вам заслуженных успехов. Боюсь, вы опять столкнулись с каким-то злодейством?

— Если бы вы вместо "боюсь" сказали "надеюсь", мистер Холмс, это было бы, по моим понятиям, ближе к истине, — ответил, ухмыляясь, инспектор. — Самые первые часы в расследовании, как вам прекрасно известно, сэр, — часы золотые, но... но...

Инспектор вдруг смолк, с изумлением глядя на лежащий на столе листок с записью расшифровки загадочного письма.

— "Дуглас"! — с недоумением прочитал он. — "Берлстоун"! Что это значит, мистер Холмс? Просто колдовство какое-то. Ради всего святого, откуда у вас эти имена?

— Вот из этого письма, которое мы тут с доктором Ватсоном расшифровывали. А в чем дело? Что-то не так?

Инспектор перевел взгляд с Холмса на меня и обратно.

— Только то, — растерянно выговорил он, — что мистер Дуглас, проживавший в своем имении Мэнор-хаус в Берлстоуне, был зверски убит этой ночью!

Глава 2
Шерлок Холмс рассуждает

Ради таких драматических моментов и жил мой друг Шерлок Холмс. Было бы преувеличением сказать, что поразительные слова инспектора Макдоналда потрясли или даже хотя бы взволновали его. В его уникальном характере не было ни грана жестокости, но от многократных столкновений с событиями подобного рода сердце его, бесспорно, покрылось коростой. Однако, хотя эмоции и притупились, рассудок отличала необычайная живость. Холмс нисколько не ужаснулся этому, казалось бы, мистическому совпадению; лицо его просто приняло выражение тихой, сосредоточенной заинтересованности, как у химика-экспериментатора, наблюдающего выпадение кристаллов в перенасыщенном растворе.

— Гм, забавно! — сказал Холмс.

— Вы даже не удивились?

— Удивиться не удивился, но заинтересовался, мистер Мак. С чего бы мне удивляться? Из заведомо надежного источника я получил известие, предупреждающее, что некоему лицу грозит опасность. Проходит не более часа, и я узнаю, что угроза осуществилась, человек этот убит. Меня это заинтересовало, но, как вы справедливо заметили, не удивило.

Холмс в нескольких словах изложил инспектору обстоятельства, связанные с письмом и шифром. Макдоналд слушал, подперев ладонью подбородок и сведя вместе мохнатые рыжие брови.

— Я собираюсь сейчас же ехать в Берлстоун, — сказал он, когда Холмс договорил, — а к вам завернул спросить, не захотите ли вы и ваш друг ко мне присоединиться. Но из вашего рассказа, видимо, следует, что нам полезнее поработать в Лондоне.

— Отнюдь, — покачал головой Холмс.

— Но, черт возьми, Холмс, через день-два газеты будут полны "Берлстоунской загадкой", а какая же тут загадка, если в Лондоне находится человек, заранее знавший о готовящемся преступлении? Надо только его арестовать, и все дела.

— Вам не откажешь в логике, мистер Мак. Но как вы намерены найти этого типа?

Макдоналд покрутил в руках письмо.

— Место отправления — Камберуэлл. Это нам мало что дает. Имя отправителя, как вы говорите, не настоящее. Да, исходных данных маловато. Но вы, кажется, говорили, что посылали ему деньги?

— Дважды.

— Каким образом?

— До востребования на Камберуэллское почтовое отделение.

— И даже не попытались взглянуть на того, кто их получает?

— Нет.

— Почему?

— Потому что я всегда выполняю уговор. После получения первого письма я обещал, что не буду его выслеживать.

— Полагаете, за ним кто-то стоит?

— Несомненно.

— Тот профессор, про которого вы мне рассказывали?

— Именно!

Инспектор Макдоналд усмехнулся и, посмотрев в мою сторону, еле заметно подмигнул.

— Не скрою от вас, мистер Холмс, у нас в сыскной полиции считают, что вы немного свихнулись на этом профессоре. Я лично наводил справки. Судя по всему, это весьма уважаемый, высокообразованный и талантливый человек.

— Рад, что вы признаете за ним хотя бы талант.

— Ну а как же! Выслушав вас, я счел своим долгом с ним повидаться. Зашла речь о затмениях. Как это получилось, не помню. Но он достал рефлектор и глобус и в две минуты мне все объяснил. Да еще книгу дал почитать, правда, признаюсь, она оказалась мне не по зубам, хоть я и получил основательное шотландское образование. Этот человек удивительно похож на пресвитерианского проповедника, у него такое худое лицо, и седая шевелюра, и высокопарная речь. Прощаясь, он положил мне руку на плечо — прямо отец родной, благословляющий сына на встречу с жестоким, холодным миром.

Холмс ухмыльнулся.

— Здорово! — сказал он. — Великолепно! А скажите-ка, друг мой, эта приятная и трогательная беседа происходила у профессора в кабинете?

— Да.

— Красивая комната, верно?

— Очень красивая, мистер Холмс. Обставлена прекрасно.

— Вы сидели напротив его письменного стола?

— Точно.

— Солнечный свет падал на ваше лицо, а сам он находился в тени?

— Вообще-то дело было вечером, но я помню, что свет лампы был направлен на меня.

— Именно. Вы случайно не заметили картину, висящую над головой профессора?

— Я обычно стараюсь замечать все, мистер Холмс. Наверно, от вас научился. Да, видел я эту картину: молодая женщина сидит, подперев рукой щеку, и искоса смотрит на вас.

— Это полотно работы Жана Батиста Грёза.

Инспектор постарался принять понимающий вид.

— Жан Батист Грёз, — продолжал Холмс, откинувшись на спинку стула и скрестив пальцы, — это французский живописец, расцвет которого приходится на вторую половину прошлого столетия, я имею в виду расцвет творчества, разумеется. Искусствоведение наших дней более чем подтвердило ту высокую оценку, которую ему дали современники.

Во взгляде инспектора явно проглядывала скука.

— Не лучше ли нам... э-э... вернуться... — забормотал он.

— Именно это мы и делаем, — оборвал его Холмс. — То, что я сейчас говорю, имеет непосредственное отношение к тому, что сами же вы назвали "Берлстоунской загадкой". Возможно, в этом и есть ее суть.

Макдоналд жалобно улыбнулся и посмотрел на меня, молча взывая о помощи.

— Я не поспеваю за вашими мыслями, мистер Холмс. Вы опускаете какие-то звенья, а я не могу перепрыгнуть через разрыв. Ну какая, скажите на милость, может быть связь между давно умершим художником и убийством в Берлстоуне?

— В сыщицком деле любое знание — благо, — сказал Шерлок Холмс. — Даже такой прозаический факт, что в 1865 году картина Грёза "Девушка с ягненком" была продана на аукционе Портали за один миллион двести тысяч франков (что равняется более чем сорока тысячам фунтов), может подтолкнуть ваши мысли в нужном направлении.

Было видно, что толчок уже подействовал. Инспектор оживился, посмотрел с интересом.

— Осмелюсь напомнить вам, — продолжал Холмс, — что величину профессорского жалованья нетрудно узнать из любого надежного справочника, коих имеется несколько. Семьсот фунтов в год.

— Но как же тогда он мог приобрести...

— О том и речь. Как же он мог?

— Н-да, интересно, — сказал, задумавшись, инспектор. — Продолжайте, мистер Холмс. Вас слушать — одно удовольствие. Заслушаешься.

Холмс улыбнулся. Он всегда, как это свойственно настоящим артистам, радовался искреннему восхищению.

— А как же Берлстоун?

— Время еще есть, — ответил инспектор, покосившись на часы. — Кеб ждет у крыльца, и до вокзала Виктории мы доедем меньше чем за двадцать минут. Меня вот что интересует: помнится, вы говорили, мистер Холмс, что никогда не видели профессора Мориарти.

— Никогда.

— Тогда откуда вам известно убранство его комнат?

— Ну, это дело другое. Я три раза побывал в его квартире, дважды приходил в его отсутствие якобы по каким-то делам, сидел, ждал и, не дождавшись, уходил. А однажды... Впрочем, об этом случае не следует рассказывать детективу. Именно тогда я позволил себе взглянуть на бумаги, и результаты оказались самые неожиданные.

— Нашли что-то компрометирующее?

— Ни строчки. Это-то меня и удивило. Надеюсь, теперь вам ясно насчет картины. Она свидетельствует о том, что ее владелец — человек весьма богатый. Но как он разбогател? Он не женат. Его младший брат работает начальником железнодорожной станции на западе Британии. Научная работа приносит ему семьсот фунтов в год. И однако, у него есть полотно Грёза.

— И значит?..

— По-моему, вывод напрашивается.

— То есть что он имеет большие доходы, и, судя по всему, незаконные?

— Совершенно верно. Разумеется, у меня имеются и другие причины так полагать — с десяток тончайших нитей тянутся к центру паути-

ны, где затаилось коварное, ядовитое существо. Я назвал полотно Грёза просто потому, что вы и сами его видели.

— Ну что ж, мистер Холмс. Признаю, что все это весьма интересно. Более того — поразительно. Но давайте все же уточним, если можно. Что является источником его доходов: мошенничество, фальшивые деньги, грабежи?

— Вы читали о Джонатане Уайльде?

— Имя вроде бы знакомое. Персонаж какой-то книги? Я не высоко ставлю детективные романы, сыщики в них поступают самым странным образом, а почему, не объясняется. Их просто вдруг осеняет. Это не работа.

— Джонатан Уайльд — не сыщик и не персонаж книги. Это чрезвычайно ловкий преступник, и жил он в XVIII веке, где-то в 1750-х годах.

— Ну, тогда он мне ни к чему. Я человек дела.

— Мистер Мак, самым полезным делом для вас было бы запереться у себя дома месяца этак на три и по двенадцать часов в сутки изучать историю преступлений. Все в мире повторяется. Джонатан Уайльд управлял лондонскими преступниками, продал им свои мозги за пятнадцать процентов комиссионных. Колесо описало полный круг, и снова показалась та же спица. Все это уже бывало прежде и будет впредь. Я сообщу вам некоторые факты о Мориарти, которые могут вас заинтересовать.

— Вы и так уже меня заинтересовали больше некуда.

— Случайно мне стало известно, кто является первым звеном в цепи, связывающей этого Наполеона преступного мира и сотню бывших кулачных бойцов, карманников, шантажистов и карточных шулеров. Начальником штаба у него полковник Себастьян Моран, такой же высокомерный, осмотрительный и недоступный для полиции, как и Мориарти. Сколько, вы думаете, он ему платит?

— Рад был бы узнать.

— Шесть тысяч в год. Плата за мозги — принцип американского бизнеса. Я узнал это совершенно случайно. Премьер-министр получает меньше. Можете на основании этого судить о доходах Мориарти и размахе его деятельности. И еще одно: я приложил старания к тому, чтобы ознакомиться с некоторыми чеками, выписанными профессором в последнее время, обыкновенными, невинными чеками, которыми он оплачивал домашние расходы. Чеки выписаны на шесть разных банков. Это вам о чем-нибудь говорит?

— Довольно странно. И каков же ваш вывод?

— Он не хочет, чтобы пошли слухи о его богатстве. Никто не должен иметь полного представления о его доходах. Можете не сомневаться, у него десятка два банковских счетов, а основная часть капитала за границей, в "Дойче банке" или в "Лионском кредите". Когда-нибудь, когда у вас выберется свободный годик-другой, рекомендую вам плотнее заняться профессором Мориарти.

Видно было, что на инспектора Макдоналда рассказ Холмса произвел сильное впечатление, он слушал его разинув рот. Но вот он словно очнулся, в нем снова пробудилась шотландская деловитость, вернувшая его к сиюминутным заботам.

— Ладно, с Мориарти можно пока подождать, — сказал он. — Вы нас тут совсем заговорили, мистер Холмс. На самом деле сейчас важно только то, что между профессором и преступным миром существует определенная связь. Это следует из предостережения, которое вы получили от некоего Порлока. А больше ничего полезного для нас не просматривается?

— Представить возможные мотивы убийства нетрудно. Как я понял из ваших слов, вы поначалу отнесли его к необъяснимым преступлениям. Но если принять гипотезу, что замысел его принадлежит профессору, возможны два мотива. Прежде всего следует иметь в виду, что Мориарти правит своими людьми беспощадно. У него железная дисциплина. Наказание предусмотрено только одно — смерть. Вполне вероятно, что убитый, этот самый Дуглас, о чьей предстоящей гибели заранее знал один из приближенных главаря, чем-то не угодил Мориарти. Провинившегося настигает кара — факт, о котором станет известно всем, дабы боялись за свою жизнь.

— Что ж, мистер Холмс, одно предположение мы выслушали.

— А вот другое. Заказное убийство. Это бизнес уважаемого профессора. В доме ничего не украдено?

— Насколько мне известно, нет.

— Это, разумеется, говорит в пользу второй гипотезы. Мориарти мог получить деньги вперед, а уж потом осуществить то, что от него требовалось. Но в любом случае разгадку следует искать на месте, в Берлстоуне.

— Так едем в Берлстоун! — воскликнул Макдоналд, вскакивая. — Бог ты мой! Сейчас позже, чем я думал. Джентльмены, могу дать вам пять минут на сборы, и ни секундой больше.

— Этого достаточно, — отозвался Холмс, поднимаясь, чтобы сменить халат на пальто. — А по дороге, мистер Мак, будьте любезны изложить мне все подробности дела.

"Всех подробностей" оказалось до обидного мало, но мы все же смогли убедиться, что случай интересный и, по-видимому, вполне заслуживающий вмешательства эксперта. Холмс, оживившись и потирая худые руки, жадно слушал скупой, но весьма интересный рассказ инспектора. Позади осталась череда скучных, бессодержательных недель, и вот наконец появился подходящий объект для приложения тех редкостных способностей, которые — без применения — становятся в тягость. Ум Шерлока Холмса, подобно острой бритве, в бездействии тупел и покрывался ржавчиной.

Но раздался призыв к работе, и глаза его заблестели, всегда бледные щеки тронул теплый румянец, лицо осветилось изнутри горячим нетерпением. Холмс, весь подавшись вперед, внимательно слушал немногословный доклад Макдоналда о том, что нас ждет в Суссексе. Инспектор объяснил, что рассказ его основан на письменном донесении, доставленном ему в Лондон на рассвете с "молочным" поездом. Уайт-Мейсон, местный полицейский, — его добрый знакомый, и поэтому Макдоналд получил сообщение о случившемся гораздо раньше, чем обычно поступают в Скотленд-Ярд подобные сведения из провинции, сопровождаемые просьбой о подмоге. Как правило, к тому времени, когда подключается столичный специалист, след уже остывает.

"Дорогой инспектор Макдоналд, – говорилось в записке, которую он нам зачитал. – В отдельном конверте посылаю вам официальное приглашение. Требуется ваша помощь. Телеграфируйте, на каком поезде вы сможете приехать в Берлстоун, и я вас встречу или пришлю кого-нибудь, если сам буду занят. Случай просто невероятный. Не медлите ни мгновения! Если возможно, захватите с собой мистера Холмса: он найдет здесь нечто по своему вкусу. Можно было бы подумать, что все это устроено ради театрального эффекта, если бы не мертвое тело прямо посреди сцены. Совершенно поразительный случай, клянусь!"

– Ваш знакомый, похоже, неглупый человек, – сказал Холмс.

– Ваша правда, сэр, Уайт-Мейсон – человек толковый.

– Ну, а еще он что-нибудь пишет?

– Только, что сообщит подробности при личной встрече.

– Тогда как же вы узнали про мистера Дугласа и про то, что он был зверски убит?

– Эти сведения содержатся в официальном докладе. Там не сказано – "зверски", это не официальный термин. Но имя сообщается: Джон Дуглас. И говорится о повреждениях головы, выстрел был произведен в лицо из дробовика. Тревогу подняли незадолго до полуночи. И еще пишут, что тут несомненно убийство, но никто не задержан, и что вообще дело сопряжено с некоторыми весьма странными и непонятными обстоятельствами. И это – все, что имеется в нашем распоряжении, мистер Холмс.

– Раз так, мистер Мак, мы, с вашего позволения, пока этим и удовлетворимся. Беда нашей профессии – соблазн выстроить необоснованные теории раньше времени. На данный момент, как я вижу, не подлежат сомнению только две вещи: мощный ум в Лондоне и труп в Суссексе. От нас же требуется нащупать все звенья цепи, которая их связывает.

Глава 3
Берлстоунская трагедия

Теперь я прошу у читателя позволения удалить со сцены свою незначительную персону и, воспользовавшись сведениями, полученными впоследствии, описать события, происшедшие в Берлстоуне до того, как мы туда прибыли. Только так я смогу рассказать о людях, замешанных в этой истории, и странной обстановке, в которой вершилась их судьба.

Деревня Берлстоун представляет собой группу фахверковых домов очень старой постройки. Расположенная на северной границе графства Суссекс, она столетиями сохранялась в первозданном виде. Но в последние годы ее живописный вид и красивые окрестности привлекли несколько вполне обеспеченных семейств, чьи виллы теперь тут и там выглядывают из лесных зарослей. Здешние леса, как считается, представляют собой южный край Уилдского леса, который, постепенно редея, доходит до северных меловых холмов. Для удовлетворения потребностей возросшего числа жителей как грибы выросли разные мага-

зины, и, похоже, у некогда глухой деревни появилась перспектива в недалеком будущем превратиться в современный городок. К тому же ближайший относительно крупный город, Танбридж-Уэллс, расположен милях в десяти к востоку, уже на территории графства Кент.

Примерно в полумиле от Берлстоуна посреди старинного парка, знаменитого огромными буками, расположена старая усадьба, часть которой датируется еще временами первого крестового похода, когда Гуго де Капус возвел оборонительную башню в центре своих владений, пожалованных ему Красным королем. В 1543 году башня сгорела, а закопченные тесаные угловые камни в эпоху короля Якова пошли на новое строительство, и из руин феодального замка поднялся краснокирпичный дом провинциального землевладельца.

До наших дней Мэнор-хаус с острыми коньками крыши и мелкими ромбовидными переплетами на окнах сохранился почти в том же виде, какой ему придали строители в самом начале XVII столетия. Из двух крепостных рвов внешний успел пересохнуть, и на его месте разбили прозаический огород. А вот внутренний, опоясывающий весь дом, сохранился, и хотя сильно обмелел, но все еще имеет в ширину добрых сорок футов. Ров питал небольшой ручей, так что вода в нем, хоть и была мутной, никогда не загнивала и не источала вредных испарений. Окна нижнего этажа находились всего в футе от ее поверхности.

Единственный путь в дом вел через подъемный мост, железный механизм которого — цепи и лебедка — давно проржавел и не действовал. Однако последние обитатели Мэнор-хауса, люди деловые, все починили, и теперь подъемный мост был исправен, он не только теоретически мог подниматься, но его и на самом деле ежевечерне поднимали, а утром опускали. В результате возрождения сего феодального обычая Мэнор-хаус по ночам превращался в остров, что имело непосредственное отношение к загадочной трагедии, которой суждено было в скором времени привлечь внимание всей Англии.

До того как там поселились Дугласы, старый дом на протяжении нескольких лет стоял пустой и уже грозил разрушиться и превратиться в живописную развалину. Семья Дугласов состояла всего из двух человек: Джона Дугласа и его супруги. Дуглас был человек примечательный, как по внешности, так и характером. Лет около пятидесяти, на лице глубокие складки, подбородок упрямый, в усах седина, взгляд серых глаз както по-особенному зорок, и весь он, статный, крепко сбитый, не утратил с возрастом ни грана молодой силы и энергии. Держался он со всеми дружелюбно и приветливо, но манеры его не отличались особым лоском, что выдавало его знакомство с жизнью гораздо более низких слоев общества, чем суссекский провинциальный свет. Но как бы то ни было, несмотря на то, что более просвещенные соседи поглядывали на Дугласа искоса, он скоро завоевал благосклонность прочих жителей деревни, щедро подписываясь на всевозможные общественные нужды и принимая участие в деревенских концертах, на которых, обладая превосходным, звучным тенором, всегда готов был спеть, если потребуется. Денег у него, судя по всему, было вдоволь, говорили, что он привез их с золотых приисков Калифорнии, и действительно, по его собственным словам и по словам жены, мистер Дуглас немало лет прожил в Америке. Помимо щедрости и общительности он обладал еще одним вызывающим

почтение качеством — абсолютным бесстрашием. Не умея ездить верхом, появлялся на каждом охотничьем сборе и старался не отставать от лучших всадников, хотя случалось, падал с лошади и разбивался самым жестоким образом. Во время пожара в доме священника он кинулся в горящее здание, чтобы спасти имущество, хотя местная пожарная бригада уже умыла руки и прекратила борьбу с разбушевавшимся пламенем. Так Джон Дуглас, владелец Мэнор-хауса, за пять лет завоевал всеобщее уважение.

Те, кому довелось познакомиться с его супругой, находили ее весьма приятной особой. Правда, согласно английским обычаям, поскольку новые соседи не привезли с собой никаких рекомендательных писем, визиты им нанесли не многие. Новую хозяйку усадьбы это как будто бы не особенно задело, она не отличалась общительностью и, судя по всему, с головой ушла в заботы о муже и домашние хлопоты. Известно было, что она англичанка, с мистером Дугласом познакомилась в Лондоне — он к тому времени уже овдовел. Миссис Дуглас была темноволосая красавица, высокая и стройная, муж превосходил ее годами лет на двадцать. Но было незаметно, чтобы разница в возрасте как-нибудь сказывалась на семейном согласии.

Впрочем, те, кто знал их ближе, порой чувствовали, что полной доверительности между супругами, по-видимому, все же нет; жена то ли не желала отвечать на расспросы о прошлом мужа, то ли, что гораздо правдоподобнее, была не обо всем осведомлена. Кое-кто из более наблюдательных знакомых обратил внимание на то, что в миссис Дуглас иногда чувствовалась нервозность, ей определенно бывало не по себе, если муж где-нибудь задерживался позже обычного часа. В скучной деревенской жизни люди радуются любой пище для пересудов, и об этой слабости хозяйки Мэнор-хауса любили поговорить. Когда же произошло несчастье, эту ее особенность просто нельзя было не вспомнить, и в глазах соседей она обрела особое значение.

Был в Мэнор-хаусе и еще один человек, правда не постоянный жилец, а скорее гость, однако присутствовавший там как раз в те часы, когда произошли загадочные события, о которых чуть ниже. В результате он тоже оказался в центре всеобщего внимания. Речь идет о Сесиле Джеймсе Баркере, проживавшем в Хэмстеде в Хейлс-Лодже.

Рослую, широкоплечую фигуру Сесила Баркера привыкли видеть на главной деревенской улице, так как он был частым и желанным гостем в Мэнор-хаусе. Он возбуждал всеобщее любопытство, так как был единственным другом Дугласа из прошлой жизни. Что он англичанин, не вызывало ни у кого сомнения; однако с его собственных слов стало известно, что познакомились они в Америке и поддерживали там весьма близкие отношения. Был он, судя по всему, человек далеко не бедный и, говорят, еще холостой.

Баркер был моложе Дугласа, лет сорока пяти, не больше, высокий, прямой, с широкими, развернутыми плечами, с бритым лицом кулачного бойца и твердым взглядом черных глаз, взглядом таким повелительным, что, казалось, мог, даже не пуская в ход кулаки, проложить дорогу во враждебной толпе. Баркер не участвовал в охоте на лис верхами и не ходил с ружьем за болотной дичью, но любил с трубкой в зубах гулять по окрестностям старой деревни и ездить в кабриолете с хозяином дома, а

в его отсутствие — с хозяйкой, и любоваться живописными видами. "Приятный и щедрый джентльмен, — сказал о нем дворецкий Эймс. — Но, знаете ли, не хотел бы я очутиться у него поперек дороги". С Дугласом он держался сердечно и по-свойски и так же дружен был с его женой — эта дружба по временам сердила мужа настолько, что замечали даже слуги. Таков был третий, присутствовавший в доме к моменту, когда произошла трагедия.

Что до прочих обитателей усадьбы, то довольно упомянуть важного, чопорного и всеведущего Эймса, а также миссис Аллен, румяную жизнерадостную особу, которая снимала с хозяйкиных плеч часть груза домашних забот. Остальные шестеро не имели никакого отношения к тому, что случилось там в ночь на 6 января.

Первый сигнал тревоги достиг местного полицейского участка, находившегося под началом сержанта Уилсона, в одиннадцать часов сорок пять минут. По ступеням взбежал невероятно взволнованный Сесил Баркер и принялся отчаянно звонить в колокольчик. "В Мэнор-хаусе произошло несчастье — убит Джон Дуглас", — задыхаясь, сообщил он полицейскому. И сразу же побежал обратно. Сержант Уилсон последовал за ним и в самом начале первого был уже на месте преступления, задержавшись только для того, чтобы сообщить начальству, что случилось что-то серьезное.

Он увидел, что подъемный мост опущен, в окнах свет, а все обитатели дома перепуганы и взволнованы. Бледные слуги жались друг к другу в холле, на пороге в ужасе ломал руки дворецкий. Один только Баркер сохранял присутствие духа — он отпер ключом дверь комнаты рядом с парадным входом и жестом пригласил сержанта следовать за собой. В эту минуту прибыл доктор Вуд, толковый и энергичный врач из деревни, и трое мужчин вошли в комнату одновременно, за ними по пятам шел потрясенный дворецкий, который прикрыл за собою дверь, чтобы уберечь горничных от страшного зрелища.

Убитый лежал посередине комнаты на спине, руки и ноги его были раскинуты. На нем был розовый халат, надетый прямо на ночную рубаху. На босых ногах мягкие домашние туфли. Доктор, взяв со стола переносную лампу, опустился на колени. Одного взгляда оказалось достаточно, чтобы понять, что его услуги здесь не потребуются. Несчастный был страшно изувечен. Поперек его груди лежало странное оружие — дробовик со стволом, спиленным по самые спусковые крючки. Было ясно, стреляли из него, притом с близкого расстояния и прямо в лицо, так что череп разнесло на куски. Курки были связаны проволокой, чтобы выстрелили сразу оба ствола и сила заряда удвоилась.

Деревенский страж закона был испуган и подавлен огромной ответственностью, которая свалилась на него столь внезапно.

— Не будем ни к чему прикасаться, пока не прибудет начальство, — произнес он вполголоса, с ужасом глядя на разбитую голову.

— Никто ничего не трогал, — сказал Сесил Баркер. — Могу поручиться. Все осталось точно в том виде, как было мною обнаружено.

— В котором часу это случилось? — спросил сержант, доставая блокнот.

— Ровно в половине одиннадцатого. Я еще не раздевался, сидел в своей комнате у камина и вдруг услышал выстрел. Не особенно гром-

кий, словно с глушителем. Я сразу бросился вниз, думаю и полминуты не прошло, как я уже был здесь.

— Дверь была открыта?

— Да, распахнута. Бедный Дуглас лежал, как сейчас. На столе горела свеча в подсвечнике. Лампу зажег я, когда немного пришел в себя.

— Вы никого не видели?

— Нет. Я услышал, что по лестнице спускается миссис Дуглас, и выбежал, чтобы остановить ее и оградить от этого ужасного зрелища. Миссис Аллен, экономка, увела ее наверх. Появился Эймс, и мы вместе вошли сюда.

— Но ведь подъемный мост, как я слышал, на ночь поднимают?

— Да. Он и был поднят. Это я его опустил.

— Тогда убийца не мог отсюда выбраться. Это совершенно невозможно! Выходит, мистер Дуглас застрелился сам.

— Мы тоже было так решили. Но взгляните! — Баркер отдернул штору: окно было распахнуто настежь. — И посмотрите на это! — Он опустил лампу и осветил кровавое пятно в форме подошвы, отпечатавшейся на деревянном подоконнике. — Кто-то, вылезая, наступил сюда.

— То есть этот человек перебрался через ров вброд?

— Именно.

— Тогда, если вы прибежали сюда через полминуты, он должен был в это время находиться в воде.

— Не сомневаюсь, что так и было. Если бы я только догадался сразу выглянуть в окно! Но оно, как вы видели, закрыто шторой, и я не подумал об этом. А потом, услышав шаги миссис Дуглас, я вышел, чтобы не допустить ее сюда. Слишком уж зрелище ужасное.

— Ужасное, — подтвердил доктор, разглядывая разбитую голову в луже крови. — Не видел ничего подобного со времени берлстоунского железнодорожного крушения.

— Но послушайте, — произнес сержант, чей медлительный здравомыслящий ум задержался на открытом окне. — Вот вы говорите, что неизвестный ушел, перебравшись через ров вброд. Но как он вообще сюда попал, если мост был поднят?

— Да, это непонятно, — сказал Баркер.

— В котором часу его подняли?

— Без малого в шесть, — ответил дворецкий Эймс.

— Я слышал, его всегда поднимают, когда солнце садится, — сказал сержант. — Это будет ближе к половине пятого, а не без малого шесть, в это-то время года.

— У миссис Дуглас были к чаю гости, — пояснил Эймс. — Я не мог его поднять, пока они не ушли.

— Ну, тогда картина получается такая, — заключил сержант. — Если кто-то пробрался в дом извне — если, конечно, дело было именно так, — то он должен был перейти мост до шести и прятаться где-то здесь, пока, уже после одиннадцати, в комнату не пришел мистер Дуглас.

— Совершенно верно. Мистер Дуглас каждый вечер перед сном обходил дом, проверял печи и камины. За этим и сюда зашел. Убийца ждал здесь и застрелил его. Потом сам вылез в окно, а дробовик оставил. Так я себе все это представляю, другое не вяжется с фактами.

Сержант подобрал с полу карточку, лежащую рядом с убитым. На ней крупно и размашисто были начертаны чернилами две буквы, Д. и В., а снизу – число 341.

– А это что? – спросил он, протягивая карточку своим спутникам.

Баркер удивленно вздернул брови.

– Я ее не заметил, – сказал он. – Должно быть, оставлена убийцей.

– Д. В. 341. Что бы это могло означать?

Сержант крутил карточку в руке.

– Что такое Д. В.? Может, чьи-то инициалы? А что это около вас, доктор Вуд?

На коврике перед камином лежал основательных размеров рабочий молоток. Сесил Баркер указал на гвозди с медными шляпками, лежавшие в ящичке на каминной полке.

– Мистер Дуглас вчера перевешивал картины, – пояснил он. – Я видел, как он стоял на стуле и прибивал картину над камином. Отсюда и молоток.

– Давайте-ка оставим его на месте, – сказал сержант, растерянно почесывая затылок. – Чтобы разобраться с этим делом, боюсь, понадобятся лучшие умы уголовного розыска. Это дело для Скотленд-Ярда. – Подняв над головой лампу, он стал медленно обходить комнату. – Эге, смотрите-ка! – взволнованно воскликнул он, отводя в сторону оконную штору. – В котором часу задергивают шторы?

– Когда зажигают лампы, – ответил дворецкий. – Теперь в четыре с чем-то.

– Здесь несомненно кто-то прятался. – Он посветил вниз, и стали видны грязные отпечатки подошв. – Должен признать, что этим подтверждается ваша теория, мистер Баркер. Выходит, убийца забрался в дом после четырех, когда шторы были уже задернуты, но до шести, когда подняли мост. Проскользнул в эту дверь, так как она рядом с входной и первая попалась ему на глаза. Больше ему негде было спрятаться, вот он и укрылся за шторой. Пока все как будто бы ясно. Вполне может быть, что он собирался ограбить дом; но мистер Дуглас случайно обнаружил его, тогда он его убил и сбежал.

– Я тоже так это себе представляю, – кивнул Баркер. – Однако мы зря теряем время. Не лучше ли выйти наружу и прочесать округу, пока он не успел убраться из здешних мест?

– Ближайший поезд проходит в шесть часов утра, так что по железной дороге он ночью уехать не может, – подумав немного, продолжил сержант. – А если он в мокрой одежде пойдет пешком по дороге, на него почти наверняка кто-нибудь обратит внимание. И вообще, я не имею права покидать место преступления, пока меня не сменят. Думаю, и вы не должны уходить, пока мы тут не разберемся.

Доктор взял у него лампу и стал осматривать тело.

– Что означает этот знак? – спросил он. – Не связан ли он как-то с преступлением?

Рукав халата задрался, правая рука убитого обнажилась до локтя, и на ней виднелось отчетливо проступившее на бледной мертвой коже странное коричневое изображение: треугольник в круге.

— Это не татуировка, — определил доктор, приглядываясь сквозь очки. — Первый раз в жизни вижу такое. Ему когда-то выжгли на руке клеймо, как клеймят скотину. Что бы это могло означать?

— Что это означает, я не знаю, — ответил Сесил Баркер, — но за последние десять лет я много раз видел этот знак на руке Дугласа.

— И я тоже, — сказал дворецкий. — Всякий раз, как хозяин закатывал рукав, я видел у него этот знак. И не раз задумывался, что это такое.

— Ну, тогда по крайней мере ясно, что это клеймо не имеет отношения к убийству, — заключил сержант. — Хотя штука очень странная. В этом деле, за что ни возьмись, все странно. Ну, что еще?

Дворецкий, удивленно вскрикнув, указал на раскрытую ладонь убитого.

— С него сняли обручальное кольцо! — сдавленным голосом проговорил он.

— Что?

— Да, да! Хозяин всегда носил на мизинце левой руки гладкое золотое кольцо и сверху перстенек с необработанным камешком, а кольцо в виде змеи — на среднем пальце. Перстенек есть, и змейка есть, а обручальное кольцо пропало.

— Он прав, — сказал Баркер.

— То есть вы утверждаете, что обручальное кольцо было ниже, чем это, с камешком? — переспросил сержант.

— Да.

— В таком случае получается, убийца, или кто-то другой, сначала снял кольцо с камешком, которое вы называете перстеньком, потом снял обручальное кольцо, а потом кольцо с камешком надел обратно?

— Выходит, что так.

Деревенский страж закона обескураженно потряс головой.

— Сдается мне, чем скорее мы передадим это дело специалистам из Лондона, тем будет лучше. У нас есть и свой специалист, Уайт-Мейсон, он парень головастый, что тут ни случалось, он всегда добирался до сути. Уайт-Мейсон скоро прибудет к нам на помощь. Но думаю, все одно на этот раз нам без Лондона не обойтись. И скажу прямо, таким, как наш брат, деревенский полицейский, эдакое заковыристое дело не по зубам.

Глава 4
Тьма

В три часа утра из полицейского управления графства Суссекс на двуколке, запряженной взмыленным рысаком, примчался главный следователь, срочно вызванный в Берлстоун сержантом Уилсоном. "Молочным" поездом в пять сорок он отправил депешу в Скотленд-Ярд и в двенадцать лично встречал нас на местной железнодорожной станции. Уайт-Мейсон оказался спокойным, уверенным в себе румяным и довольно упитанным мужчиной в просторном твидовом костюме, на крепких кривых ногах, облаченных в гетры, и вообще гораздо больше походил на небогатого фермера или вышедшего на покой егеря, да на кого угод-

но, только не на известного на весь Суссекс сотрудника здешнего уголовного розыска.

— Дело просто фантастическое, мистер Макдоналд, — несколько раз повторил он. — Стоит прессе пронюхать и смекнуть, чем тут пахнет, и газетчики налетят как мухи. Одна надежда, что управимся раньше, чем они нагрянут и затопчут все следы. Не припомню ничего подобного за всю свою жизнь. Кое-какие обстоятельства, думаю, должны заинтересовать вас, мистер Холмс, и вас тоже, доктор Ватсон, медикам еще предстоит сказать тут свое слово. Остановиться вам придется здесь, в гостинице "Вествилл армс", больше негде, но я слышал, у них чисто и уютно. Слуга занесет ваши вещи. Сюда, пожалуйста, джентльмены.

Благодаря заботам хлопотливого следователя мы за десять минут разместились и устроились. Спустя еще десять минут мы уже сидели в гостиной и слушали сжатое сообщение обо всем, что тут произошло, уже изложенное в предыдущей главе. Макдоналд изредка вставлял слово; Холмс внимательно слушал. С его лица не сходило изумленное и восторженное выражение, он был похож на ботаника, рассматривающего редкий и драгоценный цветок.

— Поразительно! — произнес он, когда рассказ был окончен. — Совершенно поразительно. Не берусь припомнить ни одного такого же странного случая.

— Я ждал, что вы так скажете, мистер Холмс, — торжествуя воскликнул Уайт-Мейсон. — Мы тут в Суссексе от жизни не отстаем. Я описал вам, как все было вплоть до того момента между тремя и четырьмя часами ночи, когда я принял это дело от сержанта Уилсона. Я чуть было не загнал лошадь, ей-богу. Но оказалось, ничего срочного. Мне, в общем-то, нечего тут пока предпринять. Сержант Уилсон разузнал все подробности, я их проверил, оценил, кое-что, совсем немного, добавил от себя.

— Что именно вы добавили? — живо заинтересовался Холмс.

— Во-первых, с помощью доктора Вуда подверг осмотру молоток. Никаких следов схватки на нем не обнаружилось. Я думал, если мистер Дуглас оборонялся этим молотком, он мог ударить им злоумышленника перед тем как выронить орудие из рук. Но молоток чист.

— Это, однако, ничего не доказывает, — возразил инспектор Макдоналд. — Известно много случаев убийства молотком, и при этом на молотке — никаких следов.

— Совершенно верно. Это не значит, что молоток не был использован в схватке. Но на нем могли оказаться пятна, и это бы нам помогло. Однако никаких пятен нет. Затем я осмотрел дробовик. Заряд в нем был с крупной дробью, и, как заметил сержант Уилсон, курки связаны проволокой, нажмешь один задний — и выстрелят оба ствола. Тот, кто применил такое приспособление, хотел стрелять наверняка. Обрез длиной не больше двух футов, его ничего не стоило спрятать под пальто. Фирма-изготовитель целиком не значится; но на ложе между стволами сохранились буквы П о к, а остальная часть отпилена вместе со стволами.

— Заглавное П с росчерком сверху, а О и К поменьше? — спросил Холмс.

— Совершенно верно.

— Пенсильванская оружейная компания, известная американская фирма.

Уайт-Мейсон уважительно посмотрел на моего друга, точно скромный деревенский врач, взирающий на столичное медицинское светило, единым словом способное разрешить трудность, перед которой сам он спасовал.

— Очень полезное сведение, мистер Холмс. Вы несомненно правы. Прекрасно! Замечательно! Неужели вы держите в памяти имена всех оружейников мира?

Холмс только отмахнулся от столь праздного вопроса.

— Итак, очевидно, дробовик американский, — продолжил свои рассуждения Уайт-Мейсон. — Я где-то читал, что обрезы используются как оружие убийства в некоторых штатах Америки. Так что у меня и без названия фирмы мелькнуло такое предположение. Стало быть, у нас есть некоторые основания считать, что человек, забравшийся в дом и убивший хозяина, — американец.

Макдоналд покачал головой.

— По мне так вы чересчур торопитесь с заключениями, — сказал он. — Я еще не вижу доказательств, что кто-то вообще забирался в этот дом.

— А открытое окно, пятно крови на подоконнике, странная визитная карточка, следы подошв в углу, дробовик?

— Все это могло быть инсценировано. Мистер Дуглас был американец или, во всяком случае, долго жил в Америке. И мистер Баркер тоже. Нет надобности еще в одном американце, чтобы получилось американское убийство.

— Дворецкий Эймс...

— А что он? Да и надежный ли он человек?

— Надежный, как скала, десять лет проработал у сэра Чарлза Чандоса. И у Дугласа пять, с того самого дня, как тот поселился в Мэнор-хаусе. Эймс никогда не видел в доме такого оружия.

— Обрез специально предназначен для того, чтобы его прятали. С отпиленными стволами он поместится в любом ящике. Разве Эймс может поклясться, что такого дробовика в доме не было?

— Он по крайней мере не видел.

Макдоналд покачал упрямой шотландской головой.

— Нет, вы меня не убедили, что в дом кто-то проник. Да этого же просто не может быть! Это противоречит здравому смыслу! А каково ваше мнение, мистер Холмс?

— Изложите свои доводы, мистер Мак, — распорядился Холмс, словно судья на судебном заседании.

— Человек этот, если предположить, что он вообще существовал, не грабитель. Обручальное кольцо и карточка свидетельствуют о предумышленном убийстве по личным мотивам. Хорошо. Некто проник в дом с намерением совершить убийство. Он не мог не понимать, что уйти с места преступления ему будет нелегко, ведь дом окружен водой. Какое оружие, в таком случае, он должен был выбрать? Казалось бы, самое бесшумное. Тогда у него появлялась бы возможность после выстрела спокойно вылезти в окно и, перейдя ров вброд, скрыться. Это можно было бы понять. Но как понять, что он прихватил с собой оружие, ко-

торое стреляет очень громко, понимая, что на выстрел со всех ног примчатся все, кто есть в доме, и что его вполне могут увидеть из окон, когда он будет переходить ров? Неужели в это можно поверить, мистер Холмс?

– М-да, соображения серьезные, – признал мой друг. – Чтобы вас опровергнуть, нужны веские доказательства. Позвольте поинтересоваться, мистер Уайт-Мейсон, был ли произведен немедленный осмотр противоположного берега рва на предмет обнаружения следов того, что кто-то вылезал из воды?

– Следов не было, мистер Холмс. Но тот берег представляет собой каменный уступ, на нем и не могло остаться никаких следов.

– Ни малейших признаков?

– Ни малейших.

– Так. Вы не будете возражать, мистер Уайт-Мейсон, если мы сию же минуту отправимся в усадьбу? Не исключено, что на месте удастся обнаружить еще какую-нибудь ценную мелочь.

– Я как раз собирался вам это предложить, мистер Холмс. Просто мне надо было сначала ввести вас в курс дела. Надеюсь, если что-то привлечет ваше внимание...

Уайт-Мейсон не договорил и вопросительно взглянул на сыщика-любителя.

– Мне уже приходилось сотрудничать с мистером Холмсом, – поспешил успокоить его инспектор Макдоналд. – Он соблюдает правила игры.

– Во всяком случае те, что соответствуют моим взглядам, – с улыбкой уточнил Холмс. – Я берусь за расследование, чтобы способствовать торжеству правосудия и помочь работе полиции. Если я когда и прерывал сотрудничество с представителями власти, то лишь после того, как они прерывали сотрудничество со мной. У меня нет ни малейшего желания прославиться за их счет. Но при этом, мистер Уайт-Мейсон, я считаю себя вправе действовать своими методами и делиться результатами в свое время – когда работа сделана, и никак не раньше.

– Ваше присутствие – для нас большая честь, и мы будем рады сообщить вам все, что знаем, – сердечно заверил его Уайт-Мейсон. – Вы тоже пожалуйте с нами, доктор Ватсон, придет срок, и мы все надеемся попасть в вашу книгу.

Мы прошли между аккуратно подстриженными вязами по живописной деревенской улице, в конце которой высились два старых, замшелых каменных столба, поддерживавших нечто бесформенное и серое, некогда бывшее геральдическим львом Берлстоунских Капусов. Дальше надо было идти по извилистой подъездной аллее, так густо засаженной дубами, как бывает только в английской сельской местности, потом аллея резко сворачивала и открывался вид на низкий длинный кирпичный дом времен Якова I; справа и слева, как заведено исстари, фасад завершался тисовыми купами. Мы подошли к деревянному подъемному мосту через широкий ров, под холодным зимним солнцем неподвижная вода в нем блестела, точно ртуть.

Три столетия пролетели над Мэнор-хаусом Берлстоуна, три столетия рождений и возвращений в отчий дом, деревенских праздников и охотничьих сборов. И вот теперь на эти благородные древние стены

упала тень черного злодейства! Хотя где же и скрываться страшным тайнам, как не под старой островерхой крышей с нависающими карнизами? Глядя на углубленные окна, на длинный темный отражающийся в воде фасад, я подумал, что более подходящей декорации для свершившейся здесь трагедии и представить себе невозможно.

— Вон то окно, — указал Уайт-Мейсон, — первое справа от подъемного моста. Оно оставлено открытым, как было обнаружено ночью.

— Слишком узкое, пожалуй, в него человеку не пролезть.

— Значит, человек был не толстый. Это и без вашей дедукции понятно, мистер Холмс. Однако вы или я смогли бы протиснуться.

Холмс подошел к самой воде и посмотрел через ров. Потом обследовал каменный уступ, на котором мы стояли, и газон, начинавшийся там, где кончался камень.

— Я уже все обшарил, мистер Холмс, — сказал ему Уайт-Мейсон. — Тут нет никаких следов. Да и зачем бы ему оставлять следы?

— Совершенно верно. Незачем. Вода всегда такая мутная?

— Обычно она такая же, как сейчас. Течение приносит глину.

— А глубина тут большая?

— У берегов примерно фута два, а в середине три.

— Значит, мысль, что человек, переходя через ров, утонул, можно отбросить?

— Конечно, тут и ребенок не утонет.

Мы перешли мост. Открыл нам странного вида скрюченный сухонький старичок — дворецкий Эймс. Он был бледен и весь дрожал. В комнате, где произошло убийство, все еще дежурил местный полицейский сержант, долговязый, печальный и исполнительный. Врач уже ушел.

— Есть какие-нибудь новости, сержант? — спросил Уайт-Мейсон.

— Нет, сэр.

— Тогда можете идти. Довольно с вас. Мы пошлем за вами, если понадобится. Дворецкий пусть ждет за дверью. Велите ему предупредить мистера Сесила Баркера, миссис Дуглас и экономку, что вскорости нам могут понадобиться их показания. А теперь, джентльмены, позвольте мне поделиться с вами мнением, которое сложилось у меня, а потом вы сможете составить свое.

Мне он внушал уважение, этот деревенский специалист. У него был приметливый цепкий глаз и здравый ум. Чувствовалось, что он далеко пойдет в своей профессии. Холмс выслушал его внимательно, не выказывая никаких признаков досады и нетерпения, которые обычно у него вызывали доклады официальных лиц.

— Что это, убийство или самоубийство, вот первый вопрос, встающий перед нами, не правда ли, джентльмены? Если предположить самоубийство, тогда мы должны допустить, что самоубийца начал с того, что снял обручальное кольцо и где-то его запрятал; затем спустился из спальни в халате, натоптал грязными подошвами в этом углу, чтобы казалось, будто кто-то ждал его за портьерой, раскрыл окно, измазал подоконник кровью...

— Подобное предположение можно, безусловно, отбросить, — сказал Макдоналд.

— Я тоже так полагаю. Самоубийство исключается. В таком случае здесь совершено убийство. Требуется установить, кем совершено: посторонним человеком, пробравшимся в дом, или кем-то из домочадцев?

— Давайте послушаем ваше мнение.

— Обе версии содержат много неувязок, но либо та, либо эта справедлива. Предположим, преступление совершено одним или несколькими из домашних. Убийца спрятался в этой комнате, когда в доме стояла тишина, но никто еще не спал. Затем был произведен выстрел из необычного и очень громкого оружия как бы специально для того, чтобы оповестить всех в доме. О существовании в доме этого оружия никто прежде не знал. Маловероятное начало, вам не кажется?

— Да, пожалуй.

— Далее. Все показания сходятся на том, что от начала тревоги до того момента, когда все, кто был в доме, — не только мистер Сесил Баркер, утверждающий, что прибежал первым, но и Эймс, и остальные, — оказались на месте преступления, прошло не больше минуты. Не станете же вы утверждать, что за это время преступник успел оставить грязные следы в углу, открыть окно, измазать кровью подоконник, снять кольцо с пальца убитого и так далее? Это невозможно!

— Вы рассуждаете очень логично, — сказал Холмс. — Я склонен с вами согласиться.

— В таком случае мы снова возвращаемся к версии, согласно которой это работа кого-то, кто проник в дом извне. По-прежнему остается много неувязок; но они не кажутся неразрешимыми. Некто пробрался в дом между половиной пятого и шестью, то есть после того, как начало смеркаться, и до подъема моста. В доме были гости, дверь оставалась незапертой, и ничто не могло помешать ему войти. Это мог быть обыкновенный вор, а мог быть человек, сводивший личные счеты с мистером Дугласом. А поскольку мистер Дуглас долго жил в Америке и оружие убийства, по-видимому, американское, последнее предположение представляется наиболее правдоподобным. Злоумышленник проскользнул в эту комнату, потому что она ближе всего к двери, и спрятался за портьерой. И простоял там до половины двенадцатого, пока в комнату не вошел мистер Дуглас. Разговор между ними если и произошел, то очень краткий; миссис Дуглас утверждает, выстрел раздался через считаные минуты после того, как муж вышел из спальни.

— Об этом же свидетельствует и свеча, — заметил Холмс.

— Совершенно верно. Новая свеча обгорела не более чем на полдюйма. Вероятно, он поставил ее на стол до того, как в него выстрелили; иначе она бы упала на пол, когда упал он. Значит, на него напали не сразу. Когда прибежал мистер Баркер, свеча на столе горела, а лампа нет.

— Да, тут все ясно.

— Попробуем воспроизвести всю картину согласно этой версии. Мистер Дуглас входит в комнату. Ставит свечу на стол. Из-за портьеры выходит человек. В руках у него обрез. Бог весть зачем он требует у мистера Дугласа кольцо, и тот отдает его. После чего, то ли хладнокровно, то ли в последовавшей драке, Дуглас хватает валявшийся на коврике молоток и неизвестный убивает его выстрелом в лицо. Затем, бросив дробовик и эту странную карточку — Д. В. 341, — он вылезает в окно и переби-

рается вброд через ров в ту самую минуту, когда Сесил Баркер обнаруживает убитого. Как вам это, мистер Холмс?

– Очень интересно. Но не слишком убедительно.

– Господи! Это совершенно невероятно, но ведь и другие версии, какую ни возьми, еще невероятнее, – горячо возразил Макдоналд. – Убит человек, и кто бы ни был убийца, я легко могу доказать, что он действовал нелепо и необдуманно. Почему он не приготовил себе путь к отступлению? Зачем использовал дробовик, ведь ему было важно, чтобы никто ничего не услышал? Теперь, мистер Холмс, дело за вами. Подскажите что-нибудь, раз вы считаете версию мистера Уайт-Мейсона неубедительной.

– Чтобы предложить свою версию, мистер Мак, – начал Холмс, опускаясь на колени возле убитого, – мне потребуются кое-какие дополнительные данные. Бог мой, как же изуродовано его лицо. Пригласите сюда̀, пожалуйста, дворецкого... Эймс, вам, как я понял, хорошо знакомо это чрезвычайно странное клеймо – треугольник в круге – на руке у мистера Дугласа?

– Да, сэр.

– Вы никогда не слышали, чтобы он что-то о нем рассказывал?

– Никогда, сэр.

– Должно быть, было очень больно, когда его ставили. Это ведь ожог. И посмотрите-ка сюда, Эймс, на пальце налеплен кусочек пластыря. Вы видели его днем, когда мистер Дуглас был жив?

– Да, сэр. Он порезался утром во время бритья.

– А прежде такое случалось?

– Исключительно редко, сэр.

– Любопытно, – покачал головой Холмс. – Это может быть простым совпадением, но может и служить признаком нервозности человека, узнавшего, что ему угрожает опасность. Эймс, ничего необычного вы в его поведении вчера не заметили?

– Я обратил внимание, что он был слегка возбужден, сэр.

– Ага! В таком случае, вполне вероятно, нападение было не совсем неожиданным. Это уже кое-что, не правда ли? Мистер Мак, не хотите ли сами снимать показания?

– Нет, мистер Холмс. Предпочту передоверить это вам.

– Ну что ж. Перейдем к карточке "Д. В. 341". Это кусок шершавого картона. Есть в доме такой картон, Эймс?

– Насколько мне известно, нет, сэр.

Холмс подошел к столу и провел на промокательной бумаге черточки чернилами из каждой чернильницы.

– Писалось не здесь, – заключил он. – Писали черными чернилами, а в чернильницах фиолетовые. И перья здесь тонкие, а надпись сделана толстым пером и, судя по всему, заранее. Можете вы что-нибудь сказать о ней, Эймс?

– Нет, сэр.

– А вы, мистер Мак?

– Какое-то тайное общество...

– И у меня возникла та же мысль, – сказал Уайт-Мейсон.

– Что ж, примем это как рабочую гипотезу и посмотрим, продвинемся ли мы в своем расследовании. Итак, посланец некоего тайного

общества пробирается в дом, выжидает, пока появится мистер Дуглас, чуть ли не сносит ему голову выстрелом из дробовика и уходит вброд через ров, оставив подле тела карточку, которая, когда о ней напишут газеты, даст знать остальным членам общества, что месть свершилась. Все логично. Но почему он выбрал такое шумное оружие?

— Вот именно.

— И зачем снял кольцо?

— Да, да.

— И почему до сих пор никого не задержали? Сейчас уже третий час пополудни, и можно не сомневаться, что каждый полицейский на сорок миль в округе во все глаза высматривает неизвестного в мокрой одежде.

— Ваша правда, мистер Холмс.

— Если только он не затаился где-нибудь поблизости или не приготовил себе под камнем сухую одежду. И, однако же, до сих пор не задержали! — Холмс подошел к окну и стал рассматривать в лупу кровавое пятно на подоконнике. — Это несомненно отпечаток подошвы. Притом весьма широкой; здоровенная лапа, как говорится. Странно, потому что, насколько можно судить по грязному следу в углу, там отпечаталась нога более узкая. Впрочем, тот след очень нечеткий. А что это лежит под столиком?

— Гантели мистера Дугласа, — пояснил Эймс.

— Не гантели, а гантель. Здесь только одна. А куда подевалась другая?

— Не знаю, мистер Холмс. Возможно, она и была одна. Они мне уже давно на глаза не попадались.

— Одна гантель... — задумчиво повторил Холмс.

В эту минуту громко постучали. В приоткрывшуюся дверь заглянул высокий загорелый мужчина с умным бритым лицом. Я без труда догадался, что это и есть Сесил Баркер, о котором уже был наслышан.

— Простите, что прерываю ваши консультации, — проговорил он, — но хочу сообщить вам последнюю новость.

— Задержали?

— К сожалению, нет. Но нашли велосипед. Убийца оставил его здесь. Пойдемте, я вам покажу. Всего в сотне шагов от входной двери.

На подъездной аллее мы увидели группу из трех или четырех конюхов и нескольких зевак. Они разглядывали велосипед, который вытащили из вечнозеленой изгороди, где он был запрятан. Велосипед марки "Радж-Уитфорд", далеко не новый и сильно заляпанный грязью; как видно, на нем приехали издалека. Сзади под седлом висела сумка, в ней оказался гаечный ключ и масленка, но ничего, что указывало бы на владельца.

— Было бы больше пользы, если бы велосипед был зарегистрирован и имел номера, — сказал инспектор. — Но спасибо и за то, что есть. Если мы не можем сказать, куда делся убийца, по крайней мере скоро выясним, откуда он приехал. Но, ради всего святого, с какой стати он оставил велосипед? На чем же он уехал? В этом загадочном деле никакого проблеска, мистер Холмс.

— Да? — задумчиво произнес мой друг. — Ну, не знаю.

– Вы все осмотрели в кабинете? – спросил Уайт-Мейсон, когда мы вышли в холл.

– Как будто бы все, – ответил инспектор, а Холмс молча кивнул.

– Тогда, может быть, вы хотите услышать показания кое-кого из домашних? Эймс, мы расположимся в столовой. Первым зайдите вы и расскажите все, что вам известно.

Рассказ дворецкого был простым и ясным и оставил впечатление неподдельной искренности. Он поступил сюда пять лет назад, как только Дуглас перебрался в Берлстоун. Эймс считал, что его хозяин – богатый джентльмен, составивший состояние в Америке – был, может, не так вежлив с прислугой, как прежние хозяева, но нельзя же требовать от жизни всего. Чтобы мистер Дуглас чего-то опасался, он никогда не замечал; наоборот, он не встречал в жизни человека бесстрашнее. Подымать на ночь мост хозяин распорядился просто потому, что так было заведено в этом доме раньше, а он старался поддерживать старинные обычаи.

Мистер Дуглас редко бывал в Лондоне и вообще почти не покидал Берлстоуна; но накануне того дня, когда совершилось преступление, он ездил что-то покупать в Танбридж-Уэллс. И Эймс потом обратил внимание, что он был чем-то взволнован, выказывал признаки беспокойства и раздражения, обычно ему несвойственные. Вчера вечером, когда раздался громкий звон колокольчика, Эймс находился в буфетной, расположенной в задней части дома, убирал там столовое серебро. Выстрела он не слышал, что, впрочем, естественно, так как буфетная и кухня отделены от остальной части дома длинным коридором с плотно закрывающимися дверьми. Экономка тоже услышала звон, вышла из своей комнаты, и они вместе поспешили в кабинет хозяина.

В холле Эймс увидел миссис Дуглас, спускающуюся по лестнице. Нет, она не спешила, и вид у нее был не встревоженный. Когда она сошла с последней ступени, из кабинета выбежал мистер Баркер. Он остановил миссис Дуглас и стал уговаривать ее вернуться в спальню.

– Ради всего святого, поднимитесь обратно к себе! – умолял он. – Бедный Джек убит! Вы ничем не можете помочь. Вернитесь к себе, ради бога!

В конце концов мистер Баркер ее уговорил, и она ушла наверх. Хозяйка не плакала и даже не вскрикнула. Миссис Аллен, экономка, пошла с ней и осталась с хозяйкой в спальне. Эймс с мистером Баркером вошли в кабинет, там все было точно в том виде, как сейчас. Свеча в подсвечнике была погашена. Лампа горела. Они выглянули в окно, но стояла темная ночь, и ничего не было ни видно, ни слышно. Тогда они выбежали в холл, где Эймс повернул лебедку, опускающую мост. И мистер Баркер побежал в полицию.

Таков был в общем и целом рассказ дворецкого.

Показания миссис Аллен, экономки, подтверждали рассказ Эймса. Ее комната расположена ближе к господской части дома, чем буфетная, где находился мистер Эймс. Миссис Аллен уже собралась ложиться, ког-

да раздался громкий звон колокольчика. Вообще-то она немного тугова-та на ухо. Наверно, потому и не слышала выстрела. Впрочем, до кабине-та от нее далеко. Она помнит, что был какой-то шум, вроде бы звук за-хлопнувшейся двери. Но это было гораздо раньше. Когда мистер Эймс бросился в холл, она последовала за ним и увидела мистера Баркера, вы-ходящего из кабинета. На нем лица не было. Он остановил миссис Ду-глас, которая спускалась по лестнице, и умолял ее вернуться в спальню, она ему что-то отвечала, но что, было не слышно.

— Уведите ее наверх! Побудьте с нею! — велел он миссис Аллен.

Ну, она и поднялась с ней в спальню и попыталась как-то утешить. Хозяйка была сильно взбудоражена, вся дрожала. Но спуститься больше не пыталась, сидела в халате у камина, спрятав лицо в ладони. Миссис Аллен пробыла у нее почти всю ночь. Что же до остальных слуг, то они все давно спали и узнали о случившемся только перед появлением поли-ции. Комнаты слуг расположены в противоположном конце здания, так что они, естественно, ничего не слышали.

При перекрестном допросе экономка ничего, кроме возгласов печа-ли и удивления, добавить не смогла.

После миссис Аллен настал черед Сесила Баркера. По поводу собы-тий минувшей ночи он мало что мог добавить к тому, что уже показал полицейским. Лично он был совершенно убежден, что убийца скрылся через окно. Об этом, по его мнению, неопровержимо свидетельствова-ло пятно крови на подоконнике. Да и не было у него другого пути, по-скольку мост был поднят. Куда делся убийца и почему бросил велосипед, он сказать затруднялся. А может быть, это и не его был велосипед. Уто-нуть во рве невозможно, глубина воды в нем нигде не превышает трех футов.

У него уже сложилась определенная теория касательно убийства. Покойник был не из болтливых, в его жизни были периоды, о которых он никогда не распространялся. Совсем еще юношей он эмигрировал в Америку. Там разбогател. Баркер познакомился с ним в Калифорнии, где они стали компаньонами — владельцами одного прииска, носивше-го название Бенито-Каньон. Дела шли превосходно; но неожиданно Ду-глас продал свою долю и уехал в Англию. В то время он уже был вдов-цом. Позднее Баркер тоже обратил в деньги свое имущество и перебрался на жительство в Лондон. Так они возобновили дружбу.

Дуглас всегда производил на него впечатление человека, над кото-рым нависла некая угроза, его внезапный отъезд из Калифорнии и жизнь в Англии, в таком тихом месте, подтверждали это. Возможно, тайная организация, приговорившая его к смерти, наконец напала на его след. Случайно оброненные Дугласом слова навели его на такое предположение, хотя о чем именно идет речь, что это за организация и за что она его преследует, он не знал. Баркер предполагал, что надпись на карточке имеет какое-то отношение к тайному обществу.

— Сколько лет вы знали Дугласа в Калифорнии? — спросил инспек-тор Макдоналд.

— Всего пять лет.

— Вы говорите, он был тогда холост?

— Он вдовел.

— Вам не известно, откуда была родом его первая жена?

— Слышал, будто бы из Германии. Я видел ее портрет. Удивительно красивая женщина. Умерла от тифа за год до нашего знакомства.

— А до Калифорнии в какой части Америки он жил, вы не знаете?

— Он говорил о Чикаго. Этот город был ему хорошо знаком, он там работал. Упоминал угледобывающие и железорудные районы. Ему довелось немало поездить по стране.

— Политикой он не интересовался? Не была ли та тайная организация политической?

— Нет, политика его нисколько не занимала.

— А с преступной организацией, на ваш взгляд, он мог быть связан?

— Ни в коем случае. Дуглас был честнейшим человеком.

— Не замечали ли вы каких-либо странностей в его образе жизни в Калифорнии?

— Больше всего ему нравилось уединение и работа на нашем участке. Если была возможность, он старался избегать многолюдья. Это и натолкнуло меня на мысль, что его кто-то преследует. А когда он вдруг ни с того ни с сего внезапно уехал в Англию, я уже в этом не сомневался. По-видимому, он получил предостережение. В первую же неделю после его отъезда какие-то люди интересовались им.

— Что за люди?

— По виду довольно крутые парни. Человек шесть. Объявились неизвестно откуда и спрашивали, где такой-то. Я объяснил, что он уехал в Европу, а куда, не знаю. Сразу видно было, что они ищут его с недоброй целью.

— Это были американцы? Калифорнийцы?

— Что калифорнийцы, утверждать не берусь. Но американцы безусловно. Только не шахтеры. А кто такие, не знаю, я был рад, когда они убрались подобру-поздорову.

— Это было шесть лет назад?

— Скорее семь.

— А еще раньше вы пять лет были компаньонами в Калифорнии. Так что дело это, по меньшей мере, одиннадцатилетней давности?

— Да.

— Серьезная, выходит, вражда, раз такой накал сохранялся все эти годы. И серьезные, должно быть, были меж ними счеты, которые ее породили.

— Мне кажется, она отбрасывала тень на всю его жизнь. Он постоянно о ней помнил.

— Но разве человеку, которому угрожает опасность и который об этом знает, не естественно было бы искать защиты у полиции?

— Возможно, это была такая опасность, от которой не защитишься. Должен еще вам сообщить, что он всегда ходил вооруженный, носил с собой револьвер. Но минувшей ночью он, на беду, спустился в кабинет в халате, а револьвер оставил в спальне. Наверно, посчитал, раз мост поднят, можно ничего не опасаться.

— Я хотел бы еще уточнить даты, — сказал Макдоналд. — Дуглас уехал из Калифорнии шесть с лишним лет назад. Вы последовали его примеру год спустя, так?

— Так.

— И он был женат вторым браком пять лет. Значит, вы возвратились в Англию как раз ко времени его свадьбы.

— За месяц до нее. Я был у него шафером.

— А раньше вы знали миссис Дуглас?

— Нет, я не был в Англии десять лет.

— Но после свадьбы вы виделись часто.

Баркер бросил на инспектора сердитый взгляд.

— Я виделся с *Дугласом* весьма часто после свадьбы, — сказал он. — А если виделся и с нею, то невозможно общаться с человеком и не знаться при этом с его женой. Если вы воображаете, что есть какая-то связь...

— Я ничего не воображаю, мистер Баркер. Я обязан выяснить все, что может быть хоть как-то связано с расследуемыми обстоятельствами. Я не имел в виду ничего для вас оскорбительного.

— Выяснения бывают оскорбительны, — раздраженно заметил Баркер.

— Нам нужны только факты. В ваших же интересах и в интересах всех остальных, чтобы все было ясно. Мистер Дуглас вполне одобрял вашу дружбу с его женой?

Баркер побледнел и конвульсивно сцепил свои большие, мускулистые руки.

— Вы не вправе задавать подобные вопросы! Какое отношение это имеет к делу?

— Я должен повторить вопрос.

— Ну, а я отказываюсь отвечать.

— Это ваше право. Но, надеюсь, вы отдаете себе отчет в том, что ваш отказ сам по себе является ответом. Вы бы не стали отказываться, если вам нечего скрывать.

Минуту Баркер стоял, насупившись, сведя к переносице густые черные брови и напряженно думая. Потом, подняв голову, улыбнулся:

— Я понимаю, джентльмены, вы просто исполняете свой долг, и у меня нет права мешать вам в этом. Только попрошу вас не беспокоить миссис Дуглас; у нее и без того хватает огорчений. Могу сказать, что у покойного был всего один недостаток — он был ревнив. Он очень хорошо ко мне относился, невозможно лучше относиться к другу. И был предан жене. Ему хотелось, чтобы я сюда приезжал, он все время приглашал меня. И тем не менее, если мы с его женой увлекались каким-нибудь разговором или выказывали симпатию друг другу, его захлестывала волна ревности, он срывался и мог наговорить бог знает что. Из-за этого я несколько раз давал себе слово, что больше никогда к ним не приеду, но потом получал от него такое покаянное, умоляющее письмо, что не отозваться было невозможно. Однако поверьте, джентльмены, я и умирать буду — повторю: ни у кого на свете не было более любящей, верной жены. И не было друга надежнее, чем я!

Это было сказано горячо, с большим чувством, но инспектор Макдоналд все-таки спросил:

— Вам известно, что у покойного с пальца снято обручальное кольцо?

— Да, похоже на то, — сказал Баркер.

— Что значит "похоже на то"? Разве это не факт?

Баркер смущенно замялся.

— Говоря "похоже на то", я имел в виду, что он мог сам его снять.

— Все равно, то обстоятельство, что кольца нет, кем бы оно ни было снято, наводит на мысль, что его женитьба и теперешняя трагедия каким-то образом связаны между собой, вам так не кажется?

Баркер пожал широкими плечами.

— Не берусь объяснить, что означает исчезновение кольца, но если вы намекаете на то, что это бросает тень на честь дамы... — Глаза его на мгновенье сверкнули, но он сразу же заметным усилием воли взял себя в руки. — ...в таком случае вы на ложном пути.

— Кажется, у меня пока больше нет к вам вопросов, — холодно произнес Макдоналд.

— А мне хотелось бы получить одно небольшое уточнение, — вмешался Шерлок Холмс. — Когда вы вошли в комнату, там горела только одна свеча на столе, верно?

— Да.

— И при ее свете вы увидели, что случилось нечто ужасное?

— Именно так.

— Вы сразу же позвонили, призывая на помощь?

— Сразу же.

— И прибежали слуги?

— Минуты через две.

— И однако же, когда они вошли, оказалось, что свеча погашена, а горит лампа. Это удивительно.

Баркер какое-то время молчал в нерешительности.

— Не вижу тут ничего удивительного, мистер Холмс, — возразил он наконец. — Свеча давала очень мало света. Моей первой мыслью было, что нужно более яркое освещение. Лампа стояла на столе, и я ее зажег.

— А свечу задули?

— Совершенно верно.

Холмс ничего больше не стал спрашивать, и Баркер, переведя с него на меня многозначительный взгляд, в котором мне почудилось нечто вроде вызова, повернулся и вышел.

Несколько раньше инспектор Макдоналд отправил наверх записку, прося позволения у миссис Дуглас подняться к ней для снятия показаний, но получил ответ, что она будет разговаривать с нами в столовой. И вот теперь она вошла, высокая, красивая женщина лет тридцати, на удивление сдержанная, совсем не та рыдающая трагическая фигура, какой представлял ее себе я. Конечно, лицо было бледное и осунувшееся, что вполне естественно для того, кто перенес такой удар; но держалась она спокойно, и ее изящная рука, лежавшая на краю стола, была так же тверда, как моя. Миссис Дуглас обвела нас печальным, вопросительным, даже каким-то подозрительным взглядом. И вдруг коротко осведомилась:

— Вы выяснили что-нибудь?

Послышалось мне или в самом деле это было сказано скорее с опаской, чем с надеждой?

— Предприняты все необходимые шаги, миссис Дуглас, — ответил инспектор. — Не сомневайтесь, мы ничего не упустим.

— Не жалейте денег, — произнесла она ровным, невыразительным тоном. — Я хочу, чтобы было сделано все возможное.

— Вы могли бы сообщить нам что-нибудь, что бросит добавочный свет на это происшествие?

— Боюсь, что нет. Но все, что мне известно, — к вашим услугам.

— Мы слышали от мистера Сесила Баркера, что вы не видели... что вы так и не были в комнате, где произошла трагедия?

— Да. Он встретил меня на лестнице и отправил обратно. Умолял, чтобы я поднялась наверх и вернулась в свою комнату.

— Понятно. Вы услышали выстрел и сразу же пошли вниз.

— Я задержалась, чтобы надеть халат, и стала спускаться.

— Сколько времени прошло между тем, как вы услышали выстрел, и тем, как были остановлены на лестнице мистером Баркером?

— Думаю, минуты две-три. В такие мгновенья трудно отдавать себе отчет о времени. Он заклинал меня не идти дальше. Уверял, что я ничего не могу сделать. И миссис Аллен, экономка, отвела меня обратно наверх. Все это походило на страшный сон.

— Не могли бы вы нам сказать хотя бы приблизительно, как долго ваш муж пробыл внизу, до того как вы услышали выстрел?

— Нет. Он был в своей гардеробной, и я не слышала, когда он вышел. Он каждый вечер перед тем, как ложиться, обходил дом — опасался пожара. Насколько мне известно, это единственное, чего он в жизни боялся.

— Тут я хотел бы кое-что уточнить, миссис Дуглас. Вы познакомились с вашим мужем в Англии, не правда ли?

— Да. Мы поженились пять лет назад.

— Вам не приходилось слышать от него о каких-то событиях в Америке, которые могли навлечь на него опасность?

Миссис Дуглас ответила не сразу. Она задумалась, а потом сказала:

— Да. Я все время чувствовала, что над ним нависла какая-то угроза. Он не хотел со мной об этом говорить. Не из-за недостатка доверия, между нами были полное доверие и любовь, а потому, что оберегал меня от тревог. Он думал, что у меня будет тяжело на душе, если я буду все знать. Поэтому хранил молчание.

— Откуда же вы это знаете?

На миг лицо миссис Дуглас осветила улыбка.

— Неужели муж может носить в душе секрет, о котором не заподозрит любящая жена? Я знаю, потому что он отказывался рассказывать о некоторых событиях своей американской жизни. По нескольким словам, которыми он обмолвился. По тому, как он приглядывался к незнакомым людям. Я понимала, что у него есть могущественные враги, что ему кажется, будто они преследуют его, что он постоянно настороже. Это было совершенно ясно, и я годами трепетала от страха, стоило ему задержаться вне дома дольше обещанного.

— Можно поинтересоваться, — задал вопрос Холмс, — что это были за слова, которыми он обмолвился и которые вызвали ваши опасения?

— Долина Страха, — ответила хозяйка дома. — Он их произнес, когда я стала донимать его расспросами. "Я был в Долине Страха. И до сих пор из нее не выбрался". "Неужели нам никогда не выбраться из Долины Страха?" — спросила я его однажды, когда он был особенно мрачен. И он ответил: "Порой мне кажется, что никогда".

— Не могли же вы не поинтересоваться, что это за Долина Страха, о которой он упомянул?

— Я спрашивала, но он мрачнел и качал головой. "Довольно того, что один из нас находится в ее тени, — говорил он. — Дай бог, чтобы эта тень никогда не пала на тебя". Это какая-то реальная долина, в которой он жил, и там с ним случилось что-то ужасное, в этом я не сомневаюсь. Но больше я ничего не знаю.

— А имен он никаких не называл?

— Называл одно, в бреду, когда поранился на охоте и у него был сильный жар. Это было три года назад. Тогда он часто повторял одно имя: Макгинти. Босс Макгинти. Он произносил его с ненавистью и даже с каким-то ужасом. Потом, когда он выздоровел, я у него спросила, кто это босс Макгинти и над кем он босс. А он ответил: "Слава богу, не надо мной", — и усмехнулся. Больше я ничего не смогла из него вытянуть. Но есть какая-то связь между этим боссом Макгинти и Долиной Страха.

— Теперь вот еще что, — сказал инспектор Макдоналд. — Вы с мистером Дугласом познакомились в Лондоне, в пансионе, и там обручились, так? В вашем браке не было ничего таинственного, романтического?

— Было романтическое, как же не быть. Но таинственного ничего.

— У мистера Дугласа не было соперника?

— Нет. Я была совершенно свободна.

— Вы, конечно, слышали, что с его пальца исчезло обручальное кольцо. Вам это ни о чем не говорит? Если допустить, что некий враг из прежней жизни выследил его, добрался сюда и совершил это преступление, зачем ему могло понадобиться обручальное кольцо?

На мгновение мне определенно показалось, что на губах миссис Дуглас мелькнуло подобие улыбки.

— Не представляю себе, — ответила она. — Меня это чрезвычайно удивляет.

— Ну хорошо, не смею вас больше задерживать. Приносим извинения, что потревожили вас в такое время, — сказал инспектор. — В дальнейшем, разумеется, могут возникнуть еще вопросы; но мы, думаю, сможем задавать их вам по ходу дела.

Миссис Дуглас поднялась, и я опять перехватил брошенный на нас быстрый, испытующий взгляд. "Какое впечатление я на вас произвела?" — как бы спрашивала наша собеседница. Затем она поклонилась и вышла.

— Красивая женщина, очень красивая, — озабоченно проговорил Макдоналд, когда за ней затворились двери. — Этот Баркер дневал и ночевал у них в доме. Такой видный мужчина может оказаться привлекательным в глазах женщины. Он сам признался, что Дуглас ревновал к нему жену, а беспричинно или нет, мужу виднее. И эта история с кольцом. Тоже не отмахнешься. Человек, способный снять обручальное кольцо с руки мертвеца... Что вы на это скажете, мистер Холмс?

Мой друг сидел, подперев щеки ладонями, погруженный в глубокую задумчивость. Потом встал, подошел к стене и дернул сонетку.

— Эймс, — обратился он к вошедшему дворецкому, — где сейчас мистер Сесил Баркер?

— Пойду узнаю, сэр.

Минуту спустя он вернулся и доложил, что мистер Баркер находится в саду.

— Вы не помните, Эймс, во что мистер Баркер был обут ночью, когда вы явились на его звонок?

— Помню, сэр. Он был в домашних туфлях. Я принес ему сверху сапоги, чтобы он мог сходить в полицию.

— А где сейчас его домашние туфли?

— Остались в холле под креслом.

— Благодарю вас, Эймс. Нам, как вы понимаете, необходимо разобраться, где следы мистера Баркера, а где человека, пробравшегося в дом.

— Конечно, сэр. Могу сказать, что подошвы туфель мистера Баркера, я заметил, были измазаны кровью. Да и мои тоже.

— Вполне естественно, учитывая, что тогда было в кабинете. Хорошо, Эймс, мы позвоним, если вы нам еще понадобитесь.

Мы вернулись в кабинет. По пути Холмс захватил из холла стоявшую там пару мягких домашних туфель. Как справедливо отметил Эймс, подошвы были черны от крови.

— Странно, — пробормотал Холмс, поднеся их к окну и пристально разглядывая. — В высшей степени странно.

Быстрым кошачьим движением наклонился и поставил туфлю на кровавый отпечаток на подоконнике. След и подошва полностью совпали. Холмс, ничего не говоря, с торжествующей улыбкой оглянулся на коллег.

Инспектор пришел в страшное возбуждение. И заговорил, торопясь и волнуясь, отчего его шотландский выговор сразу стал заметнее, жесткий и резкий, как удар палкой по штакетнику:

— Да тут и сомнений быть не может! Это нога Баркера. Видите, какой широкий след? Шлепанцы ведь просторнее, сапоги гораздо уже. Помните, вы еще сказали "лапа"? Теперь понятно, откуда такая лапа. Но что сие означает, мистер Холмс?

— М-да, что это означает? — в задумчивости повторил мой друг.

Уайт-Мейсон, посмеиваясь и потирая руки от наплыва профессиональной гордости, сказал:

— Говорил я вам, что дело это необычайное? Вот видите!

Глава 6
Первые проблески

Трое сыщиков остались в Мэнор-хаусе уточнять всякие мелкие детали, а я отправился к нашему скромному пристанищу в деревенской гостинице. Я шел через живописный старинный парк, среди вековых тисов, которым стрижкой были приданы разнообразные фантастические формы. Просторная лужайка с солнечными часами посредине была окружена живой изгородью — мирная, покойная картина, такая благодатная для раздраженных нервов.

Только здесь, в тишине, можно было на какое-то время забыть о полутемной комнате с распростертым на полу окровавленным мертвым телом. Но когда я обходил лужайку, стараясь впитать душой умиротворяющие веяния природы, случилось странное происшествие, вернувшее мои мысли к трагедии Мэнор-хауса и оставившее камень у меня на сердце.

Как я упомянул, в парке росли причудливые тисы, чем дальше от дома, тем гуще, постепенно превращавшиеся в плотную живую изгородь, за которой, скрытая от глаз со стороны дома, стояла каменная скамья. Идя вдоль живой изгороди, я услышал голоса, сначала низкий мужской голос, потом в ответ прозвучал легкий женский смешок. Еще несколько шагов, изгородь кончилась, и я увидел скамью, а на ней — миссис Дуглас и Баркера, увидел раньше, чем они заметили мое присутствие. Ее вид меня потряс. В столовой, разговаривая с нами, она казалась сдержанной и скромной. Теперь же она сбросила маску скорби, глаза сияли радостью жизни, губы улыбались какой-то шутке собеседника. А он сидел, уперев локти в колени и соединив ладони на уровне красивого, мужественного лица, и улыбался ей в ответ. В следующую секунду — но с опозданием как раз на эту секунду — они заметили меня и, снова приняв скорбный вид, быстро обменялись какими-то репликами. Баркер встал и пошел мне навстречу.

— Прошу прощения, сэр, я говорю с доктором Ватсоном?

Я поклонился, но холодно; полагаю, моя холодность ясно показала, какое они произвели на меня впечатление.

— Мы так и подумали, что это вы, ведь ваша дружба с мистером Шерлоком Холмсом всем известна. Не соблаговолите ли подойти к миссис Дуглас, она хочет вам что-то сказать.

Я с хмурым видом последовал за ним. Перед глазами еще стояла страшная картина — окровавленный труп на полу кабинета. И вот, прошло всего каких-то несколько часов после трагедии, а жена и лучший друг весело смеются, спрятавшись за кустами в саду, который прежде принадлежал убитому. Я сдержанно поклонился вдове. В столовой я всей душой разделял ее горе. А теперь встретил ее жалобный взгляд безо всякого сострадания.

— Боюсь, вы считаете меня бессердечной? — произнесла она.

Я пожал плечами.

— Помилуйте, это меня не касается.

— Может быть, со временем вы поймете... Если бы вы только знали...

— Доктору Ватсону нет нужды ничего знать, — вмешался Баркер. — Как он сам сейчас заметил, его это ни в коей мере не касается.

— Совершенно верно, — подтвердил я. — С вашего позволения, я хотел бы откланяться.

— Одну минутку, доктор Ватсон! — жалобным голосом позвала меня миссис Дуглас. — Есть один вопрос, ответ на который надежнее всего получить от вас. А для меня это может иметь большое значение. Вы лучше, чем кто-либо, знаете мистера Холмса и каковы его взаимоотношения с полицией. Если ему будет доверен некий секрет, обязан ли он непременно передать его полицейским детективам?

— Вот именно, — горячо подхватил Баркер. — Он сам себе господин или полностью заодно с ними?

— Не думаю, что я вправе обсуждать такие темы.

— Но я прошу... я умоляю вас, доктор Ватсон! Поверьте, вы очень поможете нам... мне... если разъясните истинное положение дел.

В голосе ее звучала такая искренность, что на минуту я забыл про то, что видел, и у меня осталось одно желание — выполнить ее просьбу.

— Мистер Холмс — независимый следователь, — ответил я. — Он сам себе хозяин и поступает так, как считает нужным. Однако, естественно, он имеет обязательства перед детективами, которые расследуют дело, и не станет скрывать от них ничего, что поможет привести преступника на скамью подсудимых. Больше мне нечего вам сказать, за прочими сведениями могу только адресовать вас к самому мистеру Холмсу.

С этими словами я приподнял шляпу и пошел дальше своей дорогой, а они остались сидеть на скамье за живой изгородью. Сворачивая из-за кустов на аллею, я обернулся и увидел, что они серьезно что-то обсуждают, а так как при этом они смотрели мне вслед, было ясно, что предметом обсуждения служил наш разговор.

— Зачем мне нужны их секреты? — отмахнулся Холмс, когда я рассказал ему об этой встрече. Он провел весь день в Мэнор-хаусе, совещаясь с коллегами, и вернулся в гостиницу только к пятичасовому чаю, зверски проголодавшийся. — Не желаю слышать никаких признаний, Ватсон, от них одни неудобства, если дойдет до ареста за убийство с заранее обдуманными намерениями.

— Вы полагаете, что идет к этому?

Он был в исключительно веселом, добродушном настроении.

— Мой дорогой Ватсон, дайте только доем четвертое яйцо, и я изложу вам положение дел на данный момент. Не хочу сказать, что мы разобрались во всем полностью, до этого еще далеко, но когда удастся найти вторую гантель...

— Гантель?!

— Господи, Ватсон, неужели вы до сих пор не поняли, что решающим обстоятельством во всем этом деле является недостающая гантель? Ну, ну, не огорчайтесь, ведь, между нами говоря, по-моему, ни инспектор Мак, ни местное светило криминалистики так еще и не осознали роль этой маленькой детали. Одна гантель, Ватсон! Представляете себе упражнения с одной гантелью? Какие из этого могут последовать неприятности: одностороннее развитие мускулатуры, опасность искривления позвоночника. Ужасно, Ватсон, просто кошмар какой-то!

Холмс жевал поджаренный хлебец и с озорным блеском в глазах поглядывал на меня, упиваясь моим недоумением. Когда он ест с таким аппетитом, это означает, что он уверен в успехе.

Наконец Холмс закурил трубку и, усевшись у камина, стал не спеша рассказывать; это был даже не связный продуманный рассказ, а просто отдельные мысли вслух, предназначенные не столько слушателю, сколько самому себе.

— Ложь, Ватсон, полнейшая, вопиющая, бессовестная ложь — вот с чем мы сталкиваемся прямо на пороге. С этого надо начать. Все, что рассказал нам Баркер, — ложь. Но его показания подтверждает миссис Дуглас. Стало быть, она тоже лжет. Оба лгут, и притом согласованно.

Встает вопрос: почему они лгут и какова правда, которую они скрывают? Давайте, Ватсон, попытаемся вместе восстановить истину.

Откуда я знаю, что они лгут? Да ведь это очевидно, нам предлагается выдумка, шитая белыми нитками. Судите сами. Согласно их показаниям, в распоряжении убийцы была минута от силы, чтобы снять с пальца жертвы обручальное кольцо, поверх которого Дуглас носил еще перстень, потом надеть перстень обратно — зачем? — да еще положить рядом какую-то странную карточку. Я утверждаю, что все это невыполнимо.

Вы, быть может, захотите возразить, — хотя едва ли, я слишком высокого мнения о вашем уме, — что кольцо могло быть снято до того, как совершилось убийство. Свеча, как мы видели, горела совсем недолго, и значит, разговор был краток. Но Дуглас, насколько можно судить по отзывам, далеко не такой человек, чтобы покорно расстаться со своим обручальным кольцом. Да и вообще, можно ли представить, чтобы он сам его отдал? Нет, нет, Ватсон, преступник довольно долго был наедине с убитым при свете зажженной лампы. На этот счет у меня нет ни малейших сомнений.

Однако смерть наступила от выстрела из дробовика. Следовательно, стреляли раньше, чем нам говорят. Но ошибиться тут невозможно. И стало быть, мы имеем дело с заведомым сговором между двумя людьми, слышавшими выстрел, то есть между мужчиной Баркером и женщиной Дуглас. А если вдобавок я смогу доказать, что кровавый отпечаток на подоконнике оставлен Баркером с целью навести на ложный след полицию, согласитесь, что против него оказываются довольно весомые инкриминирующие факты.

Теперь спросим себя, когда же на самом деле совершилось убийство? До половины одиннадцатого слуги оставались на господской половине, так что не раньше этого времени. Без четверти одиннадцать все ушли спать, за исключением Эймса, который находился в буфетной. Я после вашего ухода провел ряд экспериментов и убедился, что, как бы ни шумел в кабинете Макдоналд, мне за закрытой дверью буфетной ничего слышно не было.

Иное дело — комната экономки. Она находится недалеко от холла, и когда в кабинете громко крикнули, до меня донесся неясный голос. Звук выстрела становится глуше, если стреляют с близкого расстояния, как и было, без сомнения, в данном случае. Среди ночной тишины он должен был бы проникнуть в комнату миссис Аллен. Она, правда, по ее собственному признанию, глуховата, тем не менее она показала, что за полчаса до тревоги слышала звук, похожий на захлопнувшуюся дверь. За полчаса до тревоги — это и будет без четверти одиннадцать. Я совершенно убежден, что миссис Аллен слышала именно выстрел и это и есть истинное время убийства.

В таком случае нам надо установить, что делали Баркер и миссис Дуглас, при условии, что они не являются убийцами, в промежутке между десятью сорока пятью, когда спустились вниз на звук выстрела, и одиннадцатью пятнадцатью, когда позвонили и созвали слуг. Чем они были заняты и почему не позвонили сразу? Вот вопрос, стоящий перед нами; и, когда мы дадим на него ответ, мы, безусловно, сделаем значительный шаг вперед к разгадке этой истории.

— Я и сам не сомневаюсь, что между этими людьми имеется определенное взаимопонимание, — сказал я. — Какой же надо быть бессердечной женщиной, чтобы через каких-нибудь несколько часов после убийства мужа слушать шуточки и смеяться!

— Вот именно. Она не выглядит образцовой женой. Как вы знаете, Ватсон, я не особенный поклонник женского пола, но мой жизненный опыт говорит, что редкая женщина позволила бы словам другого мужчины встать между нею и мертвым телом мужа. И вздумай я когда-нибудь жениться, Ватсон, льщу себя надеждой, что сумел бы внушить моей жене довольно чувства, чтобы никакая экономка не увела бы ее прочь от моего распростертого за дверью трупа. Весь спектакль поставлен из рук вон плохо; самый тупой следователь не мог бы не обратить внимание на то, что в доме не слышно женского плача. Уже одного этого, на мой взгляд, довольно, чтобы заподозрить тайный сговор.

— Значит, вы полагаете, в убийстве повинны Баркер и миссис Дуглас?

— Какие невероятно прямолинейные вопросы вы задаете, Ватсон! — Холмс укоризненно покачал трубкой. — Они бьют навылет, как пули. Если бы вы спросили, считаю ли я, что миссис Дуглас и Баркер знают правду об убийстве и стараются ее скрыть, я бы без колебаний ответил: да. А вот насчет того, что вы предположили, у меня такой ясности нет. Давайте для начала рассмотрим трудности, с которыми мы сталкиваемся.

Предположим, что этих двоих людей связывает любовь и они надумали избавиться от того, кто стоит между ними. Предположение более чем смелое, так как осторожные расспросы слуг и знакомых этого отнюдь не подтверждают. Напротив, есть много свидетельств тому, что Дугласы были очень привязаны друг к другу.

— Этого не может быть, — возразил я: у меня перед глазами все еще стояло красивое смеющееся женское лицо.

— Ну, во всяком случае, они производили такое впечатление. Но допустим, что они чрезвычайно хитроумные любовники и сумели всех ввести в заблуждение, а сами решили убить мужа. Ему как раз угрожала какая-то опасность...

— Это мы знаем только с их слов.

Холмс задумался.

— Понимаю вас, Ватсон. Вы хотите построить теорию, по которой все, что они рассказывали, неправда. По вашей версии, не было ни скрытой угрозы, ни тайной организации, ни Долины Страха, ни босса Мак-как-его-там, вообще ничего. Что ж, неплохой обобщающий прием. Посмотрим, к чему он нас приведет. Они это все придумали для объяснения убийства. И, чтобы придать своему вымыслу правдоподобие, подбросили велосипед в парке в доказательство того, что в деле действительно замешан посторонний человек. Кровавое пятно на подоконнике свидетельствует о том же. И возле трупа — карточка с непонятной надписью, возможно изготовленная в доме. Все это согласуется с вашей гипотезой, Ватсон. Но дальше мы наталкиваемся на досадные упрямые подробности, которые никак не укладываются в эту картину. Зачем изо всех видов оружия — именно дробовик со спиленными стволами? Да еще американский? Как могли они быть уверены, что громкий выстрел

не привлечет кого-нибудь из домашних? Ведь чистая случайность, что миссис Аллен не вышла узнать, кто это хлопнул дверью. Зачем вашей преступной паре понадобилось все это, Ватсон?

— Признаюсь, ответа я не знаю.

— Или вот еще. Если женщина и ее любовник, сговорившись, убивают мужа, станут ли они афишировать свою вину, демонстративно снимая с руки убитого обручальное кольцо? Вам это представляется правдоподобным, Ватсон?

— Нет.

— И еще. Если мысль о спрятанном в кустах велосипеде пришла в голову вам, значит, не имело смысла его там оставлять, любой самый тупоумный сыщик сообразит, что это сделано для отвода глаз.

— Вы совершенно правы, в этом не было смысла.

— Однако в любой последовательности событий должен быть какой-то смысл. Конечно, могут быть версии, высосанные из пальца, но разве свободный вымысел не рождает сплошь и рядом верное решение? Итак, предположим, что в жизни Дугласа была прискорбная, даже позорная тайна, из-за которой он и был убит неким мстителем, забравшимся в дом. По какой-то причине, какой именно, я, честно признаться, пока еще не понимаю, мститель забирает у своей жертвы обручальное кольцо. Может быть, он сводил с ним счеты, восходящие ко времени его первой женитьбы, и в связи с этим и взял кольцо.

Баркер и жена Дугласа прибегают в кабинет и застают там убийцу. Но ему удается их убедить, что любая попытка задержать его приведет к обнародованию неких отвратительных подробностей из жизни его жертвы. Они решают, что он прав, и позволяют ему уйти. С этой целью они, возможно, спустили, а потом снова подняли мост — ведь это делается совершенно бесшумно. Он уходит, но из каких-то соображений принимает решение пробираться дальше пешком, а не ехать на велосипеде. Свой велосипед он сам оставляет в кустах, чтобы его нашли не сразу, а только когда он сам будет уже далеко отсюда. До сих пор все в границах возможного, не так ли, Ватсон?

— Д-да, безусловно, — согласился я.

— Надо постоянно держать в уме, что происшествие в Мэнор-хаусе — а что именно там произошло, мы до сих пор не знаем — было из ряда вон выходящим. Продолжая строить нашу гипотезу, предположим далее, что Баркер и миссис Дуглас — пара, кстати, не обязательно преступная — после ухода убийцы спохватываются, что оказались в положении, когда им нелегко будет доказать собственную невиновность. И, чтобы обезопасить себя, принимают поспешные и довольно неудачные меры. Оставляют на подоконнике кровавый отпечаток туфли Баркера — в знак того, что преступник бежал этим путем. Они слышали выстрел; и они поднимают тревогу, но спустя полчаса после убийства.

— И каким же образом вы намерены все это доказать?

— Во-первых, если действительно убийцей был посторонний человек, а не кто-то из домашних, его можно будет выследить и арестовать. Это было бы самым убедительным доказательством. Ну, а если нет... что ж, возможности науки еще далеко не исчерпаны. Полагаю, вечер, проведенный в одиночестве на месте преступления, значительно приблизит меня к решению загадки.

— Вечер в одиночестве!

— Я намерен отправиться туда прямо сейчас. Я уже обо всем договорился с достопочтенным Эймсом, у которого, между прочим, есть сомнения относительно Баркера. Проведу вечер в кабинете, посмотрим, не подействует ли его атмосфера на мои умственные способности. Уверен, духи места сего принесут мне озарение. Вы улыбаетесь, друг Ватсон? Что ж, посмотрим. Кстати, у вас при себе ваш большой зонт?

— Да, он здесь.

— Я позаимствую его у вас, если можно.

— Разумеется. Но разве это оружие? Если существует опасность...

— Ничего серьезного, мой дорогой Ватсон, иначе я бы безусловно просил вас о помощи. Но зонт я захвачу. В данную минуту я только жду возвращения наших друзей из Танбридж-Уэллса, куда они отправились, чтобы узнать, кому принадлежал найденный велосипед.

Инспектор Макдоналд и Уайт-Мейсон приехали уже затемно, но зато торжествуя: им удалось значительно продвинуть расследование.

— Я, признаться, сомневался, что в деле участвовал посторонний человек, — взволнованно сказал Макдоналд. — Но теперь сомнений нет. Владелец велосипеда найден, и получен словесный портрет того, кого мы ищем! Это большой шаг вперед в нашем деле.

— Пожалуй, это уже начало конца, — подтвердил Холмс. — От души вас поздравляю.

— Я взял за точку отправления тот факт, что мистер Дуглас казался встревоженным с позавчерашнего дня, когда ездил в Танбридж-Уэллс. То есть он именно в Танбридж-Уэллсе узнал об угрожающей ему опасности. Ясно, что если какой-то человек приехал в Берлстоун на велосипеде, то приехал он из Танбридж-Уэллса. Мы прихватили с собой велосипед и принялись обходить все городские гостиницы. И управляющий гостиницы "Игл коммершиал" сразу же его признал. По его словам, велосипед принадлежит человеку по фамилии Харгрейв, который останавливался у них два дня назад. У него всех пожитков только и было что велосипед и небольшой саквояж. В регистрационной книге он записал, что прибыл из Лондона, но адреса не дал. Саквояж лондонского производства, и содержимое — английское, но сам этот человек явно американец.

— Ну-с, вижу, вы прекрасно поработали, пока я тут сидел с другом и строил теории! — радостно воскликнул Холмс. — Вот что значит быть человеком действия, мистер Мак.

— Да уж, что верно то верно, мистер Холмс, — самодовольно отозвался инспектор.

— Но ведь все это укладывается в ваши теории, — вмешался я.

— Посмотрим, посмотрим. Рассказывайте дальше, мистер Мак. Не удалось ли выяснить, кто такой этот Харгрейв?

— Сведений так мало, что сразу видно, он всячески старался остаться инкогнито. Никаких бумаг или писем, никаких меток на одежде. На столике в его номере лежала развернутая велосипедная карта графства. Он выехал на велосипеде вчера утром после завтрака, и с тех пор о нем ни слуху ни духу.

— Это меня и удивляет, мистер Холмс, — заметил Уайт-Мейсон. — Если бы этот субъект хотел избежать огласки, ему надо было спокойно вернуться в гостиницу и сидеть тихо, изображая безобидного туриста. Он же понимал, что управляющий сообщит о его исчезновении в полицию и там заподозрят неладное.

— Да, казалось бы. Впрочем, его действия до сих пор, по крайней мере, себя оправдывали, ведь он все еще не задержан. А его словесный портрет? Как он выглядел?

Макдоналд заглянул в записную книжку.

— В гостинице, похоже, к нему особенно не приглядывались. Однако швейцар, регистратор и горничная — все сходятся на том, что это мужчина лет пятидесяти, небольшого, пяти футов девяти дюймов или около того роста, волосы и усы с проседью, нос крючковатый, а выражение лица, по общему мнению, злобное и неприятное.

— Гм, если исключить выражение лица, в остальном получается очень похоже на самого Дугласа, — заметил Холмс. — Мужчина за пятьдесят, волосы и усы с проседью, и рост примерно такой же. Больше ничего?

— Был одет в плотный серый костюм и рыжее пальто, на голове мягкая кепка.

— А как насчет дробовика?

— Дробовик имеет меньше двух футов в длину. Приезжий вполне мог носить его в саквояже. Или даже за пазухой, под пальто.

— И какой свет, по вашему мнению, это проливает на убийство?

— Ну, знаете ли, мистер Холмс, — ответил Макдоналд. — Вот изловим его — в этом можете не сомневаться, я как получил словесный портрет, сразу же телеграфировал во всех направлениях, — тогда и разберемся. Хотя и сейчас мы уже продвинулись довольно далеко. Известно, что два дня назад в Танбридж-Уэллс прибыл американец, назвавшийся Харгрейвом и имевший при себе велосипед и саквояж. В саквояже, по-видимому, лежал обрез; а из этого следует, что он приехал с целью убийства. Вчера утром он на велосипеде отправился к месту преступления, спрятав обрез под пальто. По пути в Мэнор-хаус его никто не заметил, но он мог ехать не через деревню, а по шоссе. В парке он первым делом спрятал велосипед в кустах, где таковой и был впоследствии обнаружен, и возможно, что и сам там затаился и вел наблюдение за домом, выжидая, когда мистер Дуглас выйдет в парк. Обрез — малоподходящее оружие для помещения, вероятно, убийца намеревался стрелять не в доме, где обрез в этом случае дает ряд преимуществ: из него не промахнешься, а выстрелы в охотничьих угодьях Англии — вещь самая обычная, никто и ухом не поведет.

— Ясно как день, — кивнул Холмс.

— Но мистер Дуглас так и не появился. Что делать? Убийца оставил велосипед в кустах и в сгущающихся сумерках приблизился к дому. Мост оказался опущен, вокруг ни души. Он решает рискнуть и войти в дом, придумав подходящий предлог на случай, если попадется кому-нибудь на глаза. Но не попался. Нырнув в первую же дверь, он спрятался за портьерой и видел в окно, как подняли мост. Теперь у него оставался единственный путь к бегству — вброд через ров. Так он простоял до четверти двенадцатого, когда в комнату, это был кабинет, вошел мистер Дуглас.

Убийца застрелил его и бежал. Сообразив, что велосипед многие видели и по нему его легко выследить, он оставляет его в кустах и каким-то иным способом добирается до Лондона или другого места, где у него уже приготовлено укрытие. Ну, что вы на это скажете, мистер Холмс?

— Превосходно, мистер Мак. И вполне логично. Все вяжется с вашей версией. Однако я утверждаю, что преступление было совершено на полчаса раньше, чем показывают свидетели; миссис Дуглас и Баркер, по взаимному уговору, что-то скрывают; они помогли убийце скрыться, во всяком случае они вошли в кабинет, когда он еще находился там, и придали комнате такой вид, как будто он бежал через окно, между тем как в действительности они сами его выпустили, опустив мост. Вот так мне рисуется первая половина этого дела.

Оба полицейских покачали головами.

— Знаете ли, мистер Холмс, если правда такова, как вы говорите, то мы вместо одной загадки получили другую, — сказал инспектор.

— И притом более сложную, — добавил Уайт-Мейсон. — Миссис Дуглас никогда не была в Америке. Что же могло ее связывать с американским киллером?

— Вопросы, бесспорно, имеются, не отрицаю, — сказал Холмс. — Сегодня ночью я проведу эксперимент, и возможно мне удастся внести свой вклад в общее дело.

— Не можем ли мы быть вам полезны, мистер Холмс?

— Нет-нет! Темнота и зонт доктора Ватсона — больше мне ничего не нужно. И Эймс, верный Эймс, надеюсь, сделает для меня некоторые послабления. Признаюсь, я все время задаюсь одним и тем же вопросом: почему сильный, атлетически сложенный мужчина развивал свою мускулатуру с помощью такого противоестественного спортивного снаряда, как одна гантель?

Холмс возвратился со своего одинокого предприятия поздно вечером. Мы остановились в двухместном номере, лучшем в деревенской гостинице. К тому времени, когда он пришел, я уже спал и с трудом проснулся.

— Ну как, Холмс, — пробормотал я сквозь сон, — обнаружили что-нибудь?

Он молча стоял надо мною со свечой в руке. Затем его долговязая фигура нагнулась ко мне, и я услышал шепот:

— Ватсон, вы не боитесь спать в одной комнате с умалишенным, с человеком, у которого размягчение мозгов, с идиотом, который ничего не соображает?

— Нисколько, — ответил я, окончательно пробудившись.

— Ну и слава богу, — проговорил Холмс; и больше в ту ночь меж нами не было сказано ни слова.

Глава 7
Разгадка

На следующее утро после завтрака мы застали инспектора Макдоналда и Уайт-Мейсона в тесном кабинете местного полицейского сержанта.

Перед ними лежала груда писем и телеграмм, которые они сортировали. Три листка уже были отложены в сторону.

— Все выслеживаете неуловимого велосипедиста? — весело поинтересовался Холмс. — Каковы последние сведения?

Макдоналд сокрушенно указал на груду корреспонденции.

— Поступили сообщения, что его сегодня видели в Лестере, Ноттингеме, Саутгемптоне, Дерби, Ист-Хэме, Ричмонде и еще в четырнадцати разных местах. В трех из них — Ист-Хэме, Лестере и Ливерпуле — его даже задержали. Страна кишмя кишит беглецами в рыжих пальто.

— Ай-ай-ай, — сочувственно покачал головой Холмс. — А теперь, мистер Мак и мистер Уайт-Мейсон, я хочу дать вам совет. Соглашаясь присоединиться к вашему расследованию, я, если помните, оговорил себе право не делиться с вами недоказанными версиями и разрабатывать свои идеи самостоятельно, до тех пор пока не удостоверюсь, что они верны. С другой стороны, я обещал, что буду вести честную игру, и мне думается, что нечестно стоять и смотреть, как вы тратите время и энергию на бесполезное занятие. В силу всего вышесказанного я пришел сюда к вам с советом — прекратите расследование.

Макдоналд и Уайт-Мейсон, выпучив глаза, недоуменно смотрели на своего знаменитого коллегу.

— Вы полагаете, что дело безнадежно?! — воскликнул инспектор.

— Я полагаю, что вы ничего не выясните. Но вовсе не считаю, что выяснить правду вообще невозможно.

— Но как же велосипедист? Он не выдуман. Мы располагаем его описанием. Что нам помешает его арестовать?

— Да, да, конечно. Он где-то существует, и мы его рано или поздно найдем. Но я не хочу, чтобы вы понапрасну тратили силы в Ист-Хэме или Ливерпуле. Уверен, есть более прямой путь к разгадке тайны.

— Вы чего-то недоговариваете, мистер Холмс. Это нечестно, — обиженно сказал инспектор.

— Вы ведь знаете мои методы, мистер Мак. Но я вам все открою при первой же возможности. Мне осталось удостовериться в своей правоте, и я передам доказательства в полное ваше распоряжение. Я слишком вам обязан и не мог бы поступить иначе, ибо за все годы работы не встречал дела интереснее.

— Это выше моего разумения, мистер Холмс. Мы виделись с вами вчера вечером, когда приехали из Танбридж-Уэллса, и вы тогда были в общем и целом согласны с нашими выводами. Что же такого произошло за ночь, от чего ваши взгляды полностью изменились?

— Что ж, могу ответить: минувшей ночью я провел несколько часов в Мэнор-хаусе.

— Ну и что там произошло?

— На этот вопрос я пока могу вам ответить лишь в самой общей форме. Кстати, я прочел краткий, но очень поучительный рассказ о старом "барском доме", приобретя его в местном табачном киоске за вполне умеренную цену в один пенс.

Холмс вынул из нагрудного кармана буклетик, украшенный скверной гравюрой с изображением Мэнор-хауса.

— Познакомиться с окружающей исторической атмосферой, мой дорогой мистер Мак, иногда весьма полезно для следователя. Не раз-

дражайтесь; уверяю вас, даже столь примитивный рассказ дает представление о том, что́ здесь было когда-то. Вот, к примеру. "Возведенный в пятый год царствования короля Якова I на месте еще гораздо более древнего строения Мэнор-хаус в Берлстоуне представляет собой один из прекрасно сохранившихся образчиков жилой архитектуры первой половины XVII века..."

— Вы потешаетесь над нами, мистер Холмс!

— Вот так так, мистер Мак! Впервые наблюдаю вас в раздражении. Ну хорошо, не буду читать все подряд, раз это вас так сердит. Упомяну только, что в 1644 году дом был захвачен парламентским отрядом во главе с полковником, что во время Гражданской войны в нем несколько дней скрывался Карл и что позднее усадьбу посетил второй из Георгов, и, полагаю, вы согласитесь, что с этим старинным зданием связаны некоторые весьма интересные обстоятельства.

— Несомненно, мистер Холмс. Но к нашему делу это не имеет никакого отношения.

— Отнюдь. Широта взгляда, дорогой мистер Мак, является одним из важнейших требований нашей профессии. Ассоциации идей, использование посторонних, казалось бы, сведений иногда бывают крайне полезны. Вы извините эти речи, их говорит человек, который, являясь всего лишь криминалистом-любителем, однако же превосходит вас годами, а возможно, и опытом.

— Что я первый признаю! — горячо подхватил инспектор. — Вы подходите к сути дела, понимаю. Но уж очень кружным путем.

— Ну ладно, оставим историю и перейдем к фактам. Как я уже упоминал, минувшей ночью я побывал в Мэнор-хаусе. Ни с Баркером, ни с миссис Дуглас я там не виделся. Не было необходимости их тревожить. Но я рад был узнать, что хозяйка дома не чахнет с горя и пообедала с аппетитом. Визит я нанес не ей, а почтенному мистеру Эймсу. Мы обменялись любезностями, и я, с его согласия, не испрашивая более ничьего одобрения, провел некоторое время один в кабинете.

— Что? Подле трупа? — воскликнул я.

— Нет-нет, там уже все приведено в нормальный вид. Я ведь получил ваше разрешение, мистер Мак. Комната в полном порядке, и я с большой пользой провел в ней четверть часа.

— Чем же вы там занимались?

— Чтобы не делать тайны из такого простого дела, отвечу: я **иска**л недостающую гантель. Я все время считал, что она имеет большое значение. И в конце концов я нашел ее.

— Где?

— Тут мы подходим к области недоказуемого. Еще минута — и обещаю, вы узнаете все, что известно мне.

— Что ж, мы вынуждены принять ваши условия, мистер Холмс, — отозвался инспектор. — Но когда вы заявляете, что следует прекратить расследование... Почему, скажите на милость, почему нам надо его прекращать?

— По той простой причине, мой дорогой, что вы не имеете ни малейшего представления о том, что́ именно расследуете.

— Мы расследуем убийство мистера Джона Дугласа, проживавшего в берлстоунском Мэнор-хаусе.

— Да, да, совершенно верно. Но не трудитесь искать неизвестного на велосипеде. Заверяю вас, он вам не поможет.

— А что же, по-вашему, надо делать?

— Отвечу, что вам следует делать, если вы согласитесь исполнить то, что я скажу.

— Должен признать, за всеми вашими странностями я всегда обнаруживал некий резон. Поэтому я согласен.

— А вы, мистер Уайт-Мейсон?

Деревенский детектив растерянно переводил взгляд с одного на другого.

— Ну, если инспектор находит подобную просьбу уместной, то и я не против, — ответил он наконец.

— Отлично! — сказал Холмс. — В таком случае предлагаю вам обоим прогуляться по свежему деревенскому воздуху. Говорят, вид на Уилд с вершины Берлстоунской гряды необыкновенно живописен. Пообедать можно будет в каком-нибудь придорожном заведении, хотя, не зная местности, не берусь порекомендовать вам, в каком именно. А вечером, усталые, но довольные...

— Шутить изволите! — воскликнул Макдоналд, вскакивая.

— Ладно, ладно, проведите день, как захотите, — сказал Холмс, миролюбиво похлопывая его по плечу. — Займитесь чем угодно, но вечером, перед тем как стемнеет, обязательно разыщите меня. Слышите, мистер Мак, — обязательно!

— Это уже меньше походит на бред сумасшедшего.

— Я дал вам отличный совет. Но настаивать не буду, лишь бы вы оказались на месте, когда будете мне нужны. А теперь, прежде чем мы расстанемся, я хочу, чтобы вы написали записку мистеру Баркеру.

— Что писать?

— Я продиктую, если угодно. Готовы? "Дорогой сэр! Мне пришло в голову, что долг велит нам осушить ров в надежде на то, что..."

— Это невозможно, — возразил инспектор. — Я выяснял...

— Но, но, прошу вас, дорогой сэр, делайте, что я говорю.

— Ладно. Диктуйте дальше.

— "...в надежде на то, что отыщется что-нибудь имеющее касательство к нашему расследованию. Я обо всем договорился, завтра с утра явятся рабочие и приступят к работе по отводу ручья..."

— Немыслимо!

— "...по отводу ручья. Я решил предупредить вас заблаговременно". Теперь подпишитесь, и пусть кто-нибудь доставит письмо адресату около четырех. Мы же в это время сойдемся снова здесь. А до той поры каждый может делать, что хочет, ибо, уверяю вас, расследование замерло в решающей точке.

Уже вечерело, когда мы снова собрались все вместе. Холмс был серьезен, я сгорал от любопытства, вид обоих детективов выражал недоверчивость и недовольство.

— Итак, джентльмены, — торжественно проговорил мой друг, — прошу вас теперь вместе со мной решить, обоснованны ли выводы, к которым я пришел. Вечер холодный, сколько продлится наша прогулка, сказать трудно; поэтому рекомендую всем одеться потеплее. Чрезвычайно

важно, чтобы мы были на месте до того, как окончательно стемнеет. Так что, с вашего разрешения, выходим немедленно.

Мы дошли вдоль наружной ограды парка до того места, где в ограде оказался пролом. Здесь мы по очереди пролезли в парк и в сгущающейся темноте побрели вслед за Холмсом. Он привел нас к кустам прямо напротив входной двери Мэнор-хауса и подъемного моста. Мост был опущен. Холмс присел на корточки за лавровым кустом; мы последовали его примеру.

— Ну, а теперь что? — ворчливым тоном спросил Макдоналд.

— Наберитесь терпения и постарайтесь не шуметь, — усмехнулся Холмс. — Ватсон утверждает, что я театральный режиссер реальной жизни. Во мне и вправду есть известная склонность к искусству и тяга к хорошо срежиссированным спектаклям. Согласитесь, мистер Мак, наша профессия была бы скучной и унылой, не прибегай мы иногда к театральным эффектам при демонстрации наших достижений. Скупо сформулированное обвинение, небрежный шлепок по плечу арестованного — какая обидно плоская развязка! И наоборот, молниеносный проблеск мысли, хитрая ловушка, торжество самых смелых гипотез — разве не в этом гордость и оправдание нашего дела? В данный момент вы охвачены дрожью предвкушения, восторгом охотника. А испытали бы вы этот восторг, будь я точен и прозаичен, как расписание поездов? Немного терпения, мистер Мак, и вам все станет ясно.

— Что ж, будем надеяться, что торжество, гордость, оправдание и все прочее явятся до того, как мы окоченеем от холода, — с комической покорностью произнес лондонский детектив-инспектор.

И все мы мысленно с ним согласились: караулить пришлось долго, и холод был нешуточный. Пелена ночи медленно затягивала фасад старого дома. Из рва тянуло холодной гнилью. У нас уже зуб на зуб не попадал. Над подъездом горел фонарь, в окне кабинета виднелась зажженная лампа. Все остальное было темно и недвижно.

— Сколько нам еще тут сидеть? — не выдержал наконец инспектор. — И вообще, чего мы ждем?

— Как долго это продлится, мне известно не лучше, чем вам, — не без раздражения отозвался Холмс. — Если бы преступники в своих действиях придерживались строгого расписания, это, несомненно, было бы удобнее. А чего мы ждем?.. Вот чего!

В эту минуту желтая лампа в кабинете вдруг померкла и тут же снова засияла, как если бы кто-то на мгновение заслонил ее. Окно, скрежеща петлями, отворилось, и мы увидели очертания мужской головы. Несколько минут мужчина настороженно вглядывался в темноту, словно желая удостовериться, что его никто не видит. Затем наклонился, и в ночной тишине послышался слабый всплеск. Судя по всему, человек шарил по дну рва каким-то предметом, который был у него в руке. В конце концов он рывком, точно удильщик, подцепивший рыбу, вытащил из воды какой-то довольно большой круглый предмет и втащил его в окно.

— Ну! — крикнул Холмс. — Вперед!

Мы вскочили и, ковыляя на застывших ногах, побежали вслед за Холмсом, который лихо промчался по мосту и зазвонил в колокольчик над дверью. Раздался звук отодвигаемых засовов, на пороге возник не-

доумевающий Эймс. Холмс, не говоря ни слова, отстранил его, и мы вбежали в кабинет, где только что видели человека.

Желтым светом, который мы наблюдали снаружи, сияла настольная лампа, шагнув нам навстречу, ее поднял над головой Сесил Баркер. Она осветила грозный взгляд и твердые, решительные черты его бритого лица.

— Что это все значит, черт возьми? — громко воскликнул он. — Что вам здесь нужно?

Холмс быстро обвел глазами комнату и сразу подскочил к завязанному веревкой мокрому мешку, засунутому впопыхах под письменный стол.

— Вот это, мистер Баркер, этот узел с гантелью, который вы только что выудили со дна.

Баркер с изумлением уставился на Холмса.

— Откуда, черт подери, вам об этом известно?

— Оттуда, что я сам его здесь затопил.

— Вы? Вы затопили?

— Правильнее, наверно, было бы сказать подменил, — пояснил Холмс. — Вы ведь помните, инспектор, я с самого начала обратил внимание на отсутствие второй гантели. Но среди прочих дел вам было недосуг уделить этому внимание. Когда поблизости вода и отсутствует тяжелый предмет, само собой напрашивается предположение, что здесь что-то было брошено в воду. Предположение достаточно правдоподобное и заслуживающее проверки. И вот, с помощью Эймса, который впустил меня в комнату, и ручки зонта, принадлежащего Ватсону, я накануне ночью выудил этот мешок и изучил его содержимое. Оставалось выяснить, кто его туда забросил. Было объявлено, что утром вода во рву будет спущена, и, как я и предполагал, тот, кто запрятал узел, поспешит, как только стемнеет, достать его оттуда. У нас по меньшей мере четыре свидетеля, видевших, кто именно воспользовался этой возможностью, так что, мистер Баркер, теперь слово за вами.

Шерлок Холмс положил мокрый мешок на стол под лампу и развязал веревку. Оттуда он извлек гантель, которую кинул в угол. Затем сапоги. "Американские, как видите", — Холмс указал на их носы. Следом за сапогами он выложил на стол устрашающе длинный нож в ножнах. И наконец достал свернутую в узел одежду: нижнее белье, носки, серый твидовый костюм и короткое рыжее пальто.

— Вещи вполне обычные, — заметил Холмс, — если не считать пальто, имеющее ряд интересных особенностей. — Он бережно поднял его к свету. — Вот, обратите внимание, внутренний карман удлинен таким образом, чтобы там свободно мог поместиться дробовик с отпиленным стволом. Под воротником ярлык с именем портного — "Нийл, мужская одежда, Вермисса, США". Я провел плодотворные полчаса в библиотеке местного священника и обогатил свои познания, выяснив, что Вермисса — небольшой процветающий поселок в одной из самых богатых углем и железной рудой долин Соединенных Штатов. Помнится, мистер Баркер, вы в своем рассказе как-то связывали угледобывающие области с первой женой мистера Дугласа, и поэтому вполне правдоподобным представляется, что буквы Д. В. на визитной карточке, найденной рядом с телом убитого, означают "Долина Вермиссы" и что эта долина,

присылающая к нам своих убийц, и есть та самая Долина Страха, о которой мы тут слышали. До сих пор все более или менее ясно. А теперь, мистер Баркер, не буду больше мешать вашему объяснению.

Потрясающе интересно было наблюдать за лицом Сесила Баркера, слушающего разъяснения великого детектива. Выражения гнева, удивления, испуга и нерешительности сменяли друг друга с поразительной быстротой. В конце концов он укрылся за язвительной иронией.

— Вам так много известно, мистер Холмс, — усмехнулся он. — Может быть, расскажете еще что-нибудь?

— Несомненно я могу еще многое рассказать, мистер Баркер. Но уместнее было бы услышать все это из ваших уст.

— Вы так полагаете? Ну так вот, могу лишь сказать, что секрет, если здесь имеется секрет, принадлежит не мне, и не мне его выдавать.

— Если вы избираете такую линию, мистер Баркер, — тихо проговорил инспектор, — нам придется не спускать с вас глаз, пока не будет получен ордер на ваш арест.

— Можете, черт возьми, поступать, как вам заблагорассудится, — с вызовом ответил Баркер.

Было очевидно, что на этом можно поставить точку. Вид его каменного лица достаточно ясно свидетельствовал о том, что против воли его не заставит говорить peine forte et dure[1]. Выход из тупика предложил женский голос: миссис Дуглас, оказывается, слушала у приоткрытой двери. Теперь же она вошла и сказала:

— Довольно, Сесил, вы сделали все возможное. Как бы дело ни обернулось дальше, вы сделали достаточно.

— Достаточно и даже более чем достаточно, — мрачно кивнул Шерлок Холмс. — Всей душой сочувствую вам, мадам. И настоятельно советую вам поверить в разумность наших законов и добровольно открыться полиции. Должно быть, я сам виноват, что не воспользовался вашим намеком, переданным мне моим другом Ватсоном, но тогда у меня были все основания считать вас непосредственно замешанной в преступлении. Однако теперь я уверен, что это не так. Но многое еще остается неразъясненным, и я настоятельно рекомендую вам попросить мистера Дугласа, чтобы он сам все рассказал.

При этих словах Холмса миссис Дуглас издала возглас изумления, и мы с полицейскими тоже, так как в ту же минуту увидели в затемненном углу комнаты мужчину, вышедшего словно бы из стены и теперь шагнувшего на свет. Миссис Дуглас обернулась, и в следующее мгновение ее руки обвились вокруг его шеи. Баркер схватил его протянутую руку.

— Так будет лучше всего, Джон, — говорила его жена. — Я уверена, ты сам в этом убедишься.

— Да, да, мистер Дуглас, — подхватил Шерлок Холмс. — Вы несомненно убедитесь в этом.

Незнакомец смотрел на нас, растерянно моргая, что, впрочем, естественно для человека, вышедшего из темноты на свет. У него было замечательное лицо: смелые серые глаза, густые коротко подстриженные седеющие усы, выступающий квадратный подбородок и улыбчивые гу-

1. Любое суровое наказание (*франц.*). *(Прим. перев.)*.

бы. Он внимательно оглядел всех присутствующих, а затем, к великому моему изумлению, подошел ко мне и протянул какую-то тетрадь.

— Я слышал о вас, — сказал он. Выговор у него был не совсем английский и не совсем американский, но мягкий и приятный. — Вы у них за историка. Так вот, доктор Ватсон, у вас в руках никогда еще не было такой занимательной истории, готов поставить последний доллар, что это так. Изложите ее на свой лад; с такими фактами успех у публики обеспечен. Я просидел взаперти двое суток и при дневном свете, сколько его проникало в ту нору, записал, как все было. Записи к вашим услугам, вашим и ваших читателей. Вот вам история Долины Страха.

— Но это дела прошлые, мистер Дуглас, — тихо сказал Шерлок Холмс. — А нас сейчас интересуют дела нынешние.

— Вы их узнаете, сэр, — ответил Дуглас. — Можно мне курить, пока буду рассказывать? Спасибо, мистер Холмс. Вы ведь и сами курящий, насколько я помню, вам понятно, каково это — сидеть двое суток с табаком в кармане, опасаясь выдать себя дымом. — Он облокотился о каминную полку и жадно затянулся сигарой, которой угостил его Холмс. — Я слыхал о вас, мистер Холмс. Но не предполагал, что доведется лично познакомиться. Можете мне поверить, прежде чем вы дочитаете эти записи, — он кивнул на тетрадь у меня в руке, — вы убедитесь, что о подобном еще никто не писал.

Инспектор Макдоналд смотрел на него с величайшим недоумением.

— Ну, знаете, ума не приложу, что же это получается, — произнес он наконец. — Ежели вы и есть мистер Джон Дуглас из Мэнор-хауса, что в Берлстоуне, то чью же смерть мы тут двое суток расследуем? И откуда вы вдруг взялись? Словно из-под пола выскочили, прямо как черт из табакерки.

— Ах, мистер Мак, — укоризненно произнес Холмс и погрозил ему пальцем. — Не захотели вы читать превосходное описание тайника, где прятался король Карл. В те годы люди если уж прятались, то в таких местах, где все было надежно устроено заранее, а там, где прятались когда-то, можно спрятаться снова. Я-то сам не сомневался, что мы найдем мистера Дугласа под этой крышей.

— Да? И долго вы так над нами потешались, мистер Холмс? — сердито спросил инспектор. — Долго вы смотрели, как мы расшибаемся в лепешку, занимаясь поисками, которые, как вы отлично знали, были бессмысленными?

— Ни одной минуты, мой дорогой мистер Мак. Только минувшей ночью у меня сложилось представление об этом деле. А так как проверить это раньше нынешнего вечера было все равно невозможно, я предложил вам и вашему коллеге устроить себе выходной день. Что еще я мог сделать? Когда я нашел во рву узел с одеждой, стало ясно, что убитый, обнаруженный в кабинете, не мог быть мистером Джоном Дугласом, а был, очевидно, велосипедистом из Танбридж-Уэллса. Это сомнения не вызывало. Но мне требовалось установить, где же мог находиться мистер Джон Дуглас, и вывод напрашивается сам: с согласия жены и при помощи друга он затаился в доме, где имеются условия, чтобы спрятаться в тайнике, и теперь он ждет, пока все уляжется и можно будет бежать отсюда.

— Да, вы верно сообразили, — похвалил его Дуглас — Я хотел улизнуть от британской полиции, я ведь не знал, как у вас ко мне отнесутся, и в то же время это была возможность сразу и окончательно сбить этих псов с моего следа. За всю свою жизнь я не сделал ничего такого, чего бы мне пришлось стыдиться и чего не сделал бы опять. Можете меня не предостерегать, инспектор, я говорю правду и готов стоять на этом до последнего. Не буду утомлять вас долгим рассказом, вы все это прочтете сами. — Он указал на тетрадь у меня в руке. — История эта престранная. Но, коротко говоря, сводится вот к чему: есть люди, которые ненавидят меня, на что имеются свои причины, они готовы отдать последний доллар, чтобы до меня добраться. Пока я жив и пока живы они, в этом мире мне нет укрытия. Они гнались за мной из Чикаго до Калифорнии и изгнали меня из Америки; но здесь, женившись и обосновавшись в этом тихом уголке, я надеялся прожить остаток жизни в мире и спокойствии.

Жене я ничего не рассказывал. Зачем ее вмешивать? Она бы тогда не имела ни минуты покоя, ей бы всюду мерещилась опасность. Кое о чем, думаю, она догадывалась, но до вчерашнего дня, когда вы, джентльмены, с ней познакомились, она ни о чем не имела ясного представления. Вам она сообщила все, что знала. И Баркер тоже, ведь в ту ночь, когда все это произошло, мне некогда было вдаваться в объяснения. Но теперь ей известно все, и надо было мне, глупцу, давно ей довериться.

Так вот, джентльмены, накануне всех этих событий я был в Танбридж-Уэллсе и увидел на улице одного человека. Только мельком, но у меня наметанный глаз, и я сразу его узнал. Это был самый жестокий мой враг, он преследовал меня все эти годы, как голодный волк преследует оленя. Поняв, что мне грозит беда, я вернулся домой и приготовился. Думал, справлюсь в одиночку — о моем везении в семьдесят шестом в Штатах ходили легенды. Я не сомневался, что удача и теперь мне не изменит.

Весь следующий день я был настороже и из дому не выходил. И хорошо сделал, в парке он меня бы застрелил из своего дробовика прежде, чем я бы успел прицелиться. Когда мост был поднят — а у меня всегда на душе становилось легче, после того как поднимут мост, — я на время выкинул тревожные мысли из головы. Я и не предполагал, что он мог забраться в дом и поджидать меня тут. Но когда вечером, уже в халате, я, как обычно обходя перед сном все комнаты, зашел в кабинет, сразу почуял неладное. Когда человек постоянно сталкивается с опасностью — а уж на мою-то долю ее выпало больше, чем кому-либо, — у него развивается нечто вроде шестого чувства. Я сразу почувствовал опасность, а потом увидел сапог под портьерой и все понял. Поставив свечу на стол, я подскочил к камину, где на полке лежал молоток, но этот человек уже бросился на меня, блеснул нож, я размахнулся и ударил молотком. Нож лязгнул об пол. Увернувшись, как угорь, этот тип отскочил за стол, выхватил из-за пазухи дробовик и взвел курки. Но я ухватился за ствол, прежде чем он успел выстрелить. Минуту или две мы с ним боролись, не выпуская из рук дробовика. Кто первым отпустит, тот, считай, убит.

Он рук не разжал. Но на какое-то мгновенье опустил вниз приклад. Кто нажал спуск, не знаю, возможно я. А может, мы просто слишком сильно его тряхнули. Так ли, эдак, но выпалили оба ствола, и прямо ему в лицо. А я стою и смотрю вниз на то, что осталось от Теда Болдуина. Я его узнал еще в городе, но теперь его бы и родная мать не признала. Я человек к смертям и ранам привычный, но и меня тут чуть не вывернуло.

Стою, держусь за край стола, и в это время вбегает Баркер. За ним, слышу, по лестнице спускается жена. Я подбежал к двери и не дал ей войти. Это зрелище не для женских глаз. Пообещал, что скоро поднимусь к ней. Сказал пару слов Баркеру — он и так с одного взгляда все понял, — и мы стали ждать. Но никто не показывался. Ясно было, что никто ничего не услышал.

Тут меня вдруг осенило. Блестящая мысль, я даже зажмурился. Рукав у убитого задрался, над запястьем обнажилось клеймо, знак лжи. Вот посмотрите. — Дуглас закатал рукав, и мы увидели у него на руке то же клеймо, что и на руке убитого. — Вид клейма надоумил меня. Он и ростом, и цветом волос походил на меня. А лицо у бедняги было неузнаваемо. Я принес сверху эти вещи, и за пятнадцать минут мы с Баркером обрядили его в мой халат и уложили так, как вы его увидели. А его одежду увязали в узел, сунули внутрь единственный груз, который попался под руку, и выбросили в окно. Карточка, которую он собирался положить на мой труп, оказалась лежащей у него под боком.

Мы надели на его пальцы мои перстни; но когда дошло до обручального кольца — он поднял свою мускулистую кисть, — сами видите, что это невозможно. Обручального кольца я ни разу со дня свадьбы не снимал, и чтобы сделать это, понадобился бы напильник. Да и вряд ли бы я согласился с ним расстаться. Но даже и захоти я, ничего нельзя было поделать. Мы решили оставить все как есть. Я принес пластырь и заклеил его палец в том месте, где у меня сейчас надето кольцо. Вы дали маху, мистер Холмс: догадайся вы содрать пластырь, вы увидели бы, что никакой ранки под ним нет.

Вот такое дело. Если бы я смог отсидеться тут немного, а потом перебраться куда-нибудь, где ко мне бы присоединилась моя "вдова", появился бы шанс безмятежно дожить остаток жизни. Эти дьяволы не дали бы мне ни минуты покоя, но если бы они прочли в газетах, что Болдуин своей цели достиг, пришел бы конец моим мучениям. У меня не было времени растолковать все Баркеру и моей жене, но они поняли, что надо прийти мне на помощь. О здешнем тайнике мне было известно, и Эймсу, кстати сказать, тоже, но ему и в голову не пришло как-то связать его с этим происшествием. Я заперся, предоставив Баркеру все остальные заботы.

Как он действовал дальше, вы знаете. Он открыл окно и отпечатал на подоконнике кровавый след, чтобы понятно было, как скрылся убийца, а уж затем принялся отчаянно звонить. Что было после, вам уже известно. А теперь, джентльмены, можете делать, что считаете нужным. Но я рассказал вам правду, всю правду, да поможет мне Бог! Что мне хотелось бы у вас узнать, это — как на меня посмотрит английский закон?

Последовало молчание, которое нарушил Холмс.

— Английский закон в основном справедливый закон. Больше чем вам по справедливости полагается, вы от него не получите, мистер Дуглас. Но я хочу спросить у вас: каким образом тот человек узнал, где вы живете, как ему удалось проникнуть в ваш дом и спрятаться, чтобы напасть на вас?

— Об этом мне ничего не известно.

— Боюсь, история еще не окончена, — проговорил Холмс. Лицо его стало очень бледным и серьезным. — Вам могут встретиться враги пострашнее, чем английские законы и даже чем ваши преследователи из Америки. Полагаю, вы в большой опасности. Послушайте моего совета и не теряйте бдительности.

А теперь, мои долготерпеливые слушатели, я приглашаю вас последовать за мной и перенестись лет на двадцать назад во времени и на тысячи миль к западу в пространстве, чтобы я мог развернуть перед вами повествование настолько необычайное и ужасное, что вам, возможно, трудно будет поверить в то, что так все оно и было. Не подумайте, что я начинаю новую историю, не доведя до конца предыдущую. Читайте дальше, и вы в этом сами убедитесь. А когда я перескажу со всеми подробностями те давние события и вы разгадаете тайну минувших лет, мы снова сойдемся вместе в квартире на Бейкер-стрит, где и найдем окончание этой удивительной истории.

Часть вторая
"Метельщики"

Глава 1
Он

Было 4 февраля 1875 года. Зима в тот год стояла суровая, и в ущельях Гилмертонских гор скопилось много снега. Однако железнодорожные пути постоянно расчищали паровым снегоочистителем, и вечерний поезд, связывающий длинный ряд шахтерских и железолитейных поселков, медленно подымался по крутому склону от Стэгвилла до Вермиссы, местного центра, расположенного в верхнем конце долины Вермисса. Оттуда железная дорога начинала спуск к Бартонской переправе, Хелмдейлу и дальше в сельскохозяйственное графство Мертон. Дорога одноколейная, но у каждого разъезда, а их там много, на запасных путях стояли составы из платформ, груженных углем и железной рудой — свидетельства таящихся в земле богатств, которые привлекли грубый народ и кипучую жизнь в этот прежде совершенно необжитой угол Соединенных Штатов Америки.

Это был действительно медвежий угол. Могли ли первопроходцы, некогда прошедшие здесь, предполагать, что цветущие прерии и зеле-

ные заливные луга будут цениться гораздо дешевле, чем эти сумрачные места, где одни только черные скалы и лесные заросли? По обоим склонам длинной извилистой долины над темными, труднопроходимыми лесами виднелись голые вершины гор, белые снега и острые утесы. По этой-то долине и полз сейчас местный поезд.

В длинном переднем вагоне, где ехали человек двадцать-тридцать пассажиров, только что зажгли лампы. Большинство из сидевших были рабочие, возвращавшиеся домой в Вермиссу после трудового дня в нижней части долины. Из них человек десять, судя по почерневшим лицам, были шахтерами. Они сидели тесной группой, курили и негромко переговаривались, поглядывая на двоих, расположившихся по другую сторону от прохода. Форменная одежда и бляхи на груди выдавали в них полицейских.

Помимо них в вагоне ехало несколько женщин из рабочих семей и два или три господина почище, очевидно местные лавочники, да еще молодой мужчина, сидевший отдельно в углу. Именно он нас сейчас и интересует. Давайте приглядимся к нему как следует, он стоит того.

Невысокий румяный молодой человек лет тридцати. Большие умные серые глаза весело и заинтересованно поблескивают за стеклами очков. Сразу можно сказать, что он прост и общителен и стремится быть в дружбе со всеми, что у него быстрый ум и всегда наготове приветливая улыбка. Но если приглядеться попристальнее, нельзя не обратить внимания на твердую линию скул и плотно сжатые губы — признаки, свидетельствующие о том, что за приятной наружностью этого темноволосого ирландца таится сила, способная оставить добрый или недобрый след в любом сообществе, куда бы он ни попал.

После нескольких реплик, обращенных к ближайшему углекопу, который в ответ лишь бурчал что-то нелюбезное, молодой путешественник погрузился в молчание и стал смотреть в окно на окружающий ландшафт.

Невеселая это была картина. В сгущающемся сумраке здесь и там на склонах гор мерцали красные горнила. Справа и слева темнели высокие груды шлака и отвалов, а над ними к небу уходили копры угольных шахт. Проплывали мимо тесные группы бедных дощатых хижин, в них только-только начинали зажигаться окна. И на всех остановках, которые встречались тут чуть не на каждом шагу, в ожидании толпились темноликие жители здешних мест.

Угледобывающий и железоплавильный район Вермиссы — отнюдь не курорт. Здесь повсюду видны знаки суровой и беспощадной борьбы за существование, здесь делается грубая работа, и делают ее грубые люди.

Молодой человек смотрел на эту мрачную землю с выражением страха и в то же время любопытства, свидетельствовавшим о том, что все это было для него внове. По временам он доставал из кармана толстый конверт, вынимал из него письмо и сверялся с ним, оставляя на полях какие-то заметки. Один раз он вытащил откуда-то сзади из-за пояса предмет, которому, казалось бы, не место в руке такого благовоспитанного пассажира. Это был флотский револьвер самого большого калибра. Когда он повернул оружие к свету, в магазине блеснули медные кружки гильз: револьвер был полностью заряжен. Владелец поспешил

вернуть его на место в потайном кармане, но сидевший напротив рабочий заметил револьвер.

— Эге, приятель, — сказал тот, — ты, я вижу, при полном снаряжении.

Молодой человек смущенно улыбнулся.

— Да, — ответил он. — Там, откуда я еду, такие игрушки бывают иногда кстати.

— И где же это?

— Я держу путь из Чикаго.

— А здесь раньше не бывал?

— Нет.

— Может статься, что она тебе и здесь понадобится.

— Вот как? Неужели?

— А ты разве не слышал, что здесь делается?

— Особенного ничего не слышал.

— Да? А я думал, шум на всю страну. Ну ничего, скоро услышишь. Что тебя сюда привело?

— Мне сказали, что тут для желающих всегда есть работа.

— А ты член союза?

— Как же, конечно.

— Тогда, думаю, работу ты получишь. Друзья здесь есть?

— Пока нет. Но есть возможность ими обзавестись.

— Интересно, что за возможность?

— Я принадлежу к Высокому Ордену Свободных Работников. Его ложи имеются во всех городах и поселках, а где есть ложа, там я найду друзей.

Эти слова произвели на собеседника странное действие. Он опасливо оглянулся на других пассажиров. Углекопы по-прежнему о чем-то тихо переговаривались. Двое полицейских дремали. Рабочий пересел на скамейку рядом с молодым человеком и протянул ему руку.

Они обменялись рукопожатием.

— Я и так вижу, что ты не обманываешь, — сказал рабочий. — Но лучше все-таки удостовериться.

Он поднял правую руку и тронул правую бровь. Приезжий сразу же тронул левой рукой левую бровь.

— Темные ночи неприютны, — произнес рабочий.

— Да, для путника в чужой стороне, — подтвердил приезжий.

— Ну вот и все. Я — брат Сканлан, 341-я ложа в Вермиссе. Рад приветствовать тебя в наших краях.

— Благодарю. Я — брат Джон Макмердо, 29-я ложа Чикаго, мастер — Дж. Х. Скотт. Для меня большая удача — сразу же встретить брата.

— Нас вообще-то тут довольно много. Нигде в Соединенных Штатах наш орден так не процветает, как в долине Вермиссы. Однако такие парни, как ты, всегда нелишние. Но как могло быть, что проворный молодец вроде тебя не нашел работы в Чикаго?

— Работы у меня было вдоволь, — ответил Макмердо.

— Тогда почему ты оттуда уехал?

Макмердо кивком указал на двух полицейских и улыбнулся.

— Вот кому было бы интересно это узнать, — сказал он.

Сканлан сочувственно покачал головой.

— Попал в переплет?

— Еще в какой.

— Исправительные работы?

— И все остальное.

— Неужто за убийство?

— Не время об этом разговаривать, — сказал Макмердо, явно раскаиваясь, что наболтал лишнего. — У меня были причины уехать из Чикаго, и пока с тебя довольно. Кто ты такой, чтобы расспрашивать меня?

Его серые глаза угрожающе блеснули за стеклами очков.

— Ладно, приятель, я ничего худого тебе не желаю. Братья не будут к тебе хуже относиться, что бы за тобой ни числилось. Куда же ты направляешься?

— В Вермиссу.

— Это через две остановки. Где думаешь остановиться?

Макмердо опять вынул большой конверт и поднес к тусклой керосиновой лампе.

— Вот адрес: "Джейкоб Шафтер, Шеридан-стрит". Это пансион, его рекомендовал мне один знакомый в Чикаго.

— Не знаю. Вермисса вообще не мой район. Я живу в Хобсон-Пэтч, сейчас как раз моя остановка. Но дам тебе один совет, прежде чем мы расстанемся. Если у тебя будут неприятности в Вермиссе, ступай прямо в Дом Союза и спроси босса Макгинти. Он — мастер Вермисской ложи, и в здешних местах ничего не делается без одобрения Черного Джека Макгинти. Пока, приятель! Встретимся как-нибудь вечером в ложе. И помни мои слова: возникнут сложности, обратись к боссу Макгинти.

Сканлан вышел из вагона, и Макмердо вновь предался своим мыслям. Наступила ночь, за окном то и дело вспыхивали огни железоплавильных печей, перед которыми мелькали черные тени под ритмичное сопровождение лязга и грохота.

— Это, думаю, похоже на ад, — раздались рядом слова.

Макмердо обернулся и увидел, что один из полицейских проснулся и смотрит в окно на огненную пустыню.

— А я лично думаю, — отозвался второй, — что не похоже на ад, а он самый и есть. И очень будет удивительно, если у адских огней найдутся дьяволы свирепее некоторых наших знакомцев. А вы, молодой человек, приезжий?

— Допустим. И что из того? — хмуро отозвался Макмердо.

— Только то, мистер, что я бы посоветовал вам осторожнее выбирать себе друзей. На вашем месте я бы не начинал с Майка Сканлана и его компании.

— Какое тебе, черт подери, дело до того, кто мои друзья? — рявкнул во всю глотку Макмердо, и все в вагоне повернули головы в их сторону, привлеченные завязавшейся перебранкой. — Разве я обращался к тебе за советом? Я что, похож на простака, которого надо водить за ручку? Подожди, пока тебя спросят, а со мной, клянусь Богом, тебе придется ждать долго.

Он выпятил подбородок и оскалил зубы, словно рассвирепевший пес.

Полицейские, двое добродушных здоровяков, были явно поражены тем, как яростно он огрызнулся в ответ на их попытку завязать разговор.

— Не обижайся, приезжий, — сказал один. — Это простое предостережение для твоего же блага, ведь ты, по собственному признанию, новый человек в здешних местах.

— Да, в здешних местах я человек новый, но с такими, как вы, хорошо знаком! — с холодной яростью в голосе прорычал Макмердо. — Гляжу, вы всюду одинаковы: ко всем суетесь с непрошеными наставлениями.

— Не иначе как мы скоро с тобой встретимся, — с ухмылкой заметил один полицейский. — Ты, я вижу, не простая птица.

— Да, мне тоже так сдается, — подхватил второй. — Очень возможно, что нам еще доведется с тобой увидеться.

— Я вас не боюсь, не воображайте! — крикнул Макмердо. — Меня зовут Джек Макмердо. Поняли? Если я вам понадоблюсь, найдете меня у Джейкоба Шафтера на Шеридан-стрит в Вермиссе. Я, как видите, от вас не прячусь. Будь то днем или ночью, я всегда готов смотреть вашему брату в глаза, так и знайте!

Среди углекопов послышался ропот сочувствия и восхищения бесстрашием приезжего. А двое полицейских пожали плечами и возобновили разговор между собой.

Через несколько минут поезд подъехал к тускло освещенной платформе, и пассажиры двинулись к выходу; Вермисса была самой крупной станцией на этой линии. Но когда Макмердо, подняв кожаный саквояж, приготовился уже шагнуть во тьму, с ним вдруг заговорил один из углекопов.

— Ну, друг, чтоб мне провалиться, лихо ты разделался с фараонами, — уважительно сказал он. — Одно удовольствие было тебя послушать. Дай-ка я поднесу твой саквояж и заодно покажу дорогу. Мне по пути, я прохожу мимо Шафтера, идучи домой.

Они спустились с платформы, провожаемые дружными пожеланиями доброй ночи. Макмердо не успел еще ступить на здешнюю землю, как уже сделался в Вермиссе знаменитостью.

Окрестности города были ужасны; но сам город Вермисса производил еще более гнетущее впечатление. Когда едешь по длинной извилистой долине, открываются виды, полные сумрачного величия: высоко вверх взлетают огромные языки пламени, в небе плывут черные клубы дыма, и крутые груды отвалов громоздятся по обе стороны от железнодорожной колеи монументами силе и усердию человека. Город же — воплощение безобразия и убожества. Широкая дорога разбита колесами бессчетных экипажей и превратилась в жуткое месиво из грязного снега. Тротуары узки и неровны. Многочисленные газовые фонари служат лишь для того, чтобы освещать длинный ряд деревянных домишек с выходящими на улицу грязными, захламленными террасками.

Правда, ближе к центру появляются магазины с ярко освещенными витринами, а также салуны и игорные дома, где углекопы спускают свои немалые заработки.

— Вот это Дом Союза, — указал провожатый на один из салунов, вознесшийся почти до уровня солидной гостиницы. — Здесь хозяином Джек Макгинти.

— А что он за человек? — спросил Макмердо.

— Ты что же, ничего не знаешь про здешнего босса?

— Откуда же мне знать, когда я, как ты слышал, здесь человек новый?

— Ну, я думал, его имя известно по всей стране. О нем часто писали в газетах.

— По какому поводу?

— Да по поводу тех дел, — ответил его спутник, понизив голос.

— Каких дел?

— Господи боже, мистер, странный же ты человек, не сочти за обиду. В здешних местах ты о других делах не услышишь, как только о "метельщиках".

— О "метельщиках" я, сдается мне, что-то читал в Чикаго. Это банда убийц, верно?

— Тсс! Молчи, не то расстанешься с жизнью, — сдавленным голосом проговорил углекоп, застыв на месте и испуганно глядя на Макмердо. — У нас тут долго не проживешь, если будешь открыто говорить такие вещи. Многих забили до смерти и за меньшие прегрешения.

— Но мне ничего не известно. Я только повторил, что напечатано в газетах.

— Я не говорю, что напечатанное в газетах — неправда. — Углекоп нервно осмотрелся вокруг, вглядываясь в темноту, словно опасался, что там затаилась опасность. — Если те, кто лишают людей жизни, — убийцы, то тут их хватает. Но смотри, приезжий, не произнеси в этой связи имени Джека Макгинти. До него доходит каждый шепот, а он не из тех, кто пропустит такое мимо ушей. А вот и дом, который ты искал, стоит в глубине, отступя от улицы. Его владелец, старый Джейкоб Шафтер, слывет в этом городе за честного человека.

— Спасибо, — сказал Макмердо и, пожав новому знакомцу руку, поволок свой саквояж по дорожке, которая вела к крыльцу жилого дома. Остановившись у двери, он громко постучал.

Дверь сразу же открылась, и он увидел совсем не того, кого ожидал. На пороге стояла молодая девушка редкостной красоты. Красота ее была германского типа: белокурые волосы, и в контраст им пара темных бархатных глаз. Она с недоумением взглянула на незнакомого человека и залилась смущенным румянцем. На фоне ярко освещенной прихожей она показалась ему прекраснейшей картиной, какую только довелось ему в жизни видеть, тем более восхитительной в сравнении с окружающим уродством и мраком. Прелестная фиалка, расцветшая на груде черных отвалов, не поразила бы его сильнее. Онемев, он стоял перед нею и хлопал глазами, так что молчание нарушила в конце концов она.

— Я думала, это отец, — проговорила она с милым, еле заметным немецким акцентом. — Вы к нему? Он ушел в город. Я жду его с минуты на минуту.

Макмердо продолжал восторженно смотреть на нее. Она смешалась и вынуждена была опустить глаза перед этим нахальным посетителем.

— Нет, мисс, — ответил он наконец, — мне не к спеху повидаться с ним. Ваш дом мне рекомендовали как место, где я мог бы поселиться. Я полагал, что он мне подойдет, а теперь убедился, что не ошибся.

— Быстро же вы принимаете решения, — с улыбкой заметила она.

— Любой, у кого есть глаза, потратил бы не больше времени, — ответил он.

Она рассмеялась комплименту.

— Войдите, сэр, — пригласила она. — Я мисс Этти Шафтер, дочь мистера Шафтера. Моей матери нет в живых, и дом веду я. Вы можете до прихода отца посидеть в гостиной у печки... А вот и он! Так что вы обо всем договоритесь не откладывая.

По дорожке к дому шел грузный пожилой человек. Макмердо встретил его и объяснил свое дело. Ему дал этот адрес некто Мерфи, который, в свою очередь, получил его еще от кого-то. Старый Шафтер не возражал. Новый жилец принимает все условия, и, похоже, денег у него куры не клюют. Так что сговорились, что за семь долларов в неделю, плата вперед, он получает кров и стол.

Так Макмердо, беглец от правосудия (по собственному признанию), поселился в доме у Шафтеров, и это был первый шаг, повлекший за собой длинный и мрачный ряд событий, которые завершились в далекой заморской стороне.

Глава 2
Мастер лжи

Макмердо был из тех, у которых что задумано, то и сделано. Где бы он ни появлялся, это скоро становилось известно всем. Не прошло и недели, как он сделался в доме Шафтера самым главным постояльцем. Помимо него там жили еще человек десять-двенадцать, но это были скромные десятники или простые приказчики из магазинов, не чета молодому ирландцу. По вечерам, когда все сходились вместе, его шутка всегда была самой быстрой, разговор — самым занимательным, песня — самой красивой. Он был настоящей душой общества и притягивал к себе людей. Но при этом мог вдруг, как тогда в поезде, прийти в бешенство, отчего окружающие смотрели на него с уважением и даже опаской. К тому же не упускал случая выразить презрение служителям закона, чем одних восхищал, а другим внушал тревогу.

Макмердо с первого же дня, не скрывая своего восхищения красотой и изяществом дочери хозяина, дал всем понять, что она завладела его сердцем. Поклонник он был не из робких. Назавтра после приезда он объявил Этти, что любит ее, и в дальнейшем без конца это повторял, какие бы возражения она ни пыталась выдвигать.

— Кто-то другой? — восклицал он в ответ на ее слова. — Тем хуже для этого другого. Пусть поостережется! Неужто я пожертвую счастьем всей моей жизни, моей мечтой из-за какого-то другого человека? Можешь говорить "нет", сколько тебе вздумается, Этти, все равно настанет день, когда ты скажешь "да", а я еще молод, подожду.

Он был опасный ухажер, владевший искусством сладких ирландских речей. И еще было в нем что-то от бывалого человека, посвященного в какие-то тайны, а это всегда возбуждает у женщины интерес, переходящий в конце концов в любовь. Он рассказывал про живописные долины своего родного графства Монахан, про далекий зеленый остров, чьи пологие холмы и сочные луга особенно прекрасны, когда представляешь их себе, находясь среди заснеженных, засыпанных угольной пылью улиц.

Живал он и в больших городах Севера, в Детройте, в лагерях мичиганских лесорубов, наконец в Чикаго, где работал на лесопилке. Дальше шли намеки на какую-то романтическую историю, на какие-то удивительные происшествия в этом огромном городе, настолько необыкновенные и тайные, что о них и рассказывать нельзя. С грустью вспоминал он о вынужденном внезапном отъезде, о бегстве в незнакомый мир, приведшем его в эту сумрачную долину. А Этти слушала, и темные ее глаза блестели состраданием и жалостью, которые быстрее и естественнее всего перерождаются в любовь.

Макмердо устроился на место бухгалтера, ибо был человеком образованным. Служба отнимала у него почти весь день, так что он не нашел еще времени побывать у мастера местной ложи Высокого Ордена Свободных Работников. Но ему напомнили об этом упущении: однажды вечером в салун Шафтера зашел Майк Сканлан, член ложи, с которым он познакомился в поезде. Сканлан, узколицый, низкорослый, чернявый и нервный, был как будто бы рад встрече. После пары стаканов виски он заговорил о цели своего прихода.

— Послушай, Макмердо, — сказал он. — Я запомнил твой адрес и вот решил зайти. Ты, оказывается, до сих пор не явился к мастеру ложи. Почему не идешь к боссу Макгинти?

— Некогда было. Работу искал.

— Для чего другого, может, и некогда, а для него у тебя всегда должно быть время. Ну, знаешь, и глупец же ты, что не явился в Дом Союза назавтра же после приезда и не внес свое имя в списки! Если вздумаешь пойти против него, то... в общем, нельзя этого, вот и все.

Макмердо слегка удивился.

— Я уже два года член ложи, но первый раз слышу про такие строгие порядки.

— В Чикаго, может, и не такие строгие.

— Но ведь орден-то тот же самый!

— Думаешь?

Сканлан остановил на нем долгий многозначительный взгляд. В нем было что-то зловещее.

— А разве нет?

— Подожди с месяц, сам узнаешь. Слышал, ты потом, когда я сошел, разговаривал с полицейским патрульным?

— А ты откуда узнал?

— Да так, слух прошел. В этом районе все становится известно, и плохое, и хорошее.

— Ну да, верно. Сказал ищейкам, что я о них думаю.

— Богом клянусь, ты Макгинти придешься по вкусу!

— А что, он тоже ненавидит полицию?

Сканлан расхохотался.

— Ступай повидайся с ним, парень, — сказал он, направляясь к выходу. — Не то он не полицию, а тебя возненавидит! Послушайся дружеского совета и отправляйся прямо сейчас.

Случилось так, что в тот же вечер Макмердо получил еще один такой же совет. По-видимому, внимание, которое он оказывал Этти, стало сильнее бросаться в глаза, и ситуация наконец прояснилась для медленно соображающего немца; но как бы то ни было, старый Шафтер поманил к себе молодого человека, привел в отдельную комнатку и без околичностей перешел к сути.

— Мне кажется, мистер, тебе приглянулась моя Этти. Это правда, или я ошибаюсь?

— Да, это правда, — ответил молодой человек.

— Ну так вот, хочу тебе сразу сказать, что из этого ничего не получится. Тебя уже опередили.

— Она говорила.

— И можешь поверить, она говорила правду. А сказала ли она тебе, кто он?

— Нет. Я спрашивал, но она не захотела ответить.

— Ага, еще бы! Негодница! Небось боялась тебя отпугнуть.

— Отпугнуть? Меня? — Макмердо моментально вспыхнул.

— Да, да, приятель! Его испугаться не стыдно. Это сам Тедди Болдуин.

— И кто же он такой, черт побери?

— Главарь "метельщиков".

— "Метельщиков"? Я уже о них слышал. "Метельщики" то, "метельщики" се, только и разговоров, и всегда вполголоса. Чего вы тут все боитесь? Кто они такие, эти "метельщики"?

Хозяин пансиона понизил голос, как и все, кто говорил об этом страшном обществе.

— "Метельщики", — произнес он, — это и есть Высокий Орден Свободных Работников!

Молодой человек удивленно вздернул брови.

— Но я и сам член этого ордена.

— Ты? Я бы никогда не взял тебя постояльцем, если бы знал это, предложи ты мне хоть сто долларов в неделю.

— Чем плох этот орден? Его цели — помощь ближним и установление доброго товарищества. Так написано в уставе.

— Не знаю, может, где-нибудь еще у него и такие цели, но не здесь.

— А что здесь?

— Здесь это общество убийц, вот что.

Макмердо недоверчиво рассмеялся.

— Как ты можешь это доказать? — спросил он.

— А чего тут доказывать? Пятьдесят человек убитых — это не доказательство? Как насчет Милмена и Ван-Шорста, и семейства Николсонов, и старика Хайема, и малыша Билли Джеймса, и всех остальных? Доказывай ему. Разве в этой долине есть хоть один мужчина, хоть одна женщина, которые бы этого не знали?

— Послушай, — строго сказал Макмердо, — я требую, чтобы ты взял свои слова обратно, или же приведи серьезные доказательства. Либо то, либо это — прежде чем я выйду отсюда. Поставь себя на мое место. Я новый человек в этом городе. Я состою членом ордена, за которым не знаю ничего худого. Его дела известны в Соединенных Штатах, и это только добрые дела. Я собираюсь вступить в местную ложу, и вдруг ты мне говоришь, что мой орден и тайное общество убийц под названием "метельщики" — одно и то же. Я жду извинения или же объяснения, мистер Шафтер.

— Могу только повторить то, что и так знают все, мистер. Боссы ордена и боссы "метельщиков" — одни и те же лица. Не угодишь одним, тебя покарают другие. Нам здесь слишком часто приходилось в этом убеждаться.

— Это все разговоры. Мне нужны доказательства!

— Поживешь тут дольше, получишь сколько угодно доказательств. Хотя я забыл, ты же сам из их числа. И скоро сделаешься таким же, как все они. Но придется тебе искать другое жилище, мистер. Я не могу оставить тебя здесь. Хватит с меня того, что один из этих злодеев приходит сюда и ухаживает за моей Этти, и я не осмеливаюсь выставить его вон. Но чтобы еще и жилец у меня такой был?! Так что ты ночуешь у меня последний раз!

Макмердо одновременно получил отказ от пансиона и был отлучен от любимой девушки. В тот же вечер, застав ее в гостиной одну, он сообщил ей горестную новость.

— Твой отец дал мне сроку до завтрашнего утра, — пожаловался он. — Я бы не стал особенно печалиться, если бы лишился просто комнаты, но дело в том, Этти, что, хотя я знаю тебя только неделю, ты — светоч моей жизни, и жить без тебя я не могу.

— Тише, мистер Макмердо, не говорите так! — оборвала его девушка. — Разве я не сказала, что вы опоздали? За меня сватается другой, и если я и не дала ему согласия тут же выйти за него замуж, то и больше ничьего предложения принять не могу.

— А если бы я был первым, Этти, мог бы я рассчитывать?

Этти закрыла лицо ладонями.

— О, если бы только ты был первым! — всхлипнув, проговорила она.

В тот же миг Макмердо упал перед ней на колени.

— Заклинаю тебя Богом, Этти, ни слова больше об этом! — воскликнул он. — Неужели ты хочешь погубить свою и мою жизнь ради того, чтобы выполнить то обещание? Послушай своего сердца, красавица!

И он сжал ее белую руку своими смуглыми ладонями.

— Скажи, что согласна быть моей, и мы вместе отстоим свое право!

— Но не здесь.

— Здесь, здесь!

— Нет, Джек! — Он уже обнял ее. — Здесь это невозможно. Ты не можешь увезти меня отсюда?

На минуту на лице его отразилась борьба.

— Нет, дорогая, об этом не может быть и речи.

— Но почему нам нельзя уехать?

— Нет, Этти, я не могу уехать.

— Почему?

— Я не смогу смотреть людям в глаза, если буду чувствовать, что был изгнан. Да и чего нам бояться? Разве мы не свободные люди в свободной стране? Раз ты любишь меня, а я тебя, кто посмеет встать между нами?

— Джек, ты не знаешь. Ты слишком недолго здесь пробыл. Ты не знаешь Болдуина. И Макгинти с его "метельщиками".

— Да, не знаю. Но я не боюсь их! — ответил Макмердо. — Мне приходилось жить среди грубых людей, и вместо того, чтобы бояться их, я добивался того, что они боялись меня, всегда, милая моя Этти! Если эти люди, как утверждает твой отец, совершают здесь, в долине, где их отлично знают по именам, преступление за преступлением, почему же никто из них не привлекается к суду? Ответь-ка мне на это, дорогая!

— Да потому, что никто против них не осмеливается свидетельствовать. Ему потом и месяца не прожить. И еще потому, что всегда найдется кто-нибудь, кто будет утверждать, что обвиняемый в это время находился за тридевять земель от места преступления. Неужели ты об этом не читал, Джек? Я думала, про здешнее положение пишут все газеты Америки.

— Кое-что читал, не спорю. Но думал, это просто так, больше сочиняют. Может, у этих людей есть причина для таких действий? Может, они — жертвы несправедливости и не имеют другого способа постоять за себя?

— Ради бога, Джек, я не могу это слышать! Точно так говорит и он.

— Болдуин? Он именно так рассуждает?

— Да. И потому он мне так отвратителен. Ах, Джек, теперь я могу сказать тебе правду. Я его терпеть не могу, но и боюсь. Боюсь за себя, а еще больше за отца. Знаю, с нами случится большая беда, вздумай я отказать ему. Вот почему я стараюсь держать его на отдалении полуобещаниями. Но если бы ты согласился уехать со мной отсюда, мы бы захватили с собой отца и жили бы до скончания века свободные от власти этих дурных людей.

Снова на лице Макмердо отразилась борьба, и снова он остался тверд, как гранит.

— Ни малейшего вреда не случится с тобой, Этти, ни с тобой, ни с твоим отцом. А что до дурных людей, вдруг ты решишь, что я такой же, как они, если не хуже?

— Нет, нет, Джек! Тебе я во всем доверяю.

Макмердо горько рассмеялся.

— Боже милосердный! А ведь ты меня совсем не знаешь! Ты, чистая душа, даже представить себе не можешь, что сейчас творится у меня в душе. Но смотри-ка, кто это пришел?

Дверь распахнулась, и вразвалку, по-хозяйски в салун вошел молодой парень, красивый, развязный, одного примерно возраста и роста с Макмердо. Из-под широкополой черной фетровой шляпы, которую он, входя, даже не потрудился снять, на красивом лице с орлиным носом свирепо и властно сверкнули ледяные глаза, устремленные на сидящую у печи пару.

Этти всполошилась, вскочила.

— Рада видеть вас, мистер Болдуин, — проговорила она. — Вы нынче раньше, чем мы ожидали. Проходите и присаживайтесь.

Болдуин, уставя руки в боки, разглядывал Макмердо.

— Кто такой? — буркнул он.

— Это мой друг, мистер Болдуин, наш новый постоялец. Мистер Макмердо, позвольте вам представить мистера Болдуина.

Мужчины хмуро кивнули друг другу.

— Возможно, мисс Этти говорила вам о наших с ней отношениях? — сказал Болдуин.

— Я так понял, что никаких отношений между вами нет.

— Вы так поняли? Теперь, может быть, поймете иначе. Я сообщаю вам, эта барышня — моя, а вам представляется возможность убедиться, что сейчас прекрасная погода для прогулки.

— Благодарю, но у меня нет настроения сейчас гулять.

— Нет настроения? — В злобных глазах Болдуина зажегся огонек бешенства. — Может, вы в настроении подраться, мистер Постоялец?

— А вот это пожалуйста! — вскочил на ноги Макмердо. — С превеликим удовольствием.

— Ради бога, Джек! О, ради всего святого! — в отчаянии воскликнула бедная Этти. — О, Джек, Джек! Он тебя изувечит!

— Ах, он, оказывается, уже Джек? — Болдуин выругался. — Вот до чего дошло!

— Тед, умоляю, не сердись! Ради меня, Тед, если ты меня хоть сколько-нибудь любишь, прояви благородство и снисхождение!

— Я думаю, Этти, если бы ты ушла и предоставила нам самим уладить это дело, мы бы быстро разобрались, — спокойно заметил Макмердо. — А, может быть, вы, мистер Болдуин, согласились бы выйти со мной прогуляться? Погода прекрасная, и поблизости за поворотом есть неплохая открытая площадка.

— Я разделаюсь с тобой, не замарав рук, — отозвался его противник. — Ты еще пожалеешь, что переступил этот порог!

— Зачем же откладывать?

— Я сам выберу время, мистер. Ты мне не указ. Видал вот это? — Он вдруг отвернул обшлаг и обнажил на руке выше запястья странный знак, похожий на клеймо: круг и в нем треугольник. — Знаешь, что это такое?

— Не знаю и знать не хочу!

— Ничего, узнаешь, за это я ручаюсь. Притом скоро. Возможно, мисс Этти кое-что тебе объяснит. А что до тебя, Этти, ты приползешь ко мне на коленях — слышишь, моя милая? На коленях! И я назначу тебе наказание. Что посеяла, то и пожнешь, уж я об этом позабочусь!

Свирепо взглянув на девушку, он повернулся на каблуках, и мгновенье спустя за ним с шумом захлопнулась входная дверь. Макмердо и Этти минуту стояли молча. Потом она обвила его шею руками.

— О, Джек, ты такой храбрый! Но все равно, выхода нет, тебе надо бежать! Сегодня же, Джек, до наступления ночи! Это единственная надежда. Не то он явится с другими, чтобы тебя убить, я прочла это в его страшном взгляде. Ты бессилен один против дюжины, да еще за ними босс Макгинти и вся их могущественная ложа!

Макмердо расцепил ее руки, поцеловал ее и бережно усадил обратно в кресло.

— Успокойся, моя красавица, успокойся! Не дрожи и не волнуйся за меня. Я ведь и сам Свободный Работник. Сейчас я пойду и втолкую это твоему отцу. Может, я не лучше их. Так что не делай из меня святого. Может, теперь ты и меня возненавидишь, после того как я тебе признался?

— Возненавидеть тебя, Джек? Никогда, пока я жива! Я слышала, что повсюду в мире не считается зазорным принадлежать к братству Свободных Работников, но только не здесь. За что же я стала бы ненавидеть тебя? Но если ты тоже Свободный Работник, Джек, почему бы тебе не пойти и не заключить союз с боссом Макгинти? Поспеши, Джек, не теряй ни минуты!

— Я и сам так думаю, — сказал ей Макмердо. — Пойду прямо сейчас и все улажу. А ты скажи отцу, что нынче я ночую здесь, а завтра утром съеду.

В салуне у Макгинти всегда было полно народу: здесь любила собираться вся грубая публика города. Простецкие, шутливые замашки Макгинти, которые были на самом деле маской, многое скрывающей от глаз, вызывали у этих людей симпатию. Но они его еще и боялись, боялись и в городе, и во всей тридцатимильной долине Вермиссы, и по обе стороны от перевала, и одного этого страха было довольно, чтобы наполнить народом его салун; ибо никто не отваживался, выказав неуважение, потерять его благосклонность.

К тому же он был большим городским начальником, муниципальным советником и главой комитета по дорожному строительству, избранным на эти должности благодаря голосам головорезов, рассчитывавших на его благодарность. Поборы и налоги в городе были огромные; общественные работы заброшены; отчеты с помощью подкупленных аудиторов подделывались, а перепуганным гражданам оставалось лишь отдавать то, что у них открыто вымогали, и держать язык за зубами из опасения худшего.

Вот каким образом бриллиантовые булавки в галстуке Макгинти год от года становились все огромнее, золотые цепи поперек жилетки — все весомее и сами жилетки — все наряднее. Да и салун его все расширялся, пока не занял чуть ли не всю сторону Центральной площади.

Макмердо распахнул двери салуна и стал пробираться через толпу, сквозь табачный дым и спиртной дух. Салун был ярко освещен, и висящие по стенам большие зеркала в золоченых рамах многократно отражали и усиливали это сияние. За широкой, обитой медью стойкой суетились несколько барменов в белых рубахах, смешивая и подавая напитки теснящимся посетителям. А у конца стойки, привалившись животом и пожевывая торчащую изо рта сигару, стоял крупный, широкоплечий мужчина, который мог быть только самим достославным боссом Макгинти, — эдакий темноликий великан, по самые глаза заросший смоляной бородой и с густой черной гривой до плеч; смуглостью он походил на итальянца, а черные мертвенно-матовые глаза, к тому же еще косящие, придавали ему поистине зловещий вид. В остальном же его наружность — могучий рост, правильные черты и простецкие замашки — вполне соответствовала той шутливой панибратской манере, которую он для себя избрал. Вот, сказал бы всякий при взгляде на него, честный,

прямодушный малый, у которого наверняка доброе сердце, как бы ни были грубы и безыскусны его речи. Но когда человек встречал взгляд этих мертвенных черных глаз, такой глубокий и неумолимый, хотелось спрятаться, забиться в угол, ибо возникало ощущение, что перед тобой — само воплощение зла.

Присмотревшись к нему, Макмердо стал спокойно, работая локтями, пробираться туда, где в окружении свиты, раболепно смеявшейся над малейшей шуткой всемогущего босса, стоял Макгинти. Серые глаза молодого гостя бесстрашно глядели навстречу черному взгляду хозяина, уже заприметившего его приближение.

— Что-то, парень, мне твое лицо вроде бы незнакомо.

— Я здесь человек новый, мистер Макгинти.

— Не настолько новый, чтобы не знать, как правильно ко мне обращаться.

— Это советник Макгинти, молодой человек, — услужливо подсказал голос из толпы.

— Простите, советник. Я незнаком со здешними обычаями. Но мне рекомендовали повидать вас.

— Что ж, вот он я, и ты меня видишь. Ну и как я тебе?

— Пока еще рано судить. Если ваша душа так же велика, как ваше тело, и так же прекрасна, как лицо, то лучшего и желать не приходится, — ответил Макмердо.

— Ах ты черт! Ишь как его ирландский язык хорошо подвешен! — воскликнул хозяин, еще не решивший, то ли посмеяться вместе с дерзким гостем, то ли изобразить оскорбленное достоинство. — Стало быть, мою внешность ты одобряешь?

— Ясное дело, — ответил Макмердо.

— И тебе рекомендовали меня повидать?

— Да.

— А кто же это тебе рекомендовал?

— Брат Сканлан из 341-й ложи в Вермиссе. Пью за ваше здоровье, советник, и за наше будущее близкое знакомство.

Он поднес к губам стакан и осушил его.

Макгинти, внимательно за ним наблюдавший, вздернул лохматые черные брови.

— О, вот оно что, — проговорил он. — Тут надо будет кое в чем удостовериться, мистер...

— Макмердо.

— Н-да, удостовериться, мистер Макмердо; потому что в нашем краю мы не принимаем людей просто так и не всему, что нам говорят, верим. Зайдем сюда на минуту.

Макгинти провел его в комнату за стойкой, где вдоль стен рядами стояли бочки. Он плотно закрыл дверь и уселся на одну из бочек, задумчиво пожевывая сигару и разглядывая гостя своими неприятно-загадочными глазами. Минуты две оба молчали. Макмердо спокойно выдержал его взгляд. Внезапно Макгинти пригнулся, и в руке у него оказался далеко не игрушечный револьвер.

— Слушай меня, шутник, — проговорил он. — Если увижу, что ты с нами игры играешь, тебе не поздоровится.

— Странное приветствие мастера ложи Свободных Работников новоприбывшему брату, — с достоинством произнес Макмердо.

— Последнее тебе надо еще доказать, — отозвался Макгинти. — И моли Бога о спасении, если тебе это не удастся! Где тебя принимали?

— В двадцать девятой ложе, город Чикаго.

— Когда?

— 24 июня 1872 года.

— Кто там мастер?

— Джеймс Х. Скотт.

— Кто районный руководитель?

— Бартоломью Уилсон.

— Гм. Чешешь гладко. Что ты делаешь здесь?

— Работаю, как и вы, только зарабатываю поменьше.

— На ответы ты скор.

— Да, я всегда был скор на слова.

— А на дела?

— Кто близко меня знал, всегда считали меня быстрым на руку.

— Что ж, мы тебя испытаем, и может статься раньше, чем ты думаешь. Что ты слышал о здешней ложе?

— Слышал, что надо быть мужчиной, чтобы вступить в нее.

— Твоя правда, Макмердо. Почему ты уехал из Чикаго?

— На этот вопрос я вам не отвечу!

Макгинти вздернул брови. Он не привык, чтобы с ним так разговаривали, и оживился.

— Почему ты не хочешь отвечать?

— Потому что брат брату не должен лгать.

— Значит, правда такова, что сказать страшно?

— Это уж понимайте как хотите.

— Послушай, парень, не могу же я как мастер ложи принять к нам человека, прошлого которого не знаю.

Макмердо взглянул на него в замешательстве. А потом вынул из внутреннего кармана истертую газетную вырезку.

— А вы не донесете?

— Я оботру руку о твою рожу за такие слова! — вспыхнул Макгинти.

— Вы правы, советник, — смиренно признал Макмердо. — Приношу извинения. Ляпнул не подумав. Знаю, с вами мне ничего не угрожает. Взгляните на эту вырезку.

Макгинти скользнул глазами по заметке, где сообщалось, что в первую неделю 1874 года в салуне "Озерный" на Маркет-стрит, в Чикаго, был застрелен некий Джонас Пинто.

— Твоя работа? — уточнил он, возвращая газетный листок.

Макмердо кивнул.

— За что же ты его?

— Я помогал дяде Сэму чеканить доллары. Может быть, в моих золото было не такой высокой пробы, как у него, но вид они имели такой же и изготавливать их было дешевле. А этот тип Пинто помогал мне их толкать...

— Толкать?

— Да, запускать в обращение. А потом заявил, что донесет на меня. Может, он и донес, не знаю, я не стал дожидаться, что будет, просто застрелил его и подался в угольные края.

— Почему в угольные?

— Читал в газетах, что там не особенно смотрят, кто да что.

Макгинти рассмеялся.

— Так ты чеканил фальшивую монету, убил человека, а потом приезжаешь сюда и думаешь, что тебе будут рады?

— Да, думаю, что будут, — подтвердил Макмердо.

— Что ж, ты далеко пойдешь. Скажи-ка, ты и теперь можешь нашлепать долларов?

Макмердо вынул из кармана горсть монет.

— Эти филадельфийский монетный двор не прошли, — похвастал он.

— Ну да? — На своей большой и волосатой ладони Макгинти поднял монеты к лампе. — Ей-богу, не видно подделки. Похоже, ты будешь у нас ценным собратом! Нам не помешает парочка таких ребят, брат Макмердо. А то иначе нас быстро прижмут к стенке, если сами не навалимся на тех, кто на нас давит.

— Готов навалиться вместе со всеми.

— Вижу, ты не из пугливых, не сдрейфил, когда я наставил на тебя пушку.

— Опасность грозила не мне.

— А кому же?

— Вам, советник. — Макмердо достал из бокового кармана своей тужурки взведенный револьвер. — Я все время держал вас на мушке. Думаю, мой выстрел не отстал бы от вашего.

— Ну и ну! — Макгинти покраснел от злости, но потом разразился хохотом. — Ей-богу, давно у нас не появлялись такие лихие молодчики. Наша ложа, похоже, еще будет гордиться тобой... А тебе какого черта здесь надо? Пяти минут не могу поговорить с джентльменом с глазу на глаз, тут же лезут!

В дверях топтался смущенный бармен.

— Прошу меня простить, советник, но там пришел Тед Болдуин. Говорит, ему срочно необходимо вас видеть.

Сообщение это было излишним, ибо из-за плеча слуги уже высунулось свирепое лицо самого Болдуина. Он оттолкнул растерянного бармена и захлопнул у того перед носом дверь.

— Значит, вот оно как? — Он бросил на Макмердо яростный взгляд. — Ты, стало быть, опередил меня? Советник, мне надо сказать вам пару слов насчет этого типа.

— Вот и говори при мне! — крикнул ему Макмердо.

— Я буду говорить когда мне удобно и при ком захочу.

— Ай-ай-ай, — произнес Макгинти, вставая с бочки. — Куда же это годится? К нам явился новый брат. Разве так полагается его привечать, а, Болдуин? Протяни руку и давайте миритесь.

— Ни за что! — взревел Болдуин.

— Я предлагал ему драться, если он считает, что я нанес ему обиду, — сказал Макмердо. — Готов на кулаках, а не хочет на кулаках, согласен на

любые другие условия. Предоставляю вам, советник, рассудить нас, как и положено мастеру ложи.

— А что же между вами?

— Юная леди, которая вправе выбирать.

— Нет, не вправе!

— Между двумя членами ложи, полагаю, она имеет право выбора, — вынес решение босс.

— Значит, вот каков ваш суд?

— Да, Тед Болдуин, таков мой суд, — повторил Макгинти грозно. — Не думаешь ли ты его оспорить?

— Вы готовы предать того, кто стоял за вас пять лет, ради чужака, которого видите первый раз в жизни? Джек Макгинти, мастер ложи — звание не пожизненное, и, клянусь Богом, когда придет срок нового голосования...

Как тигр набросился советник на Болдуина. Огромная ручища сомкнулась у того на горле и повалила злосчастного на бочки. Охваченный бешенством, Макгинти совсем задушил бы его, если бы не вмешался Макмердо.

— Спокойнее, советник, бога ради, спокойнее, не надо так! — произнес он, оттаскивая разъяренного босса.

Макгинти разжал пальцы, и Болдуин, потрясенный, судорожно хватая ртом воздух и весь содрогаясь, как человек, только что заглянувший в глаза смерти, приподнялся и сел на бочке.

— Ты уже давно напрашивался на это, Тед Болдуин, вот и получил! — крикнул Макгинти. Его широкая грудь вздымалась и опадала. — Уж не возомнил ли ты, что, если меня не выберут мастером, место достанется тебе? Там посмотрим, это ложе решать. А пока я здесь главный, никому не позволю поднимать голос против меня и оспаривать мой суд.

— Я не против вас, — прохрипел Болдуин, ощупывая шею.

— Ну и ладненько! — воскликнул босс весело и по-свойски, как ни в чем не бывало. — Мы опять добрые друзья, и дело с концом.

Он снял с полки бутылку шампанского.

— Предлагаю тост примирения, принятый в нашей ложе, — продолжал он, разливая вино в три высоких стакана. — После этого, как вы знаете, все обиды забываются. Итак, левую руку мне на шею, Тед Болдуин, и я спрашиваю тебя: в чем обида, сэр?

— Тучи собрались, — отозвался Болдуин.

— Но они всегда расходятся.

— И в том я клянусь!

Они осушили свои стаканы, и та же церемония была повторена между Болдуином и Макмердо.

— Ну вот, — проговорил Макгинти, потирая руки. — Вражда забыта. Кто вспомянет, с тем разберется ложа, а у нас с этим делом строго, брат Болдуин знает, и ты тоже, брат Макмердо, живо в этом убедишься, если вздумаешь лезть на рожон.

— Да нет, я не из таких, — ответил Макмердо и протянул руку Болдуину. — Я скор на ссору, но скор и на примирение. Говорят, это все моя горячая ирландская кровь. Что прошло, то забыто, я больше зла на тебя не держу.

Болдуину ничего не оставалось, как пожать протянутую руку, уж слишком грозен был взгляд босса. Но по хмурому выражению его лица было видно, как мало подействовали на него мирные слова Макмердо.

Советник хлопнул того и другого по плечу.

– Эх! – воскликнул он. – Уж эти мне барышни! Надо же, из-за одной и той же юбки повздорили двое моих парней! Вот незадача, черт подери. Но тут уж пусть сама красотка решает, в обязанности мастера ложи, слава богу, это не входит. У нас и без женщин забот выше головы. Ты принимаешься в ложу 341, брат Макмердо. У нас свои обычаи, отличные от чикагских. В субботу вечером мы устраиваем сходку, приходи, и о тебе узнает вся долина.

Глава 3
Вермисса, ложа 341

На следующий день после всех этих событий Макмердо перебрался от старого Джейкоба Шафтера в дом вдовы Макнамары на самой окраине города. Тогда же в Вермиссу по своим делам переехал Сканлан, с которым они познакомились еще в поезде, и они поселились вместе. Больше жильцов в доме не было, а хозяйка, добродушная старуха-ирландка, не докучала им своим вниманием; так что они получили свободу слова и дела, так высоко ценимую теми, у кого есть общие секреты.

Шафтер настолько смилостивился, что позволил Макмердо когда угодно приходить есть в его салун, и отношения его с Этти вовсе не были прерваны, а наоборот становились все теснее и ближе с каждым днем.

На новом месте Макмердо чувствовал себя настолько в безопасности, что решился достать и установить свой монетный чекан и под страшной клятвой о неразглашении показал его кое-кому из собратьев по ложе. Каждый из гостей уносил в кармане образцы фальшивых монет, так умело подделанных, что сбывать их было легче легкого. Собратья не переставали дивиться, почему, владея таким искусством, Макмердо не гнушался обыкновенной работы; но всякому, кто задавал подобный вопрос, он объяснял, что отсутствие законного заработка очень скоро привлекло бы к нему внимание полиции.

Впрочем, один полицейский все-таки напал на его след, но по воле случая это принесло молодому авантюристу гораздо больше пользы, чем вреда. Макмердо почти каждый вечер бывал в салуне Макгинти, не упускал случая поближе познакомиться с "ребятами" – так шутливо называли друг дружку члены банды, державшей в страхе город. Лихие ухватки и бесстрашные речи завоевали ему общую любовь, а отточенное мастерство, с которым он однажды отделал кулаками противника во время общей свалки в баре, внушили этой грубой публике глубокое к нему уважение. Но вскоре он вознесся в их глазах еще выше.

Однажды поздно вечером, когда в салун набилось полно народу, открылась дверь, и вошел человек в темно-синем мундире и фуражке – шахтовый полицейский из специального подразделения стражей по-

рядка, которое совместно содержали железнодорожные власти и владельцы шахт в помощь муниципальной полиции, совершенно беспомощной перед организованным бандитизмом, терроризировавшим весь район. При его появлении все примолкли; на вошедшего со всех сторон устремились любопытные взгляды. Но в Соединенных Штатах кое-где отношения между преступниками и полицией весьма своеобразны, и сам Макгинти, стоящий за прилавком, не выказал ни малейшего удивления тем, что у него в салуне объявился такой клиент.

— Мне неразбавленного виски, на улице лютый холод, — сказал полицейский. — Мы, кажется, до сих пор не встречались, советник?

— Вы, стало быть, новый капитан? — откликнулся Макгинти.

— Я самый. Мы надеемся, что вы, советник, и другие видные горожане помогут нам в деле поддержания закона и порядка в этом городе. Капитан Марвин мое прозвание.

— Мы бы лучше управились без вашего вмешательства, капитан Марвин, — холодно отозвался Макгинти. — У нас в городе есть своя полиция, и в привозном товаре никто не нуждается. Вы ведь просто платное орудие капиталистов, вас наняли бить дубинками и расстреливать из ружей ваших неимущих сограждан.

— Ну, ну, не будем спорить, — добродушно ответил полицейский. — Полагаю, каждый исполняет свой долг, как его понимает.

Он осушил свой стакан и, собравшись уходить, повернулся к дверям, но тут заметил Макмердо, который, насупившись, стоял неподалеку.

— А, привет! — воскликнул капитан Марвин. — Старый знакомый!

Макмердо попятился.

— Я никогда не был в дружбе ни с тобой, ни с каким другим чертовым фараоном, — процедил он сквозь зубы.

— Знакомый — не всегда друг, — ухмыльнулся полицейский капитан. — Но ты — Джек Макмердо из Чикаго, ты ведь не будешь этого отрицать.

Макмердо пожал плечами.

— Я и не отрицаю. Уж не воображаешь ли ты, что я стыжусь своего имени?

— Возможно, на то у тебя есть причина.

— Ты на что намекаешь? — прорычал Макмердо, сжав кулаки.

— Ну, ну, Джек, меня на горло не возьмешь. Я работал в чикагской полиции до того, как попал в этот угольный погреб. И чикагского мошенника узнаю с первого взгляда.

У Макмердо вытянулось лицо.

— Неужто ты тот самый Марвин из чикагского централа?

— Я самый. Тедди Марвин к вашим услугам. Мы там не забыли, как был застрелен Джонас Пинто.

— Я в него не стрелял.

— Не стрелял? Надежные показания незаинтересованного свидетеля, а? Во всяком случае, его смерть пришлась тебе очень кстати, иначе бы тебя упекли за фальшивую монету. Ну да ладно, кто старое помянет... Между нами говоря (это я тебе сообщаю не по долгу службы), собрать против тебя доказательства не удалось, так что можешь хоть завтра возвращаться в Чикаго.

— Мне и здесь хорошо.

— Дело твое. Я тебе намекнул, а ты будешь неблагодарный пес, если не скажешь за это спасибо.

— Что ж, думаю, ты говоришь по доброте душевной, так что спасибо, — не слишком любезно отозвался Макмердо.

— От меня никто слова не услышит, пока я буду знать, что ты живешь честно, — сказал капитан. — Но, клянусь Богом, если ты опять свернешь с прямого пути, тут уж не взыщи! Ну, доброй тебе ночи. И доброй ночи вам, советник.

Полицейский покинул салун, но он успел создать образ героя. О подвигах Макмердо в далеком Чикаго ходили в Вермиссе слухи и раньше. Сам он на все вопросы с улыбкой отмалчивался, как человек, не рвущийся к славе. Но теперь то, о чем шептались, получило официальное подтверждение. Завсегдатаи бара столпились вокруг, чтобы пожать ему руку. Отныне он стал своим в их среде. Он умел пить не пьянея; но в тот вечер, не окажись друг Сканлан поблизости, чтобы довести его до дому, ночевать бы герою, с которым каждый непременно хотел выпить, под стойкой.

В субботу вечером Макмердо был представлен ложе. Он рассчитывал, что его примут сразу, без лишних церемоний, поскольку он уже прошел инициацию в Чикаго, но не тут-то было: в Вермиссе были свои правила, которыми здесь очень гордились, и каждый вновь поступающий обязан был пройти через определенный обряд. Собрание происходило в просторном помещении Дома Союза, специально предназначенном для этих целей. Здесь расположились около шестидесяти членов ложи; но это были далеко не все Свободные Работники Вермиссы, потому что в долине имелись и другие ложи по ту сторону перевала, и на серьезное дело из любой из них отбирались люди, так что преступление совершали не местные, а посторонние. В общей сложности по всему угледобывающему району было разбросано не менее пятисот лож.

Собравшиеся расселись в пустом зале за длинным столом. Рядом стоял второй стол, уставленный бутылками и стаканами, и кое-кто из сидящих уже озирался на них в предвкушении выпивки. Макгинти восседал на почетном месте. На голове у него, едва прикрывая всклокоченные черные кудри, была плоская шапочка из черного бархата; с плеч свисал лиловый шарф, наподобие епитрахили, так что он был похож на жреца, свершающего некий дьявольский ритуал. По правую и по левую руку от него расположились братья, занимающие в ложе более или менее высокие должности, среди них виднелось жестокое красивое лицо Теда Болдуина. На каждом был либо шарф, либо бляха — знак той или иной должности.

В основном это были люди в годах, но имелись и юнцы от восемнадцати до двадцати пяти лет, умелые и всегда готовые выполнить приказания командиров. В чертах старших уже отчетливо проявилось их свирепое звериное нутро; но, глядя на открытые молодые лица рядовых членов ложи, трудно было представить, что видишь, в сущности, беспощадных убийц с исковерканными душами, что здесь гордятся своим кровавым искусством и с глубоким почтением взирают на того, кто славится как специалист по "чистой работе", так у них это называлось.

У этих страшных людей почиталось доблестью и заслугой вызваться на дело против кого-то, кто в жизни не причинил им ничего худого, кого они подчас до того и в глаза не видели. Совершив преступление, они пускались в спор, чей именно удар оказался смертельным, и, веселясь и веселя остальных, изображали предсмертные вопли и корчи жертвы.

Поначалу такие дела творились под покровом некоторой тайны, но к тому времени, к которому относится данный рассказ, все цинично проделывалось в открытую, так как закон перед ними оказался бессилен: во-первых, никто не отваживался свидетельствовать против них в суде; во-вторых, к их услугам имелось сколько угодно верных людей, готовых показать все, что им ни потребуется; и в-третьих, в их распоряжении был полный сундук денег, откуда можно было черпать средства для оплаты лучших адвокатов страны. За десять долгих лет торжества беззакония не был вынесен ни один обвинительный приговор, и единственную опасность для этих убийц представляли только сами жертвы, которым нет-нет да удавалось даже в неравной схватке оставить кровавый след на теле кого-нибудь из нападавших.

Макмердо предупредили, что ему предстоит пройти испытания. Но в чем они будут состоять, никто не объяснил. И вот теперь двое дюжих парней ввели его в прихожую. За дощатой перегородкой раздавались голоса собравшихся. Раз или два он уловил свое имя — очевидно, обсуждалась его кандидатура. Наконец, из зала в прихожую вышел страж с золотой и зеленой лентами через плечо.

— Мастер ложи распорядился, чтобы ему связали руки, завязали глаза и ввели, — объявил он.

Втроем они сняли с него сюртук и, закатав рукав рубахи на правой руке, связали руки выше локтей. На голову надели колпак из черной материи, закрывший всю верхнюю половину лица так, чтобы ему ничего не было видно. В таком виде его ввели в зал собрания.

Под колпаком было темно и душно. Слышались какие-то шорохи и голоса. Потом, словно издалека, раздался голос Макгинти:

— Джон Макмердо, ты уже являешься членом древнего Ордена Свободных Работников?

Он слегка поклонился.

— Твоя ложа — номер 29, Чикаго?

Он опять поклонился.

— Темные ночи неприютны, — произнес голос.

— Да, для приезжего в чужой стороне, — отозвался он.

— Тучи собираются.

— Да, близится гроза.

— Ну как, братья, вы удовлетворены? — послышался вопрос мастера ложи.

Раздался общий гул согласия.

— Мы видим, брат, по твоим знакам и отзывам, что ты один из нас, — сказал Макгинти. — Но да будет тебе известно, что в этом графстве и в других графствах в здешнем краю имеются свои правила и свои обязанности, поэтому нам требуются надежные люди. Ты готов подвергнуться испытаниям?

— Готов.

— Храбрый ли ты человек?

— Да.

— Сделай шаг вперед, чтобы доказать это.

При этих словах он почувствовал, как два острия надавили ему на глаза, так что казалось, сделать шаг вперед, значило лишиться обоих глаз. Однако он взял себя в руки и решительно шагнул навстречу опасности. Два острия мгновенно исчезли. Послышался тихий гул одобрения.

— Да, он храбр, — сказал голос. — Ты способен переносить боль?

— Не хуже других, — ответил Макмердо.

— Испытайте его!

Он еле удержался от того, чтобы не заорать: его оголенную правую руку пронзила страшная боль. Он едва не лишился сознания, но прикусил губу, сжал кулаки и не показал виду.

— Могу вытерпеть и больше, — выговорил он.

На этот раз все шумно зааплодировали. Так великолепно у них еще никто не выдерживал вступительного испытания. Его шлепали по спине, сорвали колпак с головы. Он стоял среди поздравляющих, хлопал глазами и улыбался.

— Еще одно, последнее слово, брат Макмердо, — сказал Макгинти. — Ты уже дал клятву хранить тайну и верность, понимаешь ли ты, что расплата за ее нарушение — неотвратимая и немедленная смерть?

— Да, — ответил Макмердо.

— И ты принимаешь власть того, кто будет над тобой мастером, что бы ни случилось?

— Да.

— Тогда от имени ложи 341 в Вермиссе я приветствую тебя и приглашаю разделить ее привилегии. Вино на стол, брат Сканлан, и выпьем за нашего достойного брата!

Новому брату вернули сюртук, но прежде чем надеть его, он осмотрел свою правую руку, причинявшую ему сильную боль. На коже выше запястья горел круг и в нем треугольник — след, прожженный железным клеймом. Кое-кто из соседей по столу завернули рукава и показали ему такие же клейма.

— Оно есть у нас у всех, — сказал один. — Но не все выказали такую стойкость, как ты, когда его получали.

— Пустяки, — отмахнулся Макмердо; но на самом деле рука страшно болела.

Когда было выпито вино по случаю приема нового члена, приступили к насущным делам ложи. Макмердо, знакомый только с простыми чикагскими делами, слушал, развесив уши и испытывая глубокое изумление, которое он старался не показывать.

— Первый пункт в повестке, — начал Макгинти. — Читаем письмо от мастера Уиндла из графства Мертон, ложа 249. Вот что он пишет: "Дорогой сэр! Надо кое-что предпринять с Эндрю Рэем из компании 'Рэй и Стермаш, местные шахтовладельцы'. Ваша ложа, как помнится, задолжала нам услугу за услугу, ведь к вам прошлой осенью были направлены два брата по делу участкового полицейского. Пришлите двоих крепких ребят, пусть доложатся казначею нашей ложи Хиггинсу, адрес которого вам известен. Он укажет, когда приступать и где. Ваш брат по свободе

Дж. У. Уиндл, М. Л. О. Св. Р.". Уиндл ни разу не отказывал нам, если мы просили прислать одного-двух человек, так что и нам не пристало отказывать ему в просьбе. — Макгинти умолк и обвел помещение тусклыми злыми глазами. — Ну, кто вызовется на это дело?

Подняли руки несколько парней. Мастер ложи оглядел всех, одобрительно ухмыляясь.

— Ты пойдешь, Тигр Кормак. Если управишься так же ловко, как прошлый раз, будешь молодцом. И ты, Уилсон.

— У меня нет револьвера, — пожаловался доброволец, совсем еще зеленый юнец.

— Это твой первый выход, верно? Рано или поздно каждому надо принять крещение кровью. Славное будет начало. Ну а револьвер тебя дожидается. На место вам следует явиться в понедельник, времени будет достаточно. А по возвращении вас ждет самый горячий прием.

— А вознаграждение на этот раз полагается? — спросил Кормак, темнолицый, грубый парень, получивший за зверский нрав прозвище Тигр.

— Вознаграждение ни при чем, — ответил Макгинти. — Это дело чести, но, может быть, когда вернешься, на дне общего ящика найдется несколько лишних долларов.

— А в чем он виновен, этот человек? — задал вопрос юный Уилсон.

— Ну, это уж не твоего ума дело — интересоваться, в чем он виновен. Его приговорили в 249-й ложе. А нас это не касается. От нас, раз они просят, требуется только привести приговор в исполнение. И кстати сказать, на той неделе к нам прибудут двое из мертонской ложи, чтобы обделать одно дельце в наших местах.

— Кто такие? — поинтересовался один из присутствующих.

— Лучше не знать. Кто ничего не знает, тот и показать ничего не сможет, и никакого вреда из этого не произойдет. Но люди они надежные и работу, коли берутся, делают чисто.

— Давно пора! — воскликнул Тед Болдуин. — Тут народ совсем от рук отбился. Вот только на прошлой неделе десятник Блейкер рассчитал троих наших людей. Он давно напрашивается и теперь получит по заслугам.

— Получит — что? — шепотом осведомился у соседа Макмердо.

— Как что? Заряд дроби! — расхохотался тот. — Нравятся тебе, брат, наши методы?

Криминальная душа Макмердо уже прониклась духом этого подлого сборища, членом которого он теперь стал.

— Нравятся вполне, — ответил он. — Подходящие методы для человека с характером.

Кое-кто из сидевших поблизости, услышав эти слова, громко выразил одобрение.

— В чем дело? — крикнул черногривый мастер ложи с другого конца стола.

— Да вот, наш новый брат, сэр, одобряет наши методы.

Макмердо тут же вскочил и провозгласил:

— Хочу сказать, достопочтенный мастер, если потребуется исполнитель, я почел бы за честь быть избранным для дела!

Все радостно загудели.

— Выдвигаю предложение, — произнес сидевший рядом с председателем секретарь Харрауэй, похожий на сивобородого стервятника, — чтобы брат Макмердо повременил, покуда ложа не сочтет нужным прибегнуть к его услугам.

— Ну да, я это и говорю: отдаю себя в ваши руки, — отозвался Макмердо.

— Твой срок придет, брат, — сказал ему председатель. — Мы взяли тебя на заметку как добровольца и верим, что ты еще отличишься в наших краях. У нас тут есть одно небольшое дельце, и ты можешь принять в нем участие, коль будет охота.

— Я лучше подожду чего-нибудь посерьезнее.

— Ну, все равно, можешь прийти к ночи, посмотришь своими глазами, за что мы стоим. Об этом позже. А пока, — он заглянул в повестку дня, — собрание еще должно обсудить два или три пункта. Во-первых, вопрос к казначею: что у нас на банковском счете? Надо назначить пенсию вдове Карнауэя. Он погиб, выполняя работу для ложи, и наша обязанность позаботиться о том, чтобы вдова не испытывала нужды.

— Джим получил пулю в лоб месяц назад при попытке убить Честера Уилкокса в поселке Марли-Крик, — пояснил Макмердо сосед.

— В настоящее время на счете сумма немалая, — доложил казначей, заглядывая в банковскую книжку. — Фирмы не скупились на взносы. "Макс Линдер и К°" выплатили пять сотен за то, чтобы их оставили в покое. "Братья Уокеры" прислали сотню, но я взял на себя смелость вернуть ее назад и потребовать пятьсот. Если до среды ответа не будет, у них может выйти из строя подъемный механизм. В прошлом году нам пришлось спалить их дробилку, чтобы они заговорили по-другому. Внесла ежегодный взнос Западная угольная компания. Так что у нас на руках сейчас достаточно, чтобы расплатиться по всем обязательствам.

— А как насчет Арчи Суиндона? — спросил кто-то.

— Этот продал дело и покинул наши края. Оставил записку, старая скотина, что лучше свободным мести улицы в Нью-Йорке, чем владеть шахтой под властью банды вымогателей. Пусть благодарит Бога, что успел смыться, прежде чем мы получили его записку. Надо думать, в эту долину он больше носа не сунет.

С противоположного председательскому конца стола поднялся пожилой бритый мужчина с добрым лицом и широким лбом.

— Мистер казначей, — обратился он к докладчику, — можно спросить? Кто приобрел собственность этого человека, которого мы заставили покинуть здешние места?

— Да, брат Моррис. Она была куплена Железнодорожной компанией штата и графства Мертон.

— А кто купил шахты Тодмена и шахты Ли, попавшие на рынок таким же образом в прошлом году?

— Та же компания, брат Моррис.

— А кем приобретены чугуноплавильные заводы Мэнсона, Шумана, Ван Деера и Атвуда, которые тоже были вынуждены закрыть свои предприятия в последние годы?

— Эти заводы были скуплены Вест-Гилмертонской компанией "Дженерал Майнинг компани".

— Я не понимаю, брат Моррис, — вмешался председатель, — какое нам дело, кто их купил, ведь из здешних краев они их не вывезут?

— Со всем моим уважением позвольте заметить, досточтимый мастер ложи, думаю, для нас это имеет большое значение. Вот уже десять долгих лет мы постепенно выживаем отсюда мелких предпринимателей. И каков результат? Их сменяют крупные компании, вроде Железнодорожной или "Дженерал айрон", чьи директора живут в Нью-Йорке или Филадельфии и недоступны нашим угрозам. Мы, правда, можем собирать дань с местных управляющих, но это приведет только к тому, что их отзовут и взамен пришлют других. Кроме того, мы ставим себя в опасное положение. Люди маленькие не могут причинить нам вреда, у них нет на это ни денег, ни влияния. Если мы не будем выдаивать их досуха, они останутся в нашей власти. Но стоит этим компаниям-гигантам раскусить, что мы мешаем им получать законные доходы, они не пожалеют ни денег, ни усилий, чтобы выследить нас и привлечь к суду.

После этой зловещей речи за столом воцарилась тишина, собравшиеся испуганно переглядывались. Члены ложи ощущали себя такими всемогущими и неуязвимыми, что мысль о возможной расплате просто не приходила им в голову. Теперь же похолодели все, включая самых безрассудных.

— Мое мнение, — продолжал оратор, — нам следует уменьшить давление на малых предпринимателей, ибо в тот день, когда будет изгнан последний из них, могуществу нашей организации придет конец.

Неприятные истины никого не радуют. Моррис сел. Раздались сердитые возгласы. И тут с нахмуренным челом поднялся Макгинти.

— Брат Моррис, — произнес он, — ты всегда брюзжишь и каркаешь. До тех пор пока члены этой ложи стоят друг за друга, нет такой силы в Соединенных Штатах, которая бы нас одолела. Разве мало было судебных процессов, когда мы могли в этом убедиться? Думаю, крупные компании тоже придут к выводу, что выгоднее платить, чем драться. Ну а теперь, братья, — он снял черную шапочку и шарф, — вопросы на сегодня исчерпаны, осталось только одно маленькое дельце, о котором успеется, когда будем расходиться. Настало время гармонии и братских возлияний.

Странно устроен человек. В зале сидели люди, для которых убийство — привычное дело, которые без тени сожаления лишали жизни ничем перед ними не провинившегося отца семьи, не задумываясь о судьбе бедной вдовы и малых детей, — и тем не менее, слыша горестную, заунывную песню, они были способны проливать слезы. У Макмердо был неплохой тенор, он уже и так завоевал расположение ложи, но теперь он потряс души братьев балладами "Я жду у калитки, Мэри" и "На берегу Аллан-реки", и все прониклись к нему безоговорочной симпатией.

Так вышло, что новичок в первый же вечер стал одним из самых популярных членов ложи, которому будущее сулило славную карьеру и высокие посты. Однако, чтобы добиться видного положения в ложе, одного всеобщего расположения было мало, требовалось еще кое-что, в чем ему пришлось убедиться прежде, чем окончился вечер. Бутылка с виски несколько раз обошла братьев по кругу, народ разгорячился и был готов

на все, когда мастер ложи снова встал и обратился к присутствующим с еще одной речью.

— Ребята, — сказал он, — в нашем городе есть один человек, который давно напрашивается, чтобы его научили хорошим манерам, и сделать это должны вы. Я имею в виду Джеймса Стейнджера из "Вестника". Опять он разинул на нас пасть, читали?

В подтверждение поднялся гул голосов, кто-то выругался. Макгинти вынул из жилетного кармана листок.

— "Закон и порядок", вот как он озаглавил свое сочинение. "В краю угля и железа правит страх. Прошло двенадцать лет с тех пор, как первые убийства показали нам, что в нашем городе орудует преступная организация. С того времени злодеяния не прекращались, а только умножались, пока не достигли такого размаха, что мы стали позорищем цивилизованного мира. Неужели для этого наша великая страна зовет к себе чужеземцев, спасающихся от европейского деспотизма? Чтобы они здесь стали сами тиранить людей, давших им приют, чтобы беззаконие и терроризм воцарились под священной сенью звездного флага свободы и чтобы здесь установился такой же режим, как в какой-нибудь умирающей восточной монархии? Люди эти нам известны. Организация их имеет официальный общественный статус. Доколе же мы будем ее терпеть? Неужели нам всю жизнь..." Ну и так далее, довольно слушать эту мерзость! — Председатель швырнул газету на стол. — Вот как он о нас пишет! Я спрашиваю вас, что мы ему ответим?

— Убьем его! — раздался хор свирепых голосов.

— Я протестую, — произнес брат Моррис, человек с бритым лицом и широким лбом. — Говорю вам, братья, мы слишком жестоко правим в этой долине, еще немного, и люди объединятся для самозащиты, чтобы нас уничтожить. Джеймс Стейнджер — старый человек, почитаемый и в городе, и в районе. Его газета отстаивает интересы всех уважаемых жителей Вермиссы. Если этот человек будет убит, по всему штату поднимется возмущение, и дело кончится нашей гибелью.

— И как же это они навлекут на нас гибель, мистер Мое-Дело-Сторона? — крикнул ему Макгинти. — Кто это сделает? Полиция? Так ведь половина полицейских у нас на содержании, а вторая половина перед нами трепещет. Или, может быть, присяжные заседатели и городской судья? Но разве этот способ уже не испробован? И что выходило?

— В городе есть судья Линч, он может взяться за это дело, — сказал брат Моррис.

Его слова были встречены взрывом негодования.

— Да мне довольно пошевелить мизинцем, — возразил Макгинти, — и две сотни людей явятся сюда и очистят город вплоть до самых окраин. — Он вдруг грозно нахмурил свои лохматые черные брови и продолжил громким голосом: — Слушай меня, брат Моррис! Я уже давно к тебе приглядываюсь. Ты не боец и норовишь пригасить боевой пыл в остальных. Смотри, настанет для тебя черный день, когда твое имя появится в повестке нашего схода, и сдается мне, дело к тому идет.

Моррис побледнел как смерть, и, должно быть, колени у него подогнулись, потому что он упал на стул. Дрожащей рукой поднеся ко рту стакан, он сделал несколько глотков, прежде чем смог ответить:

— Приношу извинения, досточтимый мастер ложи, тебе и всем братьям за то, что наговорил лишнего. Я верный член нашей ложи, вы все знаете это, и только беспокойство о благе ложи побудило меня произнести такие тревожные речи. Но я больше доверяю твоему мнению, досточтимый мастер, чем своему собственному, и даю слово, что больше это не повторится, таких речей вы от меня не услышите.

Мастер ложи выслушал эти покаянные слова, и его насупленное чело разгладилось.

— Ну и прекрасно, брат Моррис. Мне и самому было бы жаль, если бы пришлось дать тебе урок. Пока я сижу в этом кресле, наша ложа останется крепко спаянной. А вам, ребята, — обратился он к сидящим за столом, — скажу: действительно, если Стейнджер получит по заслугам, будет столько шума, что это не в наших интересах. Журналисты такой народ, стоят стеной друг за друга, и все газеты штата подымут крик, чтобы вызвать сюда войска и полицейские силы. Так что пусть он просто получит серьезное предостережение и прочувствует хорошенько, чем тут пахнет. Берешься это организовать, брат Болдуин?

— А как же! — горячо воскликнул молодой человек.

— Сколько тебе понадобится людей?

— Полдюжины да еще двое — стоять на стреме. Пойдешь ты, Гауер, и ты, Мэнсел, и ты, Сканлан, и оба Уиллоуби.

— Я обещал новому брату, что он примет участие, — сказал председатель.

Тед Болдуин бросил взгляд на Макмердо, ясно показывающий, что он ничего не забыл и ничего не простил.

— Пожалуйста, пусть и он идет, если хочет. Этого будет довольно. Чем скорее приступим к делу, тем лучше.

Свободные Работники с шумными возгласами, с гоготом и обрывками песен гурьбой ринулись в бар. Там уже было полно посетителей. А маленький отряд, назначенный на дело, выскользнул наружу и двинулся по улице, однако не вместе, а врассыпную, чтобы не привлекать внимание. Ночь была холодная, на усеянном звездами морозном небе сиял полумесяц. Собрались во дворе большого дома. Окна дома были ярко освещены, между окнами на стене блестели золотые буквы вывески: "Вермисский вестник". Изнутри доносился лязг работающей печатной машины.

— Эй, ты, — обратился Болдуин к Макмердо, — останешься стоять внизу у входа, следи, чтобы обратный путь был свободен. Ты и с тобой Артур Уиллоуби. Остальные — за мной. Не беспокойтесь, ребята, у нас есть десяток свидетелей, что мы сейчас выпиваем в "Юнион-баре".

Была уже почти полночь, на пустынной улице лишь редкий гуляка плелся домой после поздней попойки. Болдуин толкнул дверь редакции, и все побежали вверх по лестнице. Макмердо и еще один "свободный работник" остались сторожить у порога. Сверху послышались крики о помощи, топот, грохот опрокидываемых стульев. На площадку выбежал седоволосый мужчина.

Его тут же схватили, по ступеням к ногам Макмердо скатились очки. Удар, глухой стон. Мужчина упал ничком, полдюжины палок обрушились на его спину. Его длинные ноги дергались под ударами. Потом помощники Болдуина отступились, и только он один с дьявольской ухмыл-

кой продолжал орудовать палкой, норовя угодить редактору по голове, которую тот напрасно пытался прикрыть локтями.

— Ты же его убьешь. Брось палку, — крикнул Макмердо, отталкивая его от лежащего.

Болдуин изумленно оглянулся.

— Ты? Чтоб тебе провалиться! Ты же новенький в ложе — а ну, отойди!

Он замахнулся палкой, но Макмердо выхватил из кармана револьвер.

— Сам отойди! — крикнул он. — Я выстрелю тебе в физиономию, если посмеешь ко мне прикоснуться! А что до ложи, то разве мастер не запретил его убивать? Ты же бьешь так, чтобы убить.

— А что, он правду говорит, — сказал один из "свободных работников".

— Эй! Убегаем! — крикнул тот, кто вместе с Макмердо караулил внизу. — На улице зажигаются окна, и через несколько минут против нас будет весь город.

Действительно, на улице слышались крики, а в нижнем коридоре собралась группа печатников и наборщиков, готовясь вступить в драку. Преступники, бросив на лестничной площадке недвижное тело своей жертвы, кубарем скатились вниз и со всех ног помчались по улице. Очутившись в Доме Союза, одни поспешили смешаться с толпой посетителей и шепотом доложили боссу, что все сошло как нельзя лучше. Другие же, и Макмердо в том числе, свернули в переулки, а затем кружными путями добрались к себе домой.

Глава 4
Долина Страха

Проснувшись наутро, Макмердо не мог не вспомнить все подробности своего вступления в 341-ю ложу. Голова болела от избыточных возлияний, клейменая рука воспалилась и распухла. Обладая собственным незаконным источником дохода, Макмердо мог позволить себе иногда не появляться на работе. Без спешки позавтракав, он остался дома и все утро писал длинное письмо другу. Потом развернул газету "Вермисский вестник". Взгляд его упал на специальную колонку, вставленную в последнюю минуту: "Налет на редакцию 'Вестника'. Главный редактор серьезно пострадал". Дальше следовало краткое изложение событий, которые ему были известны лучше, чем автору заметки. Кончалась она так:

Теперь дело в руках полиции; однако едва ли можно ожидать, что усилия полицейских увенчаются бóльшим успехом, чем в предыдущих случаях. Коекто из налетчиков был опознан, и есть все основания для обвинительного приговора. Но вина за это злодеяние лежит, разумеется, на преступной организации, которая уже давно подчинила себе всю округу и против которой так решительно выступила наша газета. Многочисленные друзья мистера Стейн-

джера будут рады узнать, что, несмотря на жестокие побои и полученные ранения головы, жизнь его вне опасности.

Ниже сообщалось, что для охраны редакции приглашен полицейский наряд, вооруженный винчестерами.

Макмердо положил газету и попытался раскурить трубку, держа огонь в дрожащей после вчерашних излишеств руке. В это время в дверь постучали, и хозяйка принесла ему записку, только что доставленную посыльным мальчишкой. Записка была без подписи и содержала всего несколько строк:

Мне надо поговорить с Вами, но лучше не у Вас дома. Вы найдете меня у мачты на Миллеровом холме. Приходите, если можете, прямо сейчас, у меня имеется сообщение, которое Вам будет важно узнать, а мне важно сообщить.

Удивленный Макмердо прочитал записку два раза подряд и ничего не понял. Кто ее написал и что это значит? Будь она написана женской рукой, он бы мог усмотреть тут начало одной из тех интрижек, которые были хорошо ему знакомы по прошлой жизни. Но писал мужчина, притом образованный. Наконец, после некоторых колебаний, Макмердо принял решение выяснить, в чем дело.

На Миллеровом холме в самом центре города раскинулся городской парк. Летом это было любимое место отдыха горожан, но в зимнюю пору он заброшен и неприютен. С холма открывался широкий вид не только на хаотически раскиданные, закопченные городские строения, но и дальше, на долину с разбросанными там и сям шахтами и заводами, от которых почернели снега, и на обступившие ее с обеих сторон лесистые горы с белыми вершинами.

Макмердо шагал по узкой обсаженной кустами дорожке, которая привела его к заколоченному на зиму ресторану, превращавшемуся летом в центр народного гулянья. Рядом высился флагшток, а под ним стоял человек в надвинутой на лицо шляпе и в пальто с поднятым воротником. Он повернулся навстречу идущему, и Макмердо узнал брата Морриса, который накануне вечером навлек на себя гнев мастера ложи. Они сошлись и обменялись условными знаками.

— Я хотел кое о чем поговорить с вами, мистер Макмердо, — произнес старший, и по его неуверенному тону можно было понять, что дело, о котором он намеревается говорить, очень деликатное. — Спасибо, что вы пришли по моему зову.

— Почему вы не поставили на записке свое имя?

— Из осторожности, мистер. В наше время нельзя предугадать, как что может аукнуться. И неизвестно, кому можно доверять, а кому нет.

— Но собратьям-то по ложе можно доверять.

— Нет, совсем не всегда! — горячо возразил Моррис. — Все, что мы говорим, даже что думаем, становится известно этому субъекту, Макгинти.

— Послушайте, — остановил его Макмердо, — я только накануне вечером, как вам хорошо известно, дал клятву верности мастеру нашей ложи. Вы что же, хотите, чтобы я ее нарушил?

— Если вы так на это смотрите, — сокрушенно проговорил Моррис, — то, значит, я напрасно затруднил вас просьбой встретиться со

мной. Весьма сожалею. Плохо наше дело, если два свободных гражданина не могут высказать друг другу то, что думают.

Глядя ему в лицо, Макмердо произнес уже не столь воинственно:

— Я ведь говорил только о себе. Я, как вы знаете, в этих краях человек новый и в здешних делах еще не слишком разбираюсь. Так что не мне судить да рядить, но если вы желаете чем-то поделиться со мной, я с готовностью вас выслушаю.

— А потом донесете боссу Макгинти! — горько усмехнулся Моррис.

— Нет, тут вы ко мне несправедливы! — воскликнул Макмердо. — Сам я верен ложе и об этом сказал вам прямо. Но я был бы жалким подлецом, если бы вздумал повторить кому-нибудь то, что сказано мне доверительно. Дальше меня это никуда не пойдет, хотя предупреждаю: может статься, что ни сочувствия, ни помощи вы от меня не получите.

— Я уже больше не жду ни того, ни другого, — сказал Моррис. — Возможно, я рискую жизнью, говоря с вами. Но как бы ни были вы развращены — а вчера вечером мне показалось, что вы скоро станете не лучше остальных, — но все-таки вы новичок и ваша совесть не успела еще так задубеть, как у этих людей. Вот почему я решил поговорить с вами.

— Ну так говорите.

— Если вы предадите меня, да падет проклятье на вашу голову!

— Я же сказал, что не предам.

— В таком случае хочу спросить: приходило ли вам хоть на минуту в голову, что, вступая в Чикаго в Общество Свободных Работников, вы становитесь на дорогу, которая приведет вас к преступлению?

— Если можно это называть преступлением, — ответил Макмердо.

— Можно ли! — воскликнул Моррис, и голос его дрогнул. — Значит, вы еще мало видели, если у вас это вызывает сомнение. Разве не преступление было совершено вчера, когда человека, годящегося вам в отцы, избили так, что кровь текла у него по седым волосам? Как вы это назовете, если не преступлением?

— Кое-кто сказал бы, что это война, — ответил Макмердо. — Война двух классов, война без правил, в которой каждый сражается как может.

— А вы готовы были к этому, когда вступали в Чикаго в Общество Свободных Работников?

— Нет, признаюсь.

— И я не был к этому готов, когда вступал в Филадельфии. У нас был просто клуб взаимопомощи и место встречи друзей. Но потом я узнал про Вермиссу — да будет проклят тот час, когда я впервые услышал это имя! — и решил перебраться сюда ради лучшей жизни! Бог мой! Лучшей жизни! Жена и трое детей приехали со мной. Я открыл торговлю галантерейными товарами на Маркет-сквер, и поначалу дело пошло хорошо. Но стало известно, что я член Общества Свободных Работников, и меня заставили вступить в здешнюю ложу, как вы вступили прошлой ночью. У меня на руке выжжено клеймо позора и еще худшее клеймо — на сердце. Я попал во власть подлого злодея, запутался в сетях преступлений. Что я мог сделать? Каждое мое возражение рассматривалось как измена, вы сами это видели вчера. Уехать я не могу, все, чем я владею на земле, это моя лавка. Если я выйду из ложи, меня наверняка убьют, и что тогда станется с женой и детьми? О господи, как все ужасно, ужасно!

Он закрыл лицо руками. Грудь его содрогалась от беззвучных рыданий.

Макмердо пожал плечами.

— У вас не хватает боевого духа для такой работы, это дело не для вас, — сказал он.

— У меня есть совесть и есть вера. А эти люди превратили меня в преступника. Меня выбрали для одного темного дела. Я знал, что со мной будет, если откажусь. Может быть, я трус. Может быть, мысль о жене и детях лишает меня храбрости. Словом, я согласился. И никогда, до смертного часа, этого не забуду. Дом стоял на отшибе в двадцати милях отсюда, за перевалом. Меня поставили сторожить у двери, как тебя вчера. Остальные вошли в дом. А когда вышли, их руки были по локоть в крови. Когда мы отъезжали, из дома доносились рыдания ребенка — это заходился в плаче пятилетний мальчик, на глазах у которого убили отца. Я чуть не потерял сознание от ужаса, но надо было выглядеть веселым и улыбаться. Ведь я знал, что в противном случае в следующий раз они выйдут с окровавленными руками из моего дома и плакать по своему отцу будет мой маленький Фред. Но я уже был преступник, соучастник убийства, навсегда погибший для этого мира и для мира иного. Я добрый католик, но патер, услышав, что я — "метельщик", не пожелал со мной разговаривать, я отлучен от моей церкви. Вот так обстоит дело со мной. Но я вижу, что и вы встали на ту же дорогу, и я спрашиваю вас: чем это все кончится? Готовы ли вы стать еще одним хладнокровным убийцей или можно что-то сделать, чтобы положить этому конец?

— А что тут сделаешь? — прервал молчание Макмердо. — Не собираетесь же вы донести?

— Боже упаси, — ответил Моррис. — Одна мысль об этом стоила бы мне жизни.

— И то хорошо, — сказал Макмердо. — Думаю, просто вы человек слабодушный и все преувеличиваете.

— Преувеличиваю? Поживи тут подольше, сам убедишься. Посмотри на долину. Видишь, как дым из сотни труб тучей навис над домами? Вот так же, только еще чернее и ниже, висит над людьми туча убийств. Вермисса — Долина Страха, Долина Смерти. Ужас днем и ночью царит в сердцах. Подожди немного, молодой человек, и ты все увидишь своими глазами.

— Хорошо, я сообщу вам свое мнение, когда присмотрюсь получше, — спокойно отозвался Макмердо. — А вот что ясно уже сейчас: здешняя жизнь — не для вас, чем скорее вы продадите свою лавку, пусть хоть за десятую долю настоящей цены, тем будет для вас лучше. О том, что вы мне говорили, от меня никто не узнает; но если доносчиком окажетесь вы, клянусь Богом!..

— Нет, нет! — горячо воскликнул Моррис.

— Ладно, оставим это. Я запомню все, что услышал от вас, и как-нибудь на досуге об этом подумаю. Я понимаю, вы желаете мне добра. Ну а теперь я пойду домой.

— Еще одно слово, прежде чем ты уйдешь, — задержал его Моррис. — Нас могли видеть вместе. И могут спросить, о чем мы разговаривали.

— Верно! Хорошо, что вы об этом подумали.

— Я предлагал тебе место бухгалтера в моем магазине.

— Да, а я отказался. Об этом и шла у нас речь. Ну, всего доброго, брат Моррис, и желаю вам в будущем перемены к лучшему.

В тот же вечер Макмердо, погруженный в размышления, сидел с трубкой у печки в своей комнате, как вдруг дверь распахнулась и проем заполнила мощная фигура босса Макгинти. Обменявшись с хозяином условными знаками, он уселся против него и молча устремил на него твердый взгляд, который тот встретил взглядом не менее твердым.

— Я не из тех, кто является с визитами, брат Макмердо, — произнес он наконец. — Мне хватает дел с теми, кто является ко мне. Но на сей раз я решил изменить своему правилу и посетить тебя в твоем доме.

— Я горжусь, что вижу вас здесь, советник, — приветливо отозвался Макмердо, ставя на стол бутылку виски. — Я не ожидал такой чести.

— Как рука? — справился босс.

Макмердо поморщился.

— Забыть себя не дает, — ответил он. — Но дело того стоит.

— Дело стоит того для тех, кто хранит верность и не сходит с прямой дороги, заботясь о благе ложи. Про что вы толковали с Моррисом нынче утром на Миллеровом холме?

Вопрос прозвучал совершенно неожиданно, хорошо, что у Макмердо был готов на него ответ. Весело рассмеявшись, он объяснил:

— Моррис не знал, что у меня есть способ зарабатывать, не выходя из дома. Не знал и не узнает; уж слишком он совестливый, не чета таким, как я. Но он добрый старик. Решил, что я не могу найти работу и он окажет мне услугу, предложив место бухгалтера в своей галантерейной лавке.

— Ах, вот оно что.

— Ну да.

— А ты отказался?

— Понятное дело. Я же могу зарабатывать у себя в комнате в десять раз больше и всего за четырехчасовой рабочий день.

— Твоя правда. Но я бы не советовал тебе слишком близко сходиться с Моррисом.

— Это почему же?

— Ну, просто потому, что я так говорю. Для большинства людей в наших краях этого достаточно.

— Для большинства, может, и достаточно, но недостаточно для меня, советник, — храбро возразил Макмердо. — Если вы разбираетесь в людях, значит, знаете это сами.

Глаза темноликого великана свирепо блеснули, рука на мгновение сжала стакан, словно он собирался запустить им в голову собеседника. Но потом он громко и неискренне расхохотался.

— Ну ты и фрукт, — проговорил он, тряхнув шевелюрой. — Что ж, хочешь узнать почему, могу объяснить. Моррис говорил тебе дурное про ложу?

— Нет.

— А про меня?

— Тоже нет.

— Это потому, что он тебе пока еще не доверяет. Но в глубине души он предатель. Нам это отлично известно. И мы следим за ним, чтобы при случае дать острастку. Это, как я понимаю, произойдет уже скоро. В

нашей овчарне не место шелудивой овце. И если ты будешь водить дружбу с тем, у кого в сердце нет верности, мы можем подумать, что ты тоже предатель, понятно?

— Дружба с этим человеком мне не угрожает, — ответил Макмердо, — потому как он мне не по душе. А что до предательства, скажи это не вы, а любой другой, второй раз назвать меня так ему бы не пришлось.

— Ну ладно, будет. — Макгинти осушил стакан. — Я хотел предостеречь тебя заблаговременно, и ты мое предостережение слышал.

— Интересно было бы узнать, — сказал Макмердо, — каким образом вам вообще стало известно, что я разговаривал с Моррисом?

Макгинти рассмеялся.

— Это мое дело — знать, что происходит в городе. И запомни: до меня все доходит. Тебе же лучше будет. Ну, мне пора. Скажу только на прощанье...

Но прощанье это было прервано самым неожиданным образом. Дверь с грохотом распахнулась, и они очутились лицом к лицу с тремя полицейскими. Макмердо вскочил и потянулся было за револьвером, но рука его повисла в воздухе — он увидел, что на него направлены дула двух винчестеров. Третий полицейский с шестизарядником в руке вышел на середину комнаты. Макмердо узнал капитана Марвина, прежде служившего в чикагской полиции, а теперь в охране шахт. Он усмехнулся, глядя на Макмердо, и покачал головой.

— Так и знал, что вы мне попадетесь, мистер мошенник Макмердо из Чикаго, — проговорил он. — Не можете удержаться от соблазна, а? Надевай шляпу и пойдем с нами.

— Вы поплатитесь за это, капитан Марвин, — сказал Макгинти. — Кто вы такой, хотелось бы мне знать, что врываетесь в частные дома и досаждаете честным, законопослушным гражданам?

— Вы здесь ни при чем, советник Макгинти, — ответил полицейский капитан. — Мы явились не за вами, а вот за этим человеком, за Макмердо. Вам бы следовало помогать, а не препятствовать нам в исполнении нашего долга.

— Он мой друг, и я за него ручаюсь, — заявил босс.

— Вам, мистер Макгинти, похоже, самому скоро придется держать ответ за свои действия, — сказал капитан. — Этот Макмердо как был мошенником до того, как приехал сюда, так мошенником и остался. Держи советника под прицелом, патрульный, пока я разоружу этого.

— Пожалуйста, вот мой револьвер, — холодно проговорил Макмердо. — Я думаю, капитан Марвин, окажись мы с вами с глазу на глаз, вы бы меня так легко не скрутили.

— Где ваш ордер на арест? — негодовал Макгинти. — Ей-богу, можно подумать, что мы живем не в Вермиссе, а где-нибудь в России, раз в полиции у нас такие люди, как вы. Это капиталистическое беззаконие, и мы еще к этому вернемся, вот увидите!

— Выполняйте свой долг, как вы его понимаете, советник, а мы будем выполнять свой.

— В чем меня обвиняют? — спросил Макмердо.

— В том, что принимал участие в избиении старого Стейнджера, редактора газеты "Вестник". И не твоя заслуга, что не в убийстве.

— И это все? — со смехом переспросил Макгинти. — Ну так можете не трудиться понапрасну и топать домой. Этот человек был у меня в салуне, играл в покер до полуночи, я могу предоставить дюжину свидетелей.

— Это уж ваша забота, завтра в суде вы, я думаю, все уладите. А пока пошли, Макмердо, пошли подобру-поздорову, если не хочешь получить рукояткой револьвера по голове. Отойдите в сторону, мистер Макгинти, предупреждаю, я не потерплю сопротивления на своем дежурстве.

Вид у капитана Марвина был такой решительный, что Макмердо и его босс поневоле подчинились. Макгинти только успел на прощанье шепнуть арестованному:

— А как с этим делом? — и показал большим пальцем вверх, намекая на фальшивомонетный станок.

— С этим порядок, — ответил Макмердо, так как он прятал станок под половицами.

— Я пока прощаюсь, — Макгинти пожал ему руку. — Повидаю адвоката Рейли, а расходы возьму на себя. Верь моему слову, им тебя не посадить.

— Ну, это еще как сказать, — отозвался капитан. — Сторожите задержанного вы двое и стреляйте, если начнет чудить. А я, прежде чем мы отсюда выйдем, произведу обыск.

Он исполнил свое намерение, но станка так и не обнаружил. Наконец Марвин спустился, и трое полицейских под конвоем повели Макмердо в полицейский участок. Уже стемнело, вьюга хлестала в лицо, прохожих на улицах почти не было. Но все-таки собралось несколько зевак, которые шли следом за ними и, расхрабрившись в темноте, на чем свет стоит честили арестанта.

— Линчевать проклятого "метельщика"! Расправимся с ним своим судом! — кричали ему.

Хохот и насмешки раздавались у него за спиной, пока полицейские не втолкнули его в дверь участка. Дежурный инспектор коротко допросил его и отправил в общую камеру. Там Макмердо встретил Болдуина и троих остальных участников вчерашнего налета. Все они утром должны были предстать перед судом.

Но длинная рука Общества Свободных Работников сумела дотянуться и в эту цитадель закона. Попозже ночью тюремщик принес ворох соломы для подстилки, а под соломой оказались две бутылки виски, стаканы и колода карт. И ночь прошла весело, ни у кого и в мыслях не было беспокоиться о том, что ждет их завтра.

Да и не было причины беспокоиться, как показало утро. Судья не мог направить дело в высшую инстанцию на основании тех свидетельских показаний, которые были получены. С одной стороны, печатники и наборщики признали, что помещение было освещено очень слабо, что все ужасно разволновались и не могут под присягой опознать налетчиков, но им кажется все-таки, что обвиняемые входили в их число. На перекрестном допросе, проведенном умелым адвокатом, которого нанял Макгинти, они высказывались еще неувереннее.

Пострадавший редактор сразу же заявил, что был слишком ошарашен внезапным нападением и ничего не может утверждать с определенностью, кроме того, что у человека, ударившего его первым, были усы.

Он добавил, что, конечно, это были "метельщики", так как больше никто в городе не может питать к нему вражду, а эти ему много раз угрожали за его откровенные передовые статьи. Но с другой стороны, шестеро горожан, включая муниципального советника Макгинти, не колеблясь, в один голос показали, что в тот самый вечер обвиняемые играли в карты в Доме Союза и ушли гораздо позже того часа, когда было совершено преступление.

Нечего и говорить, что их всех отпустили, да еще судья чуть ли не извинился перед ними за причиненное беспокойство и пожурил капитана Марвина и вообще полицию за излишнее рвение.

Судебный приговор был встречен громогласным одобрением публики, среди которой Макмердо приметил немало знакомых лиц. "Свободные работники" радостно улыбались и махали друг другу. Но были там и другие, которые сидели поджав губы и хмуро смотрели, как обвиняемые выходят из-за загородки, где сидели на скамье подсудимых. Один из этих недовольных, невысокий решительный чернобородый мужчина, когда бывшие арестанты проходили мимо, высказал то, что думал он сам, а с ним и его товарищи.

— Проклятые убийцы! — пробормотал он. — Мы с вами еще разделаемся.

Глава 5
Черный час

Если было еще что-нибудь, что могло бы подогреть любовь товарищей к Джону Макмердо, так это его арест и последующее освобождение. Чтобы новичок в первую же ночь, как его приняли в ложу, сделал что-то такое, из-за чего угодил под суд, это в истории их Общества еще не случалось. За ним уже закрепилась слава свойского парня, веселого выпивохи и вообще молодца, который не потерпит оскорбления даже от самого босса. Но вдобавок к тому он еще произвел на всех впечатление самого ловкого и сообразительного из всех "ребят", способного в два счета измыслить какой-нибудь хитроумный план и сам же его осуществить. "Вот парень для чистой работы", — говорили о нем старшие в ложе и только ждали момента, когда можно будет запустить его в дело.

У Макгинти было много послушных исполнителей, но этот, как он сам видел, превосходил всех. Хозяин словно держал на поводке свирепого охотничьего пса. Есть собачки попроще, чтобы делать простую работу, но рано или поздно он спустит этого с поводка на большую дичь. Некоторые члены ложи, Тед Болдуин в их числе, завидовали его скорой славе и злились; но они старались держаться от Макмердо подальше, ибо он всегда готов был не только к забавам, но и к драке.

Но если среди собутыльников Макмердо добился большого успеха, то в другом, более важном для него деле терпел неудачу. Отец Этти Шафтер не желал иметь с ним ничего общего и в дом к себе больше не допускал. Этти, правда, была слишком влюблена, чтобы совсем от него отказаться, но здравый смысл предостерегал ее, что выходить замуж за человека, которого считают преступником, — беды не оберешься.

Однажды утром после бессонной ночи она решила повидаться с ним, быть может, в последний раз и сделать последнюю отчаянную попытку увести его от дурных губительных влияний. Она пришла в дом, где он жил и куда он много раз умолял ее прийти, и заглянула в гостиную. Макмердо сидел за столом, спиной к двери, писал письмо и не слышал, как дверь открылась. Вдруг поддавшись порыву девичьей шалости, ей было всего девятнадцать лет, она неслышно, на цыпочках подкралась и положила ладонь ему на плечо.

Если она хотела, чтобы он вздрогнул от неожиданности, ее желание исполнилось; но исполнилось таким образом, что теперь вздрогнуть пришлось ей. Словно тигр, Макмердо обернулся в прыжке, и его правая рука оказалась на ее горле. Одновременно левая рука смяла лежавший на столе листок. Но в следующий миг изумление и радость сменили на его лице гримасу бешенства, бешенства такого свирепого, что бедная Этти, ничего подобного не видевшая за всю свою тихую жизнь, в ужасе отшатнулась.

— Это ты! — проговорил он и провел ладонью по лбу. — Подумать только, ко мне пришла ты, сокровище моей души, а я не нашел ничего лучше, как броситься душить тебя! Иди же сюда, моя милая, — позвал он, раскрыв объятия, — позволь мне искупить свою вину.

Но Этти еще не опомнилась от потрясения.

— Что с тобой, Джон? — спросила она. — Отчего ты так переполошился? О, Джон, если бы совесть твоя была чиста, ты бы не смотрел на меня так!

— Ну, конечно! Я думал совсем о другом, и вдруг ты неслышно приблизилась...

— Нет, нет, Джек, не только это, — она вдруг взглянула с подозрением. — Ну-ка покажи, что за письмо ты писал.

— Нет, Этти, не могу.

Подозрения ее перешли в уверенность.

— Значит, это письмо другой женщине! — горько воскликнула она. — Иначе зачем бы тебе скрывать его от меня? Уж не жене ли ты пишешь? Откуда мне знать, может, ты женат, человек ты здесь новый, кто за тебя поручится?

— Нет у меня жены, Этти. Ты для меня единственная на всем свете. Клянусь святым крестом!

Он говорил так страстно и так побледнел при этом, что она не могла ему не поверить.

— А если так, то почему бы тебе не показать мне это письмо?

— Я отвечу почему, моя красавица, — сказал он. — Я дал клятву, что никому его не покажу, и как для меня невозможно нарушить слово, данное тебе, точно так же я не могу обмануть доверие тех, кому дал эту клятву. Это дела ложи, они тайна даже от тебя. А что я испугался, когда почувствовал руку на своем плече, то разве ты не понимаешь? Это ведь могла быть рука сыщика.

Она чувствовала, что он говорит искренно. Он крепко обнял ее, поцелуями отгоняя страхи и подозрения.

— Сядь вот тут, подле меня. Это никудышный трон для такой королевы, но роскошнее у твоего бедного Джона пока нет. Думаю, однако,

что скоро заработаю для тебя и кое-что получше. Ну, теперь душа твоя спокойна, не правда ли?

— Как может моя душа быть спокойна, когда я знаю, что ты водишься с ворами и сам вор? Когда каждый день я боюсь услышать, что тебя схватили и судят за убийство? Макмердо — "метельщик", — так сказал вчера про тебя один из наших постояльцев. И эти слова пронзили мне сердце как острый нож.

— Слова — пустой звук.

— Да, но это правдивые слова.

— Поверь, дорогая, на самом деле все не так плохо, как кажется. Мы всего-навсего бедные работники и стараемся как можем защитить свои права.

Этти обняла его за шею.

— Брось их, Джек! Ради меня, ради Господа Бога, уйди из этой ложи! Я для того и пришла к тебе, чтобы просить об этом. Джек, о Джек, я заклинаю тебя, стоя на коленях! Смотри, я стою перед тобой на коленях и умоляю: брось все это!

Он поднял ее и стал успокаивать:

— Милая моя, дорогая, ты не знаешь, о чем просишь. Как я могу бросить все это, я же нарушу клятву и предам товарищей! Если бы ты понимала мое положение, ты бы не стала об этом просить. К тому же, как бы я мог это сделать, даже если бы и захотел? Не думаешь же ты, что ложа отпустила бы на все четыре стороны своего члена, посвященного во все ее секреты?

— Я думала об этом, Джек. У меня есть план. Отец скопил кое-какую сумму. Ему осточертели эти места, где страх затмевает нашу жизнь. Он готов уехать. Мы сбежим отсюда втроем и поселимся в Филадельфии или в Нью-Йорке, где они не смогут до нас добраться.

Макмердо засмеялся.

— У ложи длинные руки. Думаешь, они не дотянутся до Филадельфии или Нью-Йорка?

— Тогда переберемся на Запад, или в Англию, или в Германию, откуда отец родом. Куда угодно, только бы вырваться из Долины Страха!

Макмердо вспомнил старого Морриса.

— Второй раз слышу, что так называют Вермиссу, — сказал он. — Похоже, тень и вправду затмила иным из вас жизнь.

— Нет ни мгновенья, когда бы мы не ощущали угрозы. Думаешь, Тед Болдуин простил нас? Если бы он не боялся тебя, знаешь, какая судьба бы нас ждала? Видел бы ты, какими голодными черными глазами он на меня смотрит!

— Черт возьми, я научу его хорошим манерам, если только замечу за ним такое! Но ты пойми, девочка моя, уехать отсюда я не могу. Не могу, и баста, запомни это раз и навсегда. Но если ты предоставишь мне самому все устроить, я постараюсь найти способ, как выйти с честью из этого положения. Дай мне шесть месяцев, я подготовлю наш отъезд так, что смогу не стыдясь смотреть в глаза остальным.

Девушка радостно улыбнулась.

— Шесть месяцев! — воскликнула она. — Ты обещаешь?

— Ну, может быть, получится семь или восемь. Но не позже чем через год мы покинем эту долину.

Больше Этти ничего не смогла от него добиться. Но от сердца у нее все же отлегло.

Не следует думать, будто Макмердо было теперь известно все, что делалось в тайном обществе. Он скоро убедился, что их организация гораздо шире и сложнее, чем простая ложа. Даже босс Макгинти был посвящен далеко не во все; над ним стоял так называемый Делегат от графства, который жил в поселке Хобсон-Пэтч и имел право командовать несколькими ложами исключительно по своему усмотрению. Макмердо видел его лишь однажды — маленький, ушлый крыса-человечек, волосенки седые, ходит словно крадучись и поглядывает искоса, ядовито. Звался он Эванс Потт, и даже могущественный босс Вермиссы, похоже, испытывал к нему отвращение.

Однажды на имя Сканлана, жившего в том же доме, что и Макмердо, пришло письмо от Макгинти, а в нем была вложена записка от Эванса Потта с уведомлением, что он шлет в Вермиссу двух крепких молодцов, Лоулера и Эндрюса, которым поручено разделаться кое с кем в их краю; но в интересах безопасности, о ком именно идет речь, не уточнялось. Не позаботится ли мастер Макгинти об их ночлеге и устройстве на то время, пока не придет срок действовать? От себя Макгинти добавлял, что в Доме Союза тайно расположиться невозможно, поэтому он будет признателен, если Макмердо и Сканлан примут двух незнакомцев у себя.

Они явились в тот же вечер. Каждый нес в руке саквояж. Лоулер оказался пожилым, молчаливым и необщительным; он был одет в старый черный фрак, который в сочетании с клочковатой сивой бородой и проницательным взглядом делал его похожим на странствующего проповедника. Зато его спутник Эндрюс был молодой парнишка с открытым, жизнерадостным лицом и развязными манерами человека на отдыхе, намеренного получить от нескольких свободных дней как можно больше удовольствия. Оба были непьющие и вели себя как образцовые члены человеческого сообщества, за одним только исключением — они были киллеры, зарекомендовавшие себя как отличные исполнители кровавых замыслов тайного общества. За Лоулером числилось четырнадцать убийств, за Эндрюсом — три.

К удивлению Макмердо, оба охотно повествовали о своих прошлых подвигах с застенчивой гордостью людей, сослуживших добрую и самоотверженную службу обществу. Однако о том, что им предстоит совершить на этот раз, они помалкивали.

— Нас выбрали, потому что ни я, ни парень спиртного в рот не берем, — пояснил Лоулер. — На нас можно положиться, мы лишнего не сболтнем. Вам, может, и обидно покажется, но это распоряжение Делегата от графства.

— Ну, ясное дело, мы ведь все заодно, — поддакнул Сканлан. Все четверо уселись за стол ужинать.

— Что верно, то верно, и мы готовы хоть до петухов рассказывать про убийство Чарли Вильямса, или Саймона Берда, или про любое другое дело из прежних. Но что еще не сделано, о том молчок!

— У нас тут найдется с полдюжины человек, с которыми я бы и сам непрочь разобраться, — проговорил Макмердо. — Вы случайно не по душу Джека Нокса из Айронхилла явились?

– Нет пока что.

– Или Германа Стросса?

– Пока нет.

– Ладно, не хотите говорить, не надо.

Лоулер с улыбкой покачал головой. Его на подначку не возьмешь. Но несмотря на молчание гостей, Сканлан и Макмердо решили непременно присутствовать при "деле". Поэтому, когда через несколько дней рано утром Макмердо услышал, что по лестнице кто-то тихо спускается, он поспешил растолкать Сканлона. Они торопливо оделись и, сбежав вниз, обнаружили, что их гости, уходя, даже не закрыли за собой дверь. Еще не рассвело, при свете фонарей они успели заметить в отдалении тех двоих и, осторожно ступая по глубокому снегу, пошли за ними следом.

Дом, где они квартировали, стоял на краю города, так что скоро они очутились на перекрестке дорог уже за городской чертой. Здесь ждали еще трое, и между ними завязался негромкий, взволнованный разговор. Затем они двинулись дальше, уже впятером. Похоже, дело предстояло не простое, если требовалось столько участников. От дороги отходило несколько троп, ведущих к разным шахтам. Пятеро заговорщиков свернули к шахте "Воронья гора", на которой, благодаря стараниям энергичного и бесстрашного управляющего из Новой Англии Джозайи Х. Данна, сохранялся строгий порядок.

Рассвело, стало видно, как по черной тропе в одиночку и группами идут на шахту рабочие. Макмердо со Сканланом затесались в эту толпу и пошли дальше, не упуская из виду тех, за кем следили. Над землей колыхался густой туман, и откуда-то из тумана вдруг прозвучал громкий гудок. Он означал, что через десять минут клети пойдут вниз и начнется рабочий день.

У входа в шахту столпилось в ожидании человек сто угольщиков, от холода они притопывали ногами и дышали себе на пальцы. Пятеро чужаков стояли отдельно от всех под навесом подъемной машины. Сканлан и Макмердо взобрались на кучу шлака, откуда была видна вся площадка у входа в шахту. Из машинного отделения вышел старший механик, могучий бородатый шотландец по фамилии Мензис, и дал свисток, чтобы спускали клети.

В это же время ко входу в шахту торопливо прошел высокий и стройный молодой мужчина с умным бритым лицом. Взгляд его упал на пятерых, сгрудившихся у машинного навеса. Они стояли с поднятыми воротниками, в надвинутых на лицо шляпах. На миг сердце управляющего сжало ледяное предчувствие смерти. Но он тут же встряхнулся и, как велел ему долг, обратился к непрошеным гостям.

– Кто вы такие? – спросил он, приблизившись. – Кто вам позволил болтаться тут без дела?

Ответа не последовало; молодой Эндрюс сделал шаг вперед и выстрелил ему в живот. Сто дожидающихся шахтеров беспомощно замерли, точно парализованные. Управляющий прижал к животу ладони, согнулся и побрел в сторону. Но раздался второй выстрел, и управляющий повалился на бок, царапая пальцами черную землю; ноги у него дергались. При виде этого могучий механик Мензис, подняв над головой огромный

гаечный ключ, с грозным ревом бросился на бандитов; но был встречен двумя выстрелами в лицо и упал замертво под ноги своим убийцам.

Кое-кто из толпы шахтеров двинулся было на злодеев, раздались возгласы жалости и гнева; но двое из пришельцев выстрелили в воздух над головами рабочих, и толпа сразу же разбрелась, а некоторые со всех ног бросились в Вермиссу по домам.

Когда же самые отважные опомнились и снова собрались у входа в шахту, пятеро убийц уже исчезли, растаяли в утреннем тумане, и не нашлось ни одного свидетеля, кто взялся бы опознать этих людей, совершивших на глазах у всех два убийства.

Сканлан и Макмердо пошли домой, Сканлан слегка подавленный — он впервые своими глазами увидел, как делается "чистая работа", о которой поговаривали в ложе, и на поверку она оказалась вовсе не такой забавной, как ему внушали. Жуткие вопли жены убитого управляющего звучали у них в ушах на всем пути в город. Макмердо шел молча, погруженный в свои мысли, но малодушия напарника он не разделял.

— Это ведь как на войне, — втолковывал он Сканлану. — Между нами и ими идет война, и мы наносим ответные удары как можем.

А вечером в Доме Союза ложа праздновала победу — убийство управляющего и механика на шахте "Воронья гора", благодаря которому теперь эта компания будет вести себя так же, как и остальные терроризированные и порабощенные компании.

Оказалось, что Делегат от графства, направляя пятерых убийц в Вермиссу, потребовал, чтобы в уплату за это оттуда выделили троих и тайно послали в Гилмертонский район для убийства Вильяма Хейлса, одного из самых известных и наиболее уважаемых там владельцев шахт, человека, не имевшего ни единого врага на свете, поскольку у него на шахте для рабочих были созданы образцовые условия. Однако за это он требовал хорошей работы и поэтому рассчитал нескольких бездельников и пьяниц, оказавшихся членами всемогущей организации. Над его дверьми вывесили изображение гроба, но он остался тверд и поэтому в свободной и цивилизованной стране был приговорен к смерти.

Казнь состоялась. Возглавлял операцию Тед Болдуин, и теперь он, развалясь, восседал на почетном месте рядом с мастером ложи. Его раскрасневшееся лицо и налитые кровью остекленевшие глаза свидетельствовали о пьяной и бессонной ночи. С двумя помощниками он провел ее, пробираясь через горы, и теперь вид у них был немытый и нечесаный; но никаких героев, вырвавшихся из вражеского окружения, еще не встречали товарищи с таким почетом.

Под восторженные крики и хохот они рассказывали и пересказывали, как все было. Они ждали его на вершине холма, где он проезжал, когда уже стемнело, по дороге домой. На подъеме лошадь перешла на шаг, они набросились на него, а он был так укутан в мех, что не успел даже вытащить револьвер. Бросив шахтовладельца на землю, они выстрелили в упор несколько раз. Он кричал, умолял о пощаде. И теперь на потеху всей ложе убийцы воспроизводили его крики.

— Ну-ка, еще разок изобразите, как он визжал! — просили слушатели.

Там не было никого, кто был бы знаком с убитым; но драма человекоубийства захватывает дух, и к тому же они показали "метельщикам" из Гилмертона, что люди Вермиссы тоже не лыком шиты.

Хотя приключилась одна небольшая неприятность: они еще расстреливали мертвое тело, когда снизу по дороге подъехали двое, муж и жена, направлявшиеся куда-то по своим делам. Сначала решено было их тоже прикончить; но люди это были безвредные, на шахте не работали, и им позволили ехать своим путем, да чтобы помалкивали, не то с ними случится кое-что пострашнее. А окровавленное тело бросили на дороге как предостережение всем другим хозяевам. Трое же благородных мстителей поспешили в горы, где дикие скалы обрываются над самыми горнами и дымящимися грудами шлака. И вот они здесь, живые и невредимые, безупречно выполнившие свой долг и дружно восхваляемые соратниками.

То был славный день для "метельщиков". Тень, падающая на долину, сгустилась еще больше. Но как мудрый полководец выбирает миг победы, чтобы напасть на врага с удвоенной силой, не дав ему опомниться и прийти в себя после поражения, так босс Макгинти, оглядывая поле битвы своими хмурыми, злобными глазками, задумал еще одну атаку на тех, кто стоит у него на пути. В ту же ночь, когда упившиеся братья стали расходиться, он тронул за рукав Макмердо и поманил его в комнату за стойкой, где когда-то состоялся их первый разговор.

— Послушай-ка, парень, — сказал он, — я нашел наконец дело, которое достойно тебя.

— Горжусь доверием, — ответил Макмердо.

— Можешь взять себе в помощь двоих, Мэндерса и Рейли, они предупреждены. Мы не будем знать покоя у себя в районе, покуда не разделаемся с Честером Уилкоксом, и, если ты его утихомиришь, все ложи в угольном краю скажут тебе спасибо.

— Сделаю, что смогу. Кто он такой и как мне его найти?

Макгинти вынул изо рта свою неизменную сигару, которую всегда то ли курил, то ли жевал, и набросал на листке из блокнота некое подобие плана.

— Уилкокс — старший бригадир на шахте "Айрон дайк". Он крепкий орешек, ветеран, старший сержант Гражданской войны, убеленный сединами и весь в шрамах. Мы уже дважды пытались с ним сладить, но без толку, а Джим Карнауэй лишился при этом жизни. Теперь возьмись за него ты. Вот тут его дом, стоит на отшибе у дороги к руднику, видишь на карте? И кругом никого, ни жилья, ни строения. Днем соваться бесполезно, он вооружен, стреляет мгновенно и без промаха, не задавая вопросов. Другое дело — ночью. В доме он сам, жена, трое детей и прислуга. Выбирать не придется, тут все или никто. Если сможешь заложить под дверь мешок с взрывчаткой и осторожно поднести спичку...

— А что он сделал?

— Я же сказал: он застрелил Джима Карнауэя.

— Почему он его застрелил?

— Какое тебе до этого дело, черт побери? Карнауэй рыскал ночью вокруг его дома, вот он его и застрелил. Нам с тобой этого достаточно. Теперь ты должен ему отомстить.

— А две женщины и детишки? Они тоже взлетят на воздух?

— Куда же им деваться. Иначе мы до него не доберемся.

— За что же им так? Они ведь ничего не сделали.

— Что за дурацкие разговоры? Ты, может, отказываешься?

— Спокойнее, советник. Что я такого когда-нибудь сказал или сделал, чтобы можно было подумать, будто я отказываюсь выполнить приказ, полученный от мастера моей ложи? Правильно это или неправильно, не мне решать, а вам.

— Так выполнишь это?

— Конечно выполню.

— Когда?

— Дайте мне ночь или две, чтобы я мог осмотреть дом и продумать план. А уж тогда...

— Ну и прекрасно, — Макгинти пожал ему руку. — Полагаюсь на тебя. Будет большой праздник, когда ты сообщишь нам, что дело сделано. После этого они уже не подымутся с колен.

Макмердо долго и тщательно обдумывал неожиданное поручение. Дом, где жил Честер Уилкокс, находился в пяти милях от города в небольшой лощине. В ту же ночь Макмердо отправился на рекогносцировку. Обратно вернулся днем. На следующий день потолковал со своими помощниками, Мэндерсом и Рейли, легкомысленными юнцами, которые радовались предстоящей вылазке, как будто собирались охотиться на оленей.

На третью ночь все трое, вооруженные, сошлись за городской чертой. Один из юнцов нес мешок со взрывчаткой, которой пользовались подрывники в шахтах. Пока дошли, было уже два часа ночи. Дул холодный ветер, по черному небу неслись рваные облака, то затмевая, то приоткрывая ущербную луну. Налетчики были предупреждены, что у дома могут быть собаки, и держали в руках револьверы с взведенным курком. Но все было тихо, только выл ветер, и нигде ни малейшего движения, лишь ходили ходуном верхушки деревьев.

Макмердо приблизился к двери, прислушался — в доме ни звука. Он осторожно привалил к двери мешок со взрывчаткой, ножом проделал в нем небольшое отверстие, просунул туда конец фитиля. Убедившись, что фитиль разгорелся, они со всех ног бросились бежать и успели залечь на дно отдаленной канавы, прежде чем оглушительный взрыв, сопровождаемый грохотом разваливающегося здания, оповестил их о том, что дело сделано. Такой чистой работы не ведали кровавые анналы тайного общества.

Но, увы, несмотря на безупречную организацию, подготовку, все их старания пропали даром! За день до этого Честер Уилкокс, хорошо знавший, что приговорен к казни, перебрался с семьей в более безопасное место, под охрану полиции. От взрыва взлетел на воздух лишь пустой дом, а строгий ветеран Гражданской войны продолжал командовать своими шахтерами.

— Предоставьте его мне, — сказал Макмердо. — Он мой, и я до него доберусь, хоть бы пришлось выжидать целый год.

На общей сходке ему выразили благодарность и доверие, и на том дело пока остановилось. Когда несколько недель спустя стало известно, что в Уилкокса стреляли из засады, всем стало ясно, что это Макмердо старается довести до конца свою недоделанную работу.

Таковы были приемы Общества Свободных Работников, и такие дела творили "метельщики", чтобы держать в страхе этот обширный и богатый район, над которым они на долгое время установили свое влады-

чество. К чему дальше пятнать бумагу описаниями злодейств? Разве не довольно уже сказано о том, что́ это были за люди и как они действовали?

Преступления их вошли в историю, кто хочет узнать дальнейшие подробности, пусть обратится к официальным документам. В них можно прочитать о том, как расстреляли безоружных полицейских, Ханта и Эванса, за то, что они осмелились арестовать двух членов Общества, — двойное убийство было задумано в Вермисской ложе и выполнено хладнокровно. Есть там и описание того, как застрелили миссис Ларби, когда она ухаживала за своим мужем, избитым до полусмерти по приказу босса Макгинти. Убили старшего Дженкинса, а вскоре и его брата; изувечили Джеймса Мердока; взорвали семью Стапхаузов; и все за одну ту страшную зиму.

Непроглядная черная тень нависла над Долиной Страха. Зиму сменила весна, побежали ручьи, зацвели деревья. Ожила надежда для всей природы, которую так долго сковывала железная хватка холода. И только для людей, живших под ярмом страха, не было надежды. Никогда еще над ними не нависала такая черная, такая беспросветная туча, как в начале лета 1875 года.

Глава 6
Опасность

Это был расцвет царства террора. Макмердо уже был выбран помощником старосты и мог рассчитывать, что когда-нибудь сменит Макгинти на должности мастера ложи. Соратники постоянно искали его совета, без его ведома и подмоги в ложе не делалось ничего. Но чем более влиятельной личностью он становился в своей организации, тем более хмурые взгляды бросали на него встречные на улицах Вермиссы. Горожане, стряхнув оцепенение, начали объединяться, чтобы вместе противостоять угнетателям. До ложи дошли слухи о тайных собраниях в редакции "Вестника" и о том, что там законопослушные граждане получают оружие. Однако Макгинти и его подчиненных это не пугало. Их было много, хорошо вооруженных, готовых на все. А их противники разрознены и ни на что не способны. Все кончится, как уже бывало прежде, пустыми разговорами да может быть, двумя-тремя бессмысленными арестами. Так говорили Макгинти, Макмердо и те из братьев, кто похрабрее.

В одну майскую субботу — а суббота всегда была у них днем сходок, и Макмердо как раз собирался выйти из дому и направиться в Дом Союза — к нему явился Моррис, малодушный член ложи. Лоб его избороздила забота, доброе лицо осунулось, щеки ввалились.

— Могу ли я поговорить с тобой откровенно, мистер Макмердо?

— Конечно.

— Я помню, что однажды поделился с тобой своими мыслями, а ты никому ничего не рассказал, даже когда сам босс пришел к тебе с допросом.

— Ну а как же иначе? Ты же мне доверился. Хоть я и не был с тобой согласен.

— Это я знаю. Но ты единственный, с кем я могу говорить открыто, без опаски. У меня есть секрет, — он приложил ладонь к груди, — который жжет мне сердце. Лучше бы об этом узнал кто-нибудь из вас, а не я. Если я его сообщу, будет еще одно убийство, это ясно. А если промолчу, возможно, мы все погибнем. Ей-богу, я совсем растерялся, не знаю, как поступить.

Макмердо посмотрел на гостя с недоумением. Моррис весь дрожал. Макмердо налил в стакан виски и протянул ему.

— Человеку в таком состоянии надо подкрепиться, — сказал он. — Вот так. А теперь я тебя слушаю.

От спиртного бледное лицо Морриса слегка порозовело.

— Я могу выразить все одной фразой, — проговорил он. — На наш след вышел сыщик.

Макмердо недоуменно пожал плечами.

— Ты что, старик, умом тронулся? Город кишмя кишит полицейскими и сыщиками, и много ли от них вреда?

— Нет, тут другое. Этот сыщик не местный. Здешних, ты правильно говоришь, мы всех знаем в лицо, и они против нас бессильны. Слыхал когда-нибудь про агентство Пинкертона?

— Я встречал нескольких, кто носит такую фамилию.

— Поверь, человеку становится не до шуток, когда они сядут ему на хвост. Это не государственная контора, которой вышло или не вышло — без разницы, а серьезное предприятие, бизнес, они не воду в ступе толкут, а добиваются результатов, и пока не добьются, руки не сложат. Если агент Пинкертона займется нами всерьез, нам конец.

— Значит, надо его убить.

— Вот-вот! Это первое, что тебе пришло в голову. То же самое будет и на общей сходке. Я же говорю, быть еще одному убийству.

— Ну и что? Подумаешь, убийство. Обычное дело в здешних краях, разве нет?

— Что верно, то верно. Но я бы никогда не предложил такого. Я бы до самого смертного часа утратил покой. Однако, с другой стороны, мы рискуем своими головами. Господи, ну что же мне делать?

Его отчаяние тронуло Макмердо. Кажется, им действительно грозит опасность и необходимо срочно принять меры. Схватив Морриса за плечи, он встряхнул его и взволнованно сказал, почти выкрикнул:

— Да пойми же! Какой толк от того, что ты будешь сидеть и качаться, как старая баба на панихиде? Расскажи толком, что тебе известно. Кто этот агент? Где он находится? Как ты про него узнал? И зачем пришел ко мне?

— К тебе я пришел, так как ты единственный, кто может посоветовать, что делать. Я рассказывал тебе, что перед тем как перебраться сюда, у меня на Востоке был магазин. Там у меня остались добрые друзья, один из них служит на телеграфе. Вот письмо, которое я вчера от него получил. Читай сам, здесь, наверху страницы.

И вот что прочел Макмердо: "Как там у вас "метельщики", все орудуют? О них много пишут в газетах. Скажу тебе по секрету, пять крупных корпораций и две железные дороги сговорились взяться за них всерьез. А уж раз они приняли такое решение, они своего добьются, увидишь! Заниматься этим делом они наняли Пинкертона, и он направил в ваши

края своего лучшего агента Берди Эдвардса. Этому безобразию давно пора положить конец!"

— А теперь прочти постскриптум.

— "Само собой, то, что я здесь пишу, мне стало известно случайно и никак не должно пойти дальше. Когда через твои руки проходят ярды этой ленты с точками и черточками, поневоле начинаешь улавливать, что на ней написано".

Несколько минут Макмердо сидел молча, держа письмо в бессильно опущенной руке. На миг пелена тумана у него перед глазами рассеялась, и он увидел, что стоит на краю пропасти.

— Кто-нибудь еще об этом знает? — спросил он наконец.

— Я никому больше не говорил.

— Но этот телеграфист, твой приятель, у него нет здесь других знакомых, которым он мог написать?

— Думаю, два-три человека отыщутся.

— Из "свободных работников"?

— Может быть.

— Я спрашиваю, потому что кому-нибудь он мог сообщить, как выглядит этот Берди Эдвардс, и по этому описанию мы бы попробовали его выследить.

— Все возможно. Но только вряд ли он с ним знаком. Он же сообщает мне, что узнал это случайно. Как он мог познакомиться с пинкертоновским агентом?

Макмердо вдруг встрепенулся.

— Ну конечно! — воскликнул он. — Как же я, дурак, раньше не догадался? Вот это удача, черт возьми! Мы с ним расправимся, прежде чем он успеет приступить к делу. Слушай, Моррис, ты не согласишься оставить это письмо у меня?

— Сделай милость, лишь бы мне избавиться от него.

— Я тебя избавляю. Можешь умыть руки, а этим займусь я. Даже имени твоего не буду упоминать. Я все возьму на себя, скажу, что письмо пришло мне. Ты доволен?

— Большего я и желать бы не мог.

— Ну тогда пусть будет так. Смотри только, не болтай языком. Я немедленно отправляюсь в ложу, и старик Пинкертон у нас еще поплачет.

— Вы не убьете этого человека?

— Чем меньше ты будешь знать, друг Моррис, тем легче станет у тебя на душе и тем лучше ты будешь спать. Не задавай вопросов и предоставь делу идти своим путем. Я все устрою.

Моррис направился к двери, печально качая головой.

— Чую, — простонал он, — что его кровь на моих руках.

— Самозащита не считается убийством, — Макмердо криво усмехнулся. — Тут либо мы, либо он. Не сомневаюсь, этот человек уничтожил бы нас всех, если бы мы ему позволили пожить в долине Вермиссы. Смотри веселей, брат Моррис, мы еще, пожалуй, выберем тебя мастером ложи, ведь ты наш спаситель.

Однако по его дальнейшим поступкам можно было видеть, что он отнесся к этому повороту событий серьезнее, чем на словах. То ли совесть в нем пробудилась, то ли репутация конторы Пинкертона так подействовала или известие о том, какие могущественные корпорации

поднялись, чтобы смести "метельщиков" с лица земли, но факт тот, что повел он себя как человек, который готовится к худшему. Перед тем как выйти из дома, он уничтожил все бумаги, бросающие на него тень. Затем заглянул к старому Шафтеру. Войти он права не имел, но на тихий стук в окно Этти выбежала к нему. Задорный ирландский огонек больше не плясал во взоре ее любимого. По его озабоченному лицу она прочла о нависшей над ним угрозе.

— Что-то случилось? — сразу же спросила она. — О, Джон, тебе угрожает опасность!

— Ну, ну, ничего такого ужасного, моя голубка. Но, кажется, будет разумнее, если мы сразу тронемся с места, пока не стало хуже.

— Тронемся с места?

— Я ведь обещал тебе, что придет срок и мы уедем. Сдается мне, что срок этот наступил. Сегодня ночью я получил весть, плохую весть, — похоже, быть беде.

— Полиция?

— Не совсем. Некто Пинкертон. Но откуда тебе знать, моя голубка, кто это такой и что это означает для таких, как я. Я слишком глубоко увяз, и надо будет, наверно, убираться прочь. Ты говорила, что поедешь со мной. Я честный человек, Этти, — в некоторых вещах. За все сокровища мира я не трону волоска с твоей головки и не допущу, чтобы ты сошла хоть на дюйм с золотого трона в заоблачных высях, где ты для меня всегда восседаешь. Готова ли ты довериться мне?

Этти молча вложила руку в его ладонь.

— Тогда слушай, что я скажу, и делай, как я велю, ибо, видит Бог, другого пути для нас нет. В Вермиссе наступают перемены. Я это чувствую. Многим из нас, похоже, надо будет самим о себе позаботиться. Например, мне. Но если я уеду, днем ли, ночью ли, ты обязательно должна уехать со мной!

— Я поеду за тобой следом, Джек.

— Нет, нет! Не следом, а вместе со мной. Если долина Вермиссы окажется для меня навсегда закрыта, как же мне оставить тебя здесь, да еще мне надо будет скрываться от полиции, и всякое сообщение между нами будет невозможно? Нет, тебе надо уехать вместе со мной. Я знаю одну добрую женщину там, откуда приехал, я оставлю тебя у нее до той поры, когда мы сможем пожениться. Ты согласна?

— Да, Джон, я поеду с тобой.

— Бог да благословит тебя за доверие! Я буду последним негодяем, если хоть сколько-нибудь злоупотреблю им. Теперь слушай. Ты получишь от меня весточку, и лишь только она дойдет до тебя, брось все как есть, ступай на вокзал, сядь в зале ожидания и жди, пока я за тобой приду.

— Ночью ли, днем ли, я приду по твоему слову, Джек.

После этого уже не с такой тяжелой душой Макмердо отправился на сходку ложи. Все уже были в сборе. Длинная зала была полна народу, сквозь завесу табачного дыма Макмердо разглядел косматую черную гриву мастера, злое, непримиримое лицо Болдуина, стервятничий нос Харрауэя, секретаря, и еще с десяток людей, возглавлявших ложу. Его обрадовало, что ложа в полном составе и все услышат то, что он собирается сообщить.

— Ну, брат, мы все от души рады тебя видеть! — приветствовал его председатель. — Тут у нас такое дело, что нужен премудрый Соломон, чтобы его разрешить.

— Спор между Лэндором и Эганом, — пояснил сосед, когда он уселся на свое место. — Оба претендуют на наградные деньги, назначенные ложей за убийство старика Крэбба в Стайлстауне. А как проверить, чья пуля достигла цели?

Макмердо привстал и поднял руку. Лицо у него было такое, что все посмотрели на него, словно притянутые магнитом. Стало очень тихо.

— Достопочтенный мастер ложи! — произнес он торжественным тоном. — У меня экстренное сообщение.

— Брат Макмердо говорит, что у него экстренное сообщение, — повторил за ним Макгинти. — По правилам нашей ложи его выслушают вне очереди. Итак, брат, мы слушаем тебя.

Макмердо достал из кармана письмо.

— Достопочтенный мастер и вы, братья, — сказал он. — Сегодня я принес вам дурную весть. Но лучше вам услышать ее заблаговременно. Я получил известие, что самые могущественные и богатые компании в этом штате объединили усилия, чтобы уничтожить нас, и что прямо сейчас, пока мы разговариваем, в Вермиссе уже работает сыщик из агентства Пинкертона, некий Берди Эдвардс, собирает факты, которые многим из нас накинут петлю на шею, а всех прочих, кто сейчас тут сидит, отправят за решетку. Вот что я имел в виду, когда заявил, что мое сообщение не терпит отлагательства.

В зале воцарилась мертвая тишина. Нарушил ее председатель.

— Какие у тебя доказательства, брат Макмердо? — спросил он.

— Доказательства в письме, которое попало ко мне в руки, — ответил Макмердо. Он прочитал вслух отрывок из письма. — Больше никаких подробностей об этом письме сообщить не могу, это дело чести, как не могу и передать его в ваши руки. Могу только заверить, что больше ничего связанного с делами ложи в нем не содержится. Все, что мне известно по этому поводу, я выношу на ваш суд.

— Позволь мне сказать, мистер председатель, — проговорил один из братьев постарше годами. — Имя Берди Эдвардса мне известно, и я слышал, что у Пинкертона он считается самым лучшим сыщиком.

— Кто-нибудь знает его в лицо? — спросил Макгинти.

— Да, я знаю, — отозвался Макмердо.

Среди собравшихся раздался ропот удивления.

— Я думаю, что он у нас в руках, — продолжал Макмердо с торжествующей улыбкой. — Надо только действовать быстро и умно, и мы поставим на этом деле точку. Если вы мне верите и согласны помогать, можно ничего не бояться.

— А чего нам вообще бояться? Разве ему что-то известно о наших делах?

— Вы были бы правы, советник, будь все такими же стойкими, как вы. Но к услугам этого человека капиталисты с их миллионами. Вы уверены, что среди членов всех здешних лож не найдется ни одного слабака, которого можно было бы купить за деньги? Нет, он доберется до наших секретов, возможно уже добрался, и верное средство против этого только одно.

— Не дать ему выехать из Вермиссы, — подхватил Болдуин.

Макмердо кивнул.

— Ты прав, брат Болдуин. У нас с тобой были кое-какие расхождения, но сегодня ты сказал золотое слово.

— Где же он находится? Как мы его узнаем?

— Достопочтенный мастер ложи, — посерьезнев, сказал Макмердо, — по-моему, это дело слишком ответственное, чтобы обсуждать его открыто при всех. Упаси меня Бог, я ни на кого из присутствующих не хочу бросить тень. Но даже если хоть одно кем-нибудь сказанное слово дойдет до этого человека, мы потеряем шанс взять над ним верх. Я прошу ложу избрать комитет доверенных лиц, мистер председатель, — вас, если мне позволено внести предложение, брата Болдуина и еще пятерых. Тогда перед ними я смогу свободно говорить о том, что мне известно и что я советую предпринять.

Предложение тотчас же было принято и комитет избран. Помимо председателя и Болдуина, в него вошел крючконосый секретарь Харрауэй, свирепый молодой киллер Тигр Кормак, казначей Картер и два брата Уиллоуби, бесстрашные и отчаянные головорезы, из таких, что не останавливаются ни перед чем.

Попойка, по обычаю следовавшая за общей сходкой, была на этот раз недолгой и прошла тихо, ибо пирующим было не до веселья, многие впервые ощутили над своей головой тень карающего Закона — в чистом небе, под которым они так долго беззаботно обитали, собирались черные тучи. Эти люди так сжились с ужасами, которые учиняли над другими, что мысль о расплате даже не приходила им в голову, и теперь, вдруг явившаяся, она была как гром среди ясного неба. Так что вскоре все разошлись и оставили командиров держать совет.

— Итак, слушаем тебя, Макмердо, — провозгласил мастер ложи.

Все семеро застыли за столом как каменные изваяния.

— Я давеча сказал, что знаю Берди Эдвардса, — приступил к объяснениям Макмердо. — Вы сами понимаете, конечно, что он живет здесь не под этим именем. Человек он храбрый, но не сумасшедший. Он именуется здесь Стивом Уилсоном и проживает на Хобсон-Пэтче.

— Откуда тебе это известно?

— Я с ним однажды разговаривал. Тогда я не придал этому значения, да и сейчас бы не вспомнил, если бы не письмо. Но теперь могу точно сказать: это он. Мы ехали в одном вагоне, дело было в прошлую среду. По виду парень крутой. Сказался репортером нью-йоркской газеты. Я тогда ему поверил. Расспрашивал про "метельщиков" и их злодеяния, как он выразился. Я, понятно, ничего ему не выдал. "Я бы заплатил, и немало, — сказал он мне, — за сведения, которые интересуют моего редактора". Я наболтал ему так, кое-чего, чтобы ему угодить, и он дал мне за это двадцатку. "Получишь в десять раз больше, — посулил он, — если разузнаешь то, что мне нужно".

— И что же ты ему наболтал?

— Всякую ерунду, что в голову взбрело.

— А как ты узнал, что он на самом деле не газетчик?

— Сейчас расскажу. Он вышел из поезда в Хобсон-Пэтче, я тоже. Позже заглядываю в телеграфную контору, а он выходит мне навстречу. Телеграфист мне говорит: "Ты только взгляни! За такую муть, по-моему,

надо брать двойную плату". – "Верно", – отвечаю. У него там на бланке была какая-то китайская грамота. "Представляешь, каждый божий день отправляет по странице эдакой чертовщины", – жалуется телеграфист. А я ему объясняю, это, мол, специальные сообщения для его газеты, он боится, чтобы другие не перехватили. Телеграфист и сам так думал, да и я тоже. Но теперь думаю иначе.

– Вот черт! – забеспокоился Макгинти. – Похоже, ты прав. Но что, на твой взгляд, нам следует по этому поводу предпринять?

– Почему бы не отправиться прямо сейчас и не разделаться с ним? – предложил кто-то.

– Да, да! Чем скорее с ним покончим, тем лучше.

– Я бы сию же минуту пустился за ним, если бы только знать, где его найти, – отозвался Макмердо. – В Хобсон-Пэтче, это точно; но в каком доме, не знаю. Однако у меня есть план, если только вы к нему прислушаетесь.

– Ну, что за план?

– Завтра же утром я поеду в Хобсон-Пэтч и найду его через телеграфиста. У него ведь остается точный адрес. А ему я скажу, что сам состою в ложе Свободных Работников, и предложу выдать ее секреты за определенную цену. Он клюнет, можете не сомневаться. Скажу, что бумаги у меня дома, но если он явится ко мне открыто, средь бела дня, это будет стоить мне жизни. Это у него подозрений не вызовет, тут все очевидно. Пусть, скажу, придет по мне в десять вечера и ознакомится на месте со всеми материалами. И он явится, можете не сомневаться.

– Ну и?..

– А дальше вы сами решайте, как вам быть. Дом вдовы Макнамары стоит на отшибе. Старуха она верная, как сталь, и глухая, как бревно. В доме, кроме Сканлана и меня, никого. Как получу от него согласие, сразу же сообщу, и к девяти вы все семеро соберетесь у меня. Тут вы его и возьмете тепленьким.

– Клянусь, в конторе Пинкертона появится вакансия! Довольно разговоров, Макмердо! Завтра в девять часов встречаемся у тебя. Ты только закроешь за ним дверь, а остальное предоставь нам.

Глава 7
Ловушка для Берди Эдвардса

Как сказал Макмердо, дом Макнамары, где он жил, стоял на отшибе и вполне подходил для задуманного дела. Если бы речь шла не о сыщике, заговорщики бы просто вызвали его из дома, как делали уже множество раз, и разрядили бы в него свои револьверы. Но в данном случае важно было выяснить, как много он сумел узнать, какими путями и что успел передать своим хозяевам.

Не исключено, что они поздно спохватились и о них уже известно где надо. Если так, то по крайней мере можно будет рассчитаться с человеком, который это сделал. Впрочем, они надеялись, что ничего существенного детектив еще не разведал, иначе бы он не стал потеть над

бумагой и слать в свою контору ту чепуху, которую наговорил ему Макмердо. Это все, однако, они точно узнают от него самого. Когда он будет у них в руках, уж как-нибудь да сумеют заставить его говорить. Не впервой им.

Макмердо, как условились, поехал в Хобсон-Пэтч. Полицейские в то утро проявляли к нему какой-то повышенный интерес, а капитан Марвин — тот самый, что знал его еще по Чикаго, — даже заговорил с ним, когда он ждал поезда на станции. Макмердо отвернулся и не стал отвечать.

Вернулся в Вермиссу он днем и явился к Макгинти в Дом Союза.

— Он согласился. Будет, — доложил Макмердо.

— Отлично! — обрадовался Макгинти. Косматый великан был в шелковой рубахе, поперек жилета на мощной груди висели цепи и печати, сквозь бороду поблескивал бриллиант. Салун и политика сделали из босса не только могущественного хозяина города, но и богача. Тем ужаснее показался ему представший перед ним накануне призрак тюрьмы, а то и виселицы.

— Как, на твой взгляд, он много знает? — с тревогой спросил он у Макмердо.

Макмердо мрачно пожал плечами.

— Он здесь уже давно, недель шесть по крайней мере. И приехал в здешние края не бизнес заводить. Если все это время он работал среди нас и получал финансовую поддержку железнодорожной компании, надо полагать, кое-какие сведения он раздобыл и успел отправить по инстанции.

— Но в нашей ложе нет малодушных людей! — заспорил Макгинти. — Наши все тверды как сталь. Вот разве только — клянусь Господом! — этот жалкий трус Моррис... Может быть, он? Если нас кто-то выдает, то он, больше некому. Я думаю, не послать ли прямо сейчас к нему пару-тройку ребят, чтобы дали ему взбучку и попробовали у него что-нибудь выяснить?

— Что ж, худа от этого не произойдет, — ответил Макмердо. — Вообще-то, честно сказать, я к старому Моррису отношусь хорошо, и если он пострадает, мне будет его жаль. Он раза два обращался ко мне с разговором о делах нашего общества, и хоть смотрит он на них, может, не так, как ты или я, но на доносчика, я бы сказал, совсем не похож. Однако же не мне становиться между тобой и им.

— Ну нет, я с ним разделаюсь, со старым чертом! — прорычал Макгинти. — Я весь последний год с него глаз не спускаю.

— Тебе виднее, — пожал плечами Макмердо. — Но что бы ты насчет него ни надумал предпринять, придется отложить до завтра. Нам сейчас надо затаиться, покуда не управимся с агентом Пинкертона. Сегодня ворошить полицейское гнездо нам никак нельзя.

— Твоя правда, — согласился Макгинти. — Да и узнать, откуда Берди Эдвардс получал информацию, мы сможем уже сегодня, от него самого, даже если для этого понадобится вырезать у него сердце. Как тебе показалось, он не почуял ловушку?

Макмердо рассмеялся.

— Я нащупал его слабую точку, — сказал он. — Чтобы выследить "метельщиков", он пойдет хоть в самый ад. Он дал мне денег, — Макмердо,

ухмыляясь, достал из кармана пачку долларов. — И столько же отсчитает еще, когда увидит все бумаги.

— Какие бумаги?

— Никаких бумаг, ясное дело, нет. Но я наговорил ему с три короба: и про устав, и про своды правил, и про списки новых членов. Он рассчитывает, что до всего докопается.

— Докопается, как же, — свирепо осклабился Макгинти. — А он не спрашивал, почему ты с собой эти бумаги не принес?

— Да разве я мог брать с собой такие документы? Я же нахожусь под подозрением, капитан Марвин даже сегодня на вокзале ко мне подкатывал.

— Да, слыхал, — кивнул Макгинти. — Боюсь, тебе в этом деле хуже всех придется. Тело-то мы можем сбросить в старую шахту, но как ни крути, того, что он жил в Хобсон-Пэтче, не спрячешь, а ты туда сегодня ездил, и они об этом узнают.

Макмердо опять пожал плечами.

— Если мы всё сделаем чисто, они не смогут доказать, что было убийство. Он придет затемно, никто ничего не увидит. Ну и как уйдет, тоже, понятное дело, никто не увидит. А теперь вот что, советник. Я сейчас изложу поподробнее свой план и попрошу вас растолковать его остальным. Вы все прихóдите заблаговременно. Очень хорошо. Он явится в десять. Мы условились, что он трижды стукнет в дверь. Я отпираю. Потом пропускаю его вперед, и дверь за ним захлопывается. Всё. Он наш.

— Просто и ясно.

— Да. Но следующий шаг надо обдумать. Его так просто, голыми руками не возьмешь, он вооружен и вооружен хорошо. Я, конечно, навешал ему лапшу на уши, но думаю, бдительность он не утратит. Скажем, я впускаю его в комнату, а там семь человек вместо одного меня, как он ожидал. Подымется стрельба, кого-нибудь непременно ранят.

— Что так, то так.

— Да еще на выстрелы заявятся все фараоны, сколько их есть в городе.

— Сдается мне, ты прав.

— Если послушаете меня, я бы поступил так. Ваша семерка усядется в большой комнате — вы ее видели, когда приходили потолковать со мной. А его я приглашу войти в маленькую гостиную, рядом с входной дверью, и попрошу там подождать, пока я схожу принесу бумаги. Это даст мне возможность зайти к вам и доложить обстановку. Затем я возвращаюсь к нему с какими-нибудь поддельными бумагами. Он принимается читать, и тут я набрасываюсь сзади и заламываю ему правую руку. Вы услышите, что я вас зову, и бросаетесь со всех ног в малую гостиную. Тут чем скорее, тем лучше, он парень крепкий, не слабее меня, я могу один с ним не сладить. Но до вашего появления, думаю, удержу его.

— План хорош, — сказал Макгинти. — Наша ложа будет перед тобой в долгу. Когда я освобожу это кресло, мне, полагаю, легко будет назвать своего преемника.

— Ну что вы, советник, — скромно возразил Макмердо, но на лице у него было написано, как он отнесся к похвале великого человека.

Вернувшись домой, Макмердо занялся приготовлениями к предстоящему вечеру. Прежде всего он почистил, смазал и зарядил свой револь-

вер "смит-вессон". Затем оглядел комнату, которая должна была стать ловушкой для сыщика. Комната довольно просторная, в середине – длинный сосновый стол, сбоку – большая печь. Три остальные стены прорезаны окнами без ставен, закрытыми только шторами. Макмердо внимательно исследовал окна. Ему, конечно, не могло не прийти в голову, что это помещение слишком хорошо просматривается для такого тайного дела. Но зато дом стоит в стороне от улицы, так что это уж не особенно и важно. В заключение он переговорил со вторым жильцом. Сканлан, хотя и "метельщик", был незлобивый человек, ему, правда, не хватало характера идти наперекор товарищам, но в глубине души он ужасался кровавым делам, в которых его иногда заставляли принимать участие. Макмердо вкратце рассказал ему, что тут должно произойти.

– Будь я на твоем месте, Майк Сканлан, – заключил он свой рассказ, – я бы взял отгул и немедленно исчез. В этом доме нынче прольется много крови.

– Да, ты прав, Мак, – ответил ему Сканлан. – Умом-то я со всем согласен, но вот духу не хватает. Давеча на шахте, когда увидел, как упал управляющий Данн, думал, у меня сердце остановится. Не создан я для таких дел, не то что ты или Макгинти. Если в ложе обо мне не подумают худого, я и вправду поступлю по твоему совету – оставлю вас на сегодняшний вечер.

Члены ложи пришли в условленное время. С виду это были чисто одетые добропорядочные горожане; но тот, кто умеет читать по лицам, понял бы, глядя на их твердо сжатые губы и неумолимые глаза, что Берди Эдвардсу надеяться не на что. Среди этих людей не нашлось бы ни одного, у кого руки не были бы обагрены кровью. Для них убить человека значило не больше, чем для мясника зарезать овцу.

Первым, и по виду, и по злодейству, был, разумеется, сам страшный босс. Затем Харрауэй, секретарь, тощий, мрачный человек с длинной, морщинистой шеей и нервными, дергаными жестами, фанатически честный во всем, что касалось финансовых дел Ордена, но не имеющий понятия о чести и справедливости по отношению к остальным людям. Казначей Картер, мужчина средних лет с бесстрастным, хмурым выражением на желтом, как бумага, лице; этот был умелым организатором, планы почти всех преступлений ложи были рождены в его хитроумном мозгу. Двое Уиллоуби, молодые киллеры, рослые, ловкие, готовые на все; и их товарищ, Тигр Кормак, темнолицый, могучий и такой свирепый, что его боялись даже члены ложи. Таковы были люди, собравшиеся в ту ночь под крышей Макмердо с целью убить сыщика из конторы Пинкертона.

Хозяин гостеприимно поставил на стол бутылку виски, и каждый поторопился подкрепиться перед работой, которая их ожидала. Болдуин и Кормак и без того уже явились в подпитии, последняя бутылка только еще больше распалила их злобу. Кормак на секунду приложил ладони к печи – она была жарко натоплена, ночью еще морозило.

– Подойдет, – с проклятием отдернув руки, проговорил он.

– Точно! – сразу поняв его, подхватил Болдуин. – Прикрутим его к печке, и он нам все скажет.

– Скажет как миленький, можешь не беспокоиться, – откликнулся Макмердо. У этого человека, похоже, нервы были стальные: вся тя-

жесть предстоящего дела ложилась на его плечи, а ему хоть бы что. Это все заметили и лишний раз восхитились.

— Брать его будешь ты, — одобрительно сказал босс. — Он ничего не заподозрит, пока не почувствует у себя на горле твою лапу. Жаль только, тут на окнах нет ставен.

Макмердо обошел все окна и плотнее задернул шторы.

— Вот. Теперь нас никто не увидит. Уже скоро.

— А вдруг он не придет? Вдруг почует опасность? — произнес секретарь.

— Придет, не беспокойтесь, — ответил Макмердо. — Ему так же не терпится оказаться здесь, как вам — увидеть его. Тсс! Слышите?

За столом все замерли, точно восковые фигуры, кое-кто даже не донес до рта поднятый стакан. В дверь трижды громко постучали.

— Молчок! — прошептал Макмердо.

Сидящие за столом обменялись торжествующими взглядами. Ладони легли на запрятанные револьверы.

— Смотрите, чтоб ни звука! — шепотом напомнил им Макмердо, вышел из комнаты и плотно закрыл за собой дверь.

Убийцы остались ждать, напрягая слух. Вот прозвучали шаги их товарища, идущего по коридору. Открывается наружная дверь. Произносятся невнятные слова — это хозяин и гость здороваются. Потом еще какие-то непонятные шаги в доме, незнакомый голос. Наружная дверь захлопывается, скрежещет ключ в замке. Добыча в ловушке! Тигр Кормак разразился жутким ликующим хохотом, но Макгинти ударил его ладонью по губам.

— Тихо, болван! — шепотом обругал он Кормака. — Не то мы все из-за тебя погибнем!

В соседней комнате послышались голоса. Ну когда же? Наконец дверь распахнулась, и вошел Макмердо, приложив палец к губам. Подойдя к столу, он обвел глазами сидящих. С ним произошла какая-то перемена: выражение лица сделалось торжественным, черты стали твердыми, точно гранит, глаза за стеклами очков возбужденно сверкали. Он казался полководцем на поле брани. Бандиты нетерпеливо, вопросительно смотрели на него; но он хранил молчание. И только переводил взгляд по очереди с одного лица на другое.

— Ну? — не выдержал наконец Макгинти. — Он уже здесь? Пришел Берди Эдвардс?

— Да, — медленно ответил Макмердо. — Берди Эдвардс здесь. Я — Берди Эдвардс!

Первые десять секунд после этой краткой речи в комнате стояла такая тишина, словно там не было ни живой души. Только свистел, раздирая слух, вскипевший чайник на печи. Семь бледных лиц окаменели в невыразимом ужасе. Потом зазвенели разбитые стекла, и в каждое окно просунулось блестящее дуло винтовки; шторы, сорванные с колец, упали на пол. Босс Макгинти взревел, как раненый медведь, и рванулся к полуоткрытой двери. Но наткнулся на револьвер, в прицеле которого голубел суровый глаз полицейского капитана Марвина. Босс отшатнулся и рухнул на стул.

— Так вы целее будете, советник, — проговорил тот, кто был им известен как Макмердо. — И ты, Болдуин, если опустишь сейчас револьвер,

возможно не попадешь на виселицу и оставишь палача с носом. Руки на стол, не то, клянусь Создателем... Вот так-то лучше. Этот дом окружают сорок вооруженных людей, сами прикиньте, каковы ваши шансы. Заберите у них револьверы, Марвин.

Под дулами винтовок ни о каком сопротивлении не могло быть и речи. Бандиты были разоружены. Оторопелые и обозленные, они как сидели, так и остались сидеть за столом.

— Прежде чем мы разойдемся, я хочу сказать несколько слов, — проговорил тот, в чью ловушку они попались. — Следующий раз мы встретимся только в суде, где я буду давать показания. Хочу, чтобы вам было о чем поразмыслить до той поры. Кто я такой, вы теперь знаете. Могу выложить карты на стол. Я Берди Эдвардс, пинкертоновский агент. Меня выбрали, чтобы я взорвал изнутри вашу шайку. Это была трудная и опасная игра. Ни одна живая душа, даже самые близкие и дорогие мне люди не знали, что я ее веду. Это было известно одному капитану Марвину да моим нанимателям. Но сегодня, хвала Господу, игра окончена, и выигрыш — мой!

Семеро с непримиримой ненавистью смотрели на него исподлобья. Он прочел их угрозу.

— Вы, может, полагаете, что игра еще продолжается? Ну что ж, я готов рискнуть. Но в любом случае некоторым из вас придется из игры выйти, и кроме вас еще шестьдесят человек окажутся сегодня за решеткой. И еще я скажу вам вот что. Когда меня назначили на эту работу, я не верил, что на свете существует такая организация, как ваша. Думал — пустая газетная болтовня, поеду и докажу это. Мне объяснили, что вы имеете отношение к Свободным Работникам, поэтому я отправился в Чикаго и вступил в Общество. Там я и вовсе уверился, что рассказы про вас — это все газеты наплели; потому что я не нашел в Обществе Свободных Работников ничего дурного, зато увидел много хорошего. Но в вашем городе я убедился, что ошибался, что это не выдумки газетчиков, а чистая правда. И я остался, чтобы во всем разобраться.

Я не совершал убийств в Чикаго. И никогда в жизни не чеканил фальшивых денег. Те доллары, что я вам раздавал, были настоящие; но потратил я их здесь очень выгодно. Знал, как завоевать ваше расположение, и поэтому представил дело так, будто меня преследует закон. Как я рассчитывал, так все и получилось.

Я вступил в вашу дьявольскую ложу и ходил на ваши сходки. Может быть, кто-то скажет, что я не лучше вас. Пусть говорят, мне было нужно до вас добраться. Но если кого интересует правда, то вот она. В тот вечер, когда я к вам присоединился, вы избили старика Стейнджера. Предупредить его я не мог, на это не было времени, но схватил тебя за руку, Болдуин, когда ты хотел его убить. Когда я выдвигал какие-нибудь предложения, чтобы казаться среди вас своим, это всегда было что-нибудь такое, что я сам же мог предотвратить. Я не смог спасти Данна и Мензиса, мне многое было тогда неизвестно; но я позабочусь о том, чтобы их убийцы были повешены. Честера Уилкокса я предупредил, и, когда я взрывал его дом, он с домочадцами прятался в другом месте. Было немало преступлений, которые я не мог предотвратить, но если вы припомните, как часто случалось, что тот, за кем вы охотились, почему-то возвращался домой другой дорогой, или был в городе, когда вы нагрянули

к нему домой, или сидел дома, когда вы рассчитывали выманить его наружу, вы поймете, что я не бездействовал.

— Проклятый предатель! — прошипел Макгинти сквозь сжатые зубы.

— Да, Джон Макгинти, можешь назвать меня так, если тебе от этого полегчает. Ты и тебе подобные были врагами Бога и человека в здешнем краю. Нужен был кто-то, способный встать между тобою и бедными простыми людьми, подпавшими под твою власть?! Был только один способ осуществить это, и я его применил. Ты назвал меня предателем, но тысячи других, полагаю, будут считать меня спасителем, сошедшим в ад, чтобы вызволить их. Я пробыл в аду три месяца. Такие три месяца пережить еще раз я не согласился бы ни за что, пусть мне посулят в награду хоть всю сокровищницу федерального казначейства. Я не мог вырваться, покуда не узнал все, покуда все секреты, все члены ложи не оказались у меня в руках. Я бы и еще задержался, но узнал, что мне грозит разоблачение. В Вермиссу пришло письмо, из которого вы бы всё узнали. Так что мне пришлось действовать немедленно.

К этому мне нечего добавить, разве только то, что, когда придет мой час, мне легче будет умирать, зная, какую работу я тут проделал. А теперь, Марвин, не буду вас больше задерживать. Уводите их, и покончим с этим.

Осталось сообщить лишь несколько подробностей. Сканлану была дана записка для передачи мисс Этти Шафтер — поручение, которое он принял, многозначительно подмигнув и улыбнувшись. А утром на рассвете железнодорожная компания подала специальный поезд, в него сели красивая молодая женщина и мужчина в пальто с поднятым воротником, по уши обмотанный шарфом. Этим поездом они быстро и беспрепятственно выехали из района, где над ними нависла угроза. И больше ни Этти, ни ее возлюбленному не довелось ступить на землю Долины страха. Десять дней спустя в Чикаго они обвенчались, и старый Джейкоб Шафтер был у них на свадьбе свидетелем.

Суд над "метельщиками" состоялся вдали от тех мест, где приверженцы Ордена могли бы запугать служителей закона. Напрасно они запирались, напрасно были потрачены огромные суммы — вырванные шантажом и насилием все у тех же местных жителей — в расчете на то, что удастся добиться их оправдания. Хладнокровный и ясный рассказ того, кому были знакомы во всех подробностях их жизнь, их порядки и их преступления, не смогли поколебать никакие ухищрения наемных защитников. Наконец, после стольких лет террора, организация прекратила существование и члены ее разбежались кто куда. Тень, нависавшая над Долиной Страха, растаяла.

Макгинти встретил свой смертный час на виселице, визжа и умоляя о пощаде. Восемь помощников разделили его судьбу. Более полусотни получили тюремные приговоры на разные сроки. На этом работа Берди Эдвардса завершилась.

Однако, как он и предполагал, игра была не закончена. Карты еще не раз и не два переходили из рук в руки. Во-первых, жив был Тед Болдуин, который избежал виселицы; остались живы и братья Уиллоуби, и еще некоторые злодеи из банды. На десять лет они оказались выключены из жизни; но настал день, когда они снова вышли на свободу, — день, который, как понимал Эдвардс, хорошо знавший этих людей, положит

конец его мирному существованию. Они давно поклялись всем, что было для них свято, рассчитаться с ним за товарищей. И взялись за выполнение этой клятвы.

После двух покушений, которые были настолько близки к удаче, что третья попытка настигла бы его непременно, он, изменив имя, переехал из Чикаго в Калифорнию. Там скончалась Этти Эдвардс, его жена, и на какое-то время свет его жизни померк. И опять его едва не убили, и опять он уехал — перебрался под именем Дугласа в безлюдный каньон, работал там вдвоем с напарником, англичанином Баркером, и сколотил немалое состояние. Но потом получил известие, что кровавые псы снова вышли на его след, едва успел оттуда убраться — и уплыл в Англию.

Вот каким образом в Суссексе появился Джон Дуглас, женился второй раз на достойной женщине и пять лет вел мирную жизнь деревенского сквайра, пока ее не пресекли странные события, о которых рассказано выше.

Эпилог

Дело Джона Дугласа было рассмотрено в полицейском суде графства и направлено в более высокую инстанцию. На коллегии мировых судей он был оправдан как действовавший в целях самозащиты.

"Надо, чтобы он во что бы то ни стало уехал из Англии, — писал его жене Шерлок Холмс. — Здесь действуют силы еще более опасные, чем его прежние преследователи. В Англии Вашему супругу укрытия не найти".

Прошло два месяца, и мы уже стали забывать эту историю. Как вдруг в одно прекрасное утро в нашем почтовом ящике оказалась загадочная записка. "Бог мой, мистер Холмс! — было написано в ней. — Ну как же это Вы так? Ай-ай-ай!" И ни адреса, ни подписи. Меня такая эпистола рассмешила; но Холмс отнесся к ней с неожиданной озабоченностью.

— Письмо от Дьявола, Ватсон, — пробормотал он. И долго еще сидел в молчании, нахмурив брови.

А вчера поздно вечером явилась миссис Хадсон, наша хозяйка, и сообщила, что Холмса хочет видеть какой-то джентльмен, притом по делу чрезвычайной важности. Почти сразу вслед за ней вошел Сесил Баркер, с которым мы познакомились в берлстоунском Мэнор-хаусе. Вид у него был мрачный и подавленный.

— У меня дурные вести, мистер Холмс, ужасные вести, — произнес он, входя.

— Я этого опасался, — сказал Холмс.

— Вам что, тоже пришла телеграмма?

— Я получил записку.

— Бедняга Дуглас. Мне сказали, что настоящая его фамилия Эдвардс. Но для меня он навсегда останется Джоном Дугласом, с которым мы работали в каньоне Бенито. Я рассказывал вам, что три недели назад они на "Пальмире" отплыли в Южную Африку.

— Да, да.

— Прошлой ночью "Пальмира" вошла в Кейптаунский порт, а сегодня утром я получил телеграмму от миссис Дуглас. Вот: "Джон погиб, упав за борт, во время шторма у берегов Святой Елены. Как это произошло, никто не знает. Айви Дуглас".

— Так вот чем дело кончилось, — печально проговорил Холмс, — Не сомневаюсь, что все было отлично организовано.

— То есть, по вашему мнению, это не был несчастный случай?

— Конечно нет.

— Вы считаете это убийством?

— Несомненно.

— Знаете, я тоже так думаю. Эти проклятые "метельщики", шайка кровавых преступников...

— Да нет, дорогой сэр, — оборвал его Холмс. — Тут чувствуется рука специалиста. Это не работа бандитов с обрезами и нескладными шестизарядными револьверами. Старого мастера можно узнать по одному мазку кисти. Я всегда узнаю Мориарти. Это преступление лондонское, а не американское.

— Но каков же может быть мотив?

— Просто этот субъект не имеет права промахнуться. Уникальность его в том, что в любом деле он всегда добивается успеха. Мощный ум и огромная организация были мобилизованы на то, чтобы уничтожить одного человека. Все равно что расколоть орех паровым молотом — абсурдное расточительство энергии; но так или иначе, а орех расколот.

— Как же он оказался замешан в это дело?

— Могу только обратить ваше внимание на то, что первые сведения об этом деле были нами получены от одного из его сотрудников. Американские бандиты поступили весьма разумно: поскольку цель их находилась в Англии, они наняли этого выдающегося специалиста по преступлениям, выполняющего заказы любых иностранцев. И могли быть спокойны: их жертва обречена. Сначала он ограничился тем, что обнаружил местонахождение разыскиваемого ими человека. Затем наметил для них, как им следует действовать. И наконец, прочтя в полицейской сводке об их провале, вступил в дело сам. Если помните, я говорил хозяину берлстоунского Мэнор-хауса, что впереди его ждет опасность пострашнее той, с которой он справился. И выходит, я был прав.

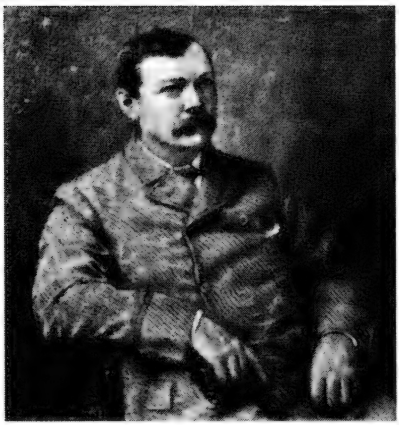
Баркер в бессильной ярости стукнул себя кулаком по лбу.

— По-вашему, я должен сидеть и терпеть все это? По-вашему, никто на свете не способен одолеть этого дьявола?

— Нет, я этого не говорю, — задумчиво, словно вглядываясь в будущее, ответил Холмс. — Я не говорю, что его невозможно одолеть. Но мне нужно время — дайте мне только время!

Мы немного посидели молча. Он смотрел в одну точку, словно все еще пытался пронзить завесу своим вещим взором.

Артур Конан Дойл



Подлинная история о привидениях Горсторпской усадьбы

Рассказ

Перевод Ольги Новицкой

Публикация и вступление Антона Лапудева

Великие книги часто берут начало с чего-то незначительного, мало ценимого автором. Случилось так, что восемнадцатилетний студент-медик Эдинбургского университета сел за стол и написал несколько "страшных историй" о невероятных происшествиях, готических особняках, экзотических странах и т. п. Самым привлекательным в этих рассказах было не содержание, а герои — рассказчик и его друг: Джек... Джефф... Джеймс... Джон(?) — доверительно и обстоятельно повествует о необыкновенных событиях, участником которых он стал благодаря своему приятелю — Тому... Томасу... Шерлоку(?). О, этот Том! Прекрасно образованный, физически развитый, бесстрашный, неизменно настроенный патриотически. А чего стоит его манера курить так, что клубы дыма полностью скрывают его фигуру, и лишь голос звучит, как у дельфийского оракула! А его отношение к другу-рассказчику!

Около шести часов Том вскочил на ноги... — Я больше не могу, Джек! Бери лом — и вперед, в долину Сассаса! Сегодня все решится — пан или пропал! Возьми с собой револьвер[1].

"Вот оно! — воскликнет холмсовед. — Самое начало Канона!" (Так уважительно именуются шестьдесят историй о Холмсе и Ватсоне.) И действительно, уже

© О. Новицкая. Перевод, 2008
© Антон Лапудев. Публикация, вступление, 2008
1. А. Конан Дойл. Тайна долины Сассаса.

в первых опубликованных Дойлом рассказах: "Тайна долины Сассаса" ("Чеймберз джорнэл", 1879) и "Американская история" ("Лондон сосайети", 1880) — был заложен фундамент произведений, впоследствии обессмертивших автора.

Однако самый первый рассказ Конан Дойла оставался неизвестен читателю до начала нашего века, хотя был сочинен в то же время, что и два других, и тогда же отправлен в "Блэквудз мэгэзин". Что же послужило причиной отказа в публикации, которая отложилась более чем на целый век? За давностью лет можно строить только более или менее правдоподобные догадки. И наиболее правдоподобной кажется версия Оуэна Дадли Эдвардса, почетного председателя "Общества Артура Конан Дойла".

В конце 70-х Конан Дойл близко сошелся со старинным другом своей семьи Джоном Хиллом Бартоном, шотландским историком и собирателем редких книг, которому как раз в то время издатель Джон Блэквуд заказал монографию по истории Англии времен королевы Анны и выплатил значительный аванс. В 1879 году Джон Блэквуд скончался, а издательство перешло к его племяннику Вилли, который незамедлительно потребовал от тяжело болевшего и не завершившего работу Бартона возврата аванса. Чтобы выплатить его, Бартону пришлось продать свою огромную библиотеку, что, возможно, ускорило его смерть, наступившую в 1881-м. К чести Вилли Блэквуда, он не стал требовать у вдовы Бартона остаток долга, однако от публикации рассказа Дойла, молодого протеже покойного, отказался и даже не возвратил рукопись (вопреки традициям журнала), однако на фоне всего случившегося это уже не кажется чем-то из ряда вон выходящим. Но Конан Дойла это не очень огорчило. "Другие мои попытки [напечататься] провалились, но это значения не имело. Одержав победу раз, я ободрял себя мыслью, что смогу это повторить", — написал он в "Воспоминаниях и приключениях".

В 1942 году издательство "Блэквуд энд сан" передало Национальной библиотеке Шотландии свой архив, где под номером MS 4791 значились 24 страницы in quarto — полный текст рассказа, озаглавленного "The Haunted Grange of Goresthorpe" и подписанного Arthur Conan Doyle. О нахождении этой рукописи, считавшейся утерянной, а также рукописи еще одной неизвестной пьесы Конан Дойла "Ангелы тьмы"[1] международное шерлокианское сообщество узнало из монографии Джона Диксона Карра "Жизнь сэра Артура Конан Дойла" (1953)[2]. Однако прошло еще почти полвека, прежде чем было получено согласие наследников писателя, и в 2000-м году "Общество" опубликовало обе рукописи в превосходных коллекционных изданиях с историко-литературными предисловиями и факсимиле первых страниц.

И вот спустя 130 лет после написания и утери, через 65 лет после счастливого обретения и 8 лет после публикации в Великобритании первый рассказ Конан Дойла приходит и к нашему читателю.

ДАЖЕ по прошествии стольких лет я не могу без дрожи вспоминать о той жуткой ночи. Она стала вехой — любые, даже самые незначительные события я мысленно подразделяю на две категории: происшедшие до — или после того, как я видел привидение.

1. Действие "Ангелов тьмы" разворачивается в США, в антураже "Этюда в багровых тонах"; главное действующее лицо — доктор Ватсон, а Шерлок Холмс и вовсе отсутствует.
2. В первом сокращенном русском переводе монографии Джона Д. Карра (1989) публикуемый ниже рассказ упоминается под названием "Призрак мызы Горесторп".

Именно так, мой читатель, — привидение. Не стоит недоверчиво улыбаться при этих словах, хотя мне ли винить вас? Я ведь и сам в них не верил. Как бы то ни было, прежде чем делать выводы, выслушайте мою историю.

Старая усадьба издавна была частью нашего родового поместья Горсторп в графстве Норфолк. Теперь-то ее уже сровняли с землей, но в 184... году, когда ко мне приехал погостить Том Халтон, эта страшная развалюха еще стояла на том месте, где пересекаются дороги на Морсли и Альтон, а сейчас торчит шлагбаум. От окружавшего дом сада уже тогда ничего не осталось — все заполонил буйно разросшийся бурьян. Лужи гнилой воды и горы отбросов, которые стаскивали туда со всей округи, источали смрад. Днем там было мерзко, а ночью — жутко. Слава об усадьбе шла недобрая, поговаривали, что сквозь изъеденные временем и непогодой стены просачиваются звуки, которым не сорваться с человеческих губ, а деревенские старожилы рассказывали об отчаянной выходке некоего Джоба Гарстона, который тридцать лет назад сдуру остался в заброшенном доме на ночь, а утром еле выполз оттуда — седой как лунь, немощный старик.

Я тогда был склонен относить все это на счет пагубного влияния, которое жуткие руины оказывают на людей темных, и много размышлял о пользе общедоступного образования. Однако мне самому было доподлинно известно, что старая усадьба по праву получила прозвание обители привидений. В семейных архивах я обнаружил упоминание о последнем арендаторе Годфри Марсдене. Злодеем он был таким, что, как говорится, страшнее не бывает, жил в этих местах почти за сто лет до описываемых событий и был воплощением зверства и жестокости. Длинный список своих злодеяний он увенчал тем, что зарезал двух своих малолетних детей и удавил жену. Но из-за неразберихи, начавшейся после попытки Младшего Претендента[1] заявить права на трон, правосудие в Англии отправлялось спустя рукава, и Марсдену удалось перебраться на континент, далее следы его теряются. Среди его кредиторов — единственных, кто оплакивал исчезновение этого канальи, — прошел слух, что, не вынеся мук совести, он кинулся в море, и тело его вынесло на французский берег, но те, кто знал его лучше, даже мысли не допускали, что такая эфемерная штука, как совесть, могла что-нибудь значить для этого закоренелого убийцы. С той поры усадьбу никто не арендовал, и она ветшала, мало-помалу приходя в запустение.

С Томом Халтоном мы дружили еще со школьной поры, и я был по-настоящему рад вновь увидеть его честное лицо, от которого в доме, клянусь вам, становилось светлее, ибо земля еще не рождала более веселого, бесшабашного и душевно здорового человека. Единственным его недостатком была вывезенная из Германии, где он учился, склонность к отвлеченным метафизическим рассуждениям, из-за чего мы без конца спорили, ибо на медицинском факультете, который я окончил, нам прививали сугубо практический взгляд на вещи. Помню, в первый вечер после его приезда разговор наш перескакивал с одного предмета на другой, и мы веселились от души, ибо убедить собеседника в своей правоте не удавалось ни ему, ни мне.

1. Прозвище Карла Эдуарда Стюарта (1720–1788). (*Здесь и далее – прим. перев.*)

Я сейчас и не вспомню, каким образом речь зашла о привидениях, но пробило полночь, а мы все еще с жаром обсуждали спиритизм и духов. Том во время спора не выпускал изо рта большую трубку, вырезанную из корня вереска, так что его крепкая спортивная фигура едва угадывалась в густых клубах табачного дыма, сквозь который до меня доносился его голос, подобный гласу дельфийского оракула.

— Все человечество, — вещал он, — делится на две категории: тех, кто открыто заявляет, что не верит в привидения, хотя до смерти их боится, и тех, кто допускает возможность их существования и не остановился бы ни перед чем, лишь бы их увидеть. Не постыжусь признаться, что принадлежу ко вторым. Ты-то, конечно, пока персты не вложишь в раны[1], не поверишь, хотя что с тебя возьмешь? Издержки профессии — все вы, доктора, такие. Я же, напротив, всегда испытывал необъяснимую тягу к сверхъестественному и недоступному наблюдению, особенно если речь идет о привидениях. Но я имею в виду не души грешников, которые под бременем страшных проклятий в извечно лязгающих цепях совершают свои ретирады по подвалам, чердакам и черным лестницам. Я не настолько глуп, чтобы верить в подобную чушь!

— То есть существуют и другие, достойные доверия привидения, и ты сейчас о них поведаешь, да? Я весь внимание!

— Этого в двух словах не объяснишь, хотя у меня в голове сложилась довольно стройная картина. Мы с тобой прекрасно понимаем, что, когда человек умирает, над ним более не властны заботы и невзгоды этого мира, и для будущего неважно — блаженство там или мука, остается одно только эфирное тело. Так вот, Джек, я и в самом деле полагаю, что душа человека, неожиданно покинувшего этот мир, может быть отягощена какой-то одной всепоглощающей страстью, которая не отпускает ее даже за вратами вечности.

Том энергично взмахнул рукой с зажатой в ней трубкой, прорвав тем самым табачную завесу, и продолжал:

— Конечно, лишенный телесной оболочки бесплотный дух может питать чувства возвышенные, такие, как любовь к ближнему, любовь к родине, но порой душу обуревают и темные страсти — например, ненависть или жажда мести, и тогда, я думаю, все иначе. Возможно, они и после смерти висят на этой несчастной душе тяжким бременем, цепляясь за прах — не менее мерзкий, чем сами эти страсти, ее снедающие. Вот что, по-моему, кроется за вещами, которые по сей день не нашли, а может, и никогда не найдут своего объяснения, и за глубокой верой в привидения, живущей, как бы мы ее ни искореняли, во все времена в каждом сердце.

— Не хочу с тобой спорить, Том, — отозвался я, — но ты сам помянул апостола Фому, и поскольку я ни одного из этих отягощенных страстями духов, или как ты их там называешь, не видел, то и принимать их на веру, с твоего позволения, спешить не буду.

— Смейся, смейся, — махнул рукой Том, — в конце концов, над чем только люди не смеялись! И все-таки, Джек, скажи честно, ты хоть раз пытался увидеть привидение, а, старина? Поучаствовать в охоте на них?

1. Аллюзия на Фому Неверующего.

— Нет, конечно, а ты? Неужто пытался?

— Нет, но очень хочу, — сказал Том и сел, задумчиво попыхивая трубкой.

Мы немного помолчали, потом он спросил:

— Слушай, ты же сам мне когда-то рассказывал, что здесь у вас есть не то усадьба, не то флигель какой-то, где водятся привидения. Вот бы мне там переночевать, а? Пустишь меня завтра? Там ведь уже много лет ночью ни одной живой души не было!

— И думать не смей, — замахал я руками. — Да за последние сто лет в Горсторпской усадьбе отважился провести ночь один-единственный человек, который, как мне доподлинно известно, сошел после этого с ума.

Том возликовал:

— Нет, мне это нравится, положительно нравится! До чего же ограничены мои соотечественники, причем ты, Джек, не исключение! Человек не верит в привидения! Но отказывается идти туда, где, как ему известно, привидения водятся, и убедиться во всем самому! Теперь допустим на минуту, что прошел слух, будто в Йоркшире есть белая ворона или какая-нибудь иная диковинка, и некто уверяет тебя, что ее там вовсе нет, поскольку в Уэльсе, который он прочесал, он ее не видел. Услышав такое, ты подумаешь, что этот человек болван, и будешь прав. Но разве сам ты не ведешь себя точно так же, когда отказываешься отправиться в старую усадьбу, чтобы раз и навсегда самому во всем удостовериться?!

— Если завтра ты все-таки решишь туда пойти, обещаю, что пойду с тобой, хотя бы ради того, чтобы ты не вернулся с очередной байкой про какой-то там отягощенный дух. А засим спокойной ночи.

С тем мы и разошлись.

Признаюсь, на следующее утро я подумал, что с моей стороны было довольно легкомысленно поощрять нелепую затею Тома. "Все этот ирландский виски, будь он неладен, — думал я. — Вечно после третьего стакана начинаются всякие фокусы! Остается надеяться, что Том одумался". Увы, тут меня ожидало горькое разочарование: Том клялся и божился, что не сомкнул глаз, обдумывая наш ночной поход, и тщательно к нему готовился.

— Надо бы взять пистолеты, так все делают, потом еще трубки, пару унций табаку и что еще? Пледы, бутылка виски — вот вроде и все. Ей-богу, чувствую, сегодня мы все-таки повстречаемся с призраком!

"Помилуй, Создатель", — мысленно воскликнул я, но отступать было некуда, так что осталось лишь притвориться, что я разделяю воодушевление моего друга.

Весь день Том не находил себе места от возбуждения, и, как только стемнело, мы отправились в усадьбу. Перед нами предстал заброшенный дом, холодный и мрачный. Ветер трепал отодравшийся от стен плющ, и голые плети раскачивались из стороны в сторону, подобно траурным лентам на катафалке. Я с тоской смотрел на поблескивавшие вдали огоньки деревни. В заржавевшем замке щелкнул ключ, мы запалили свечку и ступили на выложенный камнем пол. Всюду лежала пыль.

— Ну, вот мы и у цели, — провозгласил Том, распахнув дверь в большую комнату с закоптелым потолком.

— Нет, только не здесь! — взмолился я. — Давай поищем что-нибудь поменьше, где можно разжечь камин и с первого взгляда убедиться, что, кроме нас, никого нет.

— Хорошо, приятель, хорошо, — добродушно хохотнул Том. — Я тут на свой страх и риск успел кое-что разведать и место это знаю как свои пять пальцев. В другом конце дома есть именно то, что тебе нужно.

Он снова поднял над головой свечу, закрыл дверь, и мы стали плутать по коридорам, пока не вышли, наконец, в длинную галерею, тянувшуюся вдоль всего крыла. Одна стена была глухая, а в другой через каждые три-четыре шага зияли оконные проемы, и когда луна выглядывала из-за туч, мрачный проход оказывался испещрен белыми пятнами света, придававшими этому месту призрачный вид. В самом конце находилась дверь, которая вела в небольшую комнату, на первый взгляд не такую уж грязную и обшарпанную. Кроме всего прочего, там был огромный, во всю стену, камин и темно-красные портьеры, а когда мы развели огонь пожарче, стало почти уютно, чего я никак не ожидал. На Тома, однако же, обстановка произвела разочаровывающее впечатление.

— Тоже мне, дом с привидениями, — сказал он с нескрываемым отвращением. — Да с тем же успехом можно было бы сидеть в гостинице! Увольте, я не за этим сюда шел!

Только после двух выкуренных трубок он, наконец, смог вернуть свое обычное душевное равновесие. Уж не знаю, что тому причиной — может, благодаря необычному антуражу табак казался более ароматным, а виски более мягким, а может, с трудом сдерживаемое душевное волнение придало особую живость разговору, — но готов поклясться, что для нас обоих это был лучший вечер в жизни.

За окнами выл и стонал ветер, безжалостно терзавший длинный плющ. Он гнал по небу темные тучи, сквозь которые время от времени пробивался лунный лик. Капли дождя дробно барабанили по кровле.

— Крыша, должно быть, худая, — заметил Том, поднимая голову. — Но ничего, нестрашно. Прямо над нами спаленка, там отличный пол. А знаешь, я не удивлюсь, если это та самая комната, где любящий отец прирезал своих малюток. Ну-с, уже почти полночь, и если нам собираются хоть что-нибудь показать, то уже самое время. Силы небесные, каким отсюда холодом тянет! Знаешь, у меня сейчас такое чувство, как перед экзаменом в колледже, когда ждешь своей очереди. Да и тебе, старина, на месте не сидится.

— Тише, — перебил я, — слышишь шум? Там, в коридоре?

— Да ладно, шум! — отозвался Том. — Где там мой мушкет?

— Говорю тебе, я слышал, где-то хлопнула дверь! Чует мое сердце, ты сегодня получишь все, о чем мечтал, и знаешь, Том, я тебе честно скажу, более всего на свете жалею, что поддался тебе и ввязался в эту идиотскую авантюру.

— Но сейчас-то что толку труса праздновать? — развел руками Том. — Боже правый, что это?

В комнате, совсем рядом с нами, отчетливо слышалось: кап! кап! кап! Мы, не сговариваясь, вскочили на ноги, но секунду спустя Том расхохотался:

— Да брось, старина, что мы, в самом деле, как бабы старые? Это же просто дождь! Крыша все-таки протекает, и капли падают на обои, ви-

дишь, во-о-он там они отстают. А мы с тобой хороши, а? Испугались, тоже мне. Ну, вот же, гляди сам, течет, да...

— Том, что с тобой, Том?

Лицо у него посерело, глаза смотрели в одну точку, рот приоткрылся от ужаса и изумления.

— Ты видишь, Джек? Ты видишь?

Едва сдерживая крик, Том протягивал к свету кусок обоев, отклеившийся от заплесневелой стены. Силы небесные! Вся его поверхность была усеяна брызгами свежей еще крови! Прямо у нас на глазах вниз скатилась еще одна капля. Мы оба запрокинули головы, силясь разглядеть источник этой чудовищной капели. В лепном карнизе под потолком темнела едва заметная трещинка, а из нее, словно из раны на теле, сочилась кровь. Вот упала капля, потом еще одна, а мы стояли как громом пораженные.

— Уйдем отсюда, Том, — взмолился я: стало невмочь терпеть. — Это Богом проклятое место, уйдем, прошу тебя.

С этими словами я, схватив друга за плечо, повернулся к двери.

— Ну уж нет, — яростно сверкнул глазами Том, стряхивая мою руку. — Я отсюда уходить не намерен. Пойми, Джек, здесь произошло какое-то чудовищное злодеяние, и мы должны докопаться до истины! Возьми себя в руки, старина, нельзя же допустить, чтобы из-за какой-то капельки крови мы отступили! Не удерживай меня! Не на такого напали!

Отшвырнув меня в сторону, он ринулся в коридор.

Проживи я еще сто лет, мне и тогда не забыть этих мгновений. Я как сейчас слышу вой ветра за окнами и вижу сполохи молний, выхватывающих из темноты стены галереи, откуда не доносилось ни звука. В коридоре стояла мертвая тишина, которую нарушал только скрип двери, да тихий шелест накрапывавшего с потолка кровавого дождя. Но вот Том вернулся в комнату. Ноги у него подгибались.

— Надо держаться вместе, — прошептал он с ужасом. — В коридоре кто-то есть!

Словно какая-то злая колдовская сила влекла нас к двери. Мы осторожно выглянули за порог. Как я уже описывал, вдоль одной стены в длинной темной галерее шли многочисленные оконные проемы, сквозь которые лился лунный свет, рисуя на черном полу бледные квадраты. Из дальнего ее конца по этим световым пятнам двигалась чья-то тень: ближе, ближе, ближе. Она то растворялась во мраке, то проступала на фоне освещенного луной окна, то снова исчезала, стремительно к нам приближаясь. Вот между нами четыре лунных квадрата, вот их уже три, два, и наконец в потоке света, бившем из распахнутой двери нашей комнаты, возникла фигура мужчины, который промчался мимо нас и снова растаял в темноте. Я успел заметить, что его старинное платье в беспорядке, а в волосах запуталось что-то длинное, свисавшее, словно ленты, по обеим сторонам смуглого лица. Но лицо, само это лицо! Не знаю, забуду ли я его когда-нибудь! Оно было обернуто ко мне вполоборота, словно бегущий по коридору человек оглядывался, ожидая погони, и весь его облик выражал такую меру безнадежности и отчаяния, такой неописуемый ужас, что сердце мое, несмотря на страх, буквально сдавило от жалости. Мы посмотрели туда, куда был устремлен его взгляд. За ним действительно гнались! Через белые лунные квадраты,

то пропадая, то возникая вновь, приближалась еще одна тень. Подобно первой, она возникла в свете, льющемся из нашей комнаты, где горели свечи и пылал камин. Мы увидели женщину, величественную и прекрасную, лет, должно быть, двадцати восьми от роду, в низко вырезанном платье с роскошным, по моде восемнадцатого столетия, шлейфом. На точеной шее под нежным подбородком темнели пятна: четыре небольших с левой стороны и еще одно, покрупнее, с правой. Она прошла мимо, не поворачивая головы, устремив застывший взгляд туда, где только что исчез мужчина, которого она преследовала, и ее тоже поглотила темнота. Через мгновение до нашего слуха донесся пронзительный крик — дикий вопль боли, перекрывавший завывание ветра и раскаты грома. Потом дом погрузился в тишину.

Не знаю, как долго мы простояли на пороге, вцепившись друг в друга. Должно быть, долго, потому что когда все еще не отпускавший моей руки Том, которого била дрожь, шел по коридору, в шандале мерцала новая свеча — старая успела догореть. Не проронив ни слова, мы толкнули полусгнившую входную дверь, под грозовым ливнем перемахнули через садовую ограду, помчались через деревню и — по аллее к моему дому. И только там, в уютной курительной, после того как Том, повинуясь безотчетной привычке, сунул в рот сигару, к нему наконец-то вернулось самообладание. Первыми его словами, обращенными ко мне, были:

— Ну-с, Джек, ты и сейчас не веришь в привидения?

И тут же последовало:

— Проклятье, оставил там любимую трубку! Лучшую! Ну уж нет, сдохну, но не вернусь за ней!

— Да уж, зрелище, конечно, леденящее душу, — вздохнул я. — Как вспомню его лицо... еще ленты эти жуткие... Слушай, Том, а что это за ленты?

— Какие еще ленты? Это же водоросли, ты что, не понял? А такие отметины, как у женщины на шее, мне случалось видеть и раньше, да и тебе, думаю, они знакомы по медицинским штудиям.

— Да уж знакомы. Это следы пальцев. Ее задушили, Том! Не приведи Господи увидеть что-нибудь такое еще раз! Храни Бог!

— Аминь, — отозвался мой друг, и мы расстались.

Поутру, поскольку все задуманное было исполнено, Том отправился в Лондон, а через некоторое время — на цейлонские кофейные плантации, принадлежавшие его отцу. Более судьба нас не сводила. Даже не знаю, жив ли он сейчас, но одно могу сказать с уверенностью: если жив, то не может вспоминать без содрогания ночь, проведенную среди привидений Горсторпской усадьбы.

Артур Конан Дойл

Стихи

Перевод Марины Бородицкой

Публикация и комментарии Даниила Дубшина

Мало кто знает, что известный миллионам читателей как прозаик Артур Конан Дойл оставил обширное поэтическое наследие. Большинство стихотворений сэра Артура были опубликованы в подготовленных им сборниках: "Песни действия" (1898), "Песни дороги" (1911), "Гвардия атакует и другие стихотворения" (1919), а также в итоговом томе "Стихотворения Артура Конан Дойла" (1928).

В его поэзии преобладали темы воинской доблести, жестокости и разрушительности войны, прославление людей "героических профессий", размышления на темы британской и европейской истории. Но помимо этих "высоких" тем, у Дойла можно найти и любовную лирику, и притчи, а также стихи, описывающие анекдотические ситуации, и автор демонстрирует при этом незаурядное чувство комического. Примером могут служить два нижеследующих стихотворения из сборника "Песни действия".

Притча

Решала компания сырных клещей
Вопрос сотворения сыра:
На блюде он взрос на манер овощей,
Иль чудом возник из эфира?

© Марина Бородицкая. Перевод, 2008
© Даниил Дубшин. Публикация, комментарии, 2008

Твердили юнцы о природе вещей,
А старцы — о духе и слове...
Но даже мудрейший из мудрых клещей
Не высказал мысль о корове.

Советы молодому сочинителю

Терпеливо
Жди прилива,
Всё наладь:
Снасть и кладь.
Умный шкипер —
С грузом клипер,
Трюм набит —
Путь открыт.

Дух унылый
Не насилуй,
Хлад в груди
Пережди:
Дай скопиться
По крупице
Тишине,
Глубине.
Глядь — усталость
Прочь умчалась,
И рука
Вновь легка.

Критик хвалит,
Критик жалит —
Не беда,
Ерунда.
Критик злится,
Веселится —
Брось, наплюй,
В ус не дуй.
Делай смело
Свое дело!

Однако ряд стихотворений сэра Артура в силу разных причин остался неопубликованным. В первую очередь, это юношеские стихи, вещицы "на случай". Зачастую эти бесхитростные, далекие от совершенства строки представляют, как кажется, немалый интерес в качестве штрихов к портрету писателя, иллюстрации к тому, что его волновало в разные периоды жизни.

Велосипедный перезвон,
В трактире вкусный чай,
Подъем на длинный-длинный склон,
Касанье невзначай,
Вдали – нависшая скала,
Дорожный разговор,
И приозерная ветла,
И ветреный простор,
Над женской шляпкой мотыльки,
И ландыши в тени –
Обрывки жизни, пустяки,
Как помнятся они![1]

В последнее время благодаря неустанным разысканиям зарубежных коллег собралась небольшая подборка прежде не публиковавшихся стихотворений Дойла. Так, в мае 2004 года Королевским хирургическим колледжем Эдинбурга был приобретен на аукционе Кристи студенческий блокнот Артура Конан Дойла за 1879–1880 годы. Первые тридцать страниц блокнота заняты историями болезней пациентов Королевской больницы Эдинбурга, картотеку которых Дойл вел в студенческие годы, будучи регистратором амбулаторного приема профессора Джозефа Белла – прообраза бессмертного Шерлока Холмса. В другой части находится черновик рассказа "Американская история" – второго опубликованного произведения Дойла. А где-то посредине затерялось нижеследующее стихотворение:

Студенческий гимн

Эй, нальемте полней да споемте дружней,
Нет на свете парней веселей и умней
Этих славных ребят, что шумят у дверей
Королевского мединститута!

Хор подхватывает: Королевского мединститута!

Там стеклянные банки полны не водой:
В них такое лежит – хоть от ужаса вой,
Только знать это должен хирург молодой
Королевского мединститута!

Хор: Королевского мединститута!

1. Текст оригинала ("The Rattle of the Bicycles") находится в Каталоге аукциона Кристи (Christie's London. The Conan Doyle Collection. Wednesday 19 May 2004). (*Здесь и далее – прим. публикатора.*)

Ты от свода стопы до височных костей
Перечислить сумей сотни мелких частей,
А не сдашь — так и знай, — будешь выгнан взашей
Из любимого мединститута!

Хор: Королевского мединститута!

Должен ты разбираться в строенье желёз,
И чем дышат глаза, и куда смотрит нос, —
Чтобы робкий юнец до диплома дорос
Королевского мединститута!

Хор: Королевского мединститута!

Нередко Дойл обращался к поэзии как форме дискуссионного высказывания в печати — после него осталось немало хлестких строк, связанных с животрепещущими событиями того времени. Следующее стихотворение — ответ Конан Дойла на язвительную филиппику критика Артура Гитермана, упрекавшего его в "неблагодарности" по отношению к первооткрывателям детективного жанра — Эдгару По и Габорио, а также к их героям — сыщикам Дюпену и Лекоку. Линколн Спрингфилд, приятель Конан Дойла, обратил его внимание на публикацию этой развернутой эпиграммы[1], и ответ создателя Шерлока Холмса, написанный тем же забавным и непривычным для английского уха дактилем, что и филиппика Гитермана, последовал незамедлительно.

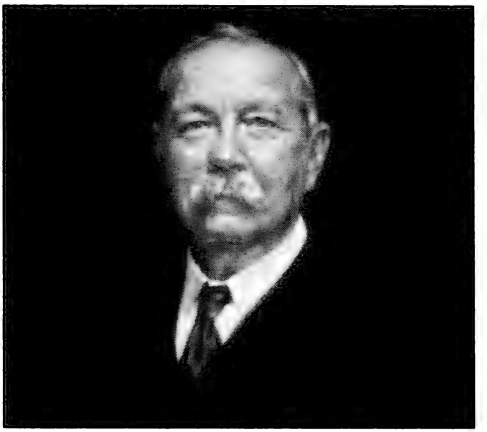
Непонятливому критику[2]

С этим смириться, наверное, следует:
Глупость людская предела не ведает.
Бедный мой критик! Меня он корит
Фразой надменной, что Холмс говорит:
Будто Дюпен, мол, созданье Эдгарово,
В сыске — приверженец метода старого.
Или впервые ты слышишь, приятель,
Что не тождествен созданью создатель?
Тысячу раз похвалы вдохновенные
Мистеру По расточал и Дюпену я,

1. Пародия А. Гитермана была опубликована в журнале "Лайф" 5 декабря 1912 г. и перепечатана в "Лондонских мнениях" 14 декабря 1912 г. Ответ Конан Дойла появился в "Лондонских мнениях" 28 декабря 1912 г.
2. Текст оригинала "To an Undiscerning Critic" находится в издании "Sir Arthur Conan Doyle. The Final Adventures of Sherlock Holmes". Collected and introduced by Peter Haining. Barnes & Nobles Books, NY, 1995.

Ибо и впрямь мы с героем моим
Многим обязаны этим двоим.
Холмса же вечное высокомерие –
Это уж вовсе иная материя.
В книгах такое бывает порой:
Автор серьезен – смеется герой.
Уразумей же, уняв раздражение:
Кукла моя – не мое отражение!

Артур Конан Дойл



Автопародии

Перевод Даниила Дубшина и Светланы Семиной

Публикация Даниила Дубшина

Как Ватсон учился хитрости

Едва Холмс приступил к завтраку, как сидевший за столом доктор Ватсон начал пристально его разглядывать. Тот поднял глаза и поймал его взгляд.

– Итак, Ватсон, о чем вы думаете? – спросил он.

– Ни о чем, а о ком – о вас.

– Обо мне?

– Да. Я думал, как примитивны все эти ваши фокусы и как удивительно, что публика продолжает выказывать к ним интерес.

– Совершенно с вами согласен, – промолвил Холмс. – По правде сказать, я, помнится, сам вам это говорил.

– Вашим методам, – продолжал Ватсон сердито, – на самом деле легко научиться.

– Без сомнения, – ответил Холмс улыбаясь. – Возможно, вы это немедленно продемонстрируете?

– Охотно. Могу сказать, что сегодня утром вы были очень погружены в себя.

– Превосходно! – похвалил друга Холмс. – Как вам удалось это узнать?

– Человек весьма опрятный, вы сегодня забыли побриться.

© Даниил Дубшин, Светлана Семина. Перевод, 2008
© Даниил Дубшин. Публикация, 2008

— Бог мой, как остроумно! — сказал Холмс. — Я и понятия не имел, Ватсон, что вы такой способный ученик. Ваш орлиный взор обнаружил что-нибудь еще?

— Да, Холмс. В деле клиента по имени Барлоу вы пока не достигли успеха.

— Вот как! Откуда вам это стало известно?

— Я заметил его имя на конверте, когда вы его вскрывали. Прочитав письмо, вы застонали и сунули его в карман с очень хмурым видом.

— Замечательно! Вы и впрямь весьма наблюдательны. Есть и другие попадания?

— Боюсь, Холмс, что вы ввязались в финансовые спекуляции.

— А это еще почему?

— Открыв газету, вы первым делом нашли финансовые новости и громко и одобрительно хмыкнули.

— Отлично, Ватсон, вы превзошли самого себя. Что далее?

— К завтраку вы спустились в черном пиджаке, а не в халате. Следовательно, вы с минуты на минуту ждете важного клиента.

— Что-нибудь еще?

— Я, без сомнения, могу найти и другие пункты, Холмс, но ограничусь этими немногими, чтобы показать, что на свете есть и другие люди, не менее умные, чем вы.

— А есть и менее умные, — парировал Холмс. — Допускаю, что таковых немного, но боюсь, мой дорогой Ватсон, что вас я должен числить среди них.

— Что вы имеете в виду, Холмс?

— Увы, мой дорогой коллега, боюсь, ваши умозаключения были не столь безупречны, как желалось бы.

— Вы хотите сказать, что я ошибся?

— Самую малость... Рассмотрим все по порядку. Я не побрился, потому что бритву отправил в заточку. Я надел пиджак, а не халат, потому что сегодня утром — о, счастливейший из дней! — у меня должен состояться визит к дантисту по имени Барлоу, что он и должен был письменно подтвердить. Страница крикета находится рядом с финансами, и я обратился к ней, чтобы узнать, сохранил ли "Суррей" свои позиции против "Кента". Но не падайте духом, Ватсон, продолжайте! Все это такие примитивные фокусы, что вы, без сомнения, скоро им научитесь...

1924

Перевод Даниила Дубшина и Светланы Семиной

Благотворительный базар

— НЕПРЕМЕННО соглашайтесь, — произнес Шерлок Холмс.

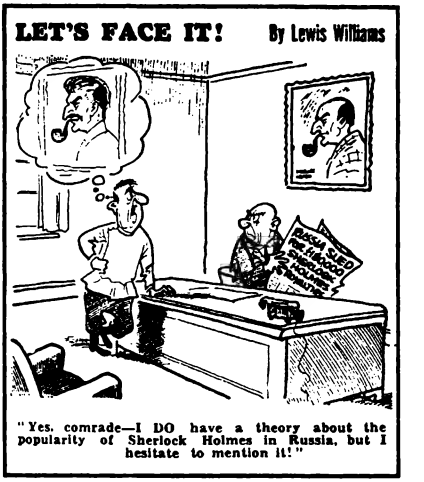
Я вздрогнул от неожиданности, так как внимание моего компаньона, поглощавшего свой завтрак, было в эту минуту полностью сосредоточено на поддерживаемой кофейником га-

зете. Взглянув через стол, я обнаружил, что взор его устремлен на меня с тем полунасмешливым-полувопросительным выражением, какое обычно появлялось у него на лице, когда он собирался интеллектуально "поразмяться".

— На что? — спросил я.

Улыбнувшись, он достал с каминной полки домашнюю туфлю, извлек из нее порцию крепчайшего дешевого табака и набил старую глиняную трубку, которой неизменно завершал свой завтрак.

— Очень характерный для вас вопрос, Ватсон, — сказал он. — Надеюсь, вы не оскорбитесь, если я скажу, что славой о своей проницательности я целиком обязан замечательному контрасту, который вы мне составляете. Я не раз слышал о девушках, которые для первого выезда в свет выбирают компаньонку попроще! Трудно не усмотреть здесь определенной аналогии.



Да, товарищ, у меня есть теория популярности Шерлока Холмса в России, но я, пожалуй, о ней умолчу

В результате долгого совместного проживания на Бейкер-стрит между нами возникла та простота и близость отношений, когда многое говорится без страха причинить обиду. И все же, признаюсь, меня уязвило его замечание.

— Быть может, я весьма туп, — ответил я, — но, по правде говоря, не могу постичь, как вам удалось узнать, что я... что меня...

— Пригласили помочь Эдинбургскому университету провести благотворительный базар.

— Именно так! Но письмо доставили совсем недавно, и мы с вами с тех пор не говорили.

— И все же, — сказал Холмс, откинувшись на спинку стула и сложив вместе кончики пальцев, — не побоюсь высказать предположение, что цель базара — расширить университетское крикетное поле.

Я посмотрел на него в полнейшем замешательстве, и он затрясся в беззвучном смехе.

— Мой дорогой Ватсон, вы, несомненно, редкий человеческий экземпляр: ваша неискушенность с годами не уменьшается. Мгновенно реагируете на внешний стимул. Быть может, ваши умственные процессы и замедлены, зато не составляют тайны. За время завтрака я пришел к выводу, что вас читать легче, нежели передовицу "Таймс", вроде той, что лежит передо мной.

— Хотелось бы узнать, как вы пришли к такому выводу.

— Боюсь, готовность, с которой я пускаюсь в объяснения, серьезно повредила моей репутации, — сказал Холмс. — Но в данном случае цепь умозаключений основана на столь очевидных фактах, что для разгадки особых усилий не потребовалось. Вы вошли в комнату с озадаченным выражением лица, какое бывает у человека, чей ум занят обдумыванием

некоего вопроса, и в руке у вас было одно-единственное письмо. Рассуждаем далее. Вчера вечером вы удалились ко сну в превосходнейшем настроении, из чего ясно, что именно то письмо, которое вы сжимали в руке, и произвело в вас соответствующую перемену.

— Это очевидно.

— Очевидно — после моих объяснений. Естественно, я спросил себя, что могло быть в письме, которое так сильно на вас подействовало. Идя к столу, вы держали конверт клапаном ко мне, и я заметил эмблему в виде щита — такую же, как и на вашем старом студенческом кепи для крикета. Итак, писали из Эдинбургского университета или из некоего клуба, с ним связанного. Подойдя к столу, вы положили письмо рядом со своей тарелкой "лицом" вверх и отошли взглянуть на фотографию в рамке — ту, что слева на каминной полке.

Меня поразило, с какой точностью он описывает все мои перемещения.

— А далее? — спросил я.

— Для начала я бросил взгляд на адрес и даже с расстояния шести футов определил, что письмо неофициальное. Этот вывод я сделал, опираясь на стоявшее в адресе слово "доктор" — звание, на которое вы как бакалавр медицины законно притязать не можете. Мне известен педантизм университетских чиновников, особенно когда речь идет о званиях, и значит, можно было с уверенностью сказать, что письмо и в самом деле — неофициальное. Возвратившись к столу, вы перевернули конверт, и это позволило мне заметить, что внутри была машинопись. Мне сразу пришло на ум, что речь идет о базаре. К тому времени я уже взвесил вероятность того, что письмо содержания политического, но сие представлялось маловероятным из-за стагнации, в которой пребывает нынешняя политика.

Когда вы сели за стол, ваше лицо все еще хранило прежнее выражение — было очевидно, что разглядывание фотографии не изменило хода ваших мыслей. Следовательно, фотография должна была иметь касательство к решаемому вами вопросу. Устремив на нее взгляд, я тут же заметил, что на фоне крикетного поля и павильона запечатлены вы в форме команды Эдинбургского университета.

Мои скромные познания относительно крикетных клубов подсказали мне, что, кроме Церкви и кавалерийских корнетов, никто на земле не погрязает в долгах так глубоко, как подобные учреждения.

Когда я увидел, что, сев за стол, вы взяли карандаш и стали чертить линии на конверте, я пришел к убеждению, что вы размышляете над проектом некоего усовершенствования, ради которого и устраивается базар. Поскольку ваше лицо все еще выражало сомнение, я счел возможным вмешаться и дать вам совет поддержать столь славное дело.

Я не мог не улыбнуться чрезвычайной простоте его объяснений.

— Конечно, — сказал я, — это было проще простого.

Моя реплика, казалось, уязвила его.

— Могу также прибавить, — произнес он, — что помощь особого рода, о которой вас просили, заключается в том, чтобы написать нечто для альбома клуба. И вы уже решили, что настоящий эпизод и послужит предметом вашей заметки.

— Но как... — вскричал я.

— Это проще простого, — парировал Холмс. — Предоставляю вас вашей находчивости. Надеюсь, вы простите меня, — добавил он, разворачивая газету, — если я вернусь к весьма заинтересовавшей меня статье о древесных насаждениях Кремоны и об истинных причинах их предпочтительности при изготовлении скрипок. Это одна из тех далеких от практики частных задач, от обдумывания которых я не в силах удержаться.

1896

Перевод Даниила Дубшина

Александра Борисенко

Не только Холмс

— Вы, конечно, думаете, что, сравнивая меня с Дюпеном, делаете мне комплимент, — заметил он. — А по-моему, ваш Дюпен — очень недалекий малый. Этот прием — сбивать с мыслей своего собеседника какой-нибудь фразой "к случаю" после пятнадцатиминутного молчания — право же, очень дешевый показной трюк. У него, несомненно, были кое-какие аналитические способности, но его никак нельзя назвать феноменом, каким, по-видимому, считал его По.

— Вы читали Габорио? — спросил я. — Как по-вашему, Лекок — настоящий сыщик? — Шерлок Холмс иронически хмыкнул.

— Лекок — жалкий сопляк, — сердито сказал он. — У него только и есть что энергия. От этой книги меня просто тошнит. Подумаешь, какая проблема — установить личность преступника, уже посаженного в тюрьму! Я бы это сделал за двадцать четыре часа. А Лекок копается почти полгода. По этой книге можно учить сыщиков, как не надо работать.

Артур Конан Дойл *Этюд в багровых тонах*[1]

Конан Дойла не раз упрекали в черной неблагодарности по отношению к литературным предшественникам — виной тому были, разумеется, нелестные отзывы Холмса о знаменитых коллегах. Дойл с раздражением указывал на то, что не следует "смешивать кукольника и куклу". Он даже написал на эту тему стишок, в котором были строки:

Вновь призываю, теряя терпение:
Критик, не путай творца и творение!

Конан Дойл, в отличие от своего "творения", прекрасно сознавал, сколь многим он обязан предшественникам. Как всем известно, первый

© Александра Борисенко, 2008
1. Перевод Н. Треневой.

детективный рассказ был написан американцем Аланом Эдгаром По (1809–1849). Серия из трех рассказов ("Убийство на улице Морг", 1841; "Тайна Мари Роже", "Похищенное письмо", 1845) оказалась началом невероятно популярного жанра, интерес к которому не ослабевает вот уже полтора века.

Как знают лишь немногие, сам термин "детектив" был также придуман в Америке писательницей Анной Кэтрин Грин (1846–1935), а ее саму вполне заслуженно прозвали "матерью детектива". К моменту появления первых рассказов о Шерлоке Холмсе Анна Кэтрин Грин уже была знаменитостью: ее первый детективный роман "Дело Ливенуортов", изданный в 1878 году, имел огромный успех. Дочь юриста, она до тонкостей знала процедуру следствия и коронерского дознания, а бурное воображение позволяло ей выдумывать страшные тайны и изощренные преступления. В 1894 году Конан Дойл пытался встретиться со знаменитой писательницей в Америке. Удалось ли им свидеться – неизвестно, сохранилась лишь переписка, в которой они уславливаются о встрече. Влияние Анны Кэтрин Грин особенно заметно в ранних рассказах о Холмсе: разделение повествования на собственно детективную часть и ретроспективу жизни главных героев (как в "Этюде в багровых тонах") – типично гриновский прием. Впрочем, Дойлу он скорее вредил: лучшие его рассказы лаконичны. Анна Кэтрин Грин, напротив, не слишком удачно пробовала свои силы в жанре короткого рассказа, ее необузданная фантазия требовала романной формы. Этой писательнице удалось оказать двойное влияние на классический английский детектив – первый раз через Дойла, второй – через Агату Кристи, которая всегда подчеркивала, сколь многим обязана "матери детектива". Сама же Анна Кэтрин Грин, в свою очередь, была большой поклонницей Диккенса, и это тоже довольно ощутимо в ее творчестве.

Также заметно повлиял на Холмса французский писатель Эмиль Габорио (1832–1873), создатель сыщика Лекока, чрезвычайно популярный в Англии в конце 80-х годов XIX века. (Он, как и Грин, имел обыкновение снабжать детективное повествование вставной новеллой.)

Были у Дойла предшественники и на родине: в 1852 году вышел роман Диккенса "Холодный дом", в котором впервые в литературе появляется герой-детектив – инспектор Баккет. В романе Уилки Коллинза "Лунный камень" (1868) действует не менее примечательный персонаж – сержант Кафф, во многом определивший будущий облик "типичного сыщика". Так, мечта инспектора Каффа удалиться от дел и разводить розы оказалась весьма заразительной – по всей видимости, именно отсюда пошли пчелы Холмса, кабачки Пуаро и орхидеи Ниро Вульфа.

Однако ни Диккенс, ни Коллинз не писали детективов в собственном смысле слова, "сенсационный" роман с загадочной интригой строился принципиально иначе: расследование преступления не стояло во главе угла и сыщик не был главным героем.

Козырем Дойла оказался короткий рассказ со сквозными, "сериальными" персонажами (но такие рассказы уже писал Эдгар По); "технические" подробности расследования также во многом были заимствованы у предшественников (например, у того же Габорио). Но, не будучи пионером жанра, Конан Дойл не только выписал необыкновенно живой и

яркий образ сыщика, но и создал эталон классического английского детектива. После публикации в "Стрэнде" "Рассказов о Шерлоке Холмсе" вся детективная литература Англии создавалась с оглядкой на Конан Дойла.

Поразительно, насколько быстро рассказы Дойла стали осознаваться именно как канон жанра, об этом свидетельствует и немедленное появление пародий, и постоянные отсылки к Холмсу в рассказах современников. Например, Гай Бутби так начинает повествование о бриллиантах герцогини Уилтширской:

> Для примера позвольте мне рассказать историю Климо — ныне прославленного частного сыщика, который завоевал себе право стоять в одном ряду с Лекоком и даже с недавно покинувшим нас Шерлоком Холмсом[1].

Зять Конан Дойла Эрнест Уильям Хорнунг создал, с разрешения знаменитого родственника, зеркальное отражение Холмса и Ватсона в преступном мире — парочку мошенников, Раффлза и Банни. Конан Дойл не слишком одобрял эту затею: по его мнению, преступник не мог быть главным героем. Но это не помешало Раффлзу соперничать в популярности с Холмсом. Свой сборник "Взломщик-любитель", вышедший в 1899 году, Хорнунг посвятил Дойлу и сделал на нем дарственную надпись: "А. К. Д. — в порядке лести".

Популярность сыщика-консультанта с Бейкер-стрит заставила многих писателей обратиться к новомодному жанру. Особенно большой ажиотаж возник в 1893 году, когда Конан Дойл столкнул Холмса в Рейхенбахский водопад. Журнал "Стрэнд" растерянно утешал читателей, обещая уже в ближайшее время порадовать их новыми увлекательными детективами. Немало авторов бросились заполнять образовавшуюся брешь — среди них были люди весьма оригинальные и талантливые; однако история распорядилась так, что они остались в тени: выразительная фигура Холмса заслонила от потомков бесчисленных новых сыщиков с их чудачествами, триумфами и неудачами.

И только недавно детективное наследие викторианской эпохи вновь оказалось востребовано. Начиная приблизительно с 70-х годов XX столетия в Англии и Америке стали появляться антологии викторианского детективного рассказа; порой они состояли лишь из британских авторов, порой "викторианство" понималось как англо-американская традиция, ограниченная соответствующими временными рамками[2], — тогда в антологии включались и американские писатели. Несколько таких антологий носят одинаковое название: "Соперники Шерлока Холмса". Есть и сборники с рассказами "иностранных" соперников Холмса — главным образом в них представлены французские авторы. Обострение интереса к викторианской эпохе вкупе с бурным развитием детективного жанра заставило вспомнить забытые имена,

1. Перевод И. Мокина.
2. В данной статье под "викторианским детективом" понимается англо-американская детективная литература соответствующего периода. Исследователи обычно говорят о "викторианском периоде" в американской культуре — в случае детектива это также оправданно, поскольку британская и американская детективная традиции вплоть до Первой мировой войны развивались в тесной взаимосвязи.

извлечь из библиотек пыльные подшивки журналов "Стрэнд", "Хамсворт", "Айдлер" (детище Дж. К. Джерома) и многие другие. Обнаружившееся в них детективное наследие оказалось на удивление разнообразным.

Многие исследователи сходятся во мнении, что главной задачей детективных авторов, появившихся после Дойла, стало создание "непохожего" сыщика. Действительно, от всяческих странных личностей просто рябит в глазах: сыщик-экстрасенс, сыщик — русский князь, старик, вечно сидящий в углу со стаканом молока и веревочкой, слепой сыщик, не говоря уж о бесчисленных "леди-детективах", появившихся в литературе существенно раньше, чем в реальной жизни.

Однако едва ли такое разнообразие стоит приписывать одному лишь желанию как-то отличаться от Конан Дойла. Не нужно забывать, что детектив был совсем молодым жанром. Отсюда проистекает и некоторая "неуравновешенность", и непривычная свобода. Приглядевшись к героям повнимательней, мы обнаружим, что все они подчеркнуто маргинальны — чудаки, иностранцы, калеки, женщины. Детектив оказался тем полем, на котором происходил активный пересмотр "границ дозволенного", социальных и литературных условностей.

Нельзя не отметить, что и сами его авторы являют собой весьма пеструю картину. Элен Вуд, которая начала писать детективные рассказы со сквозными героями за несколько лет до Конан Дойла, всю жизнь страдала тяжким недугом и практически была инвалидом, что не помешало ей родить пятерых детей и содержать всю семью благодаря своему литературному успеху. Гай Бутби родился в Австралии, странствовал, пережил много приключений и сумел удачно переплавить свой довольно экзотический жизненный опыт в блестящую литературную карьеру — его детективные произведения по духу ближе всего к плутовскому роману. Израэль Зангвилл, создатель одной из лучших детективных повестей о "преступлении в запертой комнате", был сыном польских эмигрантов, страстно мечтал о создании еврейского государства в Уганде и писал романы о жизни гетто. Этот список можно продолжить; зачастую биографии авторов кажутся еще более невероятными, чем приключения их героев.

Детективная литература рубежа веков поражает и жанровым разнообразием: тут и детектив-"головоломка", иногда даже обходящийся без преступления; и "готический" детектив с нагнетанием ужаса и якобы мистическими вкраплениями (от настоящей мистики детектив отграничен по определению — все загадки в нем должны иметь реалистическое объяснение); и "плутовской" детектив — близкий родственник пикарески; и "научный" детектив, в котором во главе угла стоит научный подход к расследованию; и так называемый "перевернутый детектив", в котором читатель с самого начала знает отгадку и с высоты этого знания следит за ходом расследования[1].

Нельзя также не заметить удивительное обилие "леди-детективов" в творчестве писателей обоего пола. В конце XIX века женщин привлека-

1. Первооткрывателем этого поджанра считается Р. Остин Фримен, рассказ которого публикуется в настоящем номере "ИЛ".

ли иногда к слежке или обыску дам, но никаких сыщиц в Скотленд-Ярде не было и в помине до 20-х годов XX века — тем не менее в литературе дамы-детективы уверенно потеснили мужчин-сыщиков уже в 1890-х годах.

Правда, чаще всего в детективной литературе XIX века женщина прибегает к этому не вполне почтенному ремеслу временно и вынужденно — спасая возлюбленного, обеляя имя несправедливо обвиненного и т. д. Обычно счастливое замужество кладет конец неподобающему занятию. Тем удивительнее героиня Кэтрин Луизы Пиркис — Лавдей Брук, дама не слишком красивая, не слишком молодая, одинокая и целиком посвятившая себя работе. Более того, явно получающая от этой работы удовольствие и пользующаяся непререкаемым авторитетом среди полицейских.

Друг Конан Дойла Грант Аллен, человек разнообразных интересов и талантов, также написал роман о медсестре-сыщице по имени Хильда Вэйд — впрочем, закончить его Аллен не успел: он тяжело болел и просил знаменитого друга дописать последнюю главу в случае его смерти. Так и вышло: последняя часть книги принадлежит перу Конан Дойла. Нужно заметить, что "Хильду Вэйд" это не спасло — сага о героической медсестре покажется современному читателю невыносимо скучной и выспренной, это тем более странно, что многие другие произведения Аллена и сегодня читаются с большим интересом; примером может служить публикуемый ниже рассказ "Рубины Реманетов". Этот рассказ, вероятно, следовало бы отнести к жанру "иронического детектива". Характерно, что и в нем преступление раскрывает женщина.

У английских писателей оставалась возможность компромисса: когда женщине выпадала уж слишком активная роль, ее можно было сделать американкой. Так поступил Кларенс Рук: в рассказе "Происшествие у 'Кафе-Рояль'" отважная девушка приезжает в Лондон из-за океана, чтобы лично арестовать убийцу своего возлюбленного. Вот как описывается ее появление в кафе:

> А в это время юная леди неторопливо вернулась к "Кафе-Рояль" и вошла в ресторан, бросив быстрый взгляд на людей, стоявших у входа. Кое-кто удивленно поднял брови, но девушка, не обращая на это внимания, направилась в обеденный зал.
>
> — Американка, бьюсь об заклад, — бросил кто-то ей вслед. — Этим закон не писан. Делают что хотят...[1]

Персис, героиня рассказа "Рубины Реманетов", — американская наследница, да и Ирен Адлер, "Та Женщина", перехитрившая самого Холмса, — не просто американка, а еще и актриса.

Характерно, что в американских детективах описываемой эпохи женщина-сыщик пользуется гораздо меньшей свободой передвижения: скажем, героиня серии рассказов Анны Кэтрин Грин Вайолет Стрэндж ездит к клиентам исключительно в сопровождении брата.

1. Перевод М. Костионовой.

Вообще надо сказать, что отношения английской и американской детективных традиций — отдельная, увлекательная тема. По крайней мере в начале пути новаторские прорывы принадлежали почти исключительно Новому Свету — Старый же Свет оттачивал до совершенства форму.

Рассказы о Шерлоке Холмсе были невероятно популярны в Америке и породили там немало подражаний. Однако американская традиция оставалась все же более независимой от вездесущего Холмса. Так, Мэлвил Дэвиссон Пост создал ставший впоследствии весьма популярным поджанр "судебной драмы" с необычным сквозным героем — адвокатом Рэндольфом Мейсоном[1]. Рэндольф Мейсон использовал глубокое знание закона для того, чтобы помогать преступникам уходить от правосудия. В предисловии Пост, предупреждая возможные упреки, пишет: "Можно возразить, что, создав данную книгу, автор подготовил пособие для хитроумного злодея. На это следует ответить, что, просвещая врагов, автор также предупреждает друзей закона и порядка и что Зло не становится сильнее, когда на него падают солнечные лучи". После этой добродетельной сентенции автор — и сам юрист по образованию — не упускает все же случая похвастать, что "формула каждого злодеяния в этой книге столь же точна, как чертеж архитектора, и может быть использована любым ловким мерзавцем"[2].

Тут, быть может, уместно задаться вопросом: что в многочисленных жанровых экспериментах выдержало проверку временем? В чем, кроме неповторимого Холмса, секрет жанрового эталона, раздерганного на поджанры и подражания, но до сих пор не потерявшего ценности?

Чем интересен Холмс? Он не очень молод, не принадлежит к сильным мира сего, практически не интересуется женщинами (портрет Ирен Адлер в архиве никак не тянет на романтическую сюжетную линию). Холмс интересен в значительной степени тем, что он профессионал. Читатель готов снова и снова с упоением наблюдать, как Холмс *делает свою работу* — строит логические умозаключения, изучает следы, смотрит в микроскоп. Может быть, главным открытием детектива была привлекательность "производственной" темы.

Острый интерес к "производственному процессу" вообще характерен для викторианства — это и признак социальных перемен, и в большой степени восторг перед достижениями прогресса. Если полистать те самые журналы, в которых печатались детективные истории, можно встретить обстоятельные иллюстрированные статьи о работе скульптора, парикмахера, инженера... В 37-м выпуске журнала "Стрэнд" (1894) бывший полицейский инспектор Моузер изысканным слогом, с латинскими цитатами рассказывает о том, как были изобретены наручники, как и когда они вошли в обиход, снабжая повествование собственными рисунками. Заметим, что "Стрэнд" был журналом для семейного чтения — то есть предполагалось, что дамы у камина будут с интересом постигать, чем мексиканские "браслеты" отличаются от американских.

1. Не зря знаменитого адвоката в романах Э. С. Гарднера зовут Мейсоном.
2. Перевод А. Бердичевского.

Время развития детективного жанра совпало с началом развития криминалистики как науки – появились первые системы идентификации (по антропометрическим данным, полицейским портретам, отпечаткам пальцев); первые детекторы лжи. Кровь животных научились отличать от крови человека. Детективный жанр упивается этими открытиями. Уже при первом своем появлении Холмс торжествует победу:

– Нашел! Нашел! – ликующе крикнул он, бросившись к нам с пробиркой в руках. – Я нашел наконец реактив, который осаждается только гемоглобином и ничем другим! – Если бы он нашел золотые россыпи, и то, наверное, его лицо не сияло бы таким восторгом[1].

Впрочем, детектив уделяет внимание и другим удивительным достижениям цивилизации: тут и поезд, и телеграф, и моментальная фотография – все это постоянно так или иначе вовлечено в действие. Пожалуй, последовательнее всех "научный" детектив развивали два автора: англичанин Р. Остин Фримен и американец Артур Б. Рив. Развивали они его по-разному – Рив увлекался невероятными новейшими изобретениями и частенько завирался. Фримен же не гнался за сенсационностью, но, сам будучи медицинским экспертом, придерживался научной точности и каждый факт проверял собственными лабораторными исследованиями. Его истории нередко проиллюстрированы зарисовками препаратов, увиденных под микроскопом, каждое наблюдение скрупулезно объясняется. Так, в одном из рассказов постоянный герой Фримена, доктор Торндайк, обнаружив на подкладке шляпы пару волосков, устанавливает, что носивший шляпу был, вероятно, китайцем или японцем – поскольку, объясняет он, поперечный срез волоса у людей разных рас выглядит по-разному (разумеется, тут же приведены зарисовки). В публикуемом далее рассказе Фримена в полной мере отразились таланты и методы медицинского эксперта доктора Торндайка, который несомненно уступает Холмсу в обаянии и загадочности, но существенно превосходит в научной точности. По-видимому, роман Фримена с медициной оказался более долговременным и продуктивным, чем у Дойла. Профессия врача вообще вызывала острый интерес читателей и авторов детективов – врачи (и медсестры!) часто играют существенную роль в расследовании.

Колоссальный коммерческий потенциал "производственной" темы в полной мере раскрылся, быть может, только в наше время – самые кассовые зарубежные телесериалы (в особенности англо-американские) посвящены ежедневной работе врачей и юристов. Человек *во время профессии* (пользуясь незабываемым выражением М. Зощенко) невероятно притягателен для публики – и именно детективному жанру принадлежит честь этого открытия.

Мир викторианского детектива практически неизвестен русскому читателю, однако он, несомненно, заслуживает внимания. Кое-какие рассказы могут показаться наивными или излишне запутанными, "витиеватыми", иные вызовут улыбку неумело завязанной интригой. Есть и

1. "Этюд в багровых тонах". Перевод Н. Треневой.

другие — их читатель проглотит, не отрываясь, как будто не замечая их несовременности. Впрочем, благородная патина лишь добавляет обаяния, сглаживает углы и шероховатости. Это относится и к рассказам о Шерлоке Холмсе, которым мы готовы простить любые натяжки ради неповторимой викторианской атмосферы и ради самого великого сыщика. Холмс давно завоевал нашу любовь — тем интереснее прислушаться к незнакомым голосам его современников, таким живым и таким разным.

В настоящее время издательство "Иностранка" приступает к публикации антологии викторианской детективной новеллы "Не только Холмс", подготовленной переводческим семинаром филологического факультета МГУ под руководством А. Борисенко и В. Соньки́на.

Ниже публикуются два рассказа из этой антологии.

Грант Аллен
Рубины Реманетов

Рассказ

Перевод Юлии Клименовой

I

ПЕРСИС Реманет была богатой американской наследницей. Как она сама справедливо замечала, это стало обычной профессией для молодой женщины: в наши дни что ни американка, то богатая наследница. В лондонском обществе бедная девушка из Калифорнии явилась бы приятной неожиданностью. Но до сих пор лондонскому обществу на таковых не везло.

Персис Реманет возвращалась домой с бала у Вилкоксов. Она, естественно, гостила у сэра Эверарда и леди Маклур в их доме в Хампстеде. Я не случайно сказал "естественно"; ведь если вам или мне доведется поехать в Нью-Йорк, нам придется остановиться в "Виндзоре" или на Пятой авеню, рассчитывая только на собственные средства (пять долларов в день, не считая вина и дополнительных расходов); но когда в Лондон приезжает хорошенькая американка (а каждая американка по определению хорошенькая, по крайней мере в Европе; полагаю, дурнушек они оставляют для домашнего потребления), она неизбежно гостит либо у вдовствующей герцогини, либо у знаменитого члена Королевской академии художеств, каковым и являлся сэр Эверард. Янки посещают Европу, чтобы увидеть, среди всего прочего, наше искусство и нашу знать; и благодаря свойственному им упорству умудряются попасть в такие дома, куда нам с вами никогда не раздобыть приглашений, даже если мы посвятим этому делу все долгие годы нашей добродетельной жизни.

Однако к Вилкоксам Персис ездила не с леди Маклур. Маклуры были слишком важными особами, чтобы знаться со всякими Вилкоксами, которые хотя и пользовались колоссальным влиянием в Сити, но картин не приобретали; а академики, как известно, не снисходят до общения с дельцами из Сити, за исключением собственных клиентов. (Академики обычно называют их меценатами, но я предпочитаю простое деловое слово: оно звучит не так напыщенно.) Итак, Персис заняла место в карете миссис Данкан Харрисон, жены известного члена парламента от Хакнесского округа Эльметшира, предложившей довезти ее к Вилкоксам и обратно. Миссис Харрисон слишком хорошо знала обычаи и нравы американских наследниц, чтобы предлагать себя Персис в качестве дуэньи. И надо признать, что Персис, будучи свободной граж-

© Юлия Клименова. Перевод, 2008

данкой Америки, стоила трех замужних англичанок и отлично могла о себе позаботиться в любой части света.

У миссис Харрисон был брат, ирландский баронет сэр Джастин О'Бирн, ранее служивший в Восьмом гусарском; он сопровождал дам к Вилкоксам и потом обратно в Хампстед, устроившись на заднем сиденье экипажа. Сэр Джастин был одним из тех очаровательных ирландцев, ни на что особо не годных и ничем конкретным не занятых, которых все любят и все осуждают. Он побывал везде, попробовал все, только на хлеб себе не зарабатывал. Отсутствие арендной платы в 60-х и 70-х[1] не помешало его отцу, старому сэру Теренсу О'Бирну, так долго представлявшему Коннемару в дореформенном парламенте, послать Джастина в Итон, а позже — в модный колледж в Оксфорде. "Он воспитал меня как джентльмена, — с сожалением говаривал сэр Джастин, — но упустил из виду, что джентльмену требуется соответствующий доход".

Тем не менее общество считало, что людей, подобных О'Бирну, стоит поддерживать на плаву; и действительно, общество все время таинственным образом его поддерживало; поскольку мы с вами в свете не вращаемся, нам вовек не понять, как такое возможно. Сэр Джастин тоже попробовал свои силы в политике: одно время он сидел в парламенте прямо за великим Парнеллом[2] и при этом ни на минуту не утратил всеобщего расположения даже в те далекие дни, когда считалось непреложной истиной, что гомруль[3] — дело, недостойное джентльмена. Это всего лишь одна из диких ирландских выходок О'Бирна, говорили в свете с той редкой снисходительностью, что распространяется на особых любимцев общества и уживается с крайней жестокостью по отношению к тем, кто нарушает его неписаные правила. Если бы О'Бирн в порыве политического энтузиазма взорвал пару царей, общество сочло бы это еще одной "эксцентричной выходкой". Он служил в кавалерийском полку, но вышел в отставку, по слухам, из-за некой дамы, по поводу которой они с полковником не сошлись во мнениях. Теперь же он был джентльменом без определенных занятий и вращался в лондонском свете; причем люди сведущие (а они знают о ближнем больше, чем он сам о себе) говорили, что он ищет милую девушку с кое-каким приданым.

В этот вечер сэр Джастин был особенно внимателен к Персис; впрочем, он был к ней особенно внимателен с первого дня их знакомства; возвращаясь с бала, он всю дорогу смотрел на нее почти до неприличия пристально. Хорошенькая калифорнийка откинулась на сиденье и томно поглядывала на него. Этим вечером на ней было нежно-розовое платье, в котором она выглядела превосходно, а знаменитые рубины Реманетов сверкали и переливались на шее, оттеняя снежную белизну ее кожи. Это была шея, достойная кисти художника. Взгляд сэра Джастина несколько раз с сожалением задержался на сияющих рубинах. Он совершенно искренне восхищался Персис. После семи-восьми сезонов в лон-

1. 1860-е годы в ирландской истории отмечены экономическим спадом, вызванным неурожаями. В 1870-х фермеры-арендаторы в Ирландии начинают бороться за снижение арендной платы и перераспределение земель. Этот период известен как "Земельная война". (*Здесь и далее – прим. перев.*)
2. Чарлз Стюарт Парнелл (1846–1891) — лидер движения за самоуправление в Ирландии.
3. Гомруль (самоуправление, автономия) — общественное движение в последней трети XIX — начале XX вв. за ограниченное самоуправление Ирландии при сохранении верховной власти английской короны и английского парламента.

донском обществе светский молодой человек вряд ли может настолько потерять голову, чтобы в кого-то влюбиться; он привыкает критически оценивать всех тех прелестных девиц, которых мамаши выставляют на обозрение его светлости, и размышлять с усталой улыбкой, что вот эта или вон та, вполне возможно, подошла бы ему, если бы не... — и тут неизменно возникает роковое НО. И все же сэр Джастин, вздохнув, признался себе, что Персис ему очень нравится; она была так свежа и непосредственна, так остроумна! Что до самой Персис, она бы все отдала (как и любая другая американка), чтобы называться "миледи"; и пока еще она не встречала титулованных поклонников, которые бы ей хоть наполовину так нравились, как этот очаровательный дикий ирландец.

Экипаж остановился у особняка Маклуров. Сэр Джастин выпрыгнул из кареты и подал руку Персис. Вам, конечно, знаком дом сэра Эверарда Маклура: это один из тех больших, новых, изысканных особняков из красного кирпича и старого дуба на вершине холма; он стоит скромно в некотором удалении от дороги, а его просторное деревянное крыльцо словно создано для сцен прощания. Сэр Джастин взбежал по ступенькам, чтобы позвонить в дверь; слишком горяча была ирландская кровь, текущая в его венах, чтобы уступить эту приятную обязанность лакею сестры. Но он не стал звонить сразу. Рискуя навлечь на себя неудовольствие миссис Харрисон, ждущей его в экипаже, он задержался еще на пару минут с прелестной американкой.

— Вы сегодня очаровательны, мисс Реманет, — сказал он, когда на крыльце она на мгновение отбросила легкую накидку и на снежной шее сверкнули знаменитые рубины, — эти камни так вам к лицу.

Персис взглянула на него и улыбнулась.

— Вы так думаете? — спросила она с легким трепетом, ведь, в конце концов, и американская наследница тоже женщина. — Что ж, я очень рада. Но сегодня мы должны проститься, сэр Джастин: на следующей неделе я уезжаю в Париж.

Даже в темноте крыльца, еле освещенного изящным красно-синим фонарем в кованой оправе, она заметила тень разочарования, промелькнувшую на его красивом лице, когда он воскликнул:

— Нет, не может быть! О, мисс Реманет, мне так жаль!

Потом сделал паузу и уже сдержаннее произнес:

— Впрочем... — после чего замолк.

Персис быстро взглянула на него.

— Впрочем — что? — спросила она с явным интересом.

Молодой человек чуть слышно вздохнул.

— Впрочем — ничего, — уклончиво ответил он.

— Возможно, для англичанки этого достаточно, — заявила Персис с американской прямотой, — но не для меня. Вы должны сказать, что вы имели в виду. — Ибо она мудро рассудила, что счастье двух людей может зависеть от этих двух минут, и было бы глупо потерять мужчину, который ей действительно нравится (да еще с титулом в придачу), из-за каких-то глупых условностей!

Сэр Джастин облокотился на балюстраду этого укромного крыльца. Она и впрямь была хороша собой. А его ирландская кровь была так горяча... Что ж, хоть раз он скажет ей всю правду.

— Мисс Реманет, — начал он, наклоняясь к ее лицу, — мисс Реманет, Персис, вы хотите знать, почему? Вы мне очень нравитесь. Я даже думаю, что влюблен в вас.

Персис почувствовала, как кровь бросилась ей в лицо. Как он был красив — да к тому же баронет!

— И, однако, вам совершенно не жаль, — с упреком сказала она, — что я уезжаю в Париж!

— Нет, совсем не жаль, — подхватил он ее слова, — и я объясню вам, почему, мисс Реманет. Вы мне очень нравитесь, и, по-моему, я нравлюсь вам. Вот уже недели две я говорю себе: "Я должен сделать ей предложение". Искушение настолько велико, что я едва смог его побороть.

— А почему вы хотите его побороть? — спросила Персис, вся дрожа.

Сэр Джастин секунду колебался; потом абсолютно непринужденным движением (хотя лишь джентльмен мог на это осмелиться) поднял руку и дотронулся кончиками пальцев до рубинового ожерелья.

— Вот почему, — просто ответил он с мужественной откровенностью. — Персис, вы так богаты! Я никогда не решусь просить вашей руки.

— Возможно, вы не знаете, каким был бы мой ответ, — едва слышно прошептала Персис, пытаясь сохранить достоинство.

— О нет, мне кажется, знаю, — ответил молодой человек, проникновенно глядя в ее темные глаза. — Дело не в этом. Если бы только это, я бы смирился. Но я думаю, вы бы согласились.

На глазах девушки выступили слезы. Осмелев, он продолжал:

— Я знаю, что вы бы согласились, Персис, и поэтому не прошу вашей руки. Вы слишком богаты, и потому это невозможно.

— Сэр Джастин, — ответила Персис, мягко отстраняя его руку, но с трудом сдерживая слезы, потому что он ей действительно нравился, — очень жестоко с вашей стороны говорить так; вы должны были молчать, либо — если уж вы...

Она оборвала фразу. Ее охватил девичий стыд.

Он наклонился к ней и от всего сердца воскликнул:

— О, не говорите так! Если я вас оскорбил, я не вынесу этого. Но для меня было бы столь же невыносимым отпустить вас... ничего не сказав. Тогда вы могли бы подумать, что это просто флирт и вы для меня ничего не значите. Но Персис, вы для меня очень много значите — очень-очень много. Сколько раз я хотел просить вашей руки! Я объясню вам, почему я этого не сделал. Я светский человек, боюсь, ни на что особо не годный. Все говорят, что я ищу богатую невесту, а это неправда; и если бы я женился на вас, они бы сказали: "Ну вот! Мы так и знали!" Меня это не пугает, я мужчина и смог бы постоять за себя; но я бы переживал за вас, Персис, потому что я люблю вас и мне дорога ваша честь. Я бы не вынес, если бы люди стали болтать: "Вы знаете эту хорошенькую американку, в девичестве Персис Реманет? Она выскочила за этого никчемного ирландца, Джастина О'Бирна, охотника за приданым, который женился на ней из-за денег". Поэтому ради вашего же блага, Персис, я не прошу вашей руки; надеюсь, вы встретите более достойного человека.

— Но мне не надо другого! — вскричала Персис. — О, сэр Джастин, вы должны мне верить. Вспомните...

В этот самый момент миссис Харрисон выглянула из окна кареты и довольно громко позвала:

— Джастин, что ты так долго? Лошади закоченели, ведь их сегодня утром подстригли. Поторопись, милый. К тому же les convenances![1]

— Хорошо, Нора, — ответил брат. — Я сейчас. Мы никак не дождемся, чтобы открыли дверь. Наверное, звонок не работает. Попробую еще раз.

И, почти забыв, что это, строго говоря, неправда, потому что он еще не звонил, сэр Джастин яростно надавил на кнопку.

— Это в вашей комнате горит свет, мисс Реманет? — спросил он преувеличенно громко, услышав за дверью шаги слуги. — Та, что с балконом? Совсем как в Венеции, в духе Ромео и Джульетты. Но он словно создан для грабителей! Такие низкие перила! Будьте осторожны, берегите рубины!

— Не стану я их беречь, — ответила Персис, быстро вытирая кружевным платочком глаза, — если они вызывают у вас такие чувства, пусть их украдут! Мне все равно!

И стоило ей произнести эти слова, как лакей Маклуров, невозмутимый, словно сфинкс, открыл дверь.

II

В ту ночь Персис долго сидела в своей комнате, прежде чем раздеться. Ее голова была занята сэром Джастином и его таинственными намеками. Наконец, она все же сняла свои рубины и прелестный шелковый корсаж. "Не нужны они мне, — подумала она, и горло у нее сжалось, — если из-за них я лишилась любви человека, за которого хочу выйти замуж".

Уснула она поздно, и сон ее был неспокоен. В ее снах удивительным образом соединились сэр Джастин, бал, рубины и воры. Она долго не вставала на следующее утро, и леди Маклур не тревожила ее, полагая, что Персис утомлена после вчерашнего бала, — как будто хорошенькую американку так просто утомить! Около десяти она внезапно проснулась. Ее тревожило смутное чувство, что ночью кто-то забрался в комнату и похитил рубины. Девушка вскочила и подошла к ночному столику. Футляр лежал на месте; она открыла его и заглянула внутрь. О, вещее предчувствие! Рубины исчезли, футляр был пуст!

Еще прошлой ночью Персис было все равно, что станет с рубинами. Но то было вчера, и рубины еще не были похищены. Теперь же ситуация в корне изменилась. Было бы жестоко заставлять нас (особенно политиков) держаться своих вчерашних слов. Персис была американкой, а американки неравнодушны к чарам драгоценных камней; эту дикарскую страсть иммигранты-европейцы, вероятно, унаследовали от своих краснокожих предшественников. Она бросилась к сонетке и дернула за шнурок со всей женской злостью. Как обычно, на звонок явилась горничная леди Маклур. Это была разумная, сдержанная девушка, и когда Персис вне себя крикнула: "Немедленно вызовите полицию и скажите сэру Эверарду, что мои драгоценности украли!", она ответила "Да, мисс" с таким невозмутимым спокойствием, что Персис, импульсивная, как всякая американка, обернулась и уставилась на нее, как на чудо приро-

1. Приличия (*франц.*).

ды. Ни один йог не мог бы выказать большего самообладания, чем Берта. Казалось, она предвидела, что рубины украдут, и потому отреагировала на слова Персис так, словно та попросила принести горячей воды.

Следует заметить, что леди Маклур очень гордилась подчеркнутой бесстрастностью Берты, считая оную одной из главных добродетелей английской прислуги. Но Персис, будучи американкой, смотрела на вещи иначе; та безмятежность, с которой Берта ответила "Да, мисс; конечно, мисс; я сейчас же скажу сэру Эверарду", показалась ей просто возмутительной.

Берта удалилась, тихо притворив дверь; а спустя несколько минут сама леди Маклур появилась в спальне своей гостьи, чтобы утешить девушку в постигшем ее несчастье. Она застала Персис сидящей на кровати в очаровательной французской кофточке (бледно-голубой с бежевыми отворотами) с томиком стихов в руках.

— Милая моя! — воскликнула леди Маклур. — Должно быть, вы их отыскали? Берта сказала, что вы потеряли ваши прелестные рубины!

— Увы, дорогая леди Маклур, — ответила Персис, вытирая слезы, — они исчезли. Их украли. Я забыла запереть свою дверь, когда вернулась вчера ночью, а окно было открыто; так или иначе кто-то забрался в комнату и взял их. Но в минуты горестей я обращаюсь к Браунингу. Он прекрасно успокаивает нервы. Так утешает, просто ставит на ноги.

Позавтракала Персис в постели, заявив, что не выйдет из комнаты до приезда полиции. После завтрака она встала, накинула элегантный парижский пеньюар (у американок в будуаре всегда наготове такие милые вещицы для неформальных приемов) и села в ожидании офицера полиции. Сэр Эверард, чрезвычайно расстроенный тем, что подобная неприятность случилась в его доме, сам отправился за представителем закона. Пока его не было, леди Маклур лично обыскала комнату, но не нашла ни малейшего следа утерянных рубинов.

— Вы уверены, что положили их в футляр, дорогая? — спросила она, беспокоясь о чести дома.

— Совершенно уверена, леди Маклур, — ответила Персис. — Я всегда, как только снимаю, кладу их в футляр; а когда я решила взглянуть на них сегодня утром, футляр был пуст.

— Должно быть, они представляли большую ценность? — поинтересовалась леди Маклур.

— Шесть тысяч фунтов в переводе на ваши деньги, если не ошибаюсь, — уныло ответила Персис. — Не знаю, как у вас в Англии, но в Америке это считается дорого.

Повисла пауза, но тут Персис снова заговорила.

— Леди Маклур, — резко спросила она, — эта ваша горничная — истинная христианка?

Леди Маклур была сильно озадачена. Она не привыкла рассматривать низшие классы в этом свете.

— Право, я не знаю, — задумчиво произнесла она, — вряд ли можно с уверенностью сказать такое о ком-либо, тем более о горничной. Но я полагаю, она честная девушка, определенно честная.

— Об этом я и спрашивала, — с облегчением сказала Персис. — Я рада, что вы так думаете, потому что я почти боюсь ее. По мне, она слишком тихая, такая молчаливая, непроницаемая.

— О, моя дорогая, — вскричала хозяйка, — не осуждайте ее за молчаливость; именно это я в ней и ценю. Потому я и наняла ее. Такая милая девушка; ходит бесшумно, как кошка, знает свое место и никогда не заговорит, пока ее не спросят.

— Что ж, возможно, вам в Европе такие и нравятся, — откровенно заявила Персис, — а мы в Америке предпочитаем, чтобы в них было больше жизни.

Спустя двадцать минут прибыл агент сыскной полиции. Он был в штатском. Почувствовав всю серьезность и важность дела, которое могло принести славу, а то и повышение, инспектор тут же отрядил детектива и посоветовал по возможности ничего не говорить слугам, пока агент не осмотрит как следует весь дом. Сэр Эверард заметил, что это бесполезно, поскольку горничная миледи в курсе, а значит, наверняка не утерпела и растрезвонила об этом всем слугам. Впрочем, можно попробовать, не повредит; и чем скорее детектив прибудет на место, тем лучше.

Детектив пришел вместе с сэром Эверардом. Проницательный взгляд, гладко выбритое лицо, безупречный вид — одна из многочисленных копий мистера Джона Морли[1]. Он был по-деловому немногословен. Первым делом он спросил:

— Слуги уже знают?

Леди Маклур вопросительно взглянула на Берту. Сама она все время просидела с осиротевшей Персис, чтобы (вместе с Браунингом) утешить бедняжку в постигшем ее несчастье.

— Нет, миледи, — сказала Берта как всегда спокойно (бесценная Берта!), — я никому из слуг об этом не говорила, поскольку решила, что, возможно, придется их обыскать.

Детектив насторожился. Он уже окинул беглым взглядом комнату, а теперь, словно фокусник, неслышно ступая, начал медленно обходить ее.

— А он не раздражает, — одобрительно заметила Персис, вполголоса обращаясь к своей подруге; потом, уже громко, добавила: — Как вас зовут, господин полицейский?

Детектив как раз приподнял край кружевного платочка на ночном столике. Он плавно обернулся.

— Грегори, мадам, — ответил он, едва взглянув на девушку, и продолжил осмотр.

— Как название порошков! — поежилась Персис. — Мне их давали в детстве. Терпеть их не могла.

— Мы, как лекарства, полезны, — ответил детектив с легкой улыбкой, — но никто нас не любит. — И он, довольный, вернулся к своему занятию, продолжив обыскивать помещение. — Первым делом мы должны убедиться, что действительно имеем дело с ограблением, — сказал он с видом спокойного превосходства, встав у окна и держа одну руку в кармане. — Нужно как следует осмотреть комнату: вдруг вы положили их в другое место? Такое часто случается. Нас постоянно вызывают, что-

1. Джон Морли (1838–1923) — английский политик и публицист, занимал пост секретаря по делам Ирландии в правительстве Уильяма Гладстона. Вместе с Гладстоном безуспешно добивался принятия английским парламентом билля о гомруле.

бы расследовать преступление, а оказывается, что всему виной женская невнимательность.

Персис вспыхнула. Дочь великой республики не привыкла, чтобы ей не доверяли, как простой жительнице Европы.

— Я точно помню, что сняла их, — заявила она, — и положила в футляр. В этом я абсолютно уверена. У меня нет ни тени сомнения.

Мистер Грегори с удвоенной энергией принялся искать во всех возможных и невозможных местах.

— Что ж, так я и предполагал, — без всякого выражения произнес он. — Как показывает наш опыт, если леди абсолютно, без тени сомнения, уверена, что она убрала что-то в надежное место, то эта вещь наверняка окажется там, где, по словам леди, она быть никак не может.

Персис не удостоила его ответом. Ей была чужда невозмутимость британских аристократок. Поэтому, чтобы не выйти из себя, она углубилась в Браунинга.

Мистер Грегори методично обыскал всю комнату, ничуть не смущаясь и не принимая в расчет чувства Персис. Его работа как детектива, заявил он, состоит в том, чтобы раскрыть преступление несмотря ни на что. Леди Маклур стояла тут же с бесстрастной Бертой. Мистер Грегори обшарил все дырки и трещинки, словно желая показать миру, что он выполняет неприятную обязанность с особой тщательностью. Закончив, он повернулся к леди Маклур.

— А теперь, если позволите, — невозмутимо сказал он, — мы займемся осмотром вещей прислуги.

Леди Маклур взглянула на свою горничную.

— Берта, — сказала она, — спуститесь вниз и проследите, чтобы никто из слуг пока не поднимался к себе в комнату.

Леди Маклур не имела мерзкой привычки аристократов называть служанок по фамилии.

Но тут вмешался детектив.

— Нет-нет, — резко возразил он, — пусть лучше эта молодая особа останется здесь с мисс Реманет, под ее наблюдением, пока я не осмотрю вещи прислуги. Если же я там ничего не найду, возможно, как это ни прискорбно, мне придется вызвать одну из моих коллег, чтобы обыскать эту девицу.

На этот раз не выдержала леди Маклур.

— Но это же моя горничная, — ледяным тоном проговорила она, — и я ей вполне доверяю.

— Мне очень жаль, миледи, — сказал мистер Грегори как можно более официально, — но опыт учит нас, что грабителем оказывается тот, кого никто и не думал подозревать.

— Да вы скоро и меня начнете подозревать! — вскричала леди Маклур не без отвращения.

— Вашу светлость я бы стал подозревать в последнюю очередь, — ответил детектив, почтительно кланяясь, но после всего им сказанного это прозвучало по меньшей мере двусмысленно.

Персис начала злиться. Ей самой не нравилась эта Берта, но ведь она была гостьей леди Маклур и не хотела причинять хозяйке дома неудобства.

— Девушку вы обыскивать не будете, — с возмущением заявила она. — Мне совершенно все равно, найдутся эти проклятые камни или нет. Много ли они стоят по сравнению с человеческим достоинством? Ровным счетом ничего.

— Они стоят семи лет тюрьмы, — с профессиональной точностью ответил мистер Грегори. — Что до обыска, это теперь не вам решать. Мы имеем дело с преступлением. Я здесь выполняю свои обязанности.

— Я совершенно не против, чтобы меня обыскали, — любезно отозвалась Берта с безразличным видом. — Можете обыскать меня, когда у вас будет ордер.

Детектив пристально взглянул на нее, и Персис тоже. Такая осведомленность о правах подозреваемого неприятно ее поразила.

— Что ж, посмотрим, — ответил мистер Грегори, холодно улыбнувшись. — А пока, леди Маклур, я осмотрю вещи слуг.

III

Обыск (абсолютно незаконный) ничего не дал. Мистер Грегори вернулся в спальню Персис обескураженный.

— Вы можете покинуть комнату, — сказал он Берте, и та бесшумно выскользнула за дверь. — Я поставил снаружи еще одного человека, чтобы не упускать ее из виду, — объяснил он.

К этому моменту Персис уже решила для себя, кто преступник; но ради леди Маклур она ничего не сказала детективу. Тем временем непоколебимый представитель закона начал задавать вопросы, причем некоторые из них показались Персис чересчур личными. Где она была вчера вечером? Точно ли она надевала рубины? Как она вернулась домой? Уверена ли она, что сняла ожерелье? Горничная помогала ей раздеться? Кто сопровождал ее в экипаже?

На все эти вопросы, градом сыпавшиеся на нее, Персис отвечала с американской прямотой. Она уверена, что рубины были на ней, когда она вернулась в Хампстед, поскольку сэр Джастин О'Бирн, приехавший с ней в карете своей сестры, обратил на них внимание и на прощание посоветовал ей беречь их.

При упоминании этого имени детектив многозначительно улыбнулся. (Многозначительная улыбка — обычный прием детективов.)

— Сэр Джастин О'Бирн! — повторил он, скрывая торжество. — Он ехал с вами в карете? А сидел он случайно не рядом с вами?

Леди Маклур возмутилась (этого мистер Грегори и добивался).

— Право же, сэр, — гневно сказала она, — если вы не доверяете таким джентльменам, как сэр Джастин, мы, чего доброго, все окажемся в списке подозреваемых.

— Закон, — ответил мистер Грегори с видом крайне напыщенным, — не делает исключений для знатных лиц.

— Но должен бы делать для лиц, ничем себя не запятнавших, — с чувством произнесла леди Маклур. — Кому нужна безупречная репутация, если... если...

— Если она не позволяет безнаказанно совершать ограбления? — вставил детектив, по-своему закончив предложение. — Что ж, это так.

Это действительно так. Вот только репутацию сэра Джастина вряд ли можно назвать безупречной.

— Он джентльмен, — вскричала Персис, и глаза ее сверкали, когда она обернулась к детективу, — и он не способен на то низкое и подлое преступление, в котором вы осмеливаетесь его обвинять.

— О, я понял, — произнес офицер, словно узрел долгожданный луч света в глубокой тьме, — сэр Джастин — ваш друг! Он проводил вас до крыльца?

— Да, — ответила Персис, густо покраснев, — и если вы посмеете обвинить его...

— Успокойтесь, мадам, — холодно сказал детектив. — Ничего подобного я делать не собираюсь — по крайней мере пока. Возможно, никакой кражи и не было. На данном этапе мы не должны исключать ни одной возможности. Это... довольно деликатный вопрос; но прежде чем мы продолжим, подумайте: быть может, сэр Джастин унес рубины по ошибке, они просто зацепились за его одежду, скажем, за рукав фрака?

Это была лазейка, но Персис ею не воспользовалась.

— Он никак не мог этого сделать, — мгновенно парировала она. — И я точно знаю, что они были на мне, когда мы расстались, потому что напоследок сэр Джастин взглянул на мое окно и сказал: "Этот балкон будто создан для грабителей. Следите хорошенько за вашими фамильными драгоценностями". Я вспомнила его слова, когда снимала ожерелье прошлой ночью; поэтому я так уверена, что рубины были еще у меня.

— И вы спали с открытым окном! — произнес детектив, по-прежнему улыбаясь. — Похоже, у нас получается первоклассный детективный сюжет.

IV

В ближайшие несколько дней в деле о рубиновом ожерелье ничего не прояснилось. Конечно, оно попало в газеты, как все в наше время, и весь Лондон говорил о нем. Персис прославилась как та самая американка, у которой украли драгоценности. Люди показывали на нее пальцем в парке, пристально разглядывали ее в бинокль в театре. И в самом деле, раньше, как обладательница знаменитых рубинов Реманетов, она привлекала куда меньше внимания, чем теперь, став жертвой ограбления. Стоило их лишиться, думала Персис, чтобы стать заметной фигурой в обществе. Все понимают, что молодая леди, готовая заплатить пять сотен фунтов тому, кто вернет ей безделушки стоимостью в шесть тысяч, должна собой что-то представлять. Сэр Джастин как-то встретил ее на верховой прогулке.

— Так, значит, вы не едете в Париж, пока они не найдутся? — очень тихо спросил он.

А Персис ответила, покраснев:

— Нет, сэр Джастин, пока нет; и... я почти рада этому.

— Неужели это правда? — вскричал молодой человек с мальчишеской пылкостью. — Признаюсь, мисс Реманет, когда я прочитал о случившемся в "Таймс", то сразу подумал: "Так, значит, она пока не уедет в Париж!"

Персис прямо взглянула на него и, затрепетав, произнесла:

— Я нашла утешение в Браунинге. Как вы думаете, что я у него вычитала? "Я учусь ценить верное сердце / Выше рубинов". Книга открылась именно на этих словах, и в них я нашла утешение!

Но когда сэр Джастин вернулся тем вечером к себе, его слуга сообщил:

— Сегодня днем вас спрашивал какой-то джентльмен, сэр. Гладко выбритый. Не очень приятный тип. И мне показалось, сэр, что он пытался у меня что-то выведать.

Сэр Джастин помрачнел. Он сразу же прошел к себе в спальню. Он знал, что было нужно тому человеку, и потому направился прямо к шкафу и внимательно осмотрел фрак, который был на нем в тот памятный вечер. Всегда что-то может пристать к рукаву, зацепиться за манжету или случайно оказаться в кармане. Или это что-то могут туда положить.

V

В последующие десять дней мистер Грегори развил бурную деятельность. Без сомнения, он был самым активным и энергичным детективом на свете. Он настолько строго придерживался своего принципа, подозревая всех и вся от Китая до Перу, что под конец бедная Персис совсем запуталась в лабиринте его версий. Никто не был защищен от его подозрений, крайне изощренных благодаря многолетним тренировкам: ни сэр Эверард в своей студии, ни леди Маклур в будуаре, ни дворецкий в буфетной, ни сэр Джастин О'Бирн в апартаментах на Сент-Джеймс. Мистер Грегори учитывал все варианты. Он не доверял даже попугаю и считал вероятной причастность крыс и терьеров. Персис порядком устала от его хитроумных схем, тем более что сама она, с присущей ей проницательностью, уже поняла, кто украл рубины. Однако когда детектив выразил некоторые сомнения по поводу честности сэра Джастина, Персис отреагировала на эти намеки очень болезненно и отказалась слушать мистера Грегори, хотя тот упорно пытался донести до нее свою любимую мысль, что преступником оказывается тот, кого подозревают меньше всего.

Как-то утром, день или два спустя, Персис, укладывая волосы, выглянула из окна. Она теперь делала прическу сама, хотя и была богатой американской наследницей, а следовательно, крайне ленивой; но она по непонятной причине невзлюбила эту тихоню Берту. И вот тем утром, выглянув из окна, Персис увидела Берту, поглощенную беседой с хампстедским почтальоном. Эта сцена нарушила и без того хрупкое душевное равновесие Персис. Почему Берта вообще вышла к почтальону? Ведь в обязанности горничной леди Маклур явно не входило забирать почту. И с какой стати она интересуется письмами мисс Реманет? Дело в том, что прямо сверху лежало письмо от сэра Джастина — Персис узнала его сразу, даже на таком расстоянии, по крупному конверту из грубой бумаги, — и, следуя женской логике, сделала вывод, что Бертой движут тайные мотивы, имеющие к ней, Персис, непосредственное отношение. Мы привыкли смотреть на все с личной точки зрения; что делает мужчину или женщину писателем, хорошим, плохим или посред-

ственным, так это способность ставить себя на место многих разных людей. Этим даром обладают в лучшем случае один мужчина из тысячи и одна женщина из десяти тысяч.

Персис принялась что было силы звонить в колокольчик. Берта вошла к ней, сияя улыбкой:

— Что вам угодно, мисс?

Персис была готова ее придушить.

— Мне угодно знать, — сказала она прямо, беря быка за рога, — с какой стати вы сейчас внизу рылись в чужих письмах с почтальоном?

Берта взглянула на нее, неизменно вежливая, и ответила, не задумываясь ни секунды:

— Почтальон — мой жених, мисс; мы собираемся обвенчаться.

"Гадкая девчонка! — подумала Персис. — На каждый случай у нее готова ловкая отговорка".

Но сердце Берты бешено колотилось. Оно билось от любви, надежды и скрытой тревоги.

Позже в тот же день Персис вскользь упомянула об этом инциденте леди Маклур, главным образом чтобы убедиться, что девушка ей солгала. Однако леди Маклур подтвердила слова Берты:

— Кажется, она помолвлена с почтальоном. По-моему, я что-то об этом слышала, хотя, моя дорогая, я стараюсь как можно меньше вникать в любовные дела слуг. Это так неинтересно. Но Берта заверила меня, что проработает здесь до замужества. Она говорила об этом всего десять дней назад. Ее жених пока не может обеспечить ей кров.

— Возможно, — мрачно изрекла Персис, — за это время ее положение изменилось к лучшему. Происходят такие странные вещи. Может быть, она неожиданно разбогатела!

— Может быть, — вяло согласилась леди Маклур. Эта тема ее утомляла. — Хотя тогда это действительно неожиданно, потому что она говорила мне об этом недавно, как раз перед тем, как у вас пропали драгоценности.

Персис нашла это странным, но ничего не сказала.

В тот вечер перед ужином она на минуту забежала в комнату леди Маклур. Берта укладывала волосы миледи. На ужин было приглашено несколько друзей, среди них сэр Джастин.

— Леди Маклур, мне идет этот жемчуг? — с волнением спросила Персис, ибо ей хотелось выглядеть как можно лучше — ради одного из гостей.

— О да, очень! — ответила та со светской улыбкой. — Никогда не видела ничего, что бы шло вам больше, Персис.

— Кроме моих бедных рубинов! — печально произнесла Персис, ведь цветные безделушки дороги сердцу дикаря и женщины. — Как бы я хотела их вернуть! Не понимаю, почему этот Грегори не смог их найти.

— О, дорогая, — протянула леди Маклур, — можете не сомневаться: они сейчас в Амстердаме. Это единственное место в Европе, где их теперь стоит искать.

— Почему в Амстердаме, миледи? — внезапно поинтересовалась Берта, украдкой бросив взгляд на Персис.

Леди Маклур откинула голову, удивленная столь неожиданным вмешательством.

— А вам это зачем, милочка? — довольно резко спросила она. — Разумеется, потому, что их там распиливают. Все резчики алмазов живут в Амстердаме. Вор, укравший крупные драгоценности, первым делом отправляет их туда, чтобы из них нарезали новых камней, которые нельзя будет опознать.

— Но, мне кажется, он не будет знать, кому их отправить, — спокойно заметила Берта.

Леди Маклур быстро повернулась к ней.

— Такими вещами занимаются только опытные грабители, — объяснила она с уверенностью знатока, — они знают все ходы и выходы и действуют заодно со скупщиками краденого во всем мире. Но Грегори наверняка следит за Амстердамом, и мы скоро что-нибудь выясним.

— Да, миледи, — покорно согласилась Берта и снова замолчала.

VI

Четыре дня спустя, около девяти часов вечера, тот же почтальон, разнося письма, задержался у дома сэра Эверарда Маклура, открыто нарушая правила своего ведомства, и о чем-то тайно совещался с Бертой.

— Ну, есть новости? — спросила Берта, дрожа от волнения, ибо наедине со своим возлюбленным она была совсем непохожа на сдержанную и невозмутимую идеальную горничную, прислуживавшую миледи.

— Да уж, есть, — ответил почтальон с тихим торжествующим смешком, — письмо из Амстердама! Думаю, дело в шляпе.

Берта чуть не бросилась ему на шею.

— О, Гарри! — воскликнула она, вне себя от радости. — Такая удача, просто не верится! Тогда через месяц мы сможем пожениться!

На минуту воцарилось молчание, прерывавшееся звуками, которые не передать книгопечатнику. Потом Гарри снова заговорил.

— Это же куча денег! — задумчиво произнес он. — Целое состояние! А главное, Берта, если бы не твоя смекалка, нам бы столько в жизни не получить.

Берта нежно сжала его руку. Горничные тоже люди.

— Если бы я так тебя не любила, — откровенно призналась она, — не думаю, чтобы я догадалась все это провернуть. Но ради любви, Гарри, чего только не сделаешь!

Если бы Персис услышала эти загадочные слова, остатки ее сомнений тут же бы рассеялись.

VII

На следующее утро, в десять часов, в дом сэра Эверарда прибыл полицейский по срочному делу. Он попросил позвать мисс Реманет. Когда Персис, в утреннем туалете, спустилась вниз, он передал ей короткое сообщение из участка:

— Ваши драгоценности нашлись, мисс. Не проследуете ли вы со мной, чтобы опознать их?

Персис, дрожа от волнения, поехала с ним. Ее сопровождала леди Маклур. Они оставили экипаж у полицейского участка и вошли в приемную.

Там собралась небольшая группа людей. Прежде остальных Персис заметила сэра Джастина. Ее сковал ужас. Грегори настолько отравил ее ум сомнениями во всех и вся, что теперь она боялась собственной тени. Но тут же Персис поняла, что баронет находится здесь не как обвиняемый и даже не как свидетель, а как простой наблюдатель. Она быстро ему кивнула и снова огляделась. Теперь ее внимание привлекла Берта: как всегда спокойная и невозмутимая, горничная стояла в самом центре, на своего рода почетном месте, которое в подобных случаях занимают арестованные. Персис ничуть не удивилась: она знала это с самого начала. Она выразительно посмотрела на Грегори, который стоял несколько сзади и совсем не выглядел победителем. Персис озадачил его угнетенный вид. Впрочем, он был гордым детективом; возможно, кто-то другой поймал преступника.

— Полагаю, это ваши драгоценности, — сказал инспектор, показывая ей рубины; Персис подтвердила.

— Неприятное дело, — продолжил инспектор. — Крайне неприятное. Печально, что преступником оказался один из наших людей; но поскольку он во всем сознался и собирается сдаться на милость правосудия, нет больше смысла говорить об этом. Он не станет себя выгораживать; впрочем, с такими уликами ему не остается ничего другого.

У Персис голова пошла кругом.

— Я... я не понимаю! — воскликнула она, совсем запутавшись. — Ради бога, объясните, о ком речь?

Не говоря ни слова, инспектор указал на Грегори; и только тут Персис заметила, что он под конвоем. Она прижала руку ко лбу. Вдруг ей все стало ясно. Когда она вызвала полицию, рубины еще не были украдены. Их украл Грегори!

Персис все теперь поняла. Факты встали на свои места. Той ночью она сняла украшения, небрежно положила их на туалетный столик (поглощенная мыслями о сэре Джастине), случайно накрыла рубины кружевным платочком и сразу же о них забыла. На следующий день она их хватилась и сделала поспешные выводы. Когда пришел Грегори, он заметил рубины под платочком — естественно, ей как женщине и в голову не пришло искать их там, — и, полагая, что ничем не рискует, прикарманил камни у нее на глазах, не вызвав ни малейшего подозрения. Он был уверен, что никто не обвинит детектива в ограблении, которое было совершено до его прихода и которое его же пригласили расследовать.

— Хуже всего то, — продолжил инспектор, — что он сплел хитроумный план, чтобы обвинить сэра Джастина О'Бирна, которого мы бы арестовали сегодня, если бы не вмешательство этой молодой женщины: она пришла в последний момент и заработала награду, предоставив улику, позволившую обнаружить и вернуть камни. Детектив из Амстердама доставил их сегодня утром.

Персис пристально посмотрела на Берту, а та, не менее пристально, на нее.

— Мой жених — почтальон, мисс, — просто объяснила она, — и после того, что сказала миледи, я поручила ему проследить, когда мистер Грегори получит письмо из Амстердама. Я с самого начала его подозревала, и как только письмо пришло, мы обратились в полицию. Мистера Грегори арестовали, а из письма узнали, у кого находятся рубины.

Персис слова не могла вымолвить от изумления. Ее рассудок пребывал в полном смятении. И тут Грегори подал голос.

— И все-таки я был прав, — заявил он с профессиональной гордостью. — Я говорил вам: тот, кого вы никогда и не вздумаете подозревать, точно окажется виновным.

В прошлом сезоне в Монте-Карло все восхищались рубинами леди О'Бирн. Мистер Грегори на ближайшие семь лет получил работу в каменоломнях Ее Величества на острове Портленд. Берта и ее почтальон, получив пять сотен фунтов, уехали в Канаду, чтобы купить там ферму. А сэр Джастин О'Бирн, по всеобщему мнению, побил все рекорды ирландских баронетов, женившись выгодно и по любви.

Ричард Остин Фримен

Послание со дна моря

Рассказ

Перевод Игоря Мокина

УАЙТЧЕПЕЛ-СТРИТ – едва ли самое приятное место для прогулки, хотя немногочисленные следы недавнего благополучия спасают эту улицу от полного запустения, что царит на соседней Коммершиал-роуд. Все же нынешнее ее убожество, особенно в восточной части, будто бы отражает бесцветное существование обитателей этих мест, а серый сумрачный пейзаж угнетает душу путника. Но и самую долгую, скучную дорогу можно расцветить остроумной и ученой беседой; так и вышло, когда мы с моим другом Джоном Торндайком шли на запад по Уайтчепел-стрит, и долгий путь показался нам совсем коротким.

Мы только что посетили Лондонский госпиталь, где наблюдали необычный случай акромегалии[1], и по дороге назад обсуждали эту редкую болезнь, а также родственный ей гигантизм во всех их проявлениях, от подбородка девушек Гибсона[2] до телосложения Ога, царя Васана[3].

– Было бы интересно, – заметил Торндайк, когда мы миновали Олдгейт-Хай-стрит, – вложить персты в гипофизарную ямку Его Величества – после его смерти, разумеется. А вот, кстати, Хэрроу-элли; помните описание у Дефо: телега с мертвецами и ужасная процессия, спускающаяся по улице...[4] – Торндайк взял меня под руку и повел по узкой аллее; на крутом повороте у паба "Звезда и змеевик" мы оглянулись. – Я никогда тут не хожу, – сказал он задумчиво, – но здесь как будто слышен звон колокола и горький плач возчика...

Он осекся: под аркой появились двое; они мчались в нашу сторону. Впереди бежала дородная еврейка средних лет, запыхавшаяся, растрепанная; за ней – прилично одетый молодой мужчина, встревоженный не меньше, чем его спутница. Когда они поравнялись с нами, последний, узнав моего коллегу, взволнованно обратился к нему:

– У меня вызов на освидетельствование: произошло убийство или самоубийство. Не могли бы вы помочь, сэр? Это мой первый вызов, я очень волнуюсь...

Тут женщина бросилась к своему спутнику и схватила его за руку.

– Скорее! – воскликнула она. – Не время болтать.

© Игорь Мокин. Перевод, 2008

1. Акромегалия – аномальный рост рук и ног у человека среднего возраста, сопровождаемый изменениями лицевой мускулатуры и нарушением работы сердца. Болезнь связана с гормональными нарушениями в гипофизе. (*Здесь и далее – прим. перев.*)
2. Чарлз Дана Гибсон (1867–1944) – американский художник и гравер. Он создал образ так называемой "девушки Гибсона", ставший заметным явлением в искусстве конца викторианской эпохи. "Девушки Гибсона" часто отличались тяжелыми чертами лица.
3. Ог, царь Васана – библейский персонаж. В Книге Чисел он описывается как последний из исполинов, чей рост превышал человеческий более чем в два раза.
4. Имеется в виду сцена из "Дневника чумного года" Дефо, где телега, на которой везут тела погибших от чумы, едет по этой аллее.

Ее лицо было бледным как мел и блестело от пота, губы дрожали, а руки тряслись; она смотрела на нас глазами перепуганного ребенка.

— Конечно, Гарт, — сказал Торндайк.

Мы последовали за женщиной, бешено расталкивавшей прохожих на своем пути.

— Вы здесь начали практику? — спросил Торндайк на ходу.

— Нет, сэр, — ответил доктор Гарт. — Я ассистент у судебного врача, но он сейчас на вызове. Как удачно, что вы согласились помочь, сэр.

— Ну-ну, — откликнулся Торндайк. — Я только хочу убедиться, что моя наука пошла вам впрок... Похоже, мы у цели.

Мы проследовали за нашей провожатой в переулок, где чуть впереди, у одного из домов, столпились люди. При нашем приближении они расступились. Женщина, за которой мы следовали, нырнула в дверь и бросилась вверх по лестнице с той же отчаянной скоростью, с какой бежала по улицам, но, не дойдя немного до конца пролета, вдруг остановилась и осторожно, на цыпочках преодолела последние ступени. На лестничной площадке женщина обернулась, чуть слышно прошептала: "Она там" — и, почти теряя сознание, опустилась на ступеньку.

Я взялся за ручку двери и взглянул на Торндайка. Он медленно поднимался, пристально разглядывая пол, стены и перила. Когда он дошел до площадки, я открыл дверь, и мы вошли в комнату. Жалюзи были опущены, и сначала в неверном тусклом свете мы не заметили ничего необычного. Маленькая бедно обставленная комната выглядела вполне опрятно и чисто, только на кресле была разбросана женская одежда. Постель казалась нетронутой, на ней едва виднелась фигура лежащей девушки; можно было бы подумать, что она спит, если бы не ее окаменевшее лицо и темное пятно на подушке.

Доктор Гарт осторожно прошел к постели, а Торндайк поднял жалюзи; яркий свет залил комнату, и молодой врач отшатнулся с искаженным от ужаса лицом.

— Господи! — воскликнул он. — Бедное дитя!

Лучи солнца осветили бледное лицо прелестной девушки лет двадцати пяти, мирное и безмятежное, прекрасное чистой, неземной красотой рано ушедшего из жизни существа. Ее рот был слегка приоткрыт, веки чуть приподняты, а изогнутые ресницы бросали тень на глаза; пышные темные волосы оттеняли прозрачную кожу.

Мой друг откинул одеяло от ее милого лица, столь спокойного, но одновременно и ужасного своею неподвижностью и восковой бледностью, — и мы увидели жуткую зияющую рану: шея девушки была почти рассечена надвое.

Торндайк смотрел на убитую со сдержанной жалостью.

— Убийство жестокое, — проговорил он, — и все же милосердное в своей жестокости, ведь она наверняка даже не проснулась.

— Чудовище! — выкрикнул Гарт, сжав кулаки и багровея от ярости. — Злобное трусливое животное! Он не уйдет от казни! Его повесят, клянусь! — Разгневанный юноша потрясал кулаками, а в глазах его блестели слезы.

Торндайк тронул его за плечо.

— Мы здесь именно для этого, Гарт. Доставайте блокнот, — сказал он, наклоняясь над телом убитой.

После этого дружеского замечания юный Гарт взял себя в руки, открыл блокнот и начал осмотр, а я тем временем по просьбе Торндайка занялся составлением плана комнаты, включая описание всех предметов и их расположение. Но я не переставал следить за передвижениями Торндайка и скоро забросил чертеж, наблюдая, как мой друг карманным ножом собирает какой-то порошок, который нашел на подушке.

— Что скажете? — спросил он, когда я подошел поближе, и указал лезвием ножа на нечто, напоминавшее белый песок; приглядевшись, я заметил, что такие же песчинки рассыпаны по всей подушке.

— Белый песок! — отозвался я. — Как он тут оказался? Что вы думаете?

Торндайк покачал головой. "Объяснениями займемся позже", — ответил он и достал из кармана металлическую коробочку, в которой всегда носил с собою необходимые предметы вроде покровных стекол, капиллярных трубок, воска для отливок и прочих "диагностических материалов". Из нее он извлек конвертик для семян и аккуратно сгреб в него ножом щепотку этого песка. Затем заклеил конверт и начал надписывать его, но тут раздался крик юного Гарта:

— Боже мой! Посмотрите, сэр! Убийца — женщина!

Одеяло он отбросил в сторону и теперь в ужасе смотрел на левую руку девушки. Убитая держала в руке тонкую прядь длинных рыжих волос.

Торндайк поспешно опустил конверт с образцом песка в карман, обошел прикроватный столик и склонился над телом, нахмурив брови. Пальцы убитой были сжаты не очень крепко, но когда попытались их разжать, оказалось, что они тверды, будто у деревянного манекена. Торндайк наклонился еще ниже и, вынув увеличительное стекло, исследовал прядь волос по всей ее длине.

— Здесь не все так просто, как кажется на первый взгляд, — заметил он. — Что скажете, Гарт?

Торндайк протянул лупу своему бывшему ученику, но тут дверь открылась и вошли трое. Первый был полицейский в чине инспектора, второй, по-видимому, — офицер уголовной полиции, а третий, несомненно, судебный врач.

— Это ваши друзья, Гарт? — спросил последний, глядя на нас с заметным неодобрением.

Мой друг кратко изложил причины нашего присутствия, на что судебный врач ответил:

— В таком случае, сэр, предоставим инспектору определить ваш locus standi[1] здесь. Я не разрешал моему помощнику привлекать посторонних. Гарт, можете идти.

Судебный врач приступил к осмотру, в то время как Торндайк извлек карманный термометр, который он до того поместил под тело убитой, и снял показания.

Инспектор же не спешил воспользоваться полномочиями, на которые ему намекал судебный врач, потому что иметь под рукой специалиста всегда нелишне.

— Как вы думаете, сэр, сколько времени прошло с момента смерти? — спросил он учтиво.

1. Дословно: местонахождение (*лат.*). В данном случае имеется в виду право присутствовать при осмотре.

— Примерно десять часов, — отвечал Торндайк.

Оба полицейских одновременно взглянули на часы.

— Значит, ее убили в два часа ночи, — сказал инспектор. — Что это, сэр?

В это время судебный врач, осматривавший тело, указал ему на прядь волос в руке убитой.

— Вот так так! — воскликнул инспектор. — Женщина! Должно быть, дама не из приятных. Найти ее будет нетрудно; не правда ли, сержант?

— Конечно, — сказал второй полицейский. — Теперь понятно, зачем убийце был нужен сундук у изголовья, да еще и подушка. Чтобы дотянуться, она встала на него. Она наверняка невысокая.

— А вот силы ей точно не занимать, — добавил инспектор, — ведь она чуть не отрубила голову этой злополучной девице.

Он подошел к изголовью и наклонился над зияющей раной. Потом провел рукой по подушке и стал что-то растирать в пальцах.

— О, да тут песок! Белый песок! Как он сюда попал?

Судебный врач и детектив-сержант устремились к нему, чтобы увидеть своими глазами, и все трое принялись обсуждать, что это может значить.

— Вы заметили песок, сэр? — спросил инспектор у Торндайка.

— О, да, — ответил тот. — Необъяснимо, не правда ли?

— Не могу вполне с вами согласиться, — заметил сержант. Сказав это, он подошел к умывальнику и удовлетворенно хмыкнул, а затем продолжил, благодушно глядя на моего коллегу: — Смотрите: вот очень простое объяснение. На умывальнике кусок грубого мыла, в которое добавляют белый песок, а раковина заполнена водой пополам с кровью. Значит, преступница смыла кровь с рук и отмыла нож — хладнокровия ей не занимать, заметьте, — именно этим мылом. Затем, вытирая руки, она подошла к изголовью кровати, и песок осыпался на подушку. Полагаю, здесь все ясно.

— Яснее не бывает, — отозвался Торндайк. — А как вы представляете себе последовательность событий?

Детектив-сержант оглядел комнату с самодовольным видом.

— Полагаю, — начал он, — девушка уснула за чтением. На столике у кровати лежит книга, а рядом стоит подсвечник, в котором остался только кусочек прогоревшего фитиля. Думаю, преступница тихо вошла в комнату, зажгла свет, поставила сундук с подушкой к кровати, встала на него и перерезала горло своей жертве. Та проснулась и схватила убийцу за волосы — впрочем, других следов борьбы не обнаружено, так что, без сомнения, несчастная девушка умерла почти мгновенно. Затем преступница вымыла руки и отмыла нож, поправила белье на постели и ушла. Вот как я это вижу; остается выяснить, как она проникла в дом незамеченной, как его покинула и куда направилась.

— Возможно, — заметил судебный врач, накрывая труп одеялом, — следует пригласить хозяйку дома и задать ей несколько вопросов.

Он бросил значительный взгляд на Торндайка, а инспектор кашлянул, прикрыв рот рукой. Но мой коллега остался глух к этим намекам. Он открыл дверь, после чего несколько раз повернул ключ в замке туда-сюда, вытащил его, пристально разглядел и вставил обратно.

— Хозяйка здесь, на лестничной площадке, — сообщил он.

Услышав это, инспектор вышел из комнаты, и мы все последовали за ним, чтобы послушать, о чем ему расскажет свидетельница.

— Итак, миссис Гольдштейн, — сказал полицейский, открывая блокнот. — Я хочу, чтобы вы рассказали все, что знаете об этом событии и о самой девушке. Как ее звали?

Хозяйка дома, к которой присоединился бледный и дрожащий мужчина, вытерла слезы и ответила срывающимся голосом:

— Бедную девочку звали Минна Адлер. Она была немка, приехала из Бремена года два назад. В Англии у нее не было друзей... то есть не было родных. Она работала официанткой в ресторане на Фенчерч-стрит, такая добрая, тихая, работящая девочка...

— Когда вы узнали, что случилось несчастье?

— Около одиннадцати. Я думала, она ушла на работу, как обычно, но муж увидел с заднего двора, что жалюзи у нее опущены. Я поднялась к ней, постучала, но никто не ответил, и тогда я открыла дверь, вошла и увидела... — тут несчастная женщина разразилась исступленными рыданиями — так ужасны были события того утра.

— Значит, дверь была не заперта. А обычно Минна ее запирала?

— Да, кажется, — всхлипнула миссис Гольдштейн. — Ключ всегда был в замке.

— А входная дверь утром была заперта?

— Просто прикрыта. Мы ее не запираем, потому что некоторые жильцы возвращаются поздно.

— А теперь скажите, не было ли у нее врагов? Кого-нибудь, кто хотел бы свести с ней счеты?

— Нет, что вы! У бедняжки Минны не было никаких врагов. Она не ссорилась, то есть по-настоящему не ссорилась, ни с кем, даже с Мириам.

— А кто это — Мириам? — спросил инспектор.

— С ней ничего и не было, — перебил спутник миссис Гольдштейн. — Они не ссорились.

— Просто слегка повздорили, не так ли, мистер Гольдштейн? — предположил инспектор.

— Просто не поделили кавалера, вот и все, — ответил мистер Гольдштейн. — Мириам немного ревновала. Ничего особенного.

— Конечно, конечно, мы все знаем, что юные девушки...

Сверху доносился звук шагов: кто-то медленно спускался к нам и в это самое мгновение показался на лестничной площадке. Увидев, кто это, инспектор замер, будто окаменев, и в комнате воцарилось гнетущее молчание. По лестнице шла крепко сбитая невысокая девушка, растрепанная, мертвенно бледная от ужаса, с безумным взглядом; волосы ее были огненно-рыжего цвета.

Не в силах сдвинуться с места, мы молча наблюдали, как это видение медленно к нам приближалось. Вдруг детектив-сержант проскользнул обратно в комнату и вернулся через несколько мгновений, держа в руке бумажный пакетик; переглянувшись с инспектором, он положил пакетик в нагрудный карман.

— Джентльмены, это моя дочь Мириам, о которой мы сейчас говорили, — сказал мистер Гольдштейн. — Мириам, эти джентльмены — полицейские и судебные врачи.

Девушка смотрела на нас, переводя взгляд с одного лица на другое.

— Значит, вы ее видели, — произнесла она сдавленным голосом. — Она ведь не умерла, нет?

Мириам задала вопрос тоном в равной степени умоляющим и безнадежным — так бы говорила потерявшая голову мать над трупом ребенка. Я почувствовал смутное беспокойство и невольно обернулся, ища Торндайка.

К моему удивлению, он исчез.

Тихо отойдя назад к ступеням, откуда был виден весь коридор, я посмотрел вниз и увидел, как мой друг пытается дотянуться до полки у входной двери. Встретившись со мной глазами, он поманил меня рукою; никем не замеченный, я спустился к нему. Когда я подошел, Торндайк заворачивал в папиросную бумагу три маленьких предмета, каждый отдельно, и я заметил, что обращается он с ними с необыкновенной осторожностью.

— Не хотелось бы, чтобы эту девицу арестовали, — сказал он, бережно кладя три маленьких свертка в свою коробочку. — Пойдемте.

Он бесшумно открыл дверь и подвигал задвижку туда-сюда, тщательно изучая засов.

Я взглянул на полку за дверью. Там стояли два плоских фарфоровых подсвечника, в одном из которых, когда мы входили, я случайно заметил огарок свечи, и мне хотелось посмотреть, не его ли забрал сейчас Торндайк. Но нет, огарок был на месте.

Я вышел вслед за моим коллегой на улицу, и некоторое время мы шли, не заговаривая друг с другом.

— Вы, конечно, догадались, что́ сержант завернул в бумагу, — сказал Торндайк наконец.

— Да. Волосы, которые были в руке убитой; я подумал, что было бы лучше оставить их на месте.

— Несомненно. Вот так благонамеренные полицейские и уничтожают улики. В данном случае это не имеет большого значения, но в любом другом это стало бы роковой ошибкой.

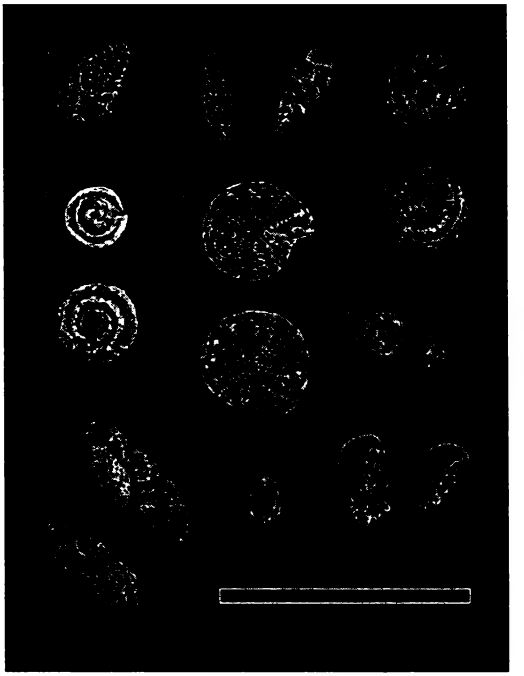
— Вы собираетесь участвовать в расследовании? — спросил я.

— Зависит от обстоятельств. Я собрал некоторые улики, но пока не знаю, пригодятся ли они. Также не знаю, отметила ли полиция те же факты, что и я; но, само собой, сделаю все, что требуется, чтобы оказать помощь властям. Это мой гражданский долг.

Поскольку приключения этого утра отняли у нас немало времени, нам требовалось незамедлительно отправляться каждому по своим делам; пообедав на скорую руку в кафе, мы расстались, и я увиделся с моим коллегой, только когда вернулся домой к ужину после работы.

Я нашел Торндайка за столом. Мой друг работал: перед ним стоял микроскоп, на предметном стекле которого лежал какой-то порошок, подсвеченный через конденсорную линзу; открытая коробочка для образцов лежала тут же, и Торндайк был занят тем, что выдавливал из тюбика густую белую замазку на три крошечные восковые отливки.

— Полезнейшая вещь этот "Фортафикс", — заметил он. — Дает отличные слепки без возни с гипсом, что особенно удобно, если предмет маленький, вроде вот этих. Кстати, если вы желаете узнать, что же было на подушке у погибшей девушки, просто посмотрите в микроскоп. Прекрасный образец.



Я заглянул в микроскоп. Действительно, образец был прекрасен, и не только с точки зрения качества препарата. В нем были перемешаны прозрачные кристаллики кварца, иголочки будто бы из стекла, источенные водой кусочки кораллов, а также множество прелестных крошечных раковинок; одни напоминали тонкий фарфор, другие — венецианское стекло.

— Это же фораминиферы![1] — воскликнул я.

— Да.

— То есть это все-таки не белый песок?

— Безусловно, нет.

— А что же?

Торндайк улыбнулся.

— Джервис, это послание доставлено нам со дна моря — со дна восточной части Средиземного моря.

— И вы можете его прочесть?

— Думаю, да, — ответил Торндайк, — а скоро, я надеюсь, буду в этом уверен.

Я снова посмотрел в микроскоп и задумался: что же за послание эти крохотные раковинки передали моему другу? Глубоководный песок на подушке убитой женщины! Что может быть более неуместным? Какая может быть связь между омерзительным преступлением, совершенным в восточном Лондоне, и дном "моря без приливов[2]"?

Тем временем Торндайк выдавил еще замазки на свои кусочки воска (я решил, что именно их он на моих глазах так осторожно заворачивал в бумагу); затем положил один из них на стеклянную пластину замазкой вверх, а два других поставил вертикально по обе стороны первого. После этого, выдавив новую порцию своей смеси — видимо, чтобы соединить все три предмета, — он осторожно поместил все это в шкаф, положив туда же конверт с песком и предметное стекло микроскопа с препаратом.

Он как раз запирал шкаф, когда раздался резкий стук дверного молотка, и мой друг поспешил к двери. На пороге стоял мальчишка-посыльный с грязным конвертом в руках.

1. Фораминиферы — тип организмов царства простейших, которые отличаются наличием внешнего скелета в виде своего рода раковины. Размер их обычно меньше 1 мм.
2. "Море без приливов" — название, закрепившееся в литературе за Средиземным морем из-за того, что в нем действительно практически отсутствуют приливы и отливы.

— Я не виноват, что так долго, сэр, — сказал он. — Мистер Гольдштейн столько возился.

Торндайк раскрыл конверт и, вытащив листок бумаги, быстро, нетерпеливо просмотрел его под лампой; и, хотя лицо его осталось невозмутимым, словно каменная маска, я был совершенно уверен: в этой бумаге содержался ответ на какой-то его вопрос.

Посыльный удалился, довольный вознаграждением, а Торндайк, повернувшись к книжным полкам, задумчиво пробежал по ним взглядом и остановился на томике в потрепанной обложке в самом углу. Он снял книгу, раскрыл и положил на стол; я заглянул в нее и с удивлением обнаружил, что напечатана она на двух языках: с одной стороны на русском, а с другой, как мне подумалось, на древнееврейском.

— Ветхий Завет на русском и идише, — пояснил Торндайк, видя мое изумление. — Надо дать Полтону сфотографировать пару страниц в качестве образца шрифта... Это почтальон или посетитель?

Оказалось, пришел почтальон, и Торндайк, посмотрев на меня значительно, вынул из ящика для писем синий казенный конверт.

— Думаю, это ответ на ваш вопрос, Джервис, — сказал он. — Да, это повестка на дознание от коронера, и весьма вежливое письмо: "Прошу извинить за беспокойство, но в сложившихся обстоятельствах иного выбора не оставалось..." Конечно, не оставалось. "...Доктор Дэвидсон назначил вскрытие на завтра на четыре часа пополудни, и я был бы рад, если бы вы могли присутствовать. Морг находится на Баркер-стрит, рядом со школой". Что ж, полагаю, мы должны пойти, хотя Дэвидсон наверняка будет возмущаться, — и он удалился в лабораторию, захватив с собой Ветхий Завет.

Назавтра мы пообедали у себя, а потом, подвинув кресла к огню, раскурили наши трубки. Торндайк погрузился в раздумья: сидя с блокнотом на коленях и глядя сосредоточенно на огонь, он время от времени делал заметки карандашом, как если бы готовил тезисы для дискуссии. Полагая, что мысли его были заняты убийством в Олдгейте, я решился задать вопрос:

— У вас есть вещественные доказательства, чтобы предъявить коронеру?

Он отложил блокнот.

— У меня в распоряжении, — сказал он, — есть важные вещественные доказательства, но они не связаны между собой и будут не вполне достаточны. Если я, как мне хочется надеяться, смогу связать их в единое целое до суда, то они будут обладать немалой силой... А вот и мой бесценный помощник с инструментами для исследования, — он с улыбкой повернулся навстречу Полтону, как раз вошедшему в комнату; хозяин и слуга обменялись дружескими взглядами, говорившими о взаимопонимании. Отношения Торндайка и его помощника не переставали меня умилять: с одной стороны — верная, беззаветная служба, а с другой — искренняя привязанность.

— Мне кажется, вот эти подойдут, сэр, — сказал Полтон, передавая хозяину картонную коробочку, похожую на футляр для игральных карт. Торндайк снял крышку, и я увидел, что ко дну коробочки прикреплены желобки, а в них вставлены две фотографические пластинки. Это оказались в высшей степени необычные снимки: первый — копия страни-

цы Ветхого Завета на русском, второй — копия страницы на идише. При этом буквы были белые на черном фоне; они занимали только середину снимков, оставляя широкие черные поля. Обе карточки были приклеены на плотный картон в двух экземплярах — с лицевой и обратной стороны.

Торндайк показал их мне с заговорщической улыбкой, осторожно держа пластинки за края, а потом поместил обратно в коробку.

— Как вы видите, мы делаем маленький экскурс в филологию, — произнес он, кладя коробочку в карман. — Но нам пора, чтобы не заставлять Дэвидсона ждать. Спасибо, Полтон.

Окружная железная дорога быстро перенесла нас на восток, и мы сошли на станции "Олдгейт" на целых полчаса раньше назначенного срока. Несмотря на это, Торндайк поспешил вперед, но не направился в сторону морга, а зачем-то свернул на Мэнсел-стрит, сверяя по пути номера домов. Его, кажется, особенно интересовал ряд домов справа, некогда красивых, но покрытых копотью; подойдя к ним поближе, он замедлил шаг.

— Вот прелестный осколок старины, Джервис, — заметил он, указывая на грубо расписанную деревянную фигурку индейца рядом с дверью старомодной табачной лавочки. Мы остановились посмотреть, но тут открылась боковая дверь. Из нее вышла женщина и принялась оглядываться по сторонам.

Торндайк немедленно пересек тротуар и обратился к ней, по-видимому, с вопросом, поскольку я услышал ее ответ: "Обыкновенно он приходит точно в четверть седьмого, сэр".

— Спасибо, я запомню, — сказал Торндайк и, приподняв шляпу, споро зашагал прочь, сразу свернув в переулок, по которому мы и дошли до Олдгейта. Было уже без пяти минут четыре, и поэтому мы прибавили шагу, чтобы не опоздать в морг к назначенному времени; но, хотя мы вошли в ворота под бой часов, доктор Дэвидсон уже снимал фартук, собираясь уходить.

— Извините, я не мог вас ждать, — сказал он, даже не пытаясь делать вид, что говорит правду, — но post-mortem[1] в таком деле — просто фарс; вы видели все, что можно было увидеть. Но тело еще здесь, Гарт пока его не убрал.

Он коротко попрощался и ушел.

— Я должен извиниться за доктора Дэвидсона, сэр, — сказал Гарт раздосадованно; он сидел за столом и что-то записывал.

— Не стоит, — ответил мой друг. — Не вы учили его манерам. А здесь я справлюсь сам, мне нужно только уточнить пару деталей.

Мы с Гартом поняли его намек и остались у стола, а Торндайк, сняв шляпу, прошел к длинному секционному столу и наклонился над телом жертвы этой ужасной трагедии. Некоторое время он не двигался, сосредоточенно рассматривая тело — несомненно, в поисках синяков и других следов борьбы. Затем нагнулся еще ниже и тщательно исследовал рану, особенно у краев разреза. Вдруг он придвинулся совсем близко, как будто что-то привлекло его внимание, потом вынул увеличитель-

1. Вскрытие (*лат.*).

ное стекло, взял маленькую губку и обтер ею обнажившийся выступ позвонка. Он снова дотошно осмотрел это место через лупу, после чего с помощью скальпеля и зажима вытащил что-то, осторожно сполоснул этот предмет и еще раз рассмотрел через лупу, держа его на ладони. Затем, как я и ожидал, он достал свою "коробочку для улик", вынул из нее конвертик, опустил в него этот крошечный предмет, надписал конверт и положил его обратно.

— Кажется, я увидел все, что хотел, — сказал он, кладя коробочку в карман и надевая шляпу. — Встретимся завтра утром на дознании у коронера.

Он пожал руку Гарту, и мы вышли на относительно свежий воздух.

Под разными предлогами Торндайк оставался в окрестностях Олдгейта до тех пор, пока церковный колокол не пробил шесть, и тогда он направился к Хэрроу-элли. Не спеша, с задумчивым видом он прошел по этой узкой извилистой улице параллельно Литл-Сомерсет-стрит и вышел на Мэнсел-стрит, так что ровно в четверть седьмого мы оказались перед той самой табачной лавочкой.

Торндайк бросил взгляд на часы и остановился, настороженно глядя вперед. Через мгновение он достал из кармана свою картонную коробочку и вытащил те самые снимки, которые уже успели повергнуть меня в совершенное изумление. Теперь, судя по выражению его лица, они и самого Торндайка изумляли не меньше; он поднес их к глазам и рассматривал, нахмурясь и постепенно пятясь к подъезду рядом с лавкой. Тут я заметил какого-то человека, который приближался к нам и разглядывал Торндайка с некоторым любопытством и одновременно с заметной неприязнью. Это был молодой мужчина очень маленького роста, крепко сбитый, по виду еврей-иммигрант; лицо его, от природы мрачное и не располагающее к себе, было изрыто оспинами, отчего казалось еще безобразнее.

— Простите, — сказал он грубо, оттесняя Торндайка в сторону. — Я здесь живу.

— Прошу меня извинить, — ответил Торндайк. Он отошел на шаг и вдруг спросил: — Кстати, вы случайно не знаете идиш?

— А вам зачем? — угрюмо спросил тот.

— Потому что мне только что дали вот эти два снимка с текстами. Один, кажется, на греческом, а другой на идише, но я забыл, какой где, — он протянул карточки незнакомцу, который взял их и стал рассматривать с мрачным видом.

— Вот это идиш, — сказал он, поднимая правую руку, — а это — не греческий, а русский.

Он отдал карточки Торндайку, и тот принял их, держа, как и раньше, осторожно за края.

— Премного благодарен за вашу неоценимую помощь! — провозгласил Торндайк, но не успел он договорить, как незнакомец вошел в дом, захлопнув за собой дверь.

Торндайк бережно положил снимки обратно, опустил коробочку в карман и записал что-то в блокнот.

— Теперь, — сказал он, — моя работа завершена, за исключением одного маленького опыта, который можно провести дома. Кстати, я вытащил на свет божий крошечную улику, которую пропустил Дэвидсон. Это

его разозлит. Хотя мне и не доставляет особого удовольствия щелкать по носу собственных коллег, но этот уж больно неучтив.

В повестке от коронера Торндайку предписывалось явиться для дачи показаний в десять часов, но его планам помешала консультация у одного известного юриста, так что, выходя из Темпла[1], мы уже опаздывали на четверть часа. Было заметно, что мой друг пребывал в отличном настроении, хотя он задумчиво молчал; я заключил, что он доволен результатами своих трудов. Хотя мы ехали вместе, я все же воздержался от расспросов, но не столько из предупредительности, сколько из желания впервые услышать его доказательство вместе с показаниями прочих свидетелей.

Помещение, в котором проходило дознание, находилось в школе недалеко от морга. В пустом зале поставили длинный стол, покрытый сукном; во главе его сидел коронер, а одну из сторон занимало жюри присяжных, и я с радостью отметил, что большую часть их составляли люди, живущие своим трудом, а не бесчувственные "профессиональные присяжные" с каменными лицами, столь падкие до подобных дознаний.

Свидетели сидели на стульях в ряд, а место на углу стола выделили адвокату обвиняемой, щеголеватому, одетому с иголочки джентльмену в золотом пенсне; еще несколько мест отвели репортерам, а публика всех сортов занимала поставленные рядами скамейки.

Среди собравшихся были те, кого я совсем не ожидал увидеть. Например, присутствовал наш знакомый с Мэнсел-стрит, встретивший нас удивленным и недружелюбным взглядом; в зале был и суперинтендант Миллер из Скотленд-Ярда, что-то в его поведении выдавало некий сговор с Торндайком. Но времени осматриваться уже не оставалось, поскольку заседание началось до нашего прихода. Миссис Гольдштейн, первая из свидетелей, заканчивала свой рассказ об обстоятельствах, при которых было обнаружено тело; когда она, рыдая, возвращалась на свое место, присяжные провожали ее сочувственными взглядами.

Следующим свидетелем была девушка по имени Кейт Сильвер. Перед тем как принести присягу, она взглянула на Мириам Гольдштейн с неприкрытой ненавистью. Мириам стояла в стороне под охраной двух полисменов, бледная, с диким лицом; рыжие волосы в беспорядке рассыпались по плечам, взгляд блуждал, как у лунатика.

— Вы были близко знакомы с покойной, не так ли? — спросил коронер.

— Да. Мы довольно долго работали вместе — в ресторане "Империя" на Фенчерч-стрит — и жили в одном доме. Она была моей ближайшей подругой.

— Были ли у нее друзья или родственники в Англии?

— Нет. Она приехала в Англию из Бремена года три назад. Тогда я с ней и познакомилась. Все ее родные остались в Германии, но она со многими здесь подружилась, потому что была веселой и доброй.

— Не было ли у нее врагов — то есть не мог ли кто-либо замыслить против нее дурное и причинить ей вред?

— Мириам Гольдштейн была ее врагом. Она ее ненавидела.

1. Темпл — неофициальное название двух "Судебных иннов", зданий лондонской корпорации юристов.

— Вы утверждаете, что Мириам Гольдштейн ненавидела покойную. Почему вы так считаете?

— Она этого не скрывала. Они рассорились из-за одного молодого человека по имени Моше Коэн. Раньше он был кавалером Мириам, и, думаю, они друг друга очень любили, пока у Гольдштейнов не поселилась Минна Адлер. Тогда Моше стал заглядываться на Минну, и ей это пришлось по душе, хотя ухажер у нее уже был, Пауль Петровски, который тоже квартировал у Гольдштейнов. Наконец Моше порвал с Мириам и обручился с Минной. Мириам разозлилась и обвинила Минну в вероломстве — так прямо и сказала; а Минна только засмеялась и ответила, что та может взамен взять себе Петровски.

— И что на это ответила Мириам?

— Разозлилась еще больше, потому что Моше Коэн неглуп и очень хорош собой, а Петровски ничего из себя не представляет. А Мириам к тому же не любила Петровски; он ей грубил, и она поэтому попросила отца выселить его. В общем, дружбы между ними не было; а потом случилась эта неприятность...

— Какая неприятность?

— Ну, насчет Моше Коэна. Мириам очень вспыльчивая, и она страшно ревновала Моше к Минне, так что когда Петровски стал ее дразнить и рассказывать про Моше и Минну, она вышла из себя и наговорила столько ужасных вещей.

— Например?

— Сказала, что хочет перерезать Минне глотку или даже убить обоих.

— Когда это случилось?

— За день до убийства.

— Кто еще, кроме вас, слышал, как она это говорила?

— Еще одна квартирантка, Эдит Брайант, и Петровски. Мы все тогда находились в холле.

— Но вы же, кажется, сказали, что Петровски выселили?

— Да, неделей раньше. Но он оставил в комнате какую-то коробку и в тот день пришел ее забрать. Так все это и началось. Мириам запретила ему заходить в комнату, потому что там теперь была ее спальня, а в своей прежней комнате она устроила мастерскую.

— Но он все-таки зашел за коробкой?

— Кажется, да. Мы с Мириам и Эдит вышли, а он остался в холле. Когда мы вернулись, коробка исчезла. Миссис Гольдштейн готовила на кухне, а больше никого в доме не было, — значит, это Пауль ее забрал.

— Вы упомянули мастерскую Мириам. Что у нее была за работа?

— Она вырезала трафареты на заказ.

Тут коронер взял со стола необычной формы нож и передал его свидетельнице.

— Вы когда-нибудь видели этот нож?

— Да. Это нож Мириам Гольдштейн, которым она вырезала трафареты.

На этом показания Кейт Сильвер закончились, и вызвали следующего свидетеля — Пауля Петровски. Это оказался наш знакомый с Мэнсел-стрит. Его допрос не занял много времени и только подтвердил сказанное Кейт Сильвер; то же самое показала и следующая сви-

детельница, Эдит Брайант. Когда с ними закончили, коронер объявил:

— Джентльмены! Перед тем как заслушать заключение врача, предлагаю ознакомиться с выводами полицейских. Начнем с детектива-сержанта Альфреда Бейтса.

Сержант с готовностью занял свидетельское место и стал говорить с профессиональной четкостью и обстоятельностью.

— В одиннадцать часов сорок девять минут меня вызвал констебль Симмондс, и я прибыл на место преступления без двух минут двенадцать в сопровождении инспектора Гарриса и судебного врача Дэвидсона. Когда мы добрались, доктор Гарт, доктор Торндайк и доктор Джервис уже были в комнате. Я обнаружил жертву, Минну Адлер, в кровати; у нее было перерезано горло. Тело уже успело остыть. Следов борьбы не было, кровать выглядела нетронутой. У изголовья стоял столик, а на нем лежала книга и стоял пустой подсвечник. Свеча, по-видимому, догорела, поскольку в подсвечнике остался только обугленный кусочек фитиля. Рядом с изголовьем стоял сундук; на нем лежала подушка. Видимо, убийца встал на подушку и наклонился над изголовьем, чтобы нанести смертельный удар. Убийце, судя по всему, мешал прикроватный столик, а сдвинуть его, не потревожив спящую, было нельзя. Исходя из того, что потребовались сундук и подушка, я полагаю, что убийца — небольшого роста.

— Вы обнаружили что-нибудь еще, что помогло бы установить личность убийцы?

— Да. В левой руке погибшей была зажата прядь рыжих женских волос.

Когда детектив-сержант произнес это, крик ужаса вырвался одновременно из груди обвиняемой и ее матери. Миссис Гольдштейн опустилась на скамью, едва не лишившись сознания, а Мириам, бледная как смерть, будто приросла к месту; глазами, полными неподдельного страха, она смотрела, как детектив вынул из кармана два бумажных пакетика, открыл их и передал коронеру.

— В пакете с буквой А, — сказал он, — волосы, найденные в руке погибшей. В пакете с буквой Б — волосы Мириам Гольдштейн.

Адвокат обвиняемой поднялся с места.

— Где вы достали волосы, находящиеся в пакете Б? — спросил он.

— Я взял их из мешочка с оческами, который висел на стене в комнате Мириам Гольдштейн, — ответил детектив-сержант.

— Протестую, — заявил адвокат. — Нет никаких доказательств того, что волосы в этом мешочке принадлежат Мириам Гольдштейн.

Торндайк негромко хохотнул и обратился ко мне, не повышая голоса:

— Адвокат столь же дремуч, сколь и детектив-сержант. Ни тот, ни другой, похоже, нисколько не понимают истинного значения этого мешочка.

— Вы знали о нем? — спросил я, пораженный.

— Нет. Я думал, что он воспользовался гребнем.

Я изумленно посмотрел на моего коллегу и только хотел спросить, что означает столь загадочный ответ, но он поднял палец и снова стал внимательно слушать.

— Хорошо, мистер Горвиц, — проговорил коронер, — я занесу ваше замечание в протокол, а сержант может продолжать.

Адвокат обвиняемой сел, и полицейский продолжил давать показания.

— Я сопоставил две пробы волос и пришел к выводу, что они принадлежат одному и тому же лицу. Единственное, что я обнаружил помимо волос, — это белый песок, рассыпанный по подушке вокруг головы жертвы.

— Белый песок! — воскликнул коронер. — А откуда же он на подушке убитой женщины?

— Думаю, это легко объяснить, — ответил детектив-сержант. — Умывальник был полон воды, смешанной с кровью; значит, убийца, совершив преступление, вымыл руки, а также, вероятно, и нож. На умывальнике лежало мыло, содержащее белый песок, и мне думается, что преступник — или преступница — мыл руки этим мылом, а потом подошел к изголовью кровати, и песок осыпался с рук на подушку.

— Простое, но чрезвычайно остроумное объяснение, — одобрительно заметил коронер, и присяжные, соглашаясь, закивали.

— Я исследовал комнаты обвиняемой Мириам Гольдштейн и нашел там нож, каким пользуются при вырезании трафаретов, но большего размера. На нем были пятна крови, которые обвиняемая объяснила тем, что на днях порезалась; она подтвердила, что нож принадлежит ей.

Этими словами детектив-сержант закончил свое выступление, и не успел он сесть, как со своего места поднялся адвокат.

— Я бы хотел задать свидетелю пару вопросов, — сказал он, дождался утвердительного кивка коронера и продолжил: — Был ли после ареста осмотрен палец обвиняемой?

— Полагаю, что нет, — ответил полицейский. — В любом случае я об этом не слышал.

Адвокат записал его ответ и задал следующий вопрос:

— Что касается белого песка, — вы нашли его в самом умывальнике?

Сержант покраснел.

— Я не осматривал умывальник.

— А кто-нибудь вообще его осматривал?

— Думаю, нет.

— Спасибо, — сказал мистер Горвиц, сел и стал записывать что-то, бодро скрипя пером и заглушая недовольный ропот присяжных заседателей.

— Перейдем к показаниям медицинских экспертов, джентльмены, — сказал коронер. — Начнем с показаний окружного судебного врача.

Доктор Дэвидсон принес присягу, и коронер продолжил:

— Вы осмотрели тело жертвы вскоре после того, как оно было найдено, не так ли?

— Да. Я обнаружил труп на кровати; постель, по-видимому, так и не была потревожена. С момента смерти прошло около десяти часов, поскольку конечности окоченели полностью, а туловище — нет. Причиной смерти стала глубокая рана поперек горла, рассекавшая все ткани вплоть до позвоночника. Она была нанесена одним ударом ножа, когда жертва лежала в постели, и, несомненно, стала смертельной. Самому себе нанести такую рану невозможно. Орудием убийства был нож одно-

сторонней заточки, направление удара — слева направо; нападавший стоял на сундуке у изголовья, положив на него подушку, и наклонился, чтобы нанести удар. Вероятно, он небольшого роста, очень крепкий, правша. Следов борьбы не было, и, судя по характеру раны, я могу заключить, что смерть наступила практически мгновенно. В левой руке погибшей находилась маленькая прядь рыжих женских волос. Я сравнил их с волосами обвиняемой и пришел к выводу, что эти волосы — ее.

— Вам показали нож, принадлежащий обвиняемой?

— Да, это нож для вырезания трафаретов. На нем были пятна крови, которые я исследовал и могу определенно сказать, что это кровь млекопитающего. Вероятно, это кровь человека, но уверенности в этом у меня нет.

— Мог ли этот нож быть орудием убийства?

— Да, хотя он и маловат для такой глубокой раны. И все же это вполне возможно.

Коронер взглянул на мистера Горвица и спросил:

— Есть ли у вас вопросы к свидетелю?

— С вашего разрешения, сэр, — ответил тот, поднялся с места и продолжил, глядя в свои записи: — Вы упомянули некие пятна крови на этом ноже. Но мы слышали, что в умывальнике была обнаружена вода, смешанная с кровью, и вполне разумно предположить, что убийца вымыл руки и отмыл нож. Но если он смыл кровь с ножа, откуда на лезвии пятна?

— По-видимому, он вымыл только руки.

— Разве это не странно?

— Нет, я так не считаю.

— Вы говорили, что борьбы не было и что смерть наступила практически мгновенно, но при этом жертва все же вырвала прядь волос у убийцы. Не противоречат ли друг другу эти два факта?

— Нет. Жертва, видимо, схватила убийцу за волосы в момент предсмертных конвульсий. В любом случае волосы находились в руке убитой женщины, и в этом нет никаких сомнений.

— Можно ли с абсолютной точностью установить, кому принадлежат те или иные человеческие волосы?

— С абсолютной точностью — нет. Но эти волосы весьма необычны.

Адвокат сел, и вызвали доктора Гарта, который лишь кратко подтвердил показания своего начальника; после этого коронер объявил:

— Джентльмены! Следующий свидетель — доктор Торндайк, который оказался на месте преступления по чистой случайности, но тем не менее осмотрел его первым. Кроме этого, он провел осмотр тела и, несомненно, сможет пролить некоторый свет на это ужасное преступление.

Торндайк принес присягу и поставил на стол ящичек с кожаной ручкой. В ответ на вопрос коронера он сообщил, что преподает судебную медицину в госпитале Св. Маргариты, и кратко объяснил, каким образом оказался причастным к делу. Тут председатель жюри прервал его и попросил, чтобы он высказался по поводу волос и ножа, поскольку это ключевые моменты дела, — и Торндайку тут же передали и то, и другое.

— Как вы считаете, принадлежат ли волосы из пакета А и пакета Б одному и тому же лицу?

— Несомненно.

— Не могли бы вы осмотреть нож и сказать нам, можно ли им нанести такую рану?

Торндайк пристально изучил лезвие и вернул нож коронеру.

— Можно, — ответил он, — но я более чем уверен, что рану нанесли не им.

— Вы можете объяснить, как вы пришли к столь решительным выводам?

— Думаю, — сказал Торндайк, — будет лучше, если я изложу все в строгом порядке.

Коронер утвердительно кивнул, и мой друг продолжил:

— Я не буду злоупотреблять вашим вниманием и повторять то, что уже известно. Сержант Бейтс подробно описал место преступления, и мне к его показаниям добавить нечего. Описание тела, данное доктором Дэвидсоном, также вполне исчерпывающее: женщина была мертва уже около десяти часов, рана, без сомнения, оказалась смертельной, а нанесена она именно так, как описал доктор. Смерть, очевидно, наступила мгновенно, и я готов утверждать, что жертва даже не успела очнуться ото сна.

— Но, — возразил коронер, — в руке погибшая держала прядь волос.

— Эти волосы, — отвечал Торндайк, — не волосы убийцы. Их положили в руку жертвы с очевидной целью; а тот факт, что убийца принес их с собой, говорит о следующем: преступление было заранее спланировано, а преступник вхож в дом и знаком с его обитателями.

Услышав это заявление Торндайка, все — и коронер, и присяжные, и зрители — раскрыли рты от изумления и уставились на него. Воцарилась необыкновенная тишина, которую прервал дикий истерический смех миссис Гольдштейн, после чего коронер задал вопрос:

— Почему вы считаете, что волосы в руке убитой не принадлежали убийце?

— Это очевидный вывод. Цвет волос слишком заметный, что меня сразу и насторожило. Более того, есть три факта, каждый из которых убедительно доказывает, что они вряд ли принадлежат убийце.

В первую очередь, состояние руки. Если человек в момент смерти крепко схватывает какой-либо предмет, то запускается механизм так называемого трупного спазма. Сокращение мышц немедленно переходит в rigor mortis, то есть трупное окоченение, и предмет остается сжат в руке, пока оно не пройдет. В нашем случае рука полностью окоченела, но никакой крепкой хватки не было. Прядь лежала на ладони свободно, а пальцы не были сжаты в кулак. Отсюда ясно, что волосы были помещены в руку после смерти. Два других факта связаны с состоянием самих волос. Если вырвать несколько волосков, то самоочевидно, что все корни будут с одной стороны вырванной пряди. В данном случае прядь выглядела не так: волосы лежали корнями в разные стороны, а значит, их не могли вырвать у убийцы. Но третье несоответствие, которое я обнаружил, было еще значительнее. Волосы в этой прядке вообще не были вырваны — они выпали сами по себе. Вероятно, это очески. С вашего разрешения, я объясню, в чем различие. Если волос выпал естественным путем, он вываливается из фолликула — крошечной трубочки в толще кожи, — потому что его выталкивает новый волос, растущий под

ним; на конце таких волос остается только маленькое утолщение — волосяная луковица. А вот если волос вырвать силой, корень тянет за собой и фолликул, который заметен на конце волоса в виде блестящего комочка. Если Мириам Гольдштейн вырвет у себя волос и передаст мне, то я покажу вам эту значительную несхожесть вырванных и выпавших волос.

Несчастную Мириам уговаривать не пришлось. В мгновение ока она вырвала у себя с дюжину волос, которые один из констеблей и передал Торндайку, а тот сразу же зажал их скрепкой. Из своего ящичка он вынул другую скрепку, в которой держались волосы из пряди, найденной в руке убитой. Обе скрепки, вместе с увеличительным стеклом, он протянул коронеру.

— Удивительно! — воскликнул тот. — И совершенно неопровержимо.

Он передал все это председателю жюри, и присяжные некоторое время в тишине рассматривали волосы, затаив дыхание и пристально прищуриваясь.

— Следующий вопрос: где убийца взял эти волоски? — продолжал Торндайк. — Я предполагал, что с гребня Мириам Гольдштейн, но показания сержанта ясно свидетельствуют в пользу того, что они взяты из того самого мешочка с оческами, откуда сержант взял образец для сравнения.

— Что ж, доктор, — заметил коронер, — вижу, вы окончательно разнесли доказательство, основанное на волосах. Но позвольте спросить: удалось ли найти что-нибудь, проливающее свет на личность убийцы?

— Да, — ответил Торндайк. — Я обнаружил несколько улик, которые практически неопровержимо указывают на преступника.

Тут он бросил на суперинтенданта Миллера значительный взгляд. Тот встал и прошел до двери и обратно; садясь на свое место, Миллер опустил что-то в карман. А мой коллега продолжал:

— Войдя в холл, я отметил следующие факты. Над дверью находилась полка, а на ней два фарфоровых подсвечника. В обоих были свечи, одна из которых, впрочем, оказалась совсем коротким огарком — не длинней дюйма — и просто лежала в чашечке подсвечника. На полу, у коврика под дверью, я обнаружил пятнышко свечного воска и едва заметные следы грязных подошв. На лестнице также были видны следы мокрых ботинок. Они вели вверх по лестнице, с каждой ступенью становясь на линолеуме все менее различимыми. На ступенях также оказалось два пятна от воска, а на перилах — еще одно; посередине пролета лежала сгоревшая спичка, и еще одна такая же спичка нашлась на лестничной площадке. Следов, которые вели бы вниз, не было, но на одну из капелек воска возле перил наступили, когда она еще не затвердела, и на ней остался след передней части каблука; судя по его положению, это след спускавшегося человека. Замок на входной двери был недавно смазан, как и на двери в спальню, причем последний был открыт снаружи искривленной проволокой, которая оставила след на ключе.

В самой комнате я сделал еще два важных открытия. Во-первых, на подушке убитой девушки было рассыпано немного песка; он похож на белый песок, но потемнее и более тонкий. К этой подробности я еще

вернусь. Во-вторых, подсвечник на прикроватном столике был пуст. Это необычный подсвечник: его чашечка состоит из восьми полосок металла. На дне ее имелся обугленный фитиль, но кусочек воска на краю говорил о том, что в подсвечник вставили другую свечу, а затем вынули ее, иначе этот воск расплавился бы. Я сразу же вспомнил про огарок на полке в холле и, спустившись, вынул его и рассмотрел. На нем было восемь четких отметин, соответствующих восьми полоскам металла в подсвечнике у кровати. Некто нес эту свечу в правой руке, поскольку мягкий нагревшийся воск сохранил потрясающе четкие отпечатки пальцев правой руки: большого и указательного. Я сделал три восковых отливки этого огарка, а с них изготовил вот этот слепок, показывающий и отпечатки пальцев, и следы от подсвечника, — он вынул из ящичка небольшой предмет белого цвета и протянул коронеру.

— И какие вы делаете выводы из этих фактов? — спросил тот.

— Я прихожу к следующему выводу: примерно без четверти два в ночь убийства некий мужчина (который за день до этого посетил дом, чтобы похитить прядь волос и смазать замки) вошел в дом, отперев ключом дверь. Я указываю именно это время исходя из того, что в ту ночь дождь шел с половины второго до без четверти двух (а до этого дождя не было две недели), тогда как убийство было совершено около двух. Мужчина зажег спичку в холле и еще одну на лестнице. Увидев, что дверь спальни заперта, он открыл ее куском проволоки. Войдя, он зажег свечу, подвинул сундук, убил свою жертву, смыл кровь с рук и с ножа, взял огарок свечи из подсвечника и спустился в холл, где задул свечу и поместил ее в подсвечник на полке.

Следующая улика — песок на подушке. Я собрал немного этого песка и, исследовав его под микроскопом, установил, что это глубоководный песок из восточного Средиземноморья. В нем в изобилии попадались крошечные раковинки, именуемые фораминиферы, и, поскольку одна из них принадлежала к виду, который водится только в Леванте, я и смог установить точное происхождение песка.

— Это просто невероятно, — отозвался коронер. — Как же мог глубоководный песок оказаться на подушке этой девушки?

— На самом деле, — отвечал Торндайк, — объяснение довольно простое. Значительные количества такого песка содержатся в турецких губках. Склады, где распаковывают эти губки, часто засыпаны им по щиколотку; он сыплется на рабочих, которые открывают мешки с губками, попадает им на одежду и набивается в карманы. Если убийство совершил такой рабочий, в одежде, припорошенной этим песком, то весьма вероятно, что, пока он наклонялся над своей жертвой, песок из складок одежды и карманов успел просыпаться на подушку.

Итак, как только я исследовал песок и установил его природу, я послал записку мистеру Гольдштейну с просьбой перечислить всех знакомых погибшей, указав их адреса и род занятий. Он послал мне список с тем же посыльным, и среди перечисленных оказался один мужчина, работающий упаковщиком на оптовом складе губок в Майнориз[1]. Затем я узнал, что груз турецких губок нового сезона прибыл за несколько дней до убийства.

1. Майнориз — район восточного Лондона поблизости от места преступления, описанного в рассказе.

Следующим вопросом было: этот ли человек оставил отпечатки своих пальцев на огарке свечи? Чтобы выяснить это, я наклеил две фотографические пластинки на картон и, якобы случайно встретив его вечером у дверей его дома, попросил этого человека сравнить их. Он взял снимки, держа каждый большим и указательным пальцами. Получив снимки обратно, я отнес их домой и тщательно обработал с обеих сторон специальным порошком, применяющимся в хирургической практике. Порошок пристал к тем местам, где пальцы моего подозреваемого оставили отпечатки, и сделал эти отпечатки видимыми, — Торндайк вынул снимок с еврейскими буквами, на черных полях которого поразительно четко запечатлен был желтоватый след большого пальца.

Как только Торндайк передал коронеру снимок, в зале поднялось весьма необычное волнение. Пока мой друг давал показания, я успел обратить внимание на нашего знакомого Петровски, который поднялся с места и осторожно прошел к двери. Он тихонько повернул ручку и потянул дверь на себя, сначала легко, затем сильнее. Но дверь была заперта. Поняв это, Петровски схватил ручку обеими руками и стал ее яростно дергать, сотрясая дверь, будто помешанный. Дрожащие руки, бегающие глаза, безумный взгляд, каким он окинул потрясенных зрителей, и его уродливое лицо, мертвенно бледное, мокрое от пота и искаженное страхом, — весь облик его являл собой ужасающее зрелище.

Внезапно он отскочил от двери и, запустив руку под полу плаща, с диким криком бросился на Торндайка. Но суперинтендант ждал этого. Раздался еще один вопль, они схватились, и вот Петровски уже лежал на полу, пытаясь укусить противника и дергая ногами, будто сумасшедший, а суперинтендант Миллер крепко держал его за руку, в которой тот сжимал устрашающих размеров нож.

— Прошу вас передать этот нож коронеру, — сказал Торндайк, когда на Петровски надели наручники и взяли под охрану, а суперинтендант поправил свой воротник.

— Не сочтите за труд рассмотреть его, сэр, — продолжал мой коллега, — и скажите мне, нет ли на лезвии, ближе к острию, треугольной зазубрины длиной примерно в одну восьмую дюйма?

Коронер взглянул на нож и сказал удивленно:

— Да, есть. Значит, вы уже видели этот нож?

— Нет, не видел, — отвечал Торндайк. — Но мне пора продолжить мой рассказ. Нет нужды говорить, что отпечатки на фотографическом снимке и на свече принадлежат Паулю Петровски; поэтому перейдем к улике, найденной при осмотре тела.

В соответствии с вашим распоряжением, я отправился в морг и произвел осмотр тела. Рану уже подробно и точно описал доктор Дэвидсон, но я отметил одну деталь, которую, я полагаю, он упустил. В толще позвонка — точнее, в левом поперечном выступе четвертого позвонка — я обнаружил небольшой кусочек стали, который осторожно извлек.

Он вытащил из кармана коробочку для образцов, вынул из нее бумажный конвертик и протянул коронеру.

— Этот кусочек здесь, — сказал он, — и он, вероятно, подойдет к зазубрине.

В напряженной тишине коронер открыл конвертик и вытряхнул кусочек металла на лист бумаги. Положив нож на тот же лист, он осторожно вложил обломок лезвия в зазубрину и поднял взгляд на Торндайка:

— В точности подходит.

С противоположного конца зала раздался громкий звук падения. Мы обернулись.

Петровски рухнул на пол, лишившись чувств.

— Весьма поучительное дело, Джервис, — заметил мой друг по дороге домой. — Будем надеяться, что на сей раз власти извлекут из него урок.

— Какой же? — спросил я.

— Вот какой. Когда обнаруживается, что произошло убийство, место преступления тотчас же должно превратиться в дворец Спящей красавицы. Ни единой пылинки нельзя сдвинуть, ни единой живой душе нельзя входить до тех пор, пока эксперт не осмотрел там все, in situ[1] и в совершенно нетронутом виде. Нельзя, чтобы там расхаживали энергичные патрульные, вмешивались следователи, чтобы туда-сюда носились ищейки. Представьте, что бы случилось в этот раз, если бы мы прибыли несколькими часами позже. Труп был бы в морге, волосы — в кармане у сержанта, кровать бы перетряхнули и рассыпали весь песок, свечу забрали бы, а на лестнице было бы полно свежих следов. Не осталось бы ни одной настоящей улики.

— А послание со дна моря, — добавил я, — так бы и не дошло до адресата.

1. На (своем) месте (*лат.*).

Майкл Чейбон
"*Игра началась!*"[1]

В связи с выходом "Нового аннотированного издания 'Шерлока Холмса'"

Перевод с английского Германа Власова

1

Со дня первой публикации рассказов о Шерлоке Холмсе в "Рождественском альманахе Битон" за 1887 год прошло сто двадцать пять лет; однако как поклонники великого сыщика, так и скептики, похоже, до сих пор не в силах объяснить, в чем кроется непреходящее очарование книг о Холмсе. Они восхищаются или недоумевают, будто рассказы о приключениях Холмса и Ватсона — это нечто вроде старого семафора или пневматической почты, которые все еще служат, хотя им давным-давно пора на свалку. Исследователи холмсианы с переменным успехом пытаются доказать, что все дело в умном и искусно выстроенном сюжете, в жажде приключений, свойственной буржуазии, или в тоске по прошлому (по викторианской эпохе или собственной юности); некоторые рассматривают отношения Холмса и Ватсона в свете аналитической психологии Юнга или гендерной теории. Они не забывают и о том, что сэр Артур Конан Дойл был джентльменом, и это его свойство проявляется в творчестве; и наконец, что сам уровень произведений оказался куда выше требовавшегося. После подобных объяснений — как апологетов, так и критиков — поневоле начинаешь подозревать, что пятьдесят шесть рассказов и четыре короткие повести, составляющие так называемый Канон (термин холмсианцев, речь о которых пойдет ниже), вовсе не заслуживают столь длительного поклонения.

Подобно тому как каббалисты вечно сомневаются, совершенен ли мир, знатоки Конан Дойла всегда подвергали сомнению литературную ценность рассказов о Холмсе — и спрашивать за это нужно с самого автора. Широко известно, что Конан Дойл тяготился сочинениями о великом сыщике и не любил их. В 1893 году в рассказе "Последнее дело Холмса"[2] он — по сути, от отчаяния — пытается убить Холмса (руками профессора Мориарти в Рейхенбахском водопаде). Но уже самая ранняя повесть "Этюд в багровых тонах" страдает от недостатка веры автора в

© Michael Chabon, 2005
© Герман Власов. Перевод, 2008

1. См. сноску на с. 7. Печатается в сокращении.

2. Все названия произведений о Холмсе и цитаты приводятся по изданию: А. К. Дойл. Полное собрание произведений о Шерлоке Холмсе в одном томе. — М.: Изд-во АЛЬФА-КНИГА, 2007. (*Здесь и далее, кроме специально оговоренных случаев, — прим. перев.*)

свое творение. Во второй ее части сюжет, забыв о Ватсоне и Холмсе, одиноко блуждает посреди мормонских пустынь Юты, где убийца, которого Холмс поймает в конце концов, потерял свою возлюбленную.

Следующее приключение Холмса, "Знак четырех", открывается главой, где мы встречаем первое из многих замечаний сыщика относительно литературных опусов своего напарника и – хочется добавить – бедствующего молодого доктора Артура Конан Дойла, уцепившегося за такой вид заработка. Я видел вашу повесть, замечает Холмс Ватсону по поводу "Этюда в багровых тонах" и продолжает:

Должен признаться, не могу поздравить вас с успехом. Расследование преступления – точная наука, по крайней мере должно ею быть. И описывать этот вид деятельности надо в строгой, бесстрастной манере. А у вас там сантименты. Это все равно что в рассуждение о пятом постулате Евклида включить пикантную любовную историю[1].

Впрочем, некоторые наверняка посчитают, что пятый постулат Евклида только выиграет от пикантной истории о побеге с любовником... Перед нами типично конандойлевская добродушная насмешка над собой, хотя его лукавое остроумие даже самые пылкие почитатели замечают редко.

Конан Дойл с пренебрежением относится к своим рассказам о Холмсе и замышляет его смерть. Самолюбие писателя оскорблено: он, возможно, второй Вальтер Скотт, обречен – сперва из-за нужды, а затем из-за успеха – писать "легкую" литературу. Тем не менее сочиняет он с улыбкой и, судя по всему, смеется в первую очередь над самим собой, как и в приведенном выше фрагменте.

Подобно многим другим, Конан Дойл пишет ради денег. Успех для него – творческое поражение, ведь огромными гонорарами и всемирной известностью он обязан рассказам, которые считает недостойными своего таланта. Произведения, которые он ценит выше, приносят куда меньше признания и денег. В то же время сэр Артур, щедрый филантроп и сумасброд, склонен к мотовству и вдобавок должен содержать столько детей, что деньги едва ли задерживаются в доме надолго. Редкий писатель стал бы так самозабвенно трудиться ради заработка, как Конан Дойл, из-под пера которого раз за разом выходили очередные захватывающие приключения Холмса. То, что многочисленные результаты этой откровенной литературной поденщины выдержали проверку временем, свидетельствует, на мой взгляд, не только о художественном даре писателя, его таланте рассказчика и магии дуэта Холмс–

1. Перевод М. Литвиновой.

Ватсон, но и о том, сколь важен стимул к творчеству — пусть этот стимул осмеивают, презирают и отрицают, — то есть возможность заработать одной лишь силой воображения.

2

Заговоры, предательство и обман, ложные имена, тщательно скрываемые прегрешения, зло под маской добра, "безумная" на чердаке[1], тайная жизнь Лондона — все это знакомые мотивы викторианской беллетристики, описывающей, как за блеклым кирпичным фасадом мира прячутся и грехи, и чудеса.

Викторианская манера во всем видеть две стороны, распознавать скрытые грехи и тайные страсти в жизни обычного человека достигла вершины в "детективных" историях Зигмунда Фрейда и актуальна по сей день. Легко поддаться соблазну и прочесть саму биографию Конан Дойла как такую же историю, в которой успех родился из постыдной неудачи, за супружеской верностью скрываются увлечения на стороне, а за маской здорового научного позитивизма прячется наивная доверчивость.

3

Хотя сегодня рассказы о Шерлоке Холмсе чаще всего публикуются без слова "приключение" в заглавии, я все же полагаю, что сэр Артур Конан Дойл неспроста назвал так почти все истории о великом сыщике: "*Приключение* с пестрой лентой", "*Приключение* одинокой велосипедистки" и т. д. Рассказы о Холмсе, равно как и порожденную ими традицию детективного жанра, принято считать весьма консервативными. При таком прочтении детектив, формально с законом не связанный, на деле становится преданным слугой господствующего общественного порядка — статичной, иерархической структуры, где убийство есть отклонение от нормы. По-иному рассуждает Реймонд Чандлер[2] — он говорит об убийстве в английском детективе, которое обставлено "венецианскими вазами", и в противовес выдвигает теорию "злых улиц": никому не подчиняющийся сыщик — едва ли не анархист — действует в неупорядоченном и изменчивом мире, где нет ни малейшей надежды восстановить порядок. Общественное положение здесь шатко, закон — бессмысленная фикция, а нравственность — понятие в лучшем случае растяжимое.

Но все же мы не погрешим против истины, если скажем, что рассказы о Холмсе — это некая утешительная ложь об устоявшихся ценностях и реалиях викторианского образа жизни. После первых двух повестей — "Этюда в багровых тонах" и "Знака четырех", а также "Скандала в Богемии", первого рассказа серии, — Конан Дойл постепенно отказывается от многих экзотических деталей в духе Уайльда, которыми сначала

1. Аллюзия на роман Ш. Бронте "Джейн Эйр", в котором главный герой Рочестер держит в заточении на чердаке собственную жену Берту Мейсон, лишившуюся рассудка.
2. Реймонд Чандлер (1888–1959) — американский писатель, автор детективов; его самый известный герой — частный сыщик Филип Марло. Здесь имеется в виду его эссе 1944 г. "Простое искусство убивать".

перегрузил образ Холмса. Экстравагантные привычки героя, ночной образ жизни, наркомания и явное пренебрежение к таким "бесполезным фактам", как устройство Солнечной системы или новости политики, сменились менее шокирующим светским чудачеством.

Холмс преклоняется перед методологией, обожает классификации (мы узнаем, что подручный Мориарти, полковник Себастьян Моран, – "второй самый опасный человек в Лондоне", шантажист Чарлз Августус Милвертон – "самый дрянной человек в Лондоне", а Джон Клей, задумавший Союз рыжих, – "четвертый из отъявленнейших пройдох в Лондоне"), систематизирует и методично описывает мельчайшие детали преступлений (например, он автор монографии о 140 различных видах трубочного, сигарного и сигаретного табачного пепла). В этом проявляется дух времени: викторианцы делят всё и вся на роды и виды, выстраивают идеальные ряды, пытаясь создать новую, рациональную иерархию природы. Тем не менее пусть Холмс нередко служил Ее Величеству и империи, было бы ошибкой считать его опорой господствующего общественного порядка, а цель и назначение рассказов свести к описанию промышленной, имперской, дарвинистской Британии XIX века; тогда книги о Холмсе оказались бы всего лишь подобием "паноптикума" Бентама[1] или прожекта железной дороги от Кейптауна до Каира.

На самом деле именно Конан Дойл придумал классический детективный рассказ – при всем уважении к По и шевалье Дюпену. Основа созданного им жанра – в первую очередь литературная техника, а не авторский замысел, идея или впечатление от чтения. Такие рассказы всегда увлекают и интригуют читателя тем, что сюжет в них как бы раздваивается: события излагаются не в том порядке, в каком случились[2]. Конан Дойл взял оба элемента – преступление и воссоздание преступления – и целиком их переделал. Подобно строителю Скидбладнира, чудесного корабля древнескандинавских богов, который можно сложить и сунуть в карман, или инженеру, втиснувшему дополнительный миллион транзисторов в микрочип толщиной в три миллиметра, Конан Дойл нашел способ уместить несколько сюжетов – причем каждый изложен по-своему – в предельно компактную структуру, благодаря чему повествование выиграло чрезвычайно. Получились, например, "Пестрая лента" и "Пляшущие человечки" – своего рода произведения-механизмы на паровом ходу, все в латунных заклепках; однако система Конан Дойла оказалась на редкость эффективной – даже через столько лет его машины работают исправно.

Классические рассказы о Холмсе заключены в рамку: те или иные события происходят в доме Холмса и Ватсона на Бейкер-стрит, 221Б. Эти рамочные сцены – часть большого повествования о двух товарищах, которые долгое время живут и работают бок о бок, преодолевая все превратности судьбы. Так, Ватсон овдовел (как минимум однажды), хотя об этом автор упоминает лишь вскользь; Холмс же прошел через

1. Иеремия Бентам (1748–1832) – английский философ; ему принадлежит проект "паноптикума" – идеальной тюрьмы, устроенной так, что один надзиратель может наблюдать за всеми заключенными, сам оставаясь невидимым.
2. См. статью Питера Брука об "Обряде дома Месгрейвов" – самое содержательное, на мой взгляд, эссе о холмсиане – в его книге "Чтение ради сюжета" ("Reading for the Plot". Random House, 1985). (*Прим. автора.*)

кокаиновую зависимость, несколько тяжелых депрессий и даже программу защиты свидетелей (или, как говорят поклонники, Великий Пробел), которую устроил себе после смерти профессора Мориарти: тогда подручные "Наполеона преступного мира", жаждая мести, сами гонялись за сыщиком по всей Англии. В эту рамку помещается история клиента, которую он рассказывает сам, придя к сыщику за консультацией (а то и просто влетев к тому без стука).

Таким образом, почти все произведения о Холмсе — это рассказы о людях, которые сами что-то рассказывают, и частенько выходит, что в их истории фигурирует еще кто-нибудь со своей историей (например, о том, что он видел или слышал "в ту самую ночь"). Если это утверждение кажется вам сомнительной метафизикой, то вспомните, как важны и органичны вставные сюжеты в знаменитых произведениях искусства от Гомера до "Зеленых акров"[1]. Новый клиент сообщает о преступлении, которое произошло, будто бы произошло или вот-вот произойдет, или попросту, как в "Вампире в Суссексе" и "Шести Наполеонах", рассказывает о странном и необъяснимом происшествии. Заканчиваясь, история приводит в движение другую часть механизма — следующую историю, где говорится о расследовании, проведенном Холмсом и Ватсоном, нередко при содействии одного или нескольких не слишком сообразительных полицейских. Расследование, в свою очередь, порождает рассказ о том, как было совершено преступление, или же о том, что́ все-таки кроется за необъяснимым эпизодом. Например, в "Шести Наполеонах" история о весьма неправдоподобном антибонапартисте, серийном убийце и вандале, решившем разбить все бюсты Наполеона, какие можно найти, скрывает рассказ об итальянских ремесленниках-эмигрантах, задумавших вернуть "черную жемчужину Борджиа", спрятанную в одном из бюстов.

Но это еще не все. Как правило, рассказы и "рассказы в рассказе", которые Дойл умудряется втиснуть в свою бесконечно гибкую структуру, с раскрытием преступления не завершаются: в конце часто следует сообщение о том, что злодея находят, загоняют в угол и наконец хватают. После поимки подозреваемый представляет порой совершенно новую версию событий, выявляя при этом слабые места в аргументации Холмса или подтверждая самые смелые его догадки. Далее становятся ясными мотивы преступления, уходящего корнями в еще одну исто-

1. Американский комедийный телесериал 1965—1971 гг.

рию — иногда очень давнюю. А затем мы возвращаемся на Бейкер-стрит, где Ватсон уже переходит к новому сюжету.

Итак, технику создания конандойлевских произведений задала викторианская эпоха: отлаженный механизм рассказа должен был работать как часы. В этом смысле Конан Дойл — истинный современник уже упоминавшегося прожекта железной дороги Кейптаун—Каир; но каков замысел, в чем предназначение Холмса? Обыкновенно считается, что и тут писатель был примерным викторианцем и сочинял рассказы для того, чтобы способствовать укреплению Британской империи. В ответ можно лишь повторить, что рассказы эти, как и сообщалось в их заглавиях, — истории о приключениях. Их цель — не скреплять и прославлять господствующий порядок, но вывести читателя за сферу его действия, оставить этот мир за скобками, пускай лишь "на двадцать страниц".

В начале XX века победное шествие прогресса заставило авторов приключенческой литературы впасть в уныние; заметнее всего оно на первых страницах романа Конан Дойла "Затерянный мир" (1912), о том же иронично, хотя и печально пишет Конрад в начале "Сердца тьмы". Оба писателя сетовали, как выразился конрадовский Марлоу, на исчезновение "белых пятен на картах". Ведь начиная с Одиссея герои приключенческих книг спешили вписать в эти "белые пятна" свои имена и вернуться домой с рассказами об увиденном. В этом смысле важнейшее дело империи — отыскивать новые экзотические места, располагающие к приключениям, чтобы писателям было куда отправлять своих героев.

В то же время в самом фундаменте, на котором строятся империи, содержится причина их будущего распада. Зависимые нации сплачиваются, уровень их образования растет, они обретают национальное самосознание. Всякая колония, выжив и достигнув процветания, становится слишком сильной, чтобы оставаться зависимой. К тому времени, когда Конан Дойл начал писать "Этюд в багровых тонах" (а это 80-е годы XIX века), географии приключений нанесли серьезный урон обширные исследования и экспедиции, предпринимавшиеся Британской империей в течение двух предшествующих столетий. Поэтому авторам, разрабатывавшим этот вид литературы, приходилось искать новые пути. Так, рассказы Эдгара Райса Берроуза во всем следуют канонам жанра, но место их действия уже не далекие джунгли, но Венера и Марс, а то и центр Земли, а Роберт Э. Говард и Талбот Мунди[1] выбрали для описания такой временной промежуток, когда новые земли еще не были открыты, — доисторическую эпоху и еще бóльшую древность.

Помимо технического новшества — "укладки" нескольких разных историй в жесткую повествовательную конструкцию, вторая гениальная находка Конан Дойла состоит в том, что все захватывающие события разворачиваются в уже известных нам пределах. Он рисует мир, где не соблюдаются законы, а человек превращается в дикаря, но находится место героизму, и мир этот — старая добрая Англия. Во многих рассказах виновниками злодеяний и скандалов становятся ссыльные, бывшие сол-

1. Роберт Э. Говард (1906—1936) — американский писатель-фантаст, автор романов "меча и магии" о варваре Конане, действие которых происходит до ледникового периода. Талбот Мунди (псевдоним Уильяма Ланкастера Гриббона; 1879—1940) — автор приключенческих романов об Индии и античности (автор ошибается, утверждая, что Мунди, как и Говард, писал о доисторических временах).

даты, вернувшиеся в метрополию из колоний, или путешественники-авантюристы. Эти скитальцы, однако, не просто повествуют о своих приключениях. Пережитое во время странствий преследует их, прошлое гонится за ними по пятам, оно убивает их или заставляет убивать, как, например, в "Горбуне". Как отметил в предисловии к "Возвращению Шерлока Холмса" Энгус Уилсон[1], в рассказах Конан Дойла Холмс и Ватсон часто напоминают своего рода охотников в джунглях. Люди изображены здесь как животные и полудикари, только живут они не на острове, как доктор Моро, но в десяти минутах ходьбы от вокзала Марилебон. В таком нравственном вакууме Шерлок Холмс сам становится законом, так же как Марло у Чандлера или Оперативник агентства "Континенталь" у Хэммета[2]. Высшей власти нет, и потому детектив упорно и методично карает тех, кого закон прощает, и добивается свободы для тех, кого закон не щадит, — как будто это необходимое условие его существования. Обыкновенно рассказы о Холмсе считают изящными аллегориями викторианского позитивизма; но присмотримся повнимательнее к заключительным строкам "Картонной коробки", о которых часто забывают как поклонники, так и недоброжелатели великого сыщика:

– Что же это значит, Уотсон? — мрачно спросил Холмс, откладывая бумагу. — Каков смысл этого круга несчастий, насилия и ужаса? Должен же быть какой-то смысл, иначе получается, что нашим миром управляет случай, а это немыслимо. Так каков же смысл? Вот он, вечный вопрос, на который человеческий разум до сих пор не может дать ответа[3].

Филип Марло не мог бы выразиться лучше.

4

Третий новаторский прием Конан Дойла — это старый литературный трюк, который он обыграл по-новому. Любой авантюрист, рассказчик да и просто лжец всегда утверждает, будто каждое его слово — правда. Уже более двух столетий писатели используют в своих книгах возбуждающие любопытство инициалы и псевдонимы для героев, а также обозначенные намеком — якобы из-за цензуры — даты. И у читателя складывается впечатление, что автор почерпнул все сведения из достоверного источника, а то и сам наблюдал описанные события, но просто не хочет своим рассказом навредить невинным, смутить виновных или оскорбить память мертвых. Конан Дойл сделал и следующий шаг: приключения Холмса представлены как документальные записи, в которых все реальные имена скрыты, — к тому же записи опубликованные и пользующиеся успехом, о чем известно и самим героям. Холмс не только зна-

1. Энгус Уилсон (1913–1991) — английский прозаик и литературный критик.
2. Дэшил Хэммет (1894–1961) — американский писатель, автор остросюжетных детективов; его герой — безымянный Оперативник, который в сыскной работе не ограничивает себя рамками закона.
3. Перевод В. Ашкенази. Написание фамилии героя "Уотсон" верно фонетически, но традиционно более принято написание "Ватсон".

ет о своем статусе главного действующего лица "хроник" Ватсона, но и высмеивает эти истории даже после того, как, по замыслу автора, до него доходят вести об их успехе — сначала после публикации на страницах "Стрэнда" и "Кольерс", а потом и в виде целого ряда сборников.

Герои, знающие о своей литературной славе, тоже не новы: герои "Илиады" были уверены, что о них будет сложен эпос; во втором томе "Дон Кихота" карьеру рыцаря подпортила публикация тома первого (и "пиратские" подражания); в первых строках "Гекльберри Финна" говорится как раз о том, что о Геке вышла книга и ему это известно. Новаторство Конан Дойла проявилось в фигуре доктора Ватсона. В отличие от певца "Илиады" и рассказчика "Дон Кихота", Ватсон и летописец, и активный участник описываемого. Не в пример Геку Финну, он раз за разом специально оговаривает то обстоятельство, что готовит свои записки к печати; на основе воспоминаний Холмса и своих собственных он пишет рассказы — чтобы, по недовольному отзыву Холмса, "угодить вкусам публики". Ватсон — "гарант правдивости", поскольку сам принимает участие во всех событиях, достоверно их описывает и под конец получает нагоняй от Холмса за те трудности и неудобства, которые последнему приносит публикация "летописей". Ватсон неоднократно заверяет нас в том, что рассказы попали читателю в руки благодаря его деятельному участию — каждая вторая история начинается со слов об издании записок. Последнее обстоятельство вынуждает нас путать двух докторов — Ватсона и Конан Дойла; смущает не только физическое сходство, но и аппетиты обоих: оба неравнодушны к славе.

Конан Дойл решается на необычный литературный прием — он размывает границы между фактом и выдумкой, помещает в рассказы завуалированную "версию" себя самого, заставляя Ватсона твердить, что его записки совершенно достоверны. Трюк этот — как и все лучшие трюки — имеет последствия, которых автор не предвидел. Тысячи людей многие годы надеются связаться с Холмсом и шлют письма по адресу Бейкер-стрит, 221Б (где специально назначенные служащие Национального банка Эбби, у которого там контора, читают их и пишут на них ответы). Такая уловка вызвала радостное недоумение по крайней мере у одного проницательного читателя: "Стоит заговорить о Холмсе, и нам неизменно кажется, будто он и впрямь существует, — признается Т. С. Элиот. — Наверное, это и есть величайшая загадка Шерлока Холмса". Шерлоковедение возникло именно потому, что поклонники великого детектива стали забавы ради утверждать, будто принимают вымысел за реальность.

Однако племя шерлокианцев — то занятное, то скучное (нередко и то и другое одновременно, впрочем, если честно, обычно не первое) — не появилось бы, если бы не торопливость и небрежение самого автора. Первые двадцать четыре рассказа о Холмсе появились за два с половиной года — точнее, за двадцать девять месяцев. Эти рассказы изобилуют противоречиями, пробелами и любопытными ошибками — как раз из-за спешки писателя. После первой партии последовал десятилетний перерыв, а в мире Холмса и Ватсона прошло два года (после "смерти" Холмса в объятиях Мориарти в Рейхенбахском водопаде). За это время Конан Дойл забыл многие детали из жизни Ватсона и Холмса (воскрешенного), что привело к новым противоречиям и ошибкам. Весьма ще-

котливый вопрос о жене Ватсона Мэри, которая оказывается то первой, то второй женой, а затем то ли умирает, то ли нет, — самый известный пример такой авторской торопливости.

Таким образом, рассказы о Холмсе строятся вокруг ряда пробелов. Некоторые пробелы существуют лишь затем, чтобы их заполнили интуиция и умозаключения Великого Сыщика; это тайны, которые необходимо раскрыть, как в деле с пропавшими чертежами субмарины Брюса-Партингтона. Другие лакуны Конан Дойл умышленно намечает и оставляет незаполненными с тем, чтобы создать вокруг историй атмосферу большей подлинности. Прежде всего это знаменитые аллюзии на другие неопубликованные и даже неописанные случаи — по мнению Ватсона и Холмса, слишком скандальные, компрометирующие или ужасные. Самый известный из них — дело о гигантской крысе с Суматры, "история", как нас изящно предостерегают, "к которой мир еще не готов". Кроме того, налицо явные недочеты, появившиеся лишь из-за авторской небрежности, будь то хронология рассказов или жизнь персонажей: к примеру, чрезвычайно скудные сведения об университетской карьере Холмса или, как уже говорилось выше, странная, полная недомолвок история жены Ватсона Мэри, которая вдруг исчезает из рассказов. Вызывает также недоумение удивительная блуждающая рана от афганской пули, угодившей Ватсону то ли в плечо, то ли в ногу.

В эти пробелы и устремился поток мнимоученых шерлокианцев. Девяносто лет назад монсеньор Рональд А. Нокс издал "Исследования произведений о Шерлоке Холмсе" — пример упорной и невозмутимой английской глупости. С тех пор авторы холмсоведческих трудов — люди как известные, так и безвестные — проявляют не меньшее упрямство, глупость (порой намеренную) и глухоту, пытаясь заполнить пробелы, которые оставил в рассказах Конан Дойл. Они играют в игру, начатую самим писателем, — делают вид, будто истории подлинные, а Холмс и Ватсон были реальными людьми. С этой точки зрения, шерлокианцы или холмсианцы (в рифму к картезианцам), как они называют себя в Великобритании (см. "Новое аннотированное издание...") — настоящие чада Конан Дойла. Он сам вызвал их к жизни.

В истинно викторианском духе Лесли С. Клингер, составитель "Нового аннотированного издания 'Шерлока Холмса'" (56 рассказов вошли в два тома, третий — четыре повести — готовится к публикации), похоже, ведет двойную жизнь. Днем он трудится в Лос-Анджелесе как юрист: фининспектор и нотариус, а по ночам, облачившись в инвернесский плащ с пелериной и водрузив на голову двухкозырку, играет в великую игру шерлокианцев. Признанный авторитет в своей профессиональной области, он еще и автор ряда квазинаучных исследований о Холмсе; в монографии "Когда это было?" он решительно берется уладить все хронологические несоответствия жизни и карьеры Холмса и Ватсона, когда-либо отмеченные собратьями-эрудитами. Ничуть не смущаясь путаницей, оставленной Конан Дойлом, Клингер опирается на обширный корпус из эссе, статей и монографий шерлокианцев, трактующих самые разные проблемы: от ненормально частого упоминания в рассказах имени Виолетта — до вопроса о том, под каким углом полковник Моран стрелял из пневматического ружья в выставленную в окне квартиры на Бейкер-стрит восковую куклу Холмса, которую прилежно вращала миссис Хадсон.

Иными словами, "Новое аннотированное издание 'Шерлока Холмса'" издательства "Нортон" – это плоть от плоти шерлокианцев, своего рода кульминация любопытной игры, затянувшейся на девяносто лет, участники которой притворяются, будто Ватсон и в самом деле существовал, а Конан Дойл был только "литературным агентом". Труд этот стал достойным продолжением "Аннотированных рассказов о Шерлоке Холмсе" (1967) Уильяма Беринг-Гоулда, снабженных обширной биографической информацией и комментариями к текстам[1]. Но даже читатель, который в свое время (году эдак в 1973-м) досконально изучил все тонкости этой игры, вряд ли сумеет получить удовольствие от новой книги. Сможет ли он ощутить прямую связь с автором, оценить по достоинству его стиль, игру воображения, самый дух джентльменства, если текст буквально напичкан сносками, которые только и делают, что отрицают само существование несчастного Конан Дойла? Примерно после сотой страницы читатель осознает: перед ним нечто вроде набоковского "Бледного пламени" – и начинает понимать, что комментарий не всегда существует только ради текста, бывает и наоборот.

Клингер – неглупый, скрупулезный и эрудированный комментатор – подчас тоже напоминает героя Набокова. Он знает, что ему, подобно Руфусу Т. Файерфляю, поднявшемуся до кресла президента Фридонии[2], выпал единственный в жизни шанс взойти на трибуну партии шутников и проповедовать Священное Писание широким массам. Он пишет, к примеру, что Конан Дойл попутно с другими вещами "также помогал доктору Ватсону в публикации 'Долины страха' – последней повести о Шерлоке Холмсе". В комментариях к "Скандалу в Богемии", первому вышедшему в печати рассказу о Холмсе, после замечания Холмса о том, что Ватсон занес в блокнот "одно или два моих пустяковых приключения", Клингер спрашивает: "Почему 'одно или два', ведь напечатано всего одно произведение – 'Этюд в багровых тонах'?" Далее следует характерный комментарий: "Должно быть, Ватсон показал Холмсу рукопись одного из ранних неопубликованных рассказов".

В ключевые моменты, однако, Клингер пасует – например, в рассказе "Вампир в Суссексе", когда упоминание о спиритических воззрениях Конан Дойла было бы весьма уместным, комментатор обращает внимание на то, что убеждения Холмса и Конан Дойла не совпадают: Холмс, отрицающий фантазии о потустороннем вмешательстве, говорит: "Призраки здесь ни при чем". Но если писал рассказ не Конан Дойл, какая разница, что он думает о призраках? Излагая на первых страницах биографию писателя, Клингер вынужден преодолеть немалые трудности, ведь сами тексты подчас неоспоримо свидетельствуют об авторстве Конан Дойла! А ведь шерлокианство – непризнанный источник или по крайней мере ранний вариант разработанной в конце XX века разновидности критики, которая всегда начинает с того, что убивает автора[3].

Клингер, однако, никак не может собраться с силами и, нажав на последний рычаг, навсегда разлучить писателя с его детищем. И, поскольку

1. W. Barring-Gould. Annotated Sherlock Holmes, 1967.
2. Имеется в виду американская кинокомедия "Утиный суп" (1933), в которой некто Руфус Т. Файерфляй случайно становится диктатором карликового государства Фридония.
3. Аллюзия на деконструктивистскую теорию "смерти автора".

ку комментатор-шерлокианец не в силах нанести автору смертельный удар — наверное, для этого он слишком джентльмен, — в его работе то и дело возникают подробности литературной карьеры Конан Дойла (например, участие в Англо-бурской войне), которые нарушают правила игры в "настоящего Холмса".

5

"Новый аннотированный 'Шерлок Холмс'" — неуклюжий проект. Представьте себе, что дистрибьюторы сериала "Звездный путь" на DVD пригласили ведущего специалиста по языку клингонов и сняли с его участием документальный ролик о фильме. В этом ролике он, надев национальный костюм пришельцев, объясняет, что сериал на самом деле транслировался из будущего, а Джин Родденберри — просто никчемный писака, и лучше бы он не совался дальше "Странствующего стрелка"[1]. У холмсианцев получилось нечто подобное.

Вдобавок, к моему большому сожалению, проект этот избыточен. Как бы ни был точен и ясен Клингер в своих штудиях, издательство Оксфордского университета уже выпустило многотомное издание "Холмса" — отличного качества и с комментариями. К тому же его куда удобней читать в постели.

Впрочем, выпустив книгу холмсианцев, издательство "Нортон" тем самым подтвердило мою давнюю гипотезу — результат проделанного мной обширного исследования. Ведь шуточное эссе монсеньора Нокса было не только автошаржем и пародией на научный труд: для собственных творческих нужд он также присвоил героев, ситуации и то, что сегодня называют "вселенной" или "миром" рассказов Конан Дойла. Ведя отсчет от "Исследований..." Нокса и включая сюда такие произведения, как "Шерлок Холмс с Бейкер-стрит" Беринг-Гоулда (по сути роман-биографию), фильм Билли Уайлдера "Частная жизнь Шерлока Холмса" (1970) и ленту Николаса Мейера "Семипроцентный раствор" (1976), мы придем к некоему современному феномену, в первую очередь сетевому. Нынешние поклонники разных телепрограмм, мультфильмов и сериалов сочиняют собственные литературные версии приключений, биографий и сексуальных похождений героев — например, "Баффи — истребительницы вампиров" или "Зены — королевы воинов"[2]. Такого рода попытки нередко высмеивают или называют любительщиной. Но, с другой стороны, последние сорок лет, а точнее, начиная с французской "новой волны", "серебряного века комиксов" или "британского вторжения" рок-н-ролла[3] (кому что нравится) средства массовой ин-

1. "Звездный путь" — сверхпопулярный американский научно-фантастический телесериал (снимается с 1966 г.). Клингоны — инопланетные существа в сериале; для них был создан искусственный язык, который впоследствии стали развивать поклонники фильма. "Странствующий стрелок" — американский телесериал-вестерн (1957–1963). Джин Родденберри (1921–1991) писал сценарии для обоих упомянутых сериалов.
2. Американские сказочно-фантастические сериалы.
3. "Серебряный век комиксов" — 1960–1970-е годы, время расцвета в США научно-фантастических комиксов о супергероях ("Человек-паук", "Фантастическая четверка" и др.). "Британское вторжение" рок-н-ролла — середина 1960-х, когда британские группы, исполнявшие рок-н-ролл, блюз и бит ("Битлз", "Роллинг Стоунз", "Ярдбердз" и др.), завоевали огромную популярность в США.

формации находятся в руках страстных, а то и безумных фанатов подобных произведений, на которых они выросли. То есть в руках любителей во всех смыслах этого слова.

Первое, что я написал в своей жизни, — это рассказ о Шерлоке Холмсе. Мне было десять, и я сочинил нескладную компиляцию, где рассказчиком был доктор Ватсон. На описание роковой встречи Холмса с жюльверновским капитаном Немо меня подвиг известный тогда роман Николаса Мейера о встрече сыщика с Зигмундом Фрейдом[1], от которого я был просто в восторге. Мейера, как и всех компиляторов, бывших и будущих сочинителей холмсианских научных трудов, вдохновили волшебные "белые пятна" на карте, оставленные Конан Дойлом нечаянно или умышленно. Так и от читателей Толкиена часто можно услышать, что их тянет к перу, когда они смотрят на отдаленные страны, нарисованные и подписанные на картах, которые прилагаются к "Властелину колец"; в столь дальних краях не бывали и сами герои Толкиена — они даже не говорили о них.

С этой точки зрения любое сто́ящее произведение, завоевавшее широкую популярность, открыто: оно приглашает читателя продолжить приключение и сделать это на свой вкус. За счет оптических иллюзий и тонких намеков, с помощью целостного образного ряда возникает чувство бесконечного горизонта действия, безграничного игрового поля. Эта не требующая усилий игра порождает тысячи продолжений, карт и веб-сайтов. С этой точки зрения *Игра шерлокианцев* предвосхитила и помогла создать современное сообщество фанов, которое и стало, по сути, современным популярным искусством. Холмсианцы — это прообраз фан-клубов в Интернете.

Более того, на определенном уровне вся литература, начиная с "Энеиды" (и высокая, и низкопробная), — это творчество чьих-нибудь поклонников, а вся критика по сути своей — шерлокианство. Вот почему мнение Гарольда Блума[2], будто писатель избегает чужого влияния, всегда представлялось мне неискренним. Составляя компиляции и пародии, вплетая в них аллюзии и отсылки, пересказывая и переделывая на свой лад старые истории, на которых выросли все читатели, мы (любители) идем дальше. Мы ищем пробелы, оставленные писателями то ли по небрежности, то ли в силу широты души *для нас*, и надеемся, что передадим собственным читателям — благо такие найдутся — часть той радости, какую находим в любимой книге: причастность к игре. Все романы — повторения; заимствовать у других — блаженство.

1. Роман "Семипроцентный раствор" американского писателя Николаса Мейера (р. 1945); его экранизация, срежиссированная самим автором, упоминается выше.
2. Гарольд Блум (р. 1930) — американский литературовед, критик; автор теории о литературном влиянии "Страх влияния".

Роберт Андерсон

Шерлок Холмс: детектив с точки зрения Скотленд-Ярда

Перевод с английского Степана Поберовского

От переводчика

Роберт Андерсон (1841—1918) — крупный специалист по уголовному праву, долгое время работал в британской полиции; кроме того, он всю жизнь занимался богословием. С 1888-го по 1901 год Роберт Андерсон возглавлял уголовный сыск Скотленд-Ярда, а по уходе со службы получил рыцарский титул. Его статья о Шерлоке Холмсе написана в 1903 году.

Чарлз Рид[1], бесспорный авторитет в области популярной литературы, как-то сказал, что у писателя нет лучшего способа подтвердить свой талант, чем создать новый художественный тип. Если так, автору "Приключений Шерлока Холмса" должно принадлежать одно из первых мест среди современных прозаиков. Успех сэра Артура Конан Дойла тем удивительнее, что в его герое нет абсолютно ничего такого, что очаровывало бы или отвращало читателя. Шерлок Холмс нам интересен, но он не возбуждает ни любви, ни ненависти и не толкает нас на благородные, прекрасные, великодушные поступки. Однако имя его вошло в язык, и в этом смысле он бессмертен.

Занимательность и логика

Конечно, популярность Холмса в немалой мере обусловлена довольно нездоровым человеческим интересом к "детективным историям". "Преступление — вещь повседневная. Логика — редкая, — сказал однажды Шерлок Холмс своему другу. И тут же добавил: — А у вас курс серьезных лекций превратился в сборник занимательных рассказов"[2]. Но даже сэру Артуру Конан Дойлу не удалось бы превратить лекции по логике в захватывающую книгу из жизни общества. "Логика" без "рассказов" обречена на провал, но и "рассказы" без "логики" мало кого заинтересовали бы. Сочетание этих двух начал и увлекло читающую публику. И дело тут не только в расследованиях, демонстрирующих выдающиеся способно-

© Степан Поберовский. Перевод, вступление, 2008

1. Чарлз Рид (1814–1884) – почти забытый в наше время, но исключительно популярный в викторианскую эпоху писатель-беллетрист. (*Здесь и далее – прим. перев.*)
2. "Медные буки". Перевод Н. Емельянниковой. Здесь и далее рассказы цитируются по Собранию сочинений в 10 тт. – М.: Останкино, Слог, 1991–1996.

сти Шерлока Холмса-сыщика, но и в самих методах этих расследований. Именно здесь таится секрет особой притягательности рассказов о Холмсе.

Гипербола и абсурд

Хотя преувеличение — не редкость у Конан Дойла, это ничуть не умаляет достоинств его детективных историй. Таков закон жанра, и потому оно нам не мешает. Конечно, автор порою переходит всякие границы — ведь рассказы о Холмсе неравноценны. Примером неудачи может служить "Постоянный пациент". Совершенно неправдоподобная сцена чтения мыслей, с которой начинается рассказ, заставляет думать, что автор сочинял его в очень странном настроении; последующие события лишь укрепляют нас в этом убеждении. Положим, мы поверили и в то, что злодей Саттон сумел уговорить доктора Тревельяна поселиться вместе, и в то, что Саттона выследили собственные товарищи-преступники, которых он некогда предал. Все это никак не прибавляет достоверности дальнейшему. Коль скоро бандиты обзавелись сообщником в доме, им не было ни малейшего резона идти в кабинет доктора — разве только они сами хотели навлечь на себя подозрения. А уж полуночное судилище в спальне жертвы и вовсе абсурдно.

Шерлок Холмс и Скотленд-Ярд

Безусловно, "жизнь, — как говорит Холмс, — несравненно причудливее, чем все, что способно создать человеческое воображение"[1]. И никто не знает этого лучше, чем полицейские, которые не понаслышке знакомы с повадками преступников. Но у причуд, присущих настоящей жизни, "есть система", тогда как в рассказах Конан Дойла многое выглядит несовместимым с реальной действительностью. Однако ни в чем изобретательность и искусство автора не проявляются ярче, чем в той непринужденности, с какой ведет он нас по тончайшему льду необыкновенных происшествий и невозможных событий. "Последнее дело Холмса" иллюстрирует это наилучшим образом. Для знающего человека все совершающееся в рассказе, где Мориарти идет по следу своей жертвы до самого Мейрингена, — полный абсурд. Однако намеки на то, что все кончится трагедией — а они есть и в заглавии, и в начале рассказа, — поселяют такую тревогу в уме читателя, что, когда дело доходит до волнующих деталей заключительной сцены, здравый смысл ему отказывает.

Напротив, в "Постоянном пациенте" нет драматической развязки, которая могла бы занять мысли после того, как перевернута последняя страница: Шерлок Холмс отправляется в полицейское управление —

1. "Установление личности". Перевод Н. Войтинской.

Скотленд-Ярд, обычно столь им презираемый, – где узнает, как разрешилось дело. Ни одно другое приключение этой серии не заканчивается так прозаически. В то же время иные из рассказов Конан Дойла страдают от того, что Холмс под занавес становится чересчур навязчив. И "Этюд в багровых тонах" – яркий тому пример. Во второй части повести автор показал себя в наилучшем свете, первые пять глав ее тоже в основном превосходны, и если бы история закончилась шестой, повесть заслуживала бы самой высокой похвалы. Но весь эффект испорчен растянутой заключительной главой, и читатель вынужден согласиться с первыми впечатлениями доктора Ватсона: Шерлок Холмс невыносимо эгоцентричен и утомителен.

Подлинная цель сэра Конан Дойла

Вышеприведенное изречение Холмса о логике – один из многочисленных намеков автора на то, что он отнюдь не рад, когда его истории считают детективными и только. И в самом деле, детективная интрига – лишь средство, с помощью которого Шерлок Холмс учит нас держать глаза и уши открытыми и размышлять надо всем, что довелось увидеть и услышать. Привычка к наблюдению встречается нечасто. И того реже – привычка к размышлению. Однако вряд ли стоит упрекать за это беллетриста, который больше всех извлекает пользы из данного обстоятельства. Обычный читатель романов – своего рода литературный пьяница. Он вовсе не ищет пищи для размышления, он ищет другого – как бы поменьше размышлять. Холмс – наблюдатель и исследователь – и впрямь личность неповторимая, но Холмс, который может целый вечер пробыть наедине со своими собственными мыслями, поистине единственный в своем роде.

Шерлок Холмс и полиция

Умения мыслить недостает порой не только читателям романов. Исключительную память принимают подчас за необычайную мощь ума, хотя одно с другим не так уж связано. Человек может стать исследователем или получить университетскую кафедру, не имея ни одного из тех качеств, которые так развиты у Шерлока Холмса. Можно стать непревзойденным специалистом в какой-то определенной области, но трезвостью ума и здравым смыслом уступать обычному школьнику. Мистер Уоттс[1], член Королевской академии, сказал о своих больших символических полотнах: "Я хочу заставить людей думать". И цель нашего автора состоит не в том, чтобы всех нас превратить в сыщиков, а в том, чтобы научить читателя наблюдать и мыслить. Поэтому его истории напоминают притчи, а сила притчи в том и состоит, что она выявляет и

1. Джордж Фредерик Уоттс (1817–1904) – английский художник, член Королевской академии художеств.

объясняет истину, которую призвана нам преподать. Некогда в английских проповедях говорилось, что те, кому увещевания и предупреждения всего нужнее, считают, будто эти увещевания всего нужнее их соседям; так и Шерлок Холмс не достигает поставленной цели, ибо читатель понимает его рассказы лишь как критику полиции.

Между работой ответственного офицера полиции, чье дело отдавать преступников под суд, и работой частного сыщика, собирающего улики, на основании которых будет выдвинуто обвинение, — большая разница. Но и она не так важна, как разница между литературным вымыслом и подлинными фактами. Горе тому, кто не может решить загадки собственной жизни, но до чего же хорошо, читая Конан Дойла, наблюдать, как точно подходят ключи Шерлока Холмса к замкам Шерлока Холмса, как неизменно дважды два равно у него четырем. Однако в реальной жизни ключи порой не соответствуют замочной скважине или просто теряются, а дважды два вдруг почему-то равняется двадцати двум; предотвратить это никак нельзя, и оттого как-то особенно не по себе.

Настоящие трудности Скотленд-Ярда

Надо сказать, что самая большая трудность для полиции не установление личности преступника, а сбор доказательств преступления. Нераскрытые преступления редки, а если говорить о серьезных грабежах — редки чрезвычайно. Если бы автор историй о Шерлоке Холмсе был анонимом и мы хотели бы узнать, кто он такой, искать его следовало бы в узком кругу известных прозаиков. Когда совершается крупный подлог, или на редкость дерзкая кража со взломом, или в обращение поступают фальшивые купюры, преступников находят в кругу не менее узком. И в том и в другом случае можно также узнать тайну, выведав ее у лица, которому доверяет автор — или преступник. Обыкновенно так все и происходит. Порой нетрудно собрать и улики, но даже все это вместе — еще не доказательства.

Полиции наших соседей не знакомы трудности такого рода. Во Франции, например, чтобы произвести арест, довольно не только улик, но и простого подозрения, а необходимые доказательства добывают по-

сле, причем для их сбора используются сведения, полученные от обвиняемого. Но в нашей стране дело контролируется не полицией. Обвиняемый должен первым делом предстать перед магистратом, которому следует доложить состав преступления и основания для ареста. Ревностнее всего заключенного оберегают от любых попыток получить у него признания, которые могут быть использованы против него. Но Шерлока Холмса это не смущает.

Когда мы впервые с ним встречаемся в "Этюде в багровых тонах", он заявляет о своем презрении к Солнечной системе – стоит ли после этого удивляться его безразличию к тонкостям английского законодательства? Так, мы узнаем, что Джефферсон Хоуп "предстал перед магистратом в течение недели"[1]. В "Человеке с рассеченной губой" полиция на Боу-стрит "замяла дело" – надо думать, оно вообще не дошло до магистрата. А заключительная сцена "Знака четырех" и вовсе напоминает рождественскую сказку Диккенса. Джонатан Смолл сидит с нашими двумя друзьями и охраняющим его офицером в хорошо знакомой нам квартире на Бейкер-стрит, и, устроившись в уютном кресле, держа в руке стакан спиртного, он не без приятности целый час живописует историю своих преступлений. Более того, в конце концов доктору Ватсону дозволяется унести с собой вещественное доказательство – ларец с драгоценностями, в котором якобы лежат великие сокровища. Он везет его в кебе в дом своей невесты и в ее присутствии взламывает ларец кочергой!

Покрытие уголовных преступлений

Но подвиги нашего героя по части покрытия уголовных преступлений затмевают даже эти чудеса. Иные из нас, полицейских, порою тоже покрывают виновных, но не без опаски и в маловажных случаях. Холмс же демонстрирует откровенное презрение к закону, покрывая уголовные преступления исключительной тяжести, – вспомним "Голубой карбункул" или "Берилловую диадему". А в "Тайне Боскомской долины" он долго не выдает убийцу, хотя обвинение предъявлено невиновному.

Сделать еще один шаг в этом направлении – указать читателю на некоторые неточности в описании законов и деятельности полиции – было бы невежливо по отношению к выдающемуся писателю, которому мы обязаны этими чудесными историями. Ведь цель его, как говорилось выше, не в том, чтобы в назидание полицейским провести расследование запутанного преступления (лучшие рассказы Конан Дойла порой и вовсе не имеют отношения к преступлению), но чтобы развить у нас привычку думать, причем думать, как сам он выразился, "аналитически" – то есть "думать в другой последовательности". Все классы общества могут извлечь пользу из этого урока, и более всего необходим он тем, кто полагает, будто менее всего в нем нуждается, иначе говоря, людям науки: ученым и преподавателям.

1. "Этюд в багровых тонах". Перевод Н. Треневой.

Светозар Чернов

Адам Уорт – прототип профессора Мориарти

В декабре 1893 года очередной номер журнала "Стрэнд", как известно, поверг в траур всех британских поклонников Великого Детектива: безжалостный автор свел его на краю Рейхенбахского водопада со злым гением лондонского преступного мира профессором Мориарти и похоронил обоих на дне пенящейся пучины.

Конан Дойл не пожалел красок для описания противника своего героя:

> Он – Наполеон преступного мира, Уотсон. Он – организатор половины всех злодеяний и почти всех нераскрытых преступлений в нашем городе. Это гений, философ, это человек, умеющий мыслить абстрактно. У него первоклассный ум. Он сидит неподвижно, словно паук в центре своей паутины, но у этой паутины тысячи нитей, и он улавливает вибрацию каждой из них. Сам он действует редко. Он только составляет план. Но его агенты многочисленны и великолепно организованы. Если кому-нибудь понадобится выкрасть документ, ограбить дом, убрать с дороги человека – стоит только довести это до сведения профессора, и преступление будет подготовлено, а затем и выполнено. Агент может быть пойман. В таких случаях всегда находятся деньги, чтобы взять его на поруки или пригласить защитника. Но главный руководитель, тот, кто послал этого агента, никогда не попадется: он вне подозрений[1].

Дойл наделил своего профессора склонностью к математике – чертой, которую подсмотрел у своего друга генерал-майора Дрейсона. (Впрочем, у энтузиастов-холмсианцев есть на примете и другие кандидатуры.) Считается, что имя свое профессор получил от некоего Джорджа Мориарти, о котором в 1874 году то и дело писали лондонские газеты в связи с совершенным им покушением на жену. Предположение это кажется маловероятным, поскольку фамилия Мориарти была достаточно распространенной – даже среди преступников упомянутый Джордж был не единственным Мориарти. В прессе той поры эта фамилия встречается достаточно часто. Да и вряд ли Конан Дойл стал бы ворошить криминальную хронику, чтобы выбрать имя для своего злодея. К тому же существовали и другие Мориарти. Например, в 1880-х некто Джеймс Мориарти был казначеем Земельной лиги. А в июне 1893 года появилось сообщение в печати о назначении преподобного Джеймса Х. Мориарти капелланом и военно-морским инструктором на учебный корабль "Боскоуэн" в Портленде.

© Светозар Чернов, 2008

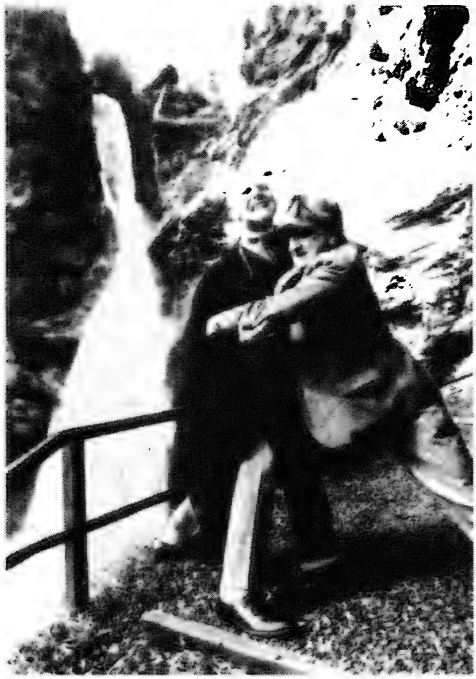
1. "Последнее дело Холмса". Перевод Д. Лившиц. Здесь и далее рассказы цитируются по Собранию сочинений в 10 тт. – М.: Останкино, Слог, 1991–1996.

Сам Конан Дойл в повести "Долина страха" вложил в уста Шерлока Холмса сравнение профессора со знаменитым "ловцом воров" и главой преступного синдиката Джонатаном Уайльдом, повешенным в 1725 году[1]. Однако есть все основания полагать, что неуловимый король лондонского преступного мира профессор Мориарти основными своими чертами обязан отнюдь не Джонатану Уайльду Великому, а знаменитому Адаму Уорту, о чем — согласно одному из ранних холмсоведов Винсенту Старрету — сам сэр Конан Дойл упоминал в беседе с доктором Греем Чандлером Бриггсом.

Чем же таким был славен Адам Уорт — почему Дойл выбрал именно его в качестве прототипа злого гения? Надо думать, писатель выбрал его прежде всего за невероятную изворотливость ума. Деяния реального "Наполеона преступного мира" нисколько не уступают злодействам вымышленного Мориарти, и не один сыщик мечтал засадить его за решетку. Однако судьба Уорта не схожа с судьбой Мориарти в главном — своего Шерлока Холмса у него не было, и жизнь он закончил совершенно иначе.

Родился Адам Уорт в 1844 году в нищей семье немецких евреев и в пятилетнем возрасте вместе с родителями эмигрировал в Америку. В 14 лет он убежал из дома, некоторое время жил в Бостоне, затем в 1860 году попал в Нью-Йорк. В самом начале Гражданской войны он записался в армию северян добровольцем, был ранен шрапнелью в сражении при

1. Историческая личность — знаменитый вор Джонатан Уайльд не принимал участия в грабежах, а занимался сбытом краденого; одновременно он был связан с полицией и выдавал ей за денежное вознаграждение неугодных ему членов шайки. Д. Дефо написал его биографию, Г. Филдинг — сатирический роман "История жизни покойного Джонатана Уайльда Великого" (1743).



Манассасе (так называемой второй битве на реке Булл-Ран) и оказался в списке павших на поле боя. Это навело его на мысль вербоваться в различные полки под вымышленными именами, чтобы получать назначенные добровольцам деньги. В конце концов его вычислили агенты Национального детективного агентства Аллана Пинкертона, занимавшиеся розыском дезертиров, и ему пришлось бежать в Нью-Йорк.

В середине 1860-х Нью-Йорк слыл одним из самых коррумпированных и преступных городов мира: там было полно продажных политиков и полицейских, ирландских и еврейских иммигрантских банд, сутенеров и проституток. Начав как обычный карманник, Уорт вскоре собрал шайку и добился доверия самых известных нью-йоркских скупщиков краденого, став руководителем, организатором и финансистом грабежей, которые совершали его люди. Попавшись на ограблении фургона "Адамс экспресс компани", он несколько недель провел в знаменитой тюрьме Синг-Синг (штат Нью-Йорк). После чего решил, что печальный опыт не должен повториться, и нашел себе покровительницу – Марм Мандельбаум, самую удачливую скупщицу краденого в Нью-Йорке. Под ее руководством и защитой он стал грабить банки и складские помещения. Точно так же, как дойлевский Мориарти, Уорт достигал желаемого благодаря интеллекту и сделал своим принципом следующий: человек с мозгами не имеет права носить огнестрельное оружие. Всегда есть способ, и гораздо лучший, добиться того же самого с помощью ума. За всю жизнь он ни разу не прибегал к насилию и, в отличие от своего литературного конкурента, запрещал делать это другим. Успешный побег из тюрьмы "Белые равнины" медвежатника Чарлза Буллардa, организованный Уортом и еще одним его приспешником по просьбе Мандельбаум, не только упрочил его авторитет в преступном мире Нью-Йорка, но и сдружил его с Буллардом, с которым они стали компаньонами.

Первым делом этой пары было дерзкое ограбление Бойлстоунского национального банка, совершенное в Бостоне 20 ноября 1869 года. Под видом продавцов укрепляющих средств они сняли помещение рядом с банковским хранилищем, разобрали стену, взломали сейф и вынесли миллион долларов наличными и в ценных бумагах, после чего бежали в Англию. Здесь Адам Уорт, впервые назвавшийся Генри Раймондом – именем покойного редактора "Нью-Йорк таймс" (под каковым и жил до конца своих дней), занялся грабежом ростовщических лавок.

В июне 1871 года, после разгрома Парижской Коммуны, он перебрался со своей бандой в Париж. Здесь неподалеку от Гранд-опера они с Буллардом открыли "Американский бар", ставший одним из главных послевоенных центров увеселений парижской публики. На первых двух этажах предлагались вполне законные развлечения: шикарный ресторан с французской кухней и американской выпивкой, читальный зал с французскими и иностранными газетами. А вот на третьем этаже был оборудован подпольный игорный дом с рулеткой и карточными столами. В случае полицейской облавы он при помощи специального механизма мгновенно превращался в обычное, правда, очень просторное кафе. "Американский бар" посещали сливки общества, находившиеся по обеим сторонам "баррикады": Уорт с одинаковым радушием встречал как банкиров и светских жуиров, так и знаменитых медвежатников, фальшивомонетчиков и мошенников, зачастую становившихся исполнителями его тщательно продуманных грабежей. Концом "Американского бара" было посещение этого заведения Уильямом Пинкертоном, одним из двух братьев Пинкертонов, возглавивших детективное агентство после смерти их отца. В агентстве, нанятом Банковской ассоциацией после ограбления бостонского Бойлстоунского банка, было собрано большое досье, содержавшее сведения обо всей преступной карьере Уорта. Вследствие чего зимой 1873 года ему пришлось закрыть свое заведение, а все имущество и оборудование перевезти в Лондон, где он и решил обосноваться.

Все под тем же именем Генри Раймонда Уорт снял апартаменты в Мейфэре – самом фешенебельном районе Лондона, – в доме № 198 по Пиккадилли, откуда и руководил своими подручными. Дело было поставлено на широкую ногу. Он и его помощники тщательно планировали грабежи банков, железнодорожных касс, почтовых отделений, складов, домов богатых горожан. За полтора десятка лет Адам Уорт создал в Лондоне настоящую уголовную империю. Исполнители, которых всегда нанимали через цепочку посредников, никогда ничего не знали об организаторах. Известно им было только то, что заказ поступил "сверху", дело продумано до тонкостей и будет хорошо оплачено, вот и всё. Попавшись с поличным, они даже при желании не могли никого выдать.

Уорт пользовался своей преступной сетью не только в собственных целях, но и совершал заказные преступления, а также оказывал "содействие" всем "коллегам": грабителям, взломщикам, мошенникам. В брошюре, посвященной Уорту и изданной в 1903 году (уже после его смерти), Уильям Пинкертон писал: "Воры приезжали к нему за помощью. Нужно подкупить банковского служащего или изготовить отмычку? Пожалуйста. Для некоего дельца нужен опытный грабитель или фальшивые документы? У Адама Уорта есть все, что надо и на любой вкус. Он знал, где найти нужного человека для всякой работы, за что получал внушительный процент от прибыли".

Король преступников наблюдал за преступлениями, совершавшимися по его воле, словно из-за кулис: он был кукловодом, умело направлявшим своих кукол.

Его сподручные действовали по всей Европе и по приказу своего главаря могли совершить любое ограбление или подлог. Впрочем, Уорт и его приближенные не ограничивались Европой. В начале 1870-х они приобрели 34-метровую паровую яхту "Шамрок", на которой совершa-

ли дальние заморские вылазки: грабили банки на побережьях Южной Америки, Вест-Индии... В Кингстоне, на одном из складов Ямайки, его люди "облегчили" сейфы на десять тысяч долларов. Дело это едва не закончилось крахом: за яхтой Уорта пустилась в погоню британская канонерка, но так и не смогла догнать быстроходное судно преступников.

Громких дел, в которых Адам Уорт участвовал лично, известно не так уж много — он, как мы уже знаем, предпочитал оставаться в тени, перекладывая исполнение задуманного на других. Но в 1876 году он с двумя сообщниками повторил "подвиг Герострата" — совершил кражу, обессмертившую его имя. На аукционе Кристи (во время распродажи коллекции Уинна Эллиса) Уильям Агнью купил для своей художественной галереи картину Томаса Гейнсборо "Джорджина, герцогиня Девонширская" за 10 100 гиней; спустя три недели ее выкрали — портрет исчез на 20 лет. Двенадцать из этих двадцати картина хранилась в сундуке с двойным дном и сопровождала своего нового владельца повсюду, куда бы он ни отправлялся, — пока он не счел, что держать ее при себе слишком опасно и не спрятал в 1886 году в Америке.

В 1878 году Адам Уорт и некий Меготти с несколькими сообщниками ограбили курьерский поезд Кале—Париж; в 1880 году Уорт ухитрился задержать в Южной Африке близ Форт-Элизабет вооруженный конвой, который вез с приисков необработанные алмазы, и после нескольких махинаций сумел завладеть охраняемым грузом. Далее он придумал, как сбывать эти алмазы, не прибегая к услугам перекупщиков краденого: организовал легальную продажу — что было и безопаснее, и выгоднее.

Такова была одна сторона жизни Адама Уорта. Но была и другая, внешняя: Генри Раймонд, богатый американец, интересовавшийся скачками и купивший табун из 10 лошадей, а затем еще двух жеребцов, в 1877 году приобрел в южном Лондоне, в районе Клапам-Коммон поместье, называвшееся Уэст-лодж. Там стоял внушительный краснокирпичный двухэтажный дом, а вскоре появились теннисный корт, тир, лужайка для боулинга. Раймонд устраивал шикарные званые обеды и в своей квартире на Пиккадилли, и в загородном особняке, оба жилища украсил "дорогостоящей мебелью, старинными безделушками и картинами", редкими книгами и дорогим фарфором. По словам сэра Роберта Андерсона, легко меняя личины, Раймонд-Уорт "был способен пробиться в любую компанию" — будь то в качестве богатого бездельника или крестного отца лондонского преступного мира. В 1880-е годы его ежегодные расходы достигали 20 тысяч фунтов, а доходы иногда превышали эту цифру в три раза. По подсчетам Пинкертона, гениальный преступник за свою уголовную карьеру добыл не менее двух миллионов долларов, а возможно, и все три. "Адам Уорт — наверное, единственный преступник, который добился такого огромного богатства, — утверждал один из его старых знакомцев по воровскому миру. — У него была дорогая квартира на Пиккадилли, он принимал лучших людей в Лондоне, которые знали его лишь как очень богатого человека с богемными наклонностями".

Естественно, деятельность Уорта и его людей не могла укрыться от внимания полиции, его имя хорошо было известно Скотленд-Ярду — в этом неуловимый Мориарти превосходил свой прототип. Когда в 1907 году у сэра Роберта Андерсона спросили, кто был самым ловким и изобретательным из всех известных ему преступников, он ответил без ма-

лейших раздумий: "Адам Уорт. Он был Наполеоном преступного мира. Все остальные в подметки ему не годились". Джон Шор, сперва инспектор, а позднее суперинтендант департамента уголовных расследований, дал зарок арестовать и посадить Уорта, однако сделать этого не смог. Агентство Пинкертона, нью-йоркская полиция и Скотленд-Ярд постоянно обменивались информацией о преступлениях, за которыми стоял Уорт, но найти прямые улики, которые связали бы заказчика грабежа с совершенным преступлением, никогда не удавалось.

Уорт виртуозно скрывал следы своей деятельности. Он практически никогда не встречался с теми, на кого не мог положиться целиком, а если ему все же приходилось это делать, назначал встречу в каком-нибудь восточно-лондонском притоне, куда бы не отважилась сунуться полиция. Идя на сходку со своими приспешниками, Уорт менял изысканное платье на затрапезное, а возвращаясь, заходил в железнодорожный туалет, чтобы быстро и незаметно переодеться в "джентльменский" костюм. Он подкупил нескольких сотрудников Скотленд-Ярда, которые постоянно держали его в курсе событий. "Лондон ивнинг ньюс" в 1901 году писала, что "он содержал штат детективов и поверенного, а его личный секретарь был барристером".

Роберт Андерсон рассказал об одном из способов, которые использовал Адам Уорт, он же Генри Раймонд, чтобы обеспечить себе алиби. "Мой друг, врач, практикующий в одном из богатых лондонских предместий, рассказал мне как-то о некоем замечательном пациенте, который, хотя и жил в роскоши, чрезвычайно страдал от ипохондрического синдрома. Время от времени моего друга-доктора срочно вызывали — пациент лежал в кровати, хотя, судя по всему, был совершенно здоров. Однако всегда настаивал на том, чтобы ему выписали рецепт, который слуга тотчас относил аптекарю... Я, надо думать, рассеял недоумение моего собеседника, объяснив ему, что эксцентричный пациент был королем преступников. Генри Раймонд знал, что за его перемещениями следит полиция, и заподозрив, что его заметили в опасной компании, мчался домой и притворялся больным. Свидетельство доктора и записи в аптекарских книгах могли служить подтверждением того, что в час, когда полиция будто бы видела его на месте преступления, он лежал дома больной".

Все кончилось в начале 1890-х, когда Уорт отправился во Францию выручать из тюрьмы своего бывшего дружка Булларда, но тот скончался до его приезда. По каким-то известным только ему причинам Уорт решился самолично поучаствовать в весьма опасном ограблении бельгийского инкассаторского фургона в Льеже. Местные банки получали бóльшую часть денег из Швейцарии, откуда деньги доставлялись по железной дороге в определенные дни и часы. Два человека забирали из депо несгораемые ящики с купюрами и развозили их по банкам на простом двухколесном фургоне. У банка этот фургон находился без охраны минуты три, но Уорт счел, что при наличии хорошего лома этого вполне достаточно, чтобы вскрыть три-четыре ящика и изъять содержимое. 5 октября 1892 года он и двое его людей попытались это осуществить, но сообщники, не предупредив главаря об опасности, сбежали, и "Наполеона преступного мира" арестовали жандармы. В марте следующего года он предстал перед судом.

Поскольку он отказывался называть свое настоящее имя, бельгийская полиция разослала запросы зарубежным коллегам. И нью-йоркский де-

партамент полиции, и Скотленд-Ярд уверенно опознали в нем Уорта. Это же сделал и его старый конкурент – "барон" Макс Шинберн, желавший заработать себе досрочное освобождение. А вот Детективное агентство Пинкертона, обладавшее самым большим досье на "короля грабителей", предпочло отмолчаться, что впоследствии сыграло немалую роль в его судьбе. Уорт категорически отрицал причастность к различным инкриминировавшимся ему преступлениям, а свой последний грабеж называл жестом отчаяния – у него якобы кончились средства к существованию. Его приговорили к семи годам заключения и отправили в Лёвенскую тюрьму.

Скорее всего Конан Дойл впервые услышал о существовании Уорта в июле 1893 года, когда уже принял решение избавиться от Холмса. 24 июля "Пэлл-Мэлл газетт" опубликовала статью, в которой раскрывала тайну дерзкой кражи семнадцатилетней давности, совершенной Уортом в галерее Агнью. Материалом для статьи стало интервью, взятое у Адама Уорта внештатным журналистом Марсендом из "Пэлл-Мэлл" в бельгийской тюрьме; тот сумел выудить у заключенного (который принял Марсенда за адвоката) признание, что это именно он, Генри Раймонд, а в действительности Адам Уорт, "le Brigand International"[1], выкрал в 1876 году знаменитую картину "Джорджина, герцогиня Девонширская" Гейнсборо. В статье описывалась жизнь Уорта и его преступления, что произвело на Лондон впечатление разорвавшейся бомбы. Поразило это и Конан Дойла.

Впрочем, его профессор даже внешне мало походил на Уорта, который был крепким, невысоким – всего 154 сантиметра, – носил бакенбарды. Дойлевский Мориарти, напротив, был настоящим викторианским злодеем: "Он очень тощ и высок. Лоб у него большой, выпуклый и белый. Глубоко запавшие глаза. Лицо гладко выбритое, бледное, аскетическое – что-то еще осталось в нем от профессора Мориарти. Плечи сутулые – должно быть, от постоянного сидения за письменным столом, – а голова выдается вперед и медленно, по-змеиному, раскачивается из стороны в сторону"[2]. Такая личность значительно лучше подходила на роль могильщика Шерлока Холмса. Великий Детектив погиб, и на десять лет Конан Дойл забыл и о Шерлоке Холмсе, и об Адаме Уорте.

Между тем Уорт был жив: в 1897 году, больной и растерявший всех бывших сообщников, он вышел из тюрьмы – на два года раньше срока. Некоторые члены его шайки отошли от дел, другие умерли, третьи сидели в тюрьме. Никто не встречал его дома: один из двух подельников по неудачному льежскому ограблению, которому Уорт поручил опекать жену и детей, воспользовался его отсутствием и принудил его жену Луизу к сожительству, методично спаивая ее и приучая к потреблению опиатов. Он постепенно распродавал имущество Уорта: яхту, лошадей, алмазы, а когда Луиза Раймонд превратилась в законченную алкоголичку и наркоманку, забрал все до последнего пенни и скрылся. Сошедшая с ума жена Уорта была помещена в психиатрическую лечебницу, а детей отправили в Америку к брату Адама.

Чтобы добыть средства к существованию, Уорт ограбил на 4000 фунтов ювелирный магазин и отправился в Америку, где обратился к Уильяму Пинкертону – он хорошо помнил, что Пинкертон отказался давать сведе-

1. "Международный преступник" (*франц.*).
2. "Последнее дело Холмса".

ния о нем бельгийской полиции. Уорт просил о посредничестве в продаже картины Гейнсборо — теперь уже внуку прежнего владельца. Обмен состоялся в 1901 году. С вырученными деньгами (что, по одним сведениям, составляло порядка двадцати пяти тысяч долларов, а по другим — только пять) он возвратился с детьми в Лондон, где купил скромный дом и прожил в нем остававшиеся ему до смерти одиннадцать месяцев. Умер он 9 января 1902 года и был похоронен под именем Генри Раймонда.

В год возвращения портрета герцогини Девонширской Конан Дойл написал еще одну повесть о Холмсе — "Собаку Баскервилей", а спустя год был вынужден воскресить Великого Сыщика. Профессору Мориарти тоже пришлось еще раз скрестить шпаги с Шерлоком Холмсом — на этот раз в повести "Долина страха", действие которой происходит до роковой схватки у Рейхенбахского водопада. Толчком к появлению новой истории о Шерлоке Холмсе явилось, скорее всего, путешествие Дойла в мае—июне 1914 года в Нью-Йорк. Джеймс Хоран в книге "Пинкертоны — знаменитая детективная династия" (1967) утверждал, что в одном из трансатлантических путешествий Конан Дойл познакомился с Уильямом Пинкертоном, который здесь уже не раз упоминался. Точная дата этой встречи неизвестна, но вероятнее всего, она состоялась на борту атлантического лайнера на обратном пути писателя из Америки (в списке пассажиров парохода "Олимпия", на котором Дойл плыл в Америку, Пинкертон не числится). В пути американец потчевал Дойла рассказами о деяниях Пинкертонов, в том числе и о разгроме ирландской подпольной организации "Молли Магвайрс"[1]. Весьма вероятно, что речь шла и об Адаме Уорте, доверенным лицом которого оказался Уильям Пинкертон в деле возвращения картины Гейнсборо в галерею Агнью.

По возвращении в Англию Конан Дойл приступил к написанию "Долины страха", взяв за основу для второй части (истории "Метельщиков" и Берди Эдвардса) книгу Аллана Пинкертона "'Молли Магвайрс' и детективы", выпущенную в 1877 году и переизданную в 1886-м. Генеральный директор Агентства Пинкертонов Ральф Дадли утверждал в интервью, данном тому же Джеймсу Хорану, что Уильям Пинкертон пришел в ярость, прочитав "Долину страха". "Сперва он говорил, что подаст иск против Дойла, но затем остыл. Его рассердило, что Дойл, пусть даже и беллетризовавший эту историю, не посчитал нужным спросить разрешение у Пинкертона использовать его записки. Прежде они были хорошими друзьями, но с того дня их отношения стали натянутыми. Мистер Дойл послал несколько писем, пробуя уладить дело, и хотя У. А. П. посылал ему учтивые ответы, он больше не относился к мистеру Дойлу с прежней теплотой". Возможно, у Пинкертона был еще один повод для недовольства: наверное, он счел, что в первой части повести Дойл использовал уже его собственный труд — брошюру 1904 года "Адам Уорт по прозвищу Маленький Адам", в которой излагалась история Уорта.

Действительно, в "Долине страха" Конан Дойл опять прибегает к истории Адама Уорта (к эпизоду с кражей картины Гейнсборо) — в разговоре сыщика с инспектором Макдоналдом о профессоре Мориарти. Холмс спрашивает полицейского, заметил ли он картину Жана Батиста

1. Другая версия приводится во вступительной статье А. Лапудева к "Долине страха". (*Прим. ред.*)

Грёза, висевшую в кабинете профессора. В ответ на недоумение инспектора по поводу того, как связано дело, которое они обсуждают, с картиной, Холмс сообщает следующее:

Даже такой прозаический факт, что в 1865 году картина Грёза "Девушка с ягненком" была продана на аукционе Портали за один миллион двести тысяч франков (что равняется более чем сорока тысячам фунтов), может подтолкнуть ваши мысли в новом направлении[1].

Предполагалось, что столь большая сумма, вырученная за картину, уже сама по себе напоминала читателям о краже, совершенной Уортом, но Конан Дойл еще и обыграл название картинной галереи Агнью – в оригинале картина Грёза названа по-французски: "La Jeune Fille à l'Agneau". Далее в разговоре Холмс подводит Макдоналда к выводу, что картина попала к профессору Мориарти незаконным путем:

Она свидетельствует о том, что ее владелец – человек весьма богатый. Как он приобрел свое богатство? Он не женат. Его младший брат работает начальником железнодорожной станции на западе Британии. Научная работа приносит ему семьсот фунтов в год. И однако у него есть полотно Грёза.

– И значит – что?

– По-моему, вывод напрашивается.

– То есть что он имеет большие доходы, и, судя по всему, незаконные?

Две мировые войны и возникновение новых, еще более могущественных преступных организаций совершенно стерли память об Адаме Уорте, а вот профессор Мориарти, в отличие от своего прототипа, благодаря таланту Конан Дойла, избежал забвения. Как воплощение зла он продолжает существовать не только в памяти читателей Конан Дойла, но и в многочисленных фильмах и книгах, споря своей известностью с другими литературными, кинематографическими и реальными преступниками.

1. "Долина страха" цитируется в переводе И. Бернштейн.

Роналд Р. Томас
"Негативные" образы в рассказе "Скандал в Богемии"

Перевод с английского Александры Борисенко

Артур Конан Дойл пришел в детектив через фотографию. Как и его предшественник Эдгар По, прежде чем начать писать свои знаменитые истории о сыщике с фотографической памятью и глазом, точным, как объектив камеры, Дойл напечатал серию статей об удивительных визуальных возможностях фотографии. Прекрасный фотограф-любитель, он между 1881 и 1885 годами – в самом начале своей медицинской карьеры – опубликовал больше десятка статей в "Британском фотографическом журнале". Эти статьи затрагивали широкий круг вопросов, здесь были и технические аспекты проявки фотопластин, и собственный опыт Дойла как фотографа-путешественника, и анализ "научных основ" фотографии. Сразу же после публикации последней из этих работ Дойл, теперь уже начинающий молодой врач, написал "Этюд в багровых тонах" и создал литературного героя, который прославится своей фотографической памятью и способностью к наблюдению.

О том, что увлечение фотографией и написание детективов были для Дойла связаны, свидетельствует и определенный уклон его врачебной карьеры. В те два года, которые прошли между публикацией первых двух повестей о Шерлоке Холмсе и предложением журнала "Стрэнд" написать серию рассказов о выдающемся частном сыщике, Дойл решил специализироваться в конкретной области медицины – его решение стать окулистом, как кажется сейчас, пожалуй, было предопределено. После окончания в конце 1890 года медицинского факультета Эдинбургского университета он отправился в Вену, чтобы прослушать специализированный курс по офтальмологии, привлекавшей его еще в годы работы в Портсмутской клинике офтальмологии и сурдологии. По окончании курса он вернулся в Лондон и открыл практику в качестве консультанта-окулиста. Ожидая в своем кабинете пациентов, желающих довериться его опыту и квалификации, он написал первые шесть рассказов серии "Приключения Шерлока Холмса" для журнала "Стрэнд". В одном и том же письме Дойл сообщает матери о предложении "Стрэнда" продолжить серию "холмсовских" рассказов и о своем решении оставить медицинскую карьеру, чтобы посвятить себя профес-

© Ronald R. Thomas, 1999
© Александра Борисенко. Перевод, 2008
Журнальный вариант статьи "Negative Images in 'A Scandal in Bohimia'" из книги: Ronald R. Thomas. Detective Fiction and the Rise of Forensic Science. Cambridge University Press, 1999 ("Детективная литература и развитие криминалистики"). (*Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, – прим. перев.*)

сии писателя. Он также пишет ей еще об одном любопытном обстоятельстве: "Я продал свои глазные инструменты за шесть фунтов десять шиллингов и на эти деньги куплю себе фотографический аппарат"[1]. В литературной карьере создателя Шерлока Холмса можно увидеть результат научного интереса к усилению визуальных возможностей человеческого глаза и практического подхода к окулярным возможностям камеры. Дойл буквально сменил медицину на объектив и на самого зоркого в мире сыщика.

Как мы уже отметили, годы появления "Приключений Холмса" в печати были весьма важным периодом в истории становления фотографии. "Кодак" усовершенствовал и популяризировал процесс фотографирования: влажную пластинку сменила сухая фотопластина и фиксированный фокус – эта технология стала развиваться в 1851-м и доминирует на рынке до сегодняшнего дня[2]. В 1887 году, за несколько лет до того, как Шерлок Холмс был представлен читающей публике, на рынок Англии благодаря изобретению сухой фотопластины вышел продукт, вызвавший огромный энтузиазм публики – сродни тому, с каким был встречен Холмс. Речь идет о так называемой "детективной камере" – ее можно было спрятать в трость или за бутоньерку и совершенно незаметно сфотографировать человека. Некоторые из таких новых камер, продававшихся по доступным ценам, рекламировались в том самом журнале, в котором впервые были опубликованы и рассказы о Холмсе; в иных статьях "Стрэнда" говорилось о "чудесах современной фотографии" и ее роли в раскрытии преступлений. В том же номере журнала, где был напечатан первый рассказ "Приключений Шерлока Холмса", была опубликована и статья о "детективной камере с гарантией", озаглавленная "Лондон с высоты птичьего полета". Расписывая новейшие усовершенствования, автор упивался тем, что во время войны можно будет "направить эту славную камеру сверху на позиции грозного врага, заснять его технику и расположение, а потом уж сбросить хорошенькую бомбу прямо ему на голову – представьте только, как это будет чудесно!"

Из этого описания ясно видно, что камера воспринималась не только как способ "установления истины", но и как орудие национальной разведки и обороны: за щелканьем затвора фотоаппарата непосредственно следует взрыв бомбы. В то же самое время технология детективной камеры с сухой пластинкой и фиксированным фокусом позволяла как любителям, так и журналистам делать моментальные снимки без ведома фотографируемых. Эта практика настолько распространилась, что газета "Нью-Йорк таймс" публиковала жалобы на "охотников с 'кодаками'", вторгающихся в частную жизнь граждан. В Англии газета "Уикли таймс энд экоу" приветствовала формирование "Ассоциации бдительных", единственной целью которой было "преследование мерзавцев с камерами, которые шатаются по пляжам и фотографируют выходящих из воды леди". В свете этих веяний термин "детективная камера" кажется вполне уместным: и камеры, и детективы, в честь которых

1. Письмо от 14 октября 1891 года, процитированное в кн. "Эссе о фотографии – неизвестный Конан Дойл". Лондон, 1982 г. (*Прим. автора.*)
2. Торговая марка "Кодак" была зарегистрирована в 1888 году Джорджем Истменом, который в 1880 году запатентовал производство сухих фотопластин.

они были названы, "нацеливаясь" на некий объект, присваивали его "идентичность" и в свою очередь требовали определенного контроля.

Поэтому нас не должно удивлять, что в самом первом рассказе "Приключений Шерлока Холмса" – "Скандале в Богемии" – к знаменитому детективу обратились не затем, чтобы найти пропавший жемчуг, раскрыть заговор злоумышленников или узнать содержание секретного документа; его наняли, чтобы он вернул фотографию. Местонахождение этой фотографии представлялось делом "настолько серьезным", что, по утверждению клиента Холмса, могло "отразиться на судьбах Европы"[1]. Этот рассказ устанавливает определенный холмсианский принцип: фотография является документом, чреватым далеко идущими последствиями для истории и политики. Король Богемии прибывает инкогнито, чтобы попросить у Холмса защиты – былое увлечение американской актрисой грозит ему неминуемой катастрофой. Холмс тут же понимает, кто́ перед ним, но не понимает, отчего король опасается, что эта "авантюристка" станет его шантажировать и расстроит его брак с принцессой Скандинавии (куда более подходящий для человека его положения). Холмс указывает на то, что мисс Ирен Адлер не сможет "доказать подлинность" своих обвинений, угрожающих репутации короля. Почерк можно подделать, говорит Холмс, заказную почтовую бумагу с вензелем – украсть, печать может оказаться фальшивкой. Однако когда он узнает, что в распоряжении женщины имеется снимок, на котором она сфотографирована вместе с королем, то немедленно соглашается с тем, что опасность существует. "О-о, вот это действительно плохо! – восклицает прежде совершенно бесстрастный сыщик. – Ваше величество допустили большую оплошность... Да, фотография – это серьезно". Когда слову короля противопоставлена фотография, судьбы Европы и в самом деле в опасности.

Так же как в "Холодном доме" и "Доме о семи фронтонах"[2], фотография воспринимается как неопровержимое доказательство и в то же время как символ фундаментального сдвига традиционных социальных отношений (или угрозы этим отношениям). По словам короля, речь идет о "фотографии кабинетного размера" – этот формат появился в 1867 году и постепенно вытеснил меньший формат, "визитку", став на несколько последующих десятилетий самым ходовым размером. Альбомные снимки в пять с половиной на четыре дюйма, которые обычно наклеивались на картон несколько большего размера, вначале стали популярны среди знаменитостей, которые позировали для "кабинетных портретов" в роскошных студийных декорациях и затем раздавали их в качестве памятных подарков друзьям и поклонникам. Поскольку такие фотографии были не слишком дороги и их легко было пустить в массовое производство, театральные артисты вскоре стали использовать кабинетные карточки в рекламных целях или для продажи в качестве сувениров – для дополнительного заработка. Наконец, мужчины и женщины среднего класса также стали заказывать свои портреты в этом формате. Позируя, они намеренно подражали платьям и стилю более богатых и знаменитых сограждан, благодаря которым ка-

1. "Скандал в Богемии" цитируется в переводе Н. Войтинской.
2. "Холодный дом" (1853) – роман Чарлза Диккенса, в котором впервые в английской литературе появляется герой-детектив – инспектор Баккет. "Дом о семи фронтонах" (1851) – роман классика американской литературы Натаниеля Готорна.

бинетная фотография и стала столь популярной и престижной. Все это, разумеется, происходило одновременно со все более широким и изощренным применением фототехники в криминалистике: в полицейских участках фотографирование преступников стало обязательным, съемка места преступления использовалась как улика, создавались полицейские картотеки с фотографиями преступников крупным планом, в криминалистических лабораториях развивался фотомонтаж.

Показательна острая реакция Холмса на уникальные свойства кабинетной фотографии как доказательства подлинности личности и существующей для нее угрозы, отсюда и беспокойство сыщика: ведь король так себя "скомпрометировал". Тревога сыщика отражает двойственный культурный статус фотографии в контексте XIX века: это знак социального продвижения, с одной стороны, и сдерживания – с другой. Мы видим также, что кабинетная фотография в качестве документа все более решительно (и целенаправленно) ломает классовые границы. Признание Холмсом потенциальных возможностей фотографии особенно показательно, поскольку непосредственно перед встречей с королем он (как и его предшественник инспектор Баккет) сам предстает перед читателем в качестве своего рода камеры. Ватсон не только характеризует Холмса как "самую совершенную мыслящую и наблюдающую машину, какую когда-либо видел мир", но и описывает его как "чувствительный инструмент", обладающий "мощными линзами" и наделенный "выдающимися способностями к наблюдению". Поэтому нет ничего удивительного в том, что объектом детективного поиска в первом рассказе "Приключений Шерлока Холмса" является фотография. Неслучайно и то, что в качестве вознаграждения за свои услуги сыщик просит у своего венценосного клиента другую фотографию – снимок Ирен Адлер в вечернем платье. Таким образом, цель и конечный продукт детективного расследования уравниваются в рассказе с целью и конечным продуктом фотографической камеры.

Парадоксальным образом Холмс сразу признает фотографию не только надежным индикатором правды и подлинности, но также и мощным оружием, с помощью которого можно манипулировать истиной. Здесь проявляется неоднозначное использование фотографии криминалистами XIX века – она могла служить совершенно противоположным целям. "Теперь фотография становится обоюдоострым оружием", – замечает Холмс, когда узнает о внезапном бракосочетании мисс Адлер с английским юристом по имени Годфри Нортон. "Возможно, что Ирен в равной степени не хочет, чтобы фотографию видел мистер Годфри Нортон, как наш клиент не хочет, чтобы она попалась на глаза его принцессе. Вопрос теперь в том, где нам найти фотографию". Даже если новые обстоятельства жизни заставят Ирен Адлер скрывать, а не обнародовать снимок, он все равно останется опасным оружием, и король по-прежнему готов отдать за него "любую из провинций своего королевства". Клиент понимает, что обезопасить фотографию можно, только заполучив ее; он убежден, что на карту поставлены судьбы Европы. И Холмс разделяет эту навязчивую идею. В повествовании, где все оказываются не совсем теми, кем кажутся, где и клиент, и сыщик, и подозреваемая переодеваются в чужое платье, даже такой окончательный "критерий истины", как фотография, может оказаться орудием обмана. Еще не видя снимка, Холмс воспринимает его как "доказательство подлинности" и "орудие" манипуляции, дающее большую

власть своему владельцу. Нужно выкупить его, убеждает Холмс своего клиента, а если не получится — выкрасть. В любом случае снимок нужно заполучить непременно — тот, кто им владеет, владеет истиной и может таким образом влиять на ход истории.

Но в рассказе фигурирует и вторая фотография Ирен Адлер, которая еще больше усложняет картину; эта вторая фотография заменяет первую и служит платой за услуги сыщика в конце рассказа. На второй Холмс видит нечто глубоко отличное от того, что увидел на первой, видит то же, что и король, — *женщину*. Если первая фотография — свидетельство определенной жизненной коллизии, вторая — отражает некий общий тип: самую суть женственности, запечатленную на снимке. Это гальтоновский элемент "говорящей фотографии" Бертильона[1]. "Для Шерлока Холмса она всегда оставалась 'Той Женщиной'" — так загадочно Ватсон начинает свой рассказ, имея в виду вторую фотографию, ту, что осталась у Холмса. Нам дают понять, что Ирен Адлер занимает уникальное место в жизни Шерлока Холмса, поскольку великий сыщик, презирающий эмоции, испытывает к ней — и только к ней — романтическое чувство. Именно это чувство виной тому, что в первом из своих "приключений" Холмс не справляется с поставленной задачей, а это для него никак не характерно. Эмоции, говорит нам Ватсон, подобны "песчинке, попавшей в чувствительный инструмент", "трещине в мощной линзе". Таким образом, "Скандал в Богемии" — исключение, лишь подтверждающее правило непогрешимости великого сыщика. Однажды Ирен Адлер переиграла Холмса — но в дальнейшем он неизменно остается холодной и бесстрастной машиной. Однако такое объяснение лишь рождает новый вопрос: почему Ирен Адлер стала единственной женщиной, на которой остановился взгляд Холмса (вследствие чего в его линзах образовалась трещина)? Почему именно она стала для него *Той Женщиной?*

Ирен Адлер имеет такую власть над совершенной наблюдающей машиной, потому что она существует для сыщика прежде всего как фотоснимок. Или, говоря точнее, как два снимка: один, который он пытался и не смог получить, и второй, который он попросил и получил в качестве платы за свои услуги. Фотография, оказавшаяся в распоряжении Холмса, представляет Ирен Адлер как классический тип женщины, идеальный образчик ее пола, тогда как фотография, которая так и не досталась Холмсу, — свидетельство против его клиента. Способ, которым Ирен Адлер лишила сыщика этого свидетельства, — противопоставление двух разных функций фотографии, используемых в криминалистике: она "бьет" индивидуализацию Бертильона типологизацией Гальтона. Ирен опасна не только потому, что она — простолюдинка, способная скомпрометировать августейшую особу, но и потому, что умеет манипулировать визуальными культурными стереотипами. Она опрокидывает представления великого сыщика и ломает гендерные коды поведения с той же легкостью, с какой замахивается на сословные святыни — обращает "оружие" против короля.

1. Фрэнсис Гальтон (1822–1911) — английский антрополог и психолог, один из создателей евгеники; более подробно о роли фотографии у Гальтона см. Т. Венедиктова "О происхождении лиц 'кавказской национальности'" ("ИЛ", 2007, № 11); Альфонс Бертильон (1853–1914) — французский юрист, автор системы приемов судебной идентификации (так наз. бертильонаж).

Объясняя свой план Ватсону, Холмс говорит, что ему известно, как ведут себя женщины, и это знание лежит в основе его стратегии: они "по природе скрытны и сами хранят свои секреты", и эта ярко выраженная женская черта заставит героиню против воли показать тайник с фотографией. "Когда в доме пожар, инстинкт заставляет женщину спасать то, что ей всего дороже. Чрезвычайно сильное побуждение, и я не раз извлекал из него пользу". Холмс задумывает свой план в уверенности, что женщины абсолютно предсказуемы, подвластны инстинктам и сиюминутным импульсам — в отличие от мужчин, которые поэтому знают, как извлечь выгоду из этих женских слабостей. Когда Ирен Адлер появляется у дверей сыщика в обличье юноши — в мужском пальто и шляпе, а не в образе дамы в вечернем платье, Холмс буквально *не видит* ее. Наблюдает, но не видит, поскольку его наблюдения подчиняются неким визуальным законам, которые предписывают, какой должна быть женщина, а не регистрируют, какова она на самом деле. Фотография кабинетного формата слишком велика, рассуждает Холмс, чтобы героиня могла спрятать ее на себе. Однако оказывается, что не фотография спрятана на Ирен Адлер, как предполагал Холмс, а сама Ирен Адлер спрятана (во всяком случае от глаз Холмса) фотографическим изображением "Той Женщины", каким оно запечатлелось в его памяти и каким сохранится для потомков в его личном криминальном архиве.

Когда Ирен Адлер расстраивает планы Холмса и покидает страну, забрав с собой снимок, который ему так и не достался, она оставляет записку о том, как ей удалось провести сыщика и заставить его выдать себя: "...я сама была актрисой и привыкла носить мужской костюм. Я часто пользуюсь той свободой, которую он дает". Далее она продолжает: "Я сохраню фотографию только ради своей безопасности, чтобы иметь оружие, которое защитит меня от возможных притязаний короля". Так же как и мужской костюм, фотография, где Ирен запечатлена с королем, "защищает" ее и обеспечивает ей свободу. Будучи актрисой, она прекрасно знает, что узнавание зависит от того, как человек себя подает, не меньше, чем от его биологических свойств, в особенности когда речь идет о гендерных стереотипах общества. Именно *мужской костюм* обеспечивает свободу передвижения и определяет социальную принадлежность — Холмс и сам пользуется этим дважды в ходе рассказа: один раз переодеваясь подвыпившим грумом, другой — священником. Две фотографии, фигурирующие в рассказе, обнажают одновременно искусственность и силу социальных представлений. Таким образом, в распоряжении Ирен Адлер остается пресловутая фотография — своего рода "костюм", "гарантия" и "оружие", которое должно "защитить" ее.

Однако находчивая актриса оставляет королю вторую фотографию, "которую ему, может быть, будет приятно сохранить у себя", — совсем иную, чем та, за которой он охотился. На ней Ирен Адлер изображена одна, в вечернем платье. И Холмс, а не король, изъявляет желание сохранить у себя изображение героини, одетой в то, что называется "женским костюмом". На этой фотографии надежно закреплена женская ипостась Ирен, то есть она там существует как женственный сексуальный объект, и даже Холмс воображает ее себе (и хочет, чтобы она была) именно такой. Поскольку эта фотография не представляет ценности как улика, короля она не интересует. Холмс же говорит, что эта фотография для него — "не-

что более ценное", чем королевский перстень, который августейшая особа предлагает ему в качестве вознаграждения за труды. Первая фотография – оружие и гарантия, которыми Ирен Адлер может обезопасить себя. Вторая – оружие, которым Шерлок Холмс защищает образ "Той Женщины". Он ценит это изображение более чем второе, которое пытался получить, поскольку оно поддерживает условность, а не обнажает правду. "И когда он вдруг заговаривает об Ирен Адлер или о ее фотографии, то неизменно произносит почетный титул: 'Та Женщина'", – вновь повторяет Ватсон в конце рассказа. То есть для Холмса фотография не изображение женщины, фотография и есть *сама женщина*. Помещенный в архив, снимок становится заменой реального человека. И это должно служить напоминанием нам, если не Холмсу, что викторианская гендерная идеология с ее обобщениями была способна ослепить даже самую совершенную в мире мыслящую машину. Эта система ограничивала поле зрения так, что даже сам Шерлок Холмс кое-что просмотрел.

Так же как в "Доме о семи фронтонах" и "Холодном доме", в этом тексте Дойла фотография демонстрирует сдвиг в условностях XIX столетия, касающихся классовых привилегий и взаимоотношения полов. Как портрет леди Дедлок становится ключом к расследованию ее "преступного" прошлого, а дагерротипы Холгрейва одновременно обнажают и приводят в действие фальшивые привилегии класса, так и угрожающая европейскому монарху Ирен Адлер подвергает сомнению представления Холмса о "естественных" категориях пола. Баккет, Холгрейв и Холмс сдвигают рамки патриархального уклада и полагают, что они реформаторы пришедшей в упадок судебной власти, – при этом они предлагают взамен новые формы власти и новые привилегии. В их мире привилегии и власть принадлежат профессионалам (таким, как они сами), принадлежат скорее по праву мастерства, а не рождения. В отличие от Холгрейва, с подозрением относящегося к этим самым законам и привилегиям, английские детективы не только действуют от имени власть имущих (королей и аристократов), они защищают и оберегают этих своих клиентов при помощи мощных линз, в которые наблюдают за миром и переводят его в изображение, подлежащее тщательному профессиональному контролю. Для этих знатных клиентов и важны прежде всего усилия сыщиков, "направленные на женщину" – на репрезентацию женского тела и обладание им, потому что именно от этого зависит сохранение (или, наоборот, уничтожение) привычных представлений: класс и пол.

В рассказах, последовавших за "Скандалом в Богемии", фотография продолжает служить главным образом средством установления личности, разоблачения самозванцев, доказательством обвинения. Например, в кульминации рассказа "Человек с рассеченной губой", когда Холмс обнаруживает под маской нищего по имени Хью Бун респектабельного представителя среднего класса, Невиля Сент-Клера, полицейский уверенно опознает его по снимку. "Да ведь это и есть пропавший, – говорит он. – Я знаю его, я видел его фотографию"[1]. В "Желтом лице" Холмс раскрывает тайну, окружающую ребенка в маске, при помощи медальона, в котором заключена миниатюра отца ребенка, чьи "черты яв-

1. Перевод М. и Н. Чуковских.

ляли безошибочные признаки африканского происхождения"[1]. Здесь снова фотография служит не только для идентификации, но и для того, чтобы подчеркнуть социальную границу – в данном случае, расы и класса, – так же как в "Скандале в Богемии" фотография подчеркивала категорию пола.

В каждой истории уголовного расследования и установления истины, которые мы рассмотрели выше, фотография становится предметом интереса для тех, в чьих руках сосредоточены власть и авторитет, как это имело место в реальной работе полиции в XIX веке. Архивная система Бертильона, который собирал информацию о преступниках и их portrait parlé[2], начала широко применяться как раз тогда, когда прославился литературный герой Дойла Шерлок Холмс – создатель собственного частного архива, в котором он собирал "хронику преступлений": информацию о преступниках. Дойл впервые представил Холмса читающей публике в 1887 году – в том же году получила признание предложенная Бертильоном система идентификации преступников. В рассказах о Холмсе прямо говорится о сходстве взглядов Холмса и Бертильона на фотографию и ее роль при установлении истины. В "Морском договоре" Холмс "завел разговор о бертильоновской системе измерений и бурно восхищался этим французским ученым"[3]. Позже, в "Собаке Баскервилей" (еще одной истории, где решающую роль играет идентификация по семейному портрету) клиент Холмса рассуждает о Холмсе и Бертильоне как о двух величайших европейских экспертах по расследованию преступлений, подчеркивая при этом "научный склад мышления" Бертильона и признавая, что "как практик" Холмс "не знает себе равных".

Холмс, применяющий на деле теории Бертильона, выступает в роли популяризатора его метода. Как мы видим, именно благодаря Бертильону фотография заняла столь заметное место в качестве средства, помогающего полиции отличить одного индивидуума от другого. Однако отношение Холмса к фотографии как средству стереотипизации (распределения людей по типам) заставляет вспомнить работы Гальтона, который описывал криминальный тип при помощи композитного фотографического портрета. В то время как фотографии Бертильона "фиксируют" индивидуальные черты, гальтоновские фотографии растворяют индивидуальное в обобщенном типе. Оба примера показывают, как быстро фотография вошла в полицейский обиход XIX века и стала частью системы правопорядка – инструментом проверки и установления личности. Как показывает сложная роль фотографического изображения в "Холодном доме", в "Доме о семи фронтонах" и рассказах о Шерлоке Холмсе, сыщики и ученые XIX века в равной степени используют камеру, чтобы научить мир видеть личность (и историю) в новом свете и чтобы исследовать законы зрения, которые способны и помогать, и препятствовать ви́дению. Как прекрасно понимали Холмс и его августейший клиент, владелец фотографии обладает мощным оружием, способным изменить историю.

1. Перевод Н. Вольпин.
2. Говорящие портреты (*франц.*).
3. Перевод Н. Волжиной.

Есть своеобразная ирония в том, как глубоко Конан Дойл разделял веру своего сыщика в научную ценность фотографии как улики. Так, писатель публично выступил в защиту тех, кто утверждал реальность фей и других сверхъестественных существ на основании фотографических "свидетельств". В годы, непосредственно предшествовавшие публикации рассказа "Знатный холостяк", Дойл напечатал две иллюстрированные статьи о фотографиях духов в том самом журнале, в котором появился и первый рассказ о Шерлоке Холмсе. Тогда же он выпустил и книгу на эту тему. В последние годы жизни Дойл собрал одну из обширнейших в мире коллекций фотографий призраков — он использовал их, чтобы иллюстрировать свои публичные лекции, посвященные спиритизму, и выставлять в витрине книжного магазина парапсихологических изданий, основанного им в 1925 году.

То, что человек научного склада ума, подобный Дойлу, оказался столь легковерен и поддался розыгрышу, свидетельствует об огромном авторитете, который приобрела фотография на рубеже веков, став практически неопровержимым доказательством.

Литературный текст рассказа Конан Дойла подчеркивает неоднозначную роль фотографии и делает это также двойственным образом: демонстрируя поразительную ее эффективность и одновременно обнажая пределы этой эффективности. Как мы видим, детективный рассказ функционирует как еще одна часть культуры, которая критикует фотографию в той же мере, в какой восхваляет ее способность создавать образ. Тем самым детективная литература напоминает читателям, что фотография, как и текст, который они читают, всего лишь изображение, а изображение нуждается в интерпретации.

[298]
ИЛ 1/2008

Александр Шабуров
Живее всех живых. Заметки о Шерлоке Холмсе

Как всем известно, Шерлок Холмс — самый знаменитый в мире сыщик-консультант. Высшее воплощение века Просвещения. Библия позитивизма и триумф детерминизма. Главный литературный герой XIX столетия, как написал Александр Генис. Наследник Бальзака с Диккенсом и брат Паганеля (он же). Правнук французского живописца Верне — об этом говорит сам Холмс в "Греческом переводчике". Человек, который вроде бы никогда не жил, но никогда не умрет, — это уже сказал американский режиссер Орсон Уэллс...

1. *Музеи и квартиры* Холмса

В конце 1980-х, когда в Свердловске появились первые кооперативные издательства, мой приятель Слава Курицын ломал голову над тем, что бы такое напечатать. Чтоб было интересно массам и себе не противно. Я предложил: антологию пастишей про Шерлока Холмса. До нас этого еще никто не печатал. И чтобы комментариев — больше чем самих текстов. Этакую энциклопедию со смещенной точкой отсчета. Интернета тогда не существовало, но после малюсенького объявления в "Книжном обозрении" вся страна лет десять присылала нам свои детективные опусы.

Мы были людьми, не останавливающимися на первом шаге. В качестве рекламного приложения издавали первую и — увы! — последнюю в СССР холмсианскую газету "Элементарно, Ватсон!". Недавно в программе "Герой недели" показали режиссера И. Масленникова, который сохранил один экземпляр и демонстрировал интервьюеру: "Какие-то психи на Урале выпускали!.." Психи — это мы. Для удобства общения с заграницей мы организовали Уральское холмсианское общество (УХО) и даже — из каких-то совсем уж шапкозакидательских побуждений — собирались поставить в Свердловске памятник Холмсу и Ватсону. Точнее, так: наш друг Женя Касимов призывал ставить статуи литгероям, чтоб их соседство выявило невсамделишность истуканов политических. Чтобы особо рьяные "прорабы перестройки" не кидались на последних с кувалдами. (Несколькими годами позже мы нашли средства на более рентабельный мону-

© Александр Шабуров, 2008

мент — Человеку-невидимке: бронзовая плита 2 на 2 метра да отпечатки босых ног. Бывая в Екатеринбурге, я прихожу туда, как к себе на могилку.)

Старинное хобби оказалось благополучно забыто, пока в прошлом году я не собрался в Швейцарию. Довольно надолго. Опасаясь, как бы я не изнемог в чужих краях от скуки, подруга того самого Курицына напомнила мне: "Там же Рейхенбахский водопад! Где Шерлок Холмс с профессором Мориарти сражался! Как ты мог забыть?!" Ай-ай-ай! В ближайшее воскресенье прошу друзей отвезти меня к водопаду — и нахожу рядом музей-квартиру Великого Детектива... Я знал, что такой существует, из газетных заметок середины прошлого века, но не подозревал, что все это сохранилось. Оказывается, в Швейцарии все на своих местах. Каждая деревушка — горнолыжный курорт, любые достопримечательности берегут для туристов. В голове моей срабатывает какой-то тумблер. Начинаю вспоминать, заглядываю в Интернет — и обнаруживаю, что в Швейцарии СРАЗУ ДВЕ мемориальные квартиры Шерлока Холмса! Одна — во французской части, другая — в немецкой. Былая страсть просыпается. Из Швейцарии я лечу в Лондон, ибо там — мало кто знает — ТОЖЕ ДВА музея-квартиры Холмса! И теперь я единственный россиянин, который побывал сразу во всех!!! Плюс один из немногих, кому это интересно... В Швейцарии надо мной похохатывало, можно сказать, все народонаселение. Искренне не понимавшее, куда и зачем я стремлюсь!!! В своем ли я уме? Впрочем, в Лондоне холмсианские мемориалы тоже лишь для туристов. Нам это когда-то казалось окном в Европу, а британцы считать себя европейцами не желают...

Как я уже похвастал, сразу два музея-квартиры Великого Детектива имеются в Швейцарии. Первый организовал в 1965 году в Шато-де-Люсен под Лозанной сын Артура Конан Дойла Адриан, второй — в Мейрингене, в бывшей англиканской церкви — его дочь Джейн. Первый

претендует на дотошное воссоздание обстановки, второй — на точность планировки. После смерти Адриана Дойла в 1970 году отцовский замок был выставлен на продажу, и в июле 2001-го музей переехал напротив — в здание ратуши.

22 мая 1951 года (ко дню рождения Конан Дойла все же, а не Шерлока Холмса!) на лондонской Бейкер-стрит открылась первая мемориальная выставка, посвященная Великому Детективу и его биографу, где и была воспроизведена их знаменитая гостиная. Авторам выставки, театральному художнику Майклу Уэйту и целому коллективу экспертов, удалось сломить сопротивление лейбористского большинства в местном совете Боро Сент-Марилебон, считавшего "более поучительным показать миру огромные достижения, которых добился наш район в расчистке помоек, доставшихся нам в наследство от XIX столетия".

Самым крепким орешком для организаторов выставки 1951-го оказалась топография. В викторианские времена Бейкер-стрит именовался лишь короткий участок одноименной улицы: от Йорк-плейс до нынешней Верхней Бейкер-стрит, — насчитывавший всего 85 домов. Все это объединили и перенумеровали только в 1930 году. Самым подходящим казался квартал Бейкер-стрит, № 19—35 (напротив "пустого дома" № 32), однако в конце концов выбор пал на № 217—229, где и по сию пору расположена строительная компания "Эбби Нэшнл", предоставившая помещение для выставки безвозмездно и на неограниченный срок.

Организаторы хотели добиться впечатления, будто Холмс с Ватсоном вынуждены были прервать чаепитие и неожиданно уехать. Устроители выставки даже нашли булочника, любезно поставлявшего каждое утро свежие маффины — здесь их надкусывали сразу два энтузиаста,

ведь, хотя апартаменты у Холмса с Ватсоном были общие, зубы у них были разные. Кстати, свое имя улице подарили отнюдь не булочники[1], а баронет сэр Эдвард Бейкер (1763–1825).

Постоянный музей-квартира Великого Детектива на Бейкер-стрит открылся лишь 27 марта 1990 года – все в том же "Эбби Нэшнл". Несколько лет назад третий и четвертый его этажи заполонили восковые статуи героев холмсианы – чуть не все на одно лицо. (Рядом с ним на потребу туристов открылись музеи "Битлз" и Элвиса Пресли.)

Лондону довелось быть столицей мира во времена более скромных аппетитов, и по сравнению с тем, что можно увидеть в нынешних экранизациях, гостиная на Бейкер-стрит просто крохотная: каких-нибудь 30 футов в длину, 25 в ширину и 10 в высоту, – не зря Холмс как-то пересек ее "в один прыжок" (что засвидетельствовано в "Камне Мазарини"). Освещают ее "два широких окна", одно из которых прямоугольный эркер (bow-window), каковых на Бейкер-стрит сроду не видывали; снизу на первый (а по-нашему – второй) этаж ведут 17 ступенек (Холмс сам считал в "Скандале в Богемии"). Спальня Холмса – подле гостиной, спальня Ватсона – над ней (смотри "Загадочное происшествие у моста Тор"). Во внутреннем дворе растет платан.

В каждой из "мемориальных" квартир – набор похожих предметов. Камин (единственный источник отопления в те времена), медвежья шкура, масляная лампа под потолком. Лупа, трубка и скрипка Страдивари. Армейский револьвер Ватсона "адамс" 45-го калибра и "уэбли" 32-го – Холмса. Химический уголок, справочники и картотека с вырезками. Хафиз, Гораций, Тацит, Флобер, Жорж Санд, Торо, Гёте, Карлейль, Мередит и Уинвуд Рид (и это при нелюбви сыщика к изящной словесности, кокетливо им декларировавшейся!). Упомянутые в холмсиане портреты генерала Чарлза Гордона и Генри Уорда Бичера. Фотография "Той Женщины" – Ирен Адлер. Газовый сифон в виде восьмерки. Котелок Ватсона, под которым он носил стетоскоп. Персидская туфля, где Холмс держал табак, и ведерко для угля, где хранил сигары. Коллекция сортов табачного пепла. Орден Почетного легиона, полученный Холмсом за арест Юрэ – убийцы с Бульваров. Булавка для галстука с зеленым камнем, подаренная ему королевой Викторией на личной аудиенции. Восковой бюст, простреленный полковником Мораном из духового ружья. А также украшающий стену патриотический вензель VR (Victoria Regina) из пулевых отверстий. Телефон, "появившийся" в гостиной в 1898-м, а после – в 1903-м – и граммофон. Кроме того, в спальне Ватсона выставлен портативный унитаз (точно такой же есть в Музее истории Лондона).

2. *Мемориальные доски и памятники*

Мемориальных досок тоже существует немало. Они украшают: бар "Критерион" на Пиккадилли, где доктор Ватсон впервые узнал о существовании Шерлока Холмса; химическую лабораторию больницы Свя-

1. Baker – пекарь (*англ.*).

того Варфоломея, где произошла их первая встреча; окрестности Майванда (Афганистан), где доктор Ватсон получил свое загадочное ранение; устновлена доска и возле Рейхенбахского водопада под Мейрингеном (Швейцария).

В самом Мейрингене на здании отеля "Дю Соваж" (где за дополнительную плату инсценируют и расследуют "убийства" постояльцев) висит мемориальная доска, "подтверждающая", что именно здесь останавливались Холмс и Ватсон 3 мая 1891 года. Сам водопад расположен на полпути из Мейрингена в Розенлау.

Памятников Великому Детективу также хватает.

Первая его статуя появилась 10 сентября 1988 года в Мейрингене (автор Джон Даблдэй), следующую открыли 9 октября 1988-го в Японии в Косиндзука-парке Каруидзавы (работы скульптора Йосинори Сато); 24 июня 1991 года бронзовый Холмс, которого изваял Джералд Ланг, был установлен на Пикарди-плейс в Эдинбурге (родном городе Конан Дойла). 24 сентября 1999-го памятник Шерлоку Холмсу поставили в Лондоне — на выходе из станции метро "Бейкер-стрит" (его изготовил Джон Даблдэй).

А 27 апреля 2007 года памятник Великому Детективу открылся в Москве на Смоленской набережной, возле посольства Великобритании. Авторы проекта — скульптор Андрей Орлов и фонд "Диалог культур" (установивший также в России статуи Барону Мюнхгаузену, Ходже Насреддину и Маленькому Принцу). Это первый памятник, где Шерлок Холмс и доктор Ватсон изображены вместе. Оно и понятно. Всенародно любимый советский телесериал не про дедукцию и здравомыслие, а про дружбу, про здешний обычай задушевных разговоров на кухне и про идеальные отношения между людьми[1].

Чтобы не будоражить общественное мнение, памятники обычно ставят по ночам. Дело это крупнобюджетное, всегда найдутся конкуренты, подстрекающие местных бабушек на акции протеста. И хотя у бронзового

1. "Памятниками" именовать все перечисленные сооружения не совсем точно, ибо памятники находятся в ведении государства. Эти же статуи проходят по разряду либо "декоративной городской", либо "садово-парковой" скульптуры, служат украшению улиц, и установление их согласовывается только с местными властями.

Холмса противников не было, традицию нарушать не стали. Параллельно с ним на Гоголевский бульвар – тоже под покровом темноты – повезли памятник Шолохову. На это с грустью смотрели Мастер и Маргарита, Коровьев и Бегемот с примусом и ворон в длиннющем лимузине (работы скульптора А. Рукавишникова), которые никак не дождутся своего часа.

Мы с Данилой Дубшиным договорились приехать поглазеть на погрузку. Когда еще будет повод встретиться... Отыскали скульптурную мастерскую на Новом Арбате. В час ночи, когда мы с форматорами пили чай, подъехал автокран. Подцепил стоявшую на лужайке отливку и поднял в воздух. В лучах прожектора – совсем, как железного Феликса на известных фото августовского путча 1991 года.

Именно поэтому у меня родилась оригинальная идея. Крановщик, как все владельцы автокранов и "газелей", проживает в пригороде. Где в Москве кран хранить?.. Столичных развилок он не знал и ехал за нами. Вот я и придумал: завести его на Лубянку да и выгрузить Холмса на лужайке перед ФСБ. Глядишь, там бы он и прижился. Да и сам Шерлок Холмс, относившийся с пренебрежением к Скотленд-Ярду, не брезговал поручениями Форин Оффис. После чтения статей Дмитрия Галковского, буквально помешанного на том, что Россия всегда была криптоколонией Британской империи, а ее история и политика – происки британских спецслужб, увлечение Холмсом в начале XX века уже не кажется мне таким безобидным... Однако мои спутники относились к нашей миссии более серьезно и мою идею установить Холмса на Лубянке не поддержали.

Возле Британского посольства грузовик караулили телекамеры и фотовспышки. Вокруг вышагивал Руслан Байрамов, директор фонда "Диалог культур", который и придумал устанавливать в Москве памятники литгероям. Фотографировал с разных сторон статую на мобильный телефон и рассылал снимки знакомым. Говорил возбужденно:

– Не утерпел до завтра, сам приехал. Вы тоже фотографируйте, это ж исторический момент!..

На памятнике, надо отметить, нигде ничего про его фонд не написано. Я показал ему пожелтевшую газетку семнадцатилетней давности, которую не удержался взять с собой. Там на первой полосе – фото моей давнишней модели памятника для Екатеринбурга.

Байрамов говорит:

– Ну что, сбылась наша мечта?

А я молчу. Не хочу показаться сумасшедшим фанатом. Стараюсь выглядеть по возможности сдержанно. Неудобно в зрелые годы радоваться на людях по такому мальчишескому поводу...

3. "*Кто вы, доктор* Ватсон?", *или* "*Отец*" *холмсоведения*

Поводом к игре в холмсоведение послужили неточности и несовпадения, которыми переполнены до краев все "сочинения доктора Ватсона". Половина грешит путаницей в датировке. Судите сами.

Письмо, посланное Холмсу мисс Мэри Морстен 7 июля, пришло почему-то "осенним вечером". Это при том, что по британской почте можно было сверять часы.

24 апреля 1891 года Холмс говорит Ватсону: "Вы, я думаю, ничего не слышали о профессоре Мориарти? Гениально и непостижимо!" А ведь они имели удовольствие неоднократно беседовать о профессоре еще в январе 1888 года – в "Долине страха"!

После схватки с профессором Мориарти 4 мая 1891 года Великий Детектив исчезает и возвращается лишь в ночь на 1 апреля 1894-го, однако события, описанные Ватсоном в "Вистериа-лодж", происходят в марте 1894 года.

В том же году полковника Морана казнят за убийство, но в 1902 году Холмс заявляет, что он еще жив!

Орхидеи, которые д-ра Ватсона просит сорвать жена Стэплтона в "Собаке Баскервилей", в октябре в Англии не цветут.

И это только цветочки!.. Змея в "Пестрой ленте" (по утверждению серпентологов) не способна спускаться и подниматься по свободно висящему шнуру. Если собаку Баскервилей намазать фосфором, то она а) потеряет нюх и б) тут же все с себя слижет. А у андаманского аборигена из "Знака четырех" ну никак не могло быть "копны всклокоченных волос" вследствие обычая этой народности брить себе голову.

При вселении на Бейкер-стрит во времена "Этюда в багровых тонах" Ватсон сообщает, что у него есть щенок-бульдог, которого ни разу больше не вспоминает. Ну и так далее и тому подобное.

Самая знаменитая загадка в текстах доктора Ватсона – обмолвка его жены, миссис Мэри Морстен Ватсон, назвавшей мужа в рассказе "Человек с рассеченной губой" не Джоном, а Джеймсом. Правдоподобное объяснение этому нашла в 1944 году Дороти Сейерс: дескать, James – англизированный вариант шотландского имени Hamish, обозначенного в полном имени доктора инициалом H. Однако не тут-то было! Блесс Остин тут же возразил, что гэльский аналог имени Джеймс – Шеймас (Seamus), где буква "H" отсутствует. Самой неразрешимой проблемой для исследователей являются женитьбы доктора Ватсона, которых не счесть.

Многие комментаторы выражают сомнение, удалось ли Ватсону получить степень доктора медицины (а не бакалавра). И отчего его не наградили после ранения, переведя в другой полк? Раз его не предали военно-полевому суду, не посадили и не изгнали из армии – о дезертирстве или невыполнении приказа речь не шла. Остается единственное объяснение: Ватсон подцепил венерическое заболевание (что в тогдашней армии было в порядке вещей). А Рекс Стаут выдвинул совсем уж издевательскую гипотезу: "Ватсон был женщиной".

Еще бóльшую неразбериху привнесли в сочинения д-ра Ватсона их переводчики на русский язык. Монету пенни они стали именовать "пенсом", хэнсом (одну из разновидностей кебов) упростили до "такси", Босуэлла заменили "биографом", Английский канал (так англичане окрестили Ла-Манш) для понятности Ла-Маншем и называли, а прямоугольное выступающее окно (или по-нашему эркер) в гостиной на Бейкер-стрит просто-напросто отказывались замечать...

Гораздо легче понять, отчего из советского перевода "Пляшущих человечков" пропал абзац:

– Считаю своей обязанностью предупредить, что это может быть использовано против вас, – воскликнул инспектор в благородном порыве, продиктованном британским уголовным законодательством.

Но самый смешной казус в русских отчетах доктора Ватсона приключился с бренди. Все незнакомые напитки за "железным занавесом" были неразличимы, потому бренди в одном переводе превратился в коньяк, в другом – в водку, а в третьем – в виски:

"Brandy! Brandy!", he gasped and fell groaning upon the sofa.

– Виски! Виски! – прохрипел он и со стоном рухнул на диван. <...> Он выпил целую бутылку виски, и только это, по-видимому, его спасло.

Сколько человеческих жизней можно было бы спасти, имея верный перевод! Сколько наивных душ навсегда разочаровалось в употреблении виски, не дождавшись обещанного целебного эффекта!

Рыцари со страхом и упреком

Джулиан Барнс *Артур и Джордж* / Пер. с англ. И. Гуровой. — М.: АСТ; АСТ МОСКВА; ХРАНИТЕЛЬ, 2007

Начало с конца. Таков был принцип, которому следовал сэр Артур Конан Дойл, создавая свои произведения. Начало книги "Артур и Джордж" — это описание конца жизни: самое раннее воспоминание Артура связано со смертью бабушки. Джордж Идалджи не запомнил своих первых впечатлений, а воображения, чтобы их придумать, ему не хватило. Все пробелы в биографии Джорджа восполнил Джулиан Барнс, да так удачно, что не поймешь, кто из героев для него важнее.

О том, что Артур — это знаменитый создатель Шерлока Холмса, мы узнаем только к концу первой части. Короткие главы, посвященные двум героям, чередуются, заставляя читателя гадать, что же связывает молодого врача-офтальмолога, начинающего романиста из Эдинбурга (Дойла), и специалиста по железнодорожному праву, сына приходского священника из Стаффордшира (Идалджи). Как позже станет ясно, они оба — "неофициальные англичане". В Артуре течет кровь ирландских предков, а Джордж — сын индийца, обратившегося в христианство, и шотландки.

В остальном они, на первый взгляд, — полная противоположность. Дойл — блестящий рассказчик, спортсмен, общественный деятель; Идалджи — скромный юрист "без воображения", стремящийся жить, не привлекая к себе внимания. Но, настоящий англичанин по образованию и воспитанию, Джордж Идалджи все же человек другой расы и не может не выделяться из толпы. Неожиданно для себя он обретает скандальную известность: его обвиняют в порче скота, и дело просачивается в газеты ("Бойня в Грейт-Уэрли"). Выясняется, что близорукий и замкнутый стряпчий якобы был членом шайки и зарезал лошадь (возможно, не одну), а также писал "угрожающие и непристойные анонимные письма" жителям деревни, в том числе своим же родителям. Представленные суду улики смехотворны; тем не менее Джордж приговорен к семи годам тюремного заключения. Выйдя на свободу через три года, он хочет восстановить справедливость и свое доброе имя, для чего и обращается к сэру Артуру. Писатель откликается и берет на себя роль сыщика, расследуя дело Идалджи.

Самому Джулиану Барнсу детективный жанр хорошо знаком. В начале восьмидесятых он писал детективы под псевдонимом Дэн Кавана. И в делах юридических у автора есть опыт: закончив факультет современных западноевропейских языков в Оксфорде, Барнс позже изучал право. Как филолога и юриста его не могло не заинтересовать дело Дрейфуса, описанное историком Дугласом Джонсоном. В 1894 году офицера французского генштаба — еврея по национальности — Дрейфуса арестовали по обвинению (как выяснилось позже, ложному) в шпионаже в пользу Германии и приговорили к пожизненной каторге. Эмиль Золя,

заинтересовавшись процессом, потребовал отмены приговора и выступил в прессе с обличением антисемитов. Разбирая это дело, Джонсон упоминает сходную историю, произошедшую в Англии в 1903 году, в которой также участвовали известный писатель — сэр Артур Конан Дойл и безвинно пострадавший — Джордж Идалджи.

Два похожих случая — во Франции и в Англии. Но разная реакция общества и разные итоги. Это, в свою очередь, не могло не привлечь Барнса — известного франкофила и одновременно типичного англичанина (каким его считают французы). В романах "Метроленд", "Англия, Англия", в сборнике рассказов "По ту сторону Ла-Манша" Барнс неустанно исследует феномен "английскости" через противопоставление другой, французской, культуре. Суть национального характера легче понять со стороны, например, сыну парса, вроде Идалджи. "Франция, — рассуждает Джордж, — была страной крайностей, бешеных мнений, бешеных принципов и долгой памяти. Англия была много спокойней... местом, где общественные взрывы... скоро изглаживались из памяти. Ну, случилось, а теперь давайте забудем и продолжим жить, как жили прежде. Сделаем вид, что ничего особенно плохого не было с самого начала".

Интересно, как, описывая увлечение Дойла крикетом, Барнс раскрывает английские национальные особенности, психологию героев, эпоху и связывает воедино многие нити в романе. "Именно от крикета ведут свою родословную те принципы спортивной этики, которые стали для англичан основами подобающего поведения" (Всеволод Овчинников "Корни дуба"). В крикете джентльмены противопоставлены профессионалам. Дойл играет за джентльменов, то есть любителей; дело Идалджи он расследует тоже как любитель. Пробуя себя в роли Шерлока Холмса, он остается прежде всего автором детективов, поэтому вместо того, чтобы заниматься сбором фактов и на их основе делать выводы, он, уверовав в невиновность Идалджи, ищет доказательства в пользу придуманной им теории, то есть пытается *переписать* дело по-своему, превращая Джорджа в героя романа. "Вот куда завел сэра Артура избыток его энтузиазма. И во всем этом виноват Шерлок Холмс. На сэра Артура слишком уж влияет его собственное творение". Недаром Дойл так невзлюбил созданного им сыщика-консультанта.

Холмс блистательно разоблачал злодеев, но ему ни разу не случалось выступать свидетелем на процессе. А Дойлу раньше не приходилось сталкиваться с расследованиями в реальности. Тем более что его противником оказывается капитан Джордж Энсон, главный констебль Стаффордшира, которому "положено быть единственным непрофессионалом в полицейских силах графства", а в суде председательствует человек, не имеющий юридического образования. Такая угрожающая концентрация любителей не сулит обвиняемому ничего хорошего.

В реальном мире, как неоднократно дают понять сэру Артуру, все гораздо сложнее, чем в книгах. Абсолютно невиновных не бывает. Поэтому комиссия, назначенная для пересмотра дела Идалджи, не оправдывает его полностью: его называют человеком "заблуждающимся и злокозненным", который сам навлек на себя беду. И Конан Дойл тоже не без греха. Луиза, его больная туберкулезом первая жена, медленно угасает, а он влюбляется в молодую женщину и десять лет, вплоть до смерти Луизы, ведет двойную жизнь. Его

гложет чувство вины, от которого он пытается избавиться, восстанавливая доброе имя Джорджа.

В мире, созданном Барнсом, вообще нет ничего абсолютного: ни справедливости, ни любви (Дойл сомневается в чувствах своей возлюбленной), ни конечной истины (еще в "Истории мира в 10 1/2 главах" Барнс демонстрировал, как много вариантов у "истины"). Можно ли в таком случае знать что-то наверняка? Вряд ли. Но можно верить. Дойл, прошедший через "медицинский материализм" и рационализм, постепенно начинает интересоваться метафизикой, телепатией и, наконец, вступает в общество спиритических изысканий. В этом он сын своего века — поздневикторианской и эдвардианской Англии. Спиритизм не обошел вниманием ни один биограф Конан Дойла. Согласно общепринятой версии, писатель обратился в новую "веру", когда на войне был убит его сын. Но в романе Барнса увлечение спиритизмом показано как естественный итог долгих исканий героя: исканий рационалиста, который "видит проблему — смерть" и стремится найти для нее решение, и романтика (Конни, сестра Дойла, чувствует, что всему виной "любовь к рыцарственности и вера в золотой век").

Эзотерика в жизни сэра Артура — это его "романтическое двоемирие". Вот только в случае Дойла мира не два, а три: реальный, художественный (его книги) и мистический (потусторонний). Грань между ними тонка, а порой и совсем незаметна. Беда Дойла в том, что он "заигрался", а потому не смог добиться полной победы в деле Идалджи. Джордж, хоть и близорук, видит лучше многих в этой книге и понимает, что методы Великого Сыщика, уместные в детективе, не всегда работают на практике. Дойл придумал жертву, создав образ, в котором Джордж узнает себя с трудом; придумал виновного и мотив и вжился в роль рыцаря, который выходит на поединок "ради Джорджа, ради правосудия, ради чести своей страны; но, кроме того, и ради своей возлюбленной. Трофей, достойный того, чтобы сложить к ее ногам".

Таким, немного тщеславным, увлекающимся, несдержанным, предстает перед нами Артур. Далеко не идеальный, а потому живой. Не будь его пыла и порой — чрезмерного энтузиазма, роман мог бы показаться затянутым. Барнс уделяет много внимания судебной хронике, полностью приводит все письма, вырезки из газет, документы. Читатель проникается мыслью, что это невымышленная история. При этом синтаксис, выбор слов, даже пунктуация отсылают к викторианской литературе. Жаль, что в переводе Ирины Гуровой это не отражено.

Перевод подобного романа, безусловно, дело непростое. Надо разобраться в юридических терминах, избежать ошибок при описании следствия, передать стилизацию и не осовременить текст. Поэтому режет глаз, например, слово "копирайт". Некоторые обороты представляются явными кальками с английского ("на его часы посмотрено", "он обнаружил некомфортности"), другие выглядят слишком тяжеловесными даже для викторианского романа. Кроме стилистических огрехов есть и фактические ошибки. Так, подлинная, не выдуманная Барнсом фамилия преступника, резавшего скот, — Шарп, а в переводе она превращается в "говорящую" — Остер.

Впрочем, современным текст делает не только перевод: в частности, проблема расовых предрассудков, настолько злободневна, что некоторые критики недоумевают: зачем писать роман о прошлом, чтобы поговорить о том, что беспокоит сегодня, сей-

час. Барнс, как он сам утверждает, не преследует цели убедить в чем-либо своих читателей. И в ответ на вопрос: "Почему это стоит прочесть?" — отвечает: "Не могу сказать. Я не политик". Что же побудило его взяться за эту историю?

Пожалуй, помимо темы вины и невиновности, духовных поисков, национальной идентичности, границ реальности и литературы, надо упомянуть еще тему памяти. По признанию автора, история Идалджи заставила его задуматься, почему одних людей помнят долго, а других тотчас забывают. На процессе обвинитель заявляет, что мотивом преступлений, якобы совершенных Джорджем Идалджи, было желание обрести известность. Избегавший шумихи, Джордж со временем начинает досадовать, что его слава — сомнительная слава жертвы судебной ошибки — меркнет. Англия забывает его. Джордж считает, что за свои страдания заслуживает большего. И Джулиан Барнс с ним согласен. Пусть спустя сто лет, но справедливость восстановлена. Имя скромного юриста теперь запомнят все.

Юлия Клименова

В начале был Холмс, и Холмс был у Дойла...

Боб Гарсиа *Завещание Шерлока Холмса* / Пер. с франц. Ю. Воркуевой. — М.: Гелеос, 2007

Почему пишутся продолжения? Что зачастую толкает известного и популярного автора браться за очередное приключение Долговязого Джона Сильвера или неунывающего д'Артаньяна? Оставим в стороне финансовые вопросы. В конце концов писательский труд — это работа, а хорошая работа должна и оплачиваться хорошо. Возьмем на себя смелость обозначить несколько наиболее вероятных причин.

Первой, наиболее часто встречающейся, является заманчивая "легкость" письма. Ведь авторский мир уже придуман, персонажи выведены, задана некая глобальная последовательность событий; остается добавить чуть-чуть своего — и новый роман готов! Пусть роман "электронный", выложен на "фанском" сайте и вряд ли выйдет в бумажном виде — зато написан мной! А заодно можно и "подправить" автора, перевернуть привычные представления, вставить в контекст "себя любимого". Тем более это легко сейчас, при всеобщей компьютеризации и всепроникающем Интернете. И создаются все новые и новые сайты, набитые новыми приключениями Скалли и Малдера, Гарри Поттера и Фродо Бэггинса... Но "легкость" обманчива. Многочисленным авторам "фанфиков" удается в лучшем случае более-менее органично впихнуть в чужой авторский мир удачный анекдот, любовную историю или пару "боевок". Потому 90 % этого творчества составляют рассказы в десяток страниц из серии "прочитал — забыл". Крупные вещи, тянущие на размер средней книги, редки, да и литературный их уровень не намного превышает творчество выпускника филфака... Хотя пытливый читатель может с удивлением обнаружить любительские романы, превосходящие оригинальные и по количеству свежих идей и по мастерству, с которым выписаны персонажи, и по увлекательности повествования... Беда лишь в том, что такой читатель скорее всего не доберется до этих замечательных романов — ему не вы-

браться из-под груды менее удачных "фанфиков".

Вторая причина сродни взрослой игре в "солдатики" (что бы под ней ни подразумевалось — от компьютерных и настольных игр до пейнтбола и охоты). Не наигравшись в юные годы, возмужавшие и поднаторевшие в литературном творчестве писатели, решают "дописать" любимые произведения детства. Ведь так много интересного осталось "за кадром"! Так много не успел рассказать автор! Например, как вернулся на Остров Сокровищ подросший Джим Хокинс. Или: что послужило реальной причиной Войны Кольца и что случилось после окончания военных действий. Или: почему пропал Путешественник во времени. Или: как Алиса попала в еще одну чудесную страну — Заиголье.

Не стоит также забывать о желании отдать дань уважения автору — создателю оригинального мира. Как правило, пишут подобные продолжения известные и вполне состоявшиеся писатели, зачастую сами создавшие запоминающиеся вселенные. На Западе большой популярностью пользуются межавторские сборники, действие которых происходит, например, в мирах Айзека Азимова или Фреда Саберхагена, Роджера Желязны или Дж. Р. Р. Толкиена. Не так давно и у нас вышел трехтомник подобных произведений, посвященных мирам братьев Стругацких под очень верным названием "Время учеников".

Наиболее часто воспроизводимым оказался мир, созданный Артуром Конан Дойлом — мир викторианской Англии, почти настоящей, отличающейся от нашей лишь существованием единственного в мире сыщика-консультанта Шерлока Холмса. Образ гениального сыщика, стража чистоты нравов Британских островов от пришельцев из Британской Империи, защитника простых граждан, не забывающего и об интересах правительства, неожиданно оказался родным и близким и самим англичанам, и их северо-американским кузенам, и подданным бывших Германской и Российской империй, да что там — всем тем, кого мы привыкли именовать представителями просвещенной европейской цивилизации.

Вот уже более ста лет все новые и новые писатели подключаются к увлекательной шерлокианской игре — первые подражания появились еще в конце XIX века, а уж в веке XX дело было поставлено на широкую ногу. Сотни новых рассказов были написаны в Америке и Европе... До сих пор можно найти пожелтевшие брошюры с "таинственными", "необыкновенными" или попросту "новейшими" приключениями Шерлока Холмса. Впрочем, после двух мировых войн, после начавшегося глобального противостояния двух систем, гениальный сыщик покинул бульварные брошюрки... И вернулся к нам уже вполне респектабельным героем полноценных детективных романов. К последним относится и выпущенный издательством "Гелеос" роман французского писателя Боба Гарсиа "Завещание Шерлока Холмса".

Текст аннотации настораживает — "Трагическая случайность унесла жизнь гениального сыщика Шерлока Холмса.... В своем завещании он поручает друзьям поставить последнюю точку в этом загадочном деле!" Немедленно приходит на ум роман Фоссета Куина "Братство Страха", в котором едва ли не единственным каноническим персонажем шерлокианы является Майкрофт Холмс, да и то действует он лишь в первых и последних главах. Отсутствие в романе ключевых героев сказалось не лучшим образом и на продаже этой книги и привело к закрытию серии

"Новые приключения Шерлока Холмса" издательства "Терра". Да, мы бесконечно уважаем и доктора Ватсона, и Лестрейда, и даже миссис Хадсон, но дайте же нам Холмса!

К счастью, уже к третьей главе становится ясно, что "Завещание..." напоминает скорее "Этюд о страхе" Эллери Квина. Да, перед нами новое приключение Шерлока Холмса, тщательно записанное доктором Ватсоном, которое много лет спустя оглашается нотариусом перед постаревшими Ватсоном, Лестрейдом и Майкрофтом Холмсом. В главках-перебивках старые знакомые пытаются разрешить загадку очередного "Последнего дела Холмса" и распознать убийцу. Сходен с квиновским и преступник — очередная реинкарнация Джека Потрошителя, потрясшего туманный Лондон цепью жестоких убийств. Так же как и у Квина, рукопись Ватсона не проливает свет на обстоятельства преступления — героям придется разоблачить убийцу уже в реальном мире, перевернув последнюю страницу завещания.

Впрочем, читателю также скучать не придется. Во-первых, "Завещание Шерлока Холмса" (в отличии от Канона[1] Артура Конан Дойла) — это классический детектив. При внимательном чтении можно обнаружить ключи к разгадке и назвать имя убийцы раньше не только простоватого доктора, но и опытного инспектора. Наиболее внимательные читатели могут обогнать даже самого умного из братьев Холмс.

Во-вторых, сюжет романа увлекателен. Читатель погружается в мрачную атмосферу викторианского Лондона, замершего в ожидании очередного убийства. Причем, в отличие от Джека Потрошителя, жертвами которого становились исключительно проститутки Уайтчепела, герой Гарсиа, Марк Дьюэн, убивает всех: детей и стариков, мужчин и женщин. Никто не может чувствовать себя в безопасности. Жертвами становятся представители всех классов и сословий. Холмс разыскивает убийцу в заброшенных скотобойнях и аристократических особняках, в англиканской церкви и оккультной ложе, в редакции бульварного журнала и тюремных казематах.

В-третьих, книга просто-таки насыщена яркими образами. Здесь и мятущийся Шерлок Холмс, и еще не оправившийся от тифозного рецидива доктор Ватсон, и загадочный Гудини, и не менее загадочный Кроули. На страницах романа читателю встретятся омерзительный тюремщик и неразборчивый издатель, священник, моряк, адвокат, хирург... Пусть знакомство со многими героями будет самым непродолжительным, но каждому Боб Гарсиа найдет пару-другую характерных черточек, обрисует портрет несколькими штрихами — и нам покажется, что мы знаем этого героя давным-давно.

Стоит обратить внимание и на недостатки романа. Главным, пожалуй, является слабое знакомство с Каноном — впору хватать блокнот и начинать записывать холмсианские "ляпы" автора. Так, миссис Хадсон никак не может узнать инспектора Лестрейда, хотя знакома с ним уже лет пятнадцать. Майкрофт Холмс оказывается обладателем шикарной бороды и смахивает на библейского патриарха. Доктор Ватсон проделывает лихие акробатические трюки, невзирая на ранения, возраст и привычку к уютной семейной жизни. Впрочем, все это меркнет перед ключевой ошибкой автора. По мнению Боба Гарсиа, Холмс прини-

1. Канон — так уважительно именуют поклонники шестьдесят произведений А. К. Дойла о Шерлоке Холмсе — четыре повести и пятьдесят шесть рассказов.

мает наркотики во время расследования, дабы "подстегнуть" мыслительные процессы. Естественно, ни к чему хорошему это не приводит — и Холмс просто-напросто проваливает расследование, теряет заслуженную репутацию, дружбу Ватсона и отправляется в добровольное изгнание. Увы, но ради того, чтобы поучаствовать в компании "Скажи НЕТ наркотикам" автор извращает образ, созданный Дойлом. Истинный Шерлок Холмс употреблял наркотики лишь при полном отсутствии интересных преступлений: "Мой мозг бунтует против безделья. Дайте мне дело! Дайте мне сложнейшую проблему, неразрешимую задачу, запутаннейший случай — и я забуду про искусственные стимуляторы"[1]. Причем к 1898 году (это как раз предполагаемое время действия "Ужаса над Лондоном" — рукописи из "Завещания Шерлока Холмса") Шерлок уже избавился от этой скверной привычки, о чем нам и поведал неутомимый доктор Ватсон в рассказе "Пропавший регбист".

Еще одним просчетом автора являются чудовищные временные нестыковки романа. В какой-то момент начинает казаться, что действие романа протекает не в старой доброй Англии, а в альтернативной. Холмс действует именем Королевы, значит, действие романа ограничено 1901 годом. Первый приезд Гудини в Англию состоялся в 1900 году, что вроде бы согласуется с предыдущей датировкой. Но вот Холмс присутствует на магическом ритуале секты "Серебрянная звезда", заканчивающимся гибелью жены основателя секты Алистера Кроули. Напомним читателю, что "Серебрянная звезда" в нашем мире была создана в 1907 году, а Роза Кроули сошла с ума в 1909-м и скончалась в 1913-м. Кроме того, наиболее точная датировка приводится доктором Ватсоном — во время расследования первого убийства он как раз редактирует рассказ "Скандал в Богемии" для первого книжного издания, которое, как известно, было осуществлено еще в 1892 году. Да, в романе действует и знаменитый предводитель "Нерегулярных полицейских отрядов Бейкер-стрит" Уиггинс — но он совсем не вырос со времен "Этюда в багровых тонах", то есть с 1881 года, хотя в романе упомянута давно прошедшая зима 1886 года...

Не прибавляет очков автору и ряд уж совершенно невикторианских реалий вроде бульварного журнала "Фантастика", подозрительно похожего на американские фантастические журналы 20-х годов, или торжественного приземления в Гайд-парке дирижабля фон Цеппелина. Как известно, "цеппелины" через Английский канал летали исключительно в Первую мировую, да и то, так сказать, в беспосадочно-разгрузочном варианте. Кстати, похоже, что в этой альтернативной Англии Первой мировой войны вовсе не было!

Невозможно не упомянуть и об огрехах перевода, видимо позаимствовавшего у оригинала французское произношение. Иначе как объяснить, что Уайтчепел стал Уайтшепелем, Уиггинс — Хиггинсом, а фон Цеппелин — фон Зеппелином.

Впрочем, по прочтении романа закрадывается подозрение, что многочисленные "ляпы" допущены автором вполне сознательно. Боб Гарсиа словно предлагает читателю поиграть в увлекательную литературную игру. Но не будем раскрывать всех секретов романа. Заметим лишь, что читателю, решившему поучаствовать в игре, придется частенько заглядывать в справочники по викторианскому и эдвардианскому периодам английской исто-

1. "Знак четырех". Перевод М. Литвиновой.

рии, либо воспользоваться надежным интернет-поисковиком. Попутно заметим, что изданию отчаянно не хватает справочного послесловия, короткого обзора исторического фона романа с указанием действительных поступков выведенных в романе реальных лиц. К сожалению, это можно сказать практически о любой выходящей сегодня художественной книге. Даже при перепечатке классических переводов из изданий исчезают примечания, вступления, комментарии. Что уж говорить о совсем новых романах!

Так что же у нас получается в итоге? Стоит ли поставить в заслугу издательству этот "дополнительный" том к собранию сочинений Артура Конан Дойла? (А "Завещание Шерлока Холмса" выпущено в серийном "дойловском" оформлении). Думаю, стоит. И вот почему. На протяжении последних пятнадцати лет практически каждое крупное издательство затевало выпуск "Новых приключений Шерлока Холмса". И "АСТ", и "Армада", и "Терра", и "Эксмо" — все действовали по абсолютно одинаковому сценарию. Заявляется громкое имя Холмса, выпускаются две-три книги — и серия благополучно завершается, чтобы уже не возобновиться. Составители серий не желали понять потребность российского читателя не просто в Холмсе, а именно в привычном, "советском" варианте Холмса. Этот вариант, сформированный замечательными переводами и получивший дальнейшее развитие в популярнейшем телесериале Масленникова значительно отличается от канонического. У Дойла, особенно в первых публикациях, Шерлок Холмс действительно смахивает на ходячий арифмометр, а Ватсон — на восторженного дурачка. Но в дальнейшем образы главных героев развиваются, основной поток зарубежной шерлокианы следует именно этому стандарту. "Советские" же Холмс и Ватсон — практически коллеги, верные товарищи, пусть один и чуть простоват, а другой более искушен. Переводя же зарубежные романы, отвечающие стандарту "Этюда в багровых тонах", издатели заранее обрекали серию на провал.

"Завещание Шерлока Холмса" стоит ближе к "нашему" традиционному прочтению. Мятущийся и страдающий Холмс Гарсиа — это, скорее, герой психологического романа, чем объект инструкции по пользованию механическими счетными машинами. Ватсон, предстающий перед нами дважды — с интервалом в 15 лет, — скорее похож на самого Дойла, прошедшего путь от бедного врача до известного сочинителя. Именно в этом кроется еще одна несомненная удача и автора, и издательства, взявших на себя смелость познакомить российского читателя с еще одной "неизвестной страницей" неиссякающей шерлокианы.

Антон Лапудев

Занимательное викторианство

С. Чернов *Бейкер-стрит и окрестности (Мир Шерлока Холмса. Краткий путеводитель для авторов и читателей).* — М.: ФОРУМ, 2007

Интерес ко всему викторианскому становится в последние годы все более и более заметным феноменом современной западной культуры. На викторианские темы пишутся не только научные труды, но и детективы, причем детективы не только высоколобые, как, например, "Обладать" Антонии С. Байетт, но и самые ширпотребные — вроде романов

Энн Перри. В этом есть определенная историческая правда возвращения к истокам: в конце концов детектив в том виде, в каком мы его знаем и любим, — это классический викторианский жанр.

Теперь, когда волны викторианского возрождения постепенно докатываются и до наших берегов (свидетельство чему хотя бы тот номер "Иностранки", который вы держите в руках), неудивительно, что в авангарде идут любители криминального жанра, особенно шерлокианцы. В мире, наверное, нет более узнаваемого викторианского "бренда", чем Шерлок Холмс; уж в нашей стране — наверняка.

Книга петербургского исследователя Светозара Чернова "Бейкер-стрит и окрестности", вышедшая недавно в издательстве "Форум", использует славу знаменитого сыщика с корыстной целью — для привлечения читателей; но Холмсом тематика книги не исчерпывается. Это настоящая мини-энциклопедия британской жизни второй половины XIX века. Книга открывается вполне детективным сюжетом о поиске "настоящего" дома Шерлока Холмса. Знаменитый номер 221Б — творческая фантазия; во времена Холмса на Бейкер-стрит было всего 80 домов. Впрочем, Чернов заранее сообщает нам: "О том, имел ли сам Дойл в виду какой-то конкретный дом, когда в 1886 году помещал своего героя на Бейкер-стрит, практически ничего не известно". За этим следует широкая панорама викторианской жизни — устройство дома, мебель и утварь, еда и напитки, улицы и магазины, медицина, сексуальная жизнь и методы контрацепции, мода и пресса, транспорт и средства коммуникации (почта, телеграф, телефон). Чернов подробно объясняет, как могла быть устроена гостиная в доме миссис Хадсон, чем занималась в свободное время жена доктора Ватсона и почему почта работала безукоризненно (эта деталь удивляла миллионы советских читателей, да, в общем, удивляет и теперь). Книга заканчивается темами, особенно важными для понимания рассказов Конан Дойла: полиция, оружие, криминалистика, погоня за преступником по Темзе. И здесь автор не забывает о мельчайших деталях: мы узнаем, что "...констеблям и сержантам позволялось носить усы и бороду такой длины, чтобы они не закрывали личный номер на воротнике мундира". Отдельное достоинство книги — аутентичные иллюстрации; именно в викторианскую эпоху иллюстрированные журналы стали важнейшим литературным явлением, да и вообще произошло то сближение слова и изображения, плоды которого (хотя бы в форме кинематографа) мы пожинаем до сих пор. Книга Чернова богато иллюстрирована журнальными картинками той эпохи, изображениями из богатейших каталогов, по которым уже тогда можно было заказать буквально любой товар, карикатурами, которые порой дают больше для понимания духа времени, чем репортажная фотография.

Книга Чернова — безупречный образец страноведческого жанра, тоже очень популярного на Западе и постепенно, по мере ознакомления соотечественников с остальным миром, завоевывающего позиции и в России. При этом Чернов обеспечивает своего рода мост между страноведением современным и тем, что заменяло этот жанр для советских людей, — художественной литературой. Ведь о жизни Англии, Франции или Америки мы когда-то могли узнать только из программы "Время", от Юрия Сенкевича или от зарубежных авторов: Конан Дойла, Сименона, Хемингуэя... На этом стыке Чер-

нов успешно погружается в отдельный жанр "ретространоведения", знакомя читателей не только с иной страной и культурой, но и с иной эпохой и с ее собственными представлениями о себе. По-русски здесь есть идеальный образец — "Занимательная Греция" М. Л. Гаспарова. Были и другие попытки ввести читателя в мир автора не только через литературные, но и через бытовые подробности. Так подходили русские формалисты к переводным произведениям; так составлял уникальные примечания к диккенсовским "Запискам Пиквикского клуба" Г. Я. Шпет. Чернов выступает достойным продолжателем этой традиции.

Сравнение академичнейшего труда Шпета и на первый взгляд развлекательной книги Чернова неслучайно. За "Бейкер-стрит" стоят долгие годы кропотливой работы, тщательной проверки подробностей, переписка с собратьями по "безумию", столь же истовыми любителями британской старины (один из них — Даниил Дубшин — написал к книге предисловие). При этом для Светозара Чернова литературоведческие и исторические исследования — хобби, а не основная профессия; а качество и глубина его работы таковы, что большинству профессионалов стоило бы поучиться.

"Бейкер-стрит и окрестности" не свободна от недостатков. Так, в ней почти не уделяется внимания литературе и культуре эпохи (что, впрочем, можно списать на утилитарный характер деятельности Холмса, который литераторов якобы не жаловал; с другой стороны, музыку он очень даже любил и неплохо в ней разбирался). Автор иногда ошибается в мелочах, которые, правда, выходят за рамки собственно английской традиции: например, неверно транслитерирует французские фамилии. Наконец, не может не вызвать удивления та целевая аудитория, которую Чернов намечает для себя в предисловии, — авторы потенциальных "фанфиков", рассказов "под Конан Дойла", стилизованных под время и место традиционной шерлокианы. Безусловно, потенциальных читателей и "потребителей" у черновской энциклопедии в сотни раз больше. Для каждого из нас такая книга могла бы стать новым и бесценным путеводителем по миру давно знакомой литературы; благодаря подобным трудам картина, которую рисует Конан Дойл, становится неожиданно четкой и объемной, в ней открываются детали и уровни, о которых мы раньше не подозревали или не задумывались.

С другой стороны, учитывая популярность ретростилизаций, в том числе детективных, в отечественной литературе, и то, как плохо их авторы разбираются в истории, — благородный гнев Светозара Чернова и его желание хоть как-то исправить ситуацию вполне можно понять.

Виктор Сонькин

Дэниел Сташауэр
Daniel Stashower
[р. 1961]. Американский писатель, историк культуры, журналист. Лауреат премии *Эдгар* [1999].

Автор детективных романов о Гарри Гудини *Эктоплазматический человек* [*The Adventure of the Ectoplasmic Man*, 1985], *Убийство парящей женщины* [*The Floating Lady Murder*, 2000], *Призрак Гудини* [*The Houdini Specter*, 2001] и др., а также научно-популярных книг об истории культуры *Вундеркинд и магнат: неизвестная история телевидения* [*The Boy Genius and the Mogul: The Untold Story of Television*, 2002] и *Прекрасная продавщица: Мэри Роджерс, Эдгар Алан По и изобретение убийства* [*The Beautiful Cigar Girl: Mary Rogers, Edgar Allan Poe, and the Invention of Murder*, 2006].
Текст публикуется по изданию *Teller of Tales: the Life of Arthur Conan Doyle* [Washington, D. C.: Henry Holt & Co., 2001].

Антон Анатольевич Лапудев
[р. 1970]. Публицист, член Союза журналистов России. Исследователь творчества братьев Стругацких и А. Конан Дойла, издатель альманаха *Мистер Шерлок Холмс*, составитель библиографий русскоязычных публикаций А. Конан Дойла.

Автор ряда *шерлокианских* продолжений, произведений по мотивам книг братьев Стругацких, статей *Суета вокруг Стругацких* [журнал *Семечки*, 1998, № 4, в соавторстве с В. Борисовым] и *Продолжение следует!* в академическом издании романа *Улитка на склоне* братьев Стругацких [М.: Новое литературное обозрение, 2006].
В *ИЛ* публикуется впервые.

Александра Леонидовна Борисенко
Переводчик, литературовед, кандидат филологических наук.

Автор ряда эссе и переводов, напечатанных в *ИЛ*: *О Сэлинджере с любовью и всякой мерзостью* [2001, № 10], *Песни невинности и песни опыта* [2002, № 4], *Льюис Кэрролл: мифы и метаморфозы* [в соавторстве с Н. Демуровой; 2003, № 7], *Иэн Макьюен: Фауст и фантаст* [2003, № 10], *Литературные премии США – XXI век* [в соавторстве с В. Сонькиным; 2004, № 4]; перевод фрагментов книги Э. Хоффман *Искусство потерь: опыт жизни в новом языке* [2003, № 1], эссе А. Картер *Элисон смеется* [2003, № 6], Л. Менанда *"Над пропастью во ржи" 50 лет спустя* [2005, № 10], Г. Грина *Беатрикс Поттер: критический очерк* [2006, № 1], Х. Карпентера *"Джейн Остин детской": Беатрикс Поттер как мастер стиля* [в соавторстве с В. Сонькиным; 2006, № 1] и др.

Чарлз Грант Блэрфинди Аллен
Charles Grant Blairfindie Allen
[1848–1899]. Канадский биолог и писатель, жил в Великобритании.

Автор ряда трудов по эволюции, а также нескольких романов, в том числе *Женщина, которая смогла* [*The Woman Who Did*, 1895], *Британские варвары* [*The British Barbarians*, 1895], *Хильда Вэйд* [*Hilda Wade*, опубликован посмертно в 1900 г.]. Ему принадлежат сборники детективных рассказов *Африканский миллионер* [*An African Millionaire*, 1897] и др.
Рассказ *The Great Ruby Robbery* публикуется по открытому электронному изданию интернет-библиотеки Gutenberg [www.gutenberg.org].

Ричард Остин Фримен
Richard Austin Freeman
[1862–1943]. Английский писатель, автор детективной прозы.

Написал около трех десятков романов и сборников рассказов о докторе Торндайке, своем основном [с 1907 по 1942 гг.] герое-сыщике; среди этих романов *Расследования Джона Торндайка* [*John Thorndyke's Cases*, 1909] и *Безмолвный свидетель* [*A Silent Witness*, 1914]. Кроме того, ему принадлежат детективные рассказы, написанные в соавторстве с Дж. Питкерном, в том числе сборник *Приключения Ромни Прингла* [*The Adventures of Romney Pringle*, 1902].
Рассказ *A Message from the Deep Sea* печатается по открытому электронному изданию интернет-библиотеки Gutenberg [www.gutenberg.org]. Публикуемый перевод войдет в антологию викторианской детективной новеллы *Не только Холмс* издательства Иностранка.

Майкл Чейбон
Michael Chabon
[р. 1963]. Американский писатель. Лауреат Пулицеровской премии [2001].

Автор романов *Питтсбургские тайны* [*The Mysteries of Pittsburgh*, 1988], *Чудесные мальчики* [*Wonder Boys*, 1995], *Удивительные приключения Кавалера и Клэя* [*The Amazing Adventures of Kavalier and Clay*, 2000] и др.
В *ИЛ* опубликован его рассказ *На прибрежной полосе* и фрагменты интервью с ним [2004, № 4].
Статьи *Inventing Sherlock Holmes* и *The Game's Afoot* взяты из *The New York Review of Books* [February 10, 2005; February 24, 2005].

Роберт Андерсон
Robert Anderson
[1841–1918]. Английский богослов, правовед и публицист.

Статья *Sherlock Holmes as Seen by Scotland Yard* взята из журнала *T. P.'s Weekly* [October 2, 1903].

Светозар Чернов
[р. 1967]. Специалист по бытовой культуре России и Англии второй половины XIX в.

Автор книги *Бейкер-стрит и окрестности* [М.: Форум, 2007] и ряда статей по культуре викторианской эпохи.
В *ИЛ* публикуется впервые.

Рональд Р. Томас
Ronald R. Thomas
[р. 1949]. Английский литературовед и историк.

Автор исследований о литературе и культуре XIX в., в том числе *Мечты о власти: Фрейд и литература о бессознательном* [*Dreams of Authority: Freud and the Fictions of the Unconscious*, 1990] и *География XIX века: метаморфозы пространства от викторианской эпохи до века Америки* [*Nineteenth-Century Geographies: The Transformation of Space from the Victorian Age to the American Century*, 2002], а также ряда литературоведческих статей.
Статья *Negative images in "A Scandal in Bohemia"* взята из книги *Детективная литература и развитие криминалистики* [*Detective Fiction and the Rise of Forensic Science* [Cambridge: Cambridge University Press, 2004].

Александр Евгеньевич Шабуров
[р. 1965]. Художник, публицист, писатель.

Автор книги *Злоключения Шерлока Холмса в русских переводах и перевоплощениях* [1990], романов *Герой нашего времени* [1987], *Жизнь supermana* [1997], *Радости обычных людей* [1996–1999].
В *ИЛ* публикуется впервые.

Юлия Клименова
Аспирант филологического факультета МГУ, переводчик, поэт.

Ее стихи опубликованы в альманахах *Тени странника* [1999, № 6; 2002, № 10] и *Орфей* [2001, № 1]; стихи, написанные ею на английском языке, помещены на сайте англоязычной поэзии [www.poemhunter.com]. В ее переводе вышли рассказы Дэна Роудса.
В *ИЛ* публикуется впервые.

Виктор Валентинович Сонькин
[р. 1969]. Журналист, литературовед, переводчик с английского, сербского и словенского языков.

Автор еженедельной рубрики *Салон* в газете *The Moscow Times*. В *ИЛ* [совместно с А. Борисенко] публиковались эссе *Букеровская премия и лоскутные одеяла* [1997, № 6] и *Литературные премии США – XXI век* [2004, № 4], переводы публицистических произведений и эссеистики Дж. Лондона [1992, № 2], П. Остера [1996, № 10], Ч. Симика [1996, № 10], У. Стайрона [1997, № 12], Ш. Андерсона [1999, № 7], Х. Карпентера [2006, № 1] и др.

Переводчики

Инна Максимовна Бернштейн
Переводчик с английского.

В ее переводе изданы романы *Моби Дик* Г. Мелвилла, *Смерть Артура* Т. Мэлори, *Возвращение в Брайдсхед* И. Во, *Черный принц* А. Мёрдок [*ИЛ*, 1974, № 8—11, совместно с А. Поливановой], *Костры амбиций* Т. Вулфа [*ИЛ*, 1991, № 10, 11, совместно с В. Бошняком], *Как все было (обсуждение)* Дж. Барнса [*ИЛ*, 2002, № 7], повесть *Десятый* Г. Грина [*ИЛ*, 1986, № 12], сказки Б. Поттер [2006, № 1], рассказы Дж. Апдайка, Дж. Сэлинджера, В. Притчетта и др.

Элина Михайловна Драйтова
[1956—2006]. Переводчик с английского, немецкого и французского языков.

В ее переводе вышли исторические и историко-биографические сочинения *Повседневная жизнь Европы в 1000 году* Э. Поньона [1999], *Юлиан Отступник* Ж. Бенуа-Мешена [ЖЗЛ, 2001], *Юлий Цезарь* Р. Этьена [ЖЗЛ, 2003] и др. Неоднократно публиковалась в *ИЛ*.

Ольга Владимировна Новицкая
Переводчик с английского, преподаватель.

В ее переводах публиковались рассказы Д. Томаса и Г. Бейтса. В *ИЛ* напечатан ее перевод эссе Антонии С. Байетт [2006, № 1].

Марина Яковлевна Бородицкая
Поэт, переводчик с английского и французского языков. Лауреат премии *Единорог и Лев* [2006].

Автор стихотворных сборников *Я раздеваю солдата* [1994], *Одиночное катание* [1999], *Год лошади* [2002], *Оказывается, можно* [2005], а также многочисленных книг для детей. Переводила стихотворения и поэмы Дж. Чосера, Дж. Донна, английских поэтов-кавалеров XVII века, Дж. Китса, Р. Киплинга, Г. Лонгфелло, Р. Бёрнса, П. Ронсара, П. Верлена, А. Милна, Э. Фарджен и др. В *ИЛ* опубликовано ее эссе *Горсть мелочи, или Записки из автобуса* [2007, № 12], а также в ее переводах напечатаны стихи Д. Паркер, Г. К. Честертона, Дж. Чосера, В. Набокова, Р. Фэйнлайт, Р. Брауннинга, Р. Крили, Р. Геррика, Г. Шнакенберг и др.

Даниил Леонидович Дубшин
[р. 1974]. Филолог, журналист, исследователь творчества А. Конан Дойла, режиссер.

Автор статьи *Конан Дойл* в энциклопедии *Всемирная литература* [М.: Аванта+, [2002]. Режиссер цикла из четырех аудиоспектаклей по книгам о Шерлоке Холмсе [2004].
В *ИЛ* публикуется впервые.

Светлана Алексеевна Семина
Психолог, математик, переводчик.

Автор статьи *Г. К. Честертон* в энциклопедии *Всемирная литература* [М.: Аванта+, 2002], а также ряда публикаций в изданиях по психологии.
В *ИЛ* публикуется впервые.

Игорь Викторович Мокин
[р. 1986]. Переводчик с английского и скандинавских языков, преподаватель. Аспирант филологического факультета МГУ.

В *ИЛ* публикуется впервые.

Герман Евгеньевич Власов
[р. 1966]. Поэт, переводчик с английского, член СП Москвы.

Автор поэтических сборников *1 1/2* [1998], *Второе утро* [2003] и др.; его стихи регулярно печатаются в журналах *Знамя*, *Новый берег* и др. В *ИЛ* публикуется впервые.

Степан Поберовский
[р. 1966]. Историк, научный консультант кино, в том числе документального фильма *Великая княгиня Елизавета Федоровна*.

Автор ряда газетных и журнальных публикаций по истории Русской Америки: *Очерк истории Православия в Америке (1794—1867)* [*Православная жизнь*, 1994, № 4-6], *Nikolay Vasiliev: The Ripper from Russia* [*Николай Васильев: русский потрошитель*. Журнал *Ripperologist*, № 50, November 2003], *Pedachenko Revisited* [Еще о Педаченко. Журнал *Ripperologist*, №. 58, March 2005], *The Long Arm of the Ochrana* [*Длинные руки охранки*. Журнал *Ripperologist*, No. 26, December 1999]. В *ИЛ* публикуется впервые.

RINET
Internet Service Provider

ИНТЕРНЕТ
ПО ВЫСОКОСКОРОСТНЫМ ВЫДЕЛЕННЫМ ЛИНИЯМ
в Центральном округе Москвы

объединенная волоконно-оптическая районная сеть RiNet в ЦАО:
• оптимальные условия подключения,
• бесплатный доступ к внутрисетевым ресурсам

В ЦЕНТРЕ СОБЫТИЙ ← В ЦЕНТРЕ ГОРОДА → В ЦЕНТРЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

круглосуточно:
(095) 232-1730 238-3922 916-7009.
адрес:
МОСКВА, 1-Й ХВОСТОВ пер., д. 11А.
подробности:
WWW.RINET.RU

В оформлении обложки использован фрагмент композиции бельгийского художника Рене Магрита [1898–1967] *Это не трубка* [1930].

Художественное оформление и макет Андрей Бондаренко, Дмитрий Черногаев.

Старший корректор Анна Михлина.

Компьютерный набор Евгения Ушакова, Надежда Родина.
Компьютерная верстка Вячеслав Домогацких.

Главный бухгалтер Татьяна Чистякова.
Коммерческий директор Мария Макарова.

119017, Москва, Пятницкая ул., 41.
тел. 953-51-47; факс 953-50-61;
http://www.inostranka.ru
e-mail inolit@rinet.ru

В INTERNET электронный дайджест журнала находится по адресу:
http://magazines.russ.ru/inostran

В Москве журнал можно приобрести в редакции или в киоске "Новой газеты", расположенном по адресу: Страстной бульвар, дом 4.

Подписаться на журнал "Иностранная литература" можно во всех отделениях связи. Индекс 72261 — на год, 70394 — полугодие.

Можно оформить льготную подписку в редакции по адресу: ул. Пятницкая, 41 (м. "Третьяковская", "Новокузнецкая") Подписка оформляется в понедельник, вторник, среду, четверг с 12.00 до 17.30.

(Справки по тел. 953-51-47).

Журнал выходит один раз в месяц.

Оригинал-макет номера подготовлен в редакции.

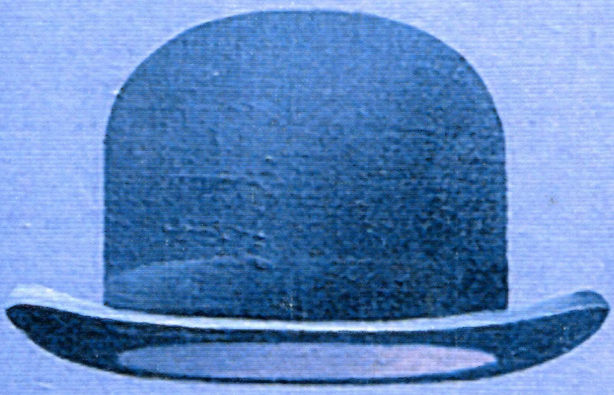
Регистрационное свидетельство № 066632 выдано 23.08.1999 г. ГК РФ по печати

Подписано в печать 06.12.2007
Формат 70x108 1/16.
Печать офсетная.
Бумага газетная.
Усл. печ. л. 26,78.
Усл. кр.-отт. 31,0.
Уч.-изд. л. 26,64.
Заказ № 3030.
Тираж 7200 экз.
Отпечатано с готовых диапозитивов
ОАО "Типография "Новости",
105005, Москва,
ул. Фр. Энгельса, 46.

[2] 2008

ПОЛНОЗВУЧИЕ ГРЕЧЕСКОЙ ЛИРЫ: РОМАН “ТРЕТИЙ БРАК” КОСТАСА ТАХЦИСА / СТИХИ МИЛЬТОСА САХТУРИСА, МАНОЛИСА АНАГНОСТАКИСА, КИКИ ДИМУЛЫ И ДР. / РАССКАЗЫ ГЕОРГОСА ИОАННУ, МЕНИСА КУМАНДАРЕАСА И ДР. / ОДИССЕАС ЭЛИТИС И ГЕОРГОС СЕФЕРИС В РУБРИКЕ “ИЗ КЛАССИКИ XX ВЕКА” / СТАТЬИ И ПЕРЕВОДЫ ИРИНЫ КОВАЛЕВОЙ

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА



Узнай завтрашних классиков!

Подписка во всех отделениях связи России, подписной индекс 70394

Адрес редакции журнала "Иностранная литература" :
г.Москва, ул.Пятницкая, д.41

ИНДЕКС 70394

ISSN 0130-6545 "ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА", 2008, №1, 1-320